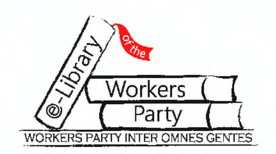
Б. П. КОЗЬМИН

РУССКАЯ СЕКЦИЯ ПЕРВОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

@-Library
of the
Workers
Party
WORKERS PARTY INTER OMNES GENTES

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Б. П. КОЗЬМИН

РУССКАЯ СЕКЦИЯ ПЕРВОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва · 1957

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Н. М. ДРУЖИНИН

ВВЕДЕНИЕ

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Настоящая работа посвящена истории Русской секции Международного товарищества рабочих, созданной группой политических эмигрантов в 1870 г. в Женеве. Эта организация была первой попыткой связать русское революционное движение с рабочим движением на Западе в лице его авангарда — руководимого К. Марксом Интернационала. Одно уже это придает Русской секции, — даже независимо от того, насколько удалось ей развернуть свою деятельность, — большой интерес. На примере ее деятельности мы можем выяснить и те пути, которые вели русских революционеров к признанию необходимости строить свою работу в соответствии с опытом Интернационала, и степень приближения тогдашних русских революционеров к правильному пониманию задач и тактики этой международной организации, или, другими словами, революционной теории Маркса, лежавшей в основе всей ее работы.

Несмотря на интерес, представляемый Русской секцией, деятельность ее до сих пор изучена чрезвычайно недостаточно. Правда, имеется монография В. А. Горохова, специально посвященная этой теме[1]; однако эта книга обладает настолько серьезными недостатками, что ни в какой мере не может заполнить отмеченный нами пробел.

Одним из недостатков названной работы В. А. Горохова является то, что ее автор почти не касается фактической истории изучаемой им организации. Ее персональный состав, история ее возникновения, ее практическая деятельность, ее революционные связи, ее взаимоотношения с

[1] В. А. Горохов. Русская секция I Интернационала. М., 1925.

другими течениями и направлениями, существовавшими среди русских революционеров того времени, а также ее роль в политической борьбе, происходившей внутри Интернационала, — все это остается почти совершенно невыясненным в работе В. А. Горохова. Те же немногие фактические сведения, которые мы находим в названной работе, далеко не всегда отличаются необходимой точностью и соответствием с действительностью. Внимание автора этой работы обращено исключительно на социально-политическую программу группы, создавшей Русскую секцию, поскольку эта программа выясняется из издававшегося этой группой в 1868—1870 гг. журнала «Народное дело». Однако и в этом отношении работа В. А. Горохова не может удовлетворить читателя, желающего получить правильное представление об идеологии организаторов Русской секции. Характеристика их программы, данная В. А. Гороховым, крайне противоречива и неясна, и вследствие этого неспособна дать правильное представление о месте, принадлежащем интересующей нас организации в истории русского революционного движения. В. А. Горохов, иногда на одной и той же странице, дает различные, непримиримо противоположные формулировки и этим не помогает читателю разобраться в вопросе, а только запутывает его и сбивает с толку. В этом нетрудно убедиться.

Так, например, Горохов в своей книге (стр. 5), с одной стороны, утверждает, что в «Народном деле» «впервые произошло» «слияние русского социализма с принципами Интернационала»[2], а с другой, рассматривает этот журнал как звено, соединяющее идеи Чернышевского с народничеством 70-х годов. Получается так, как будто бы переход русской революционной мысли к народничеству выразился в усвоении ею принципов Интернационала! Такие же противоречивые и неудачные формулировки находим и на следующей странице книги В. А. Горохова. Здесь он одновременно видит в программе Русской секции «амальгаму взглядов Чернышевского и опыта I Ин-

[2] Подчеркнуто мною. — *Б. К.* Считаю необходимым предупредить читателей, что в дальнейшем подчеркивания, произведенные в цитатах мною, оговариваются в сносках. Подчеркивания же, принадлежащие автору цитаты, оговорками не сопровождаются.

тернационала» и в то же время утверждает, что на страницах «Народного дела» мы находим «первоначальное возникновение народнической идеологии». Подобные противоречия встречаются и на других страницах книги В. А. Горохова. В одном месте он высказывает убеждение, что только «рационалистический уклад мысли» мешал организаторам Русской секции перестроить свою тактику в соответствии с теорией Маркса[3]; в других же он без всяких оговорок называет руководителя Русской секции Н. И. Утина «марксистом» и утверждает, что им и его товарищами «различные вопросы социалистического движения часто ставились вполне «по-марксистски»»[4]. То В. А. Горохов находит на страницах «Народного дела» «в зародыше» весь субъективный метод в социологии, то он говорит о том, «насколько далек был первый русский социалистический журнал от «субъективизма» и «самобытности», присущих дальнейшему «русскому социализму», и насколько приближался он к «марксистской постановке вопроса»»[5]. Безнадежно запутавшись в своих бесконечных противоречиях, Горохов приходит к выводу, что основатели Русской секции, оставаясь «идеалистами в теории», являлись вместе с тем «марксистами в практике»[6]. Конечно, согласиться с таким выводом абсолютно невозможно, ибо марксистская практика неразрывно связана с теорией и не может существовать независимо от нее. Люди, не усвоившие теории Маркса, и на практике не будут марксистами.

Из всего сказанного выше совершенно ясно, насколько неудовлетворительной является единственная в нашей литературе монография, посвященная Русской секции.

Для истории этой секции имеют несомненное значение работы И. С. Книжника-Ветрова, посвященные отдельным участникам этой организации[7]. Неутомимая энергия, проявленная этим автором в собирании материалов, относящихся к биографиям заинтересовавших его лиц, привела к тому, что только из его работ нам стали известны

---

[3] В. А. Горохов. Русская секция I Интернационала, стр. 6—7.

[4] Там же, стр. 28, 48.

[5] Там же, стр. 61, 81.

[6] Там же, стр. 65. Подчеркнуто мною. — *Б. К.*

[7] Работы И. С. Книжника-Ветрова будут указаны нами ниже, при изучении персонального состава Русской секции.

такие видные участницы Русской секции, как Е. Г. Бартенева, А. В. Корвин-Круковская и женщина, получившая в дни Парижской Коммуны большую известность под революционным псевдонимом «Елизаветы Дмитриевой». Только из работ И. С. Книжника мы впервые узнали настоящую фамилию скрывавшейся под этим псевдонимом женщины. Ценные по фактическому материалу, собранному автором, работы И. С. Книжника страдают, однако, весьма существенными недостатками. Увлеченный собиранием фактических сведений, автор не всегда относился критически к источникам, из которых он эти сведения заимствовал, и поэтому нередко впадал в явные, бросающиеся в глаза ошибки. Так, например, в своей работе о Е. Г. Бартеневой И. С. Книжник приводит без всяких оговорок предание, сохранившееся в семье Бартеневых, о том, что будто бы, получив в наследство от скончавшегося отца имение, Е. Г. Бартенева и ее муж обратились к Н. Г. Чернышевскому за советом: «Что лучше — отдать ли землю крестьянам или хозяйничать «по-новому», т. е. воздействуя на крестьян», и поступили сообразно с полученным от него ответом [8]. Автор статьи не замечает того, что приводимое им «семейное предание» находится в вопиющем противоречии с хорошо известными ему самому несомненными фактами. Действительно, отец Бартеневой умер, как это видно из статьи самого И. С. Книжника, в ноябре 1863 г.; Чернышевский же в это время находился в заключении в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, вследствие чего Бартеневы никак не могли ни просить у него совета, ни получить от него ответ на свой запрос. Приведенный нами пример [9] показывает, что в работах И. С. Книжника ценные материалы перемешаны с явно ошибочными сообщениями, вследствие чего пользоваться этими работами приходится с большой осторожностью, только после тщательной критической проверки их.

В 1949 г. появилась в печати еще одна работа, посвященная Русской секции. Мы имеем в виду статью Н. К. Каратаева «К вопросу об экономической платформе

---

[8] И. С. Книжник-Ветров. Е. Г. Бартенева — социалистка и писательница. «Каторга и ссылка», 1929, № 11, стр. 42.

[9] Другие аналогичные примеры мы еще встретим ниже.

Русской секции I Интернационала»[10]. Работа эта содержит в себе ряд ценных и интересных наблюдений относительно экономических взглядов, которых придерживались русские эмигранты, издававшие журнал «Народное дело» и организовавшие Русскую секцию Интернационала. Однако наряду с этим в ней имеются утверждения, с которыми, по нашему мнению, согласиться невозможно. Так, нельзя признать правильным мнение Н. К. Каратаева, будто бы программа Русской секции свидетельствовала о «преодолении тех элементов народничества, того утопического социализма, которые содержались в учении Чернышевского», и что поэтому программу эту надлежит рассматривать как попытку «соединения теории Чернышевского с теорией Маркса»[11]. Как мы убедимся ниже, программа Русской секции отличалась чертами, типичными для утопического, а не научного социализма; что же касается элементов народничества, то их в ней было не только не менее, но даже более, чем в теории гениального представителя русской революционно-демократической мысли — Н. Г. Чернышевского. Вызывает серьезные возражения и общая оценка, которую Н. К. Каратаев дает программе Русской секции. Вполне правильно признавая ошибочность трактовки этой организации как марксистской, Н. К. Каратаев тем не менее считает возможным выдвинуть совершенно несостоятельное утверждение, будто бы «идеи «Коммунистического манифеста» К. Маркса и Ф. Энгельса применительно к русской действительности получили свое первое выражение в программе журнала «Народное дело»[12]. В действительности же, вопреки мнению Н. К. Каратаева, приложение идей Маркса и Энгельса к русской жизни впервые было сделано не членами Русской секции, а участниками первых марксистских кружков в России и, в частности, Г. В. Плехановым в борьбе против народнических установок. Дальнейшее наше изложение покажет несостоятельность приведенного нами утверждения Н. К. Каратаева.

Если статья Н. К. Каратаева посвящена сравнительно частному, хотя и очень важному, вопросу, то в том же

---

10 «Уч. зап. Моск. гос. ун-та», вып. 130. «Труды по истории народного хозяйства и экономических учений». М., 1949, стр. 86—114.
11 Там же, стр. 98—99.
12 Там же, стр. 109—110.

1949 г. появилась еще одна работа, претендующая поставить вопрос о Русской секции во всей его полноте. Это — кандидатская диссертация Р. Ш. Тагирова «Русская секция Международного товарищества рабочих» [13]. От разобранной нами книги В. А. Горохова диссертация эта отличается тем, что ее автор пытается поставить ряд вопросов, оставшихся неосвещенными в книге Горохова: о составе Русской секции, об ее роли в западноевропейском рабочем движении, об ее связях в России и др. Однако Р. Ш. Тагиров не всегда правильно освещает эти вопросы, что обусловливается главным образом его некритическим отношением к источникам и предвзятым подходом к ним. Ниже мы приведем примеры, подтверждающие только что сказанное. Теперь же ограничимся одним весьма показательным.

Нащупывая связи русской секции с русскими революционными кругами, Тагиров ссылается, между прочим, на воспоминания Л. Э. Шишко «С. М. Кравчинский и кружок чайковцев». Автор этих воспоминаний рассказывает о том большом впечатлении, какое произвел на революционно настроенную молодежь номер «Народного дела», в котором было помещено «сенсационное описание... ареста Нечаева, происшедшего будто бы в каком-то трактире в то время как он произносил там революционную речь, обращенную к рабочим; далее следовал такой же сенсационный рассказ о побеге Нечаева» [14]. Можно предполагать, что Тагиров, писавший специальную работу о Русской секции, должен был весьма внимательно ознакомиться со всеми номерами «Народного дела». Однако если бы он сделал это, то знал бы, что на страницах этого журнала не появлялось рассказа, передаваемого Шишко. Людям, знакомым с революционной литературой того времени, известно, что рассказ этот действительно был напечатан, но только не в «Народном деле», а в нечаевской «Народной расправе» (№ 2). Память изменила Л. Э. Шишко, и он перепутал два разных заграничных издания. Таким образом, ссылка на воспоминания Шишко

[13] На основе этой диссертации Р. Ш. Тагировым опубликована статья «Русская секция Международного товарищества рабочих и Россия». См. «Уч. зап. Казанск. гос. пед. ин-та», 1949, вып. VII, стр. 113—132.

[14] Р. Ш. Тагиров. Указ. статья, стр. 122.

отнюдь не подтверждает того, что Тагиров при помощи ее хочет доказать.

Что касается социально-политических взглядов членов Русской секции, то они не получили в работе Тагирова правильной оценки. В результате своего исследования он приходит к выводу, что «Русская секция не могла полностью стать на позиции марксизма» и что поэтому «ее нельзя считать законченно марксистской организацией» [15].

Такая формулировка дает основание предполагать, что, по мнению Тагирова, наряду с «законченно марксистскими» организациями могут существовать и «незаконченно марксистские». Однако те организации, которые, вырабатывая свои программы, берут из учения Маркса лишь отдельные его положения, искусственно разрывая связь их с этим учением, взятым в целом, никак не могут претендовать на признание их марксистскими: принимая из теории Маркса ее отдельные элементы, они тем самым вступают на путь фальсификации — пусть и не сознательной — марксизма.

К этому необходимо добавить, что Тагиров несомненно преувеличивает влияние идей Маркса на членов Русской секции. Изучая их взгляды, мы убедимся, насколько далеки были они от правильного понимания учения Маркса.

В 1954 г. была защищена еще одна диссертация о Русской секции — работа Д. А. Введенского «Русская секция Первого Интернационала». К сожалению, и эта работа не может быть признана шагом вперед в деле изучения истории интересующей нас организации. Нельзя не удивляться, что на изучение идеологии Русской секции автор диссертации отвел менее тридцати страниц (из 283 содержащихся в его работе). Конечно, тем самым он лишил себя возможности развернуть серьезный анализ взглядов организаторов Русской секции. Свой основной вывод автор диссертации сформулировал следующим образом: «Самый факт существования и практической деятельности Русской секции прокладывал путь к освободительной борьбе русского пролетариата, для его выхода на историческую арену». Однако такой вывод остался совершенно необоснованным и согласиться с ним никак нельзя:

[15] Подчеркнуто мною. — *Б. К.*

как мы убедимся ниже, организаторам Русской секции не удалось проложить никаких путей к русскому рабочему классу.

Существенным недостатком диссертации Д. А. Введенского является и то, что ее автор переоценивает роль Утина, упуская из виду, что от анархистской программы, изложенной в первом номере «Народного дела», Утин отрекся полностью лишь после того, как к нему присоединились порвавшие с Бакуниным Бартеневы, под их влиянием.

Таким образом, мы убедились, что специальных работ о Русской секции и об ее участниках до сих пор очень мало и что все они не дают правильного и полного ответа на вопрос, что же представляла собою интересующая нас организация и какое место надлежит отвести ей в истории нашего революционного движения [16]. В общих же работах по истории России XIX в. и даже по истории русского революционного движения мы или не находим ни слова о Русской секции, или же встречаем только краткие упоминания о ней, порой не лишенные фактических ошибок и неправильных оценок. История Русской секции I Интернационала безусловно нуждается в детальном изучении.

Высказывания основоположников и вождей марксизма-ленинизма как по общим мировоззренческим проблемам, так и по вопросам истории революционного движения в России представляют исключительную важность для правильного разрешения задачи, поставленной в настоящей работе.

Особенное значение при этом имеет то упоминание о Русской секции, которое мы находим в работе В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Отметив, что в основе доктрины народничества лежало «чисто мифическое представление об особом укладе (общинном) крестьянского хозяйства», Ленин указывал, что к 1869—1870 гг. «относятся попытки русских социалистов-народников перенести в Россию самую передовую и самую крупную особенность «европей-

[16] В дополнение к указанным в тексте работам упомянем еще о книге С. Я. Штрайха «Сестры Корвин-Круковские» (М., 1933) и о небольшой статье Нилова «Издания Русской секции I Интернационала», напечатанной в журнале «Марксистско-ленинская литература. Библиографический бюллетень», 1939, № 9, стр. 31—35.

ского устройства» — Интернационал» [17]. Это исключительно важное для нашей темы высказывание Ленина показывает, что он рассматривал основателей Русской секции как народников и что вследствие этого нет никаких оснований характеризовать созданную ими организацию как «незаконченно марксистскую». Однако это не исключает необходимости признавать за участниками Русской секции большую заслугу в деле пропаганды в русском обществе идеи международной солидарности рабочих, нашедшей свое выражение в программе и деятельности Интернационала.

Изучение истории этой организации сопряжено с весьма серьезными трудностями, вызванными тем, что дошедшие до нас материалы, касающиеся ее, крайне недостаточны.

Никто из участников Русской секции не оставил воспоминаний о своей революционной деятельности. Не сохранилось после них и архивов [18]. Что же касается мемуаров современников, не состоявших членами секции, то они содержат в себе только попутные и беглые упоминания о Русской секции и ее участниках (мы имеем в виду воспоминания М. П. Сажина, П. А. Кропоткина, З. Ралли-Арборе и др.), часто отличающиеся пристрастностью и не лишенные фактических ошибок. При изучении этих материалов надо иметь в виду не только враждебное отношение большинства русских эмигрантов к Русской секции, но и то обстоятельство, что ее организаторы держались изолированно от других эмигрантов, которые ввиду этого были весьма мало осведомлены о деятельности Русской секции.

---

[17] В. И. Ленин. Соч., т. 1. стр. 259—260.

[18] К сожалению, архив Н. И. Утина погиб при пожаре. В 1912 г. его жена, отвечая на запрос М. К. Лемке, писала: «В декабре 1906 года в главном участке моего имения, где стоял большой зимний дом, произошел пожар, который уничтожил до тла и дом, и все в нем находящееся...Во время упомянутого пожара все бумаги покойного Николая Исааковича, его сочинения, переписка, одним словом, решительно все, что после него осталось и что я бережно хранила, было уничтожено огнем и в настоящую минуту у меня в руках находятся две тетрадочки его стихотворений» (ИРЛИ, ф. 661, № 1142, л. 1 об.—л. 2. Пользуюсь случаем принести искреннюю благодарность В. Э. Бограду за сообщение мне выписки из этого письма). Местонахождение упомянутых Н. И. Утиной двух тетрадей со стихотворениями ее мужа неизвестно.

Мало материалов встречаем мы относительно этой секции и в царских архивах. Никто из ее членов не был — даже по возвращении в Россию — привлечен к ответственности за участие в ней. Третье отделение царской канцелярии было весьма недостаточно осведомлено об их революционной деятельности. Его агентам не удавалось связаться с этой организацией, проникнуть в ее ряды и осветить своему начальству ее работу.

В силу указанных причин главнейшими источниками по истории Русской секции Интернационала являются, с одной стороны, журнал «Народное дело», дающий нам возможность ознакомиться с социально-политическими взглядами участников Русской секции, с другой же, сохранившиеся в весьма небольшом количестве их письма к своим современникам, как русским, так и иностранцам. Среди этих эпистолярных материалов главное место должно быть отведено письмам деятелей Русской секции к Марксу, Энгельсу, к представителю Швейцарии в Генеральном совете Интернационала Герману Юнгу и к ветерану немецкого рабочего движения И.-Ф. Беккеру, игравшему в 60-х и 70-х годах большую роль в работе женевских секций Интернационала. Письма эти хранятся в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Большинство их опубликовано [19]. Там же хранятся два письма Н. И. Утина к П. Л. Лаврову, представляющие для нас значительный интерес. Чрезвычайно содержательны письма Н. И. Утина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву (22 письма), опубликованные в 62-м томе «Литературного наследства» (стр. 607—690); однако эти письма относятся ко времени, предшествовавшему не только возникновению Русской секции, но и организации журнала «Народное дело», и потому не содержат в себе материалов, касающихся непосредственно Русской секции. К этим письмам примыкает опубликованное там же весьма интересное письмо Утина к его товарищу по журналу «Народное дело» А. Д. Трусову. Формально адресованное Трусову, это письмо в действительности предназначалось для Герцена. Оно является чрезвычайно ценным источником, знакомящим нас с взаимоотношениями редакции «Народного дела» и А. И. Герцена.

[19] См. «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». М., 1951.

Отметим также одно дошедшее до нас письмо А. Д. Трусова к редактору эмигрантской газеты «Общее дело» А. Х. Христофорову. Это письмо, хранящееся в Музее революции СССР, рисует эпизод, связанный с борьбой, которую Н. И. Утин и другие члены Русской секции вели против Бакунина.

Укажем, наконец, на письма Н. И. Утина к редактору журнала «Вестник Европы» М. М. Стасюлевичу, женатому на сестре Утина.

Эти письма, хранящиеся в рукописном отделении Института литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом) в Ленинграде, имеют значение главным образом для биографии Утина.

Для истории Русской секции представляют значительный интерес некоторые письма ее современников, не состоявших членами этой секции. Таковы прежде всего письма Маркса и Энгельса друг другу и к другим лицам. В них мы находим много чрезвычайно ценных для нас высказываний основоположников марксизма о Русской секции и об отдельных его участниках (особенно о Н. И. Утине). Эти высказывания знакомят нас с отношением их авторов к деятельности участников Русской секции. Отдельные, более или менее ценные упоминания об этой секции и ее членах можно найти в письмах других деятелей I Интернационала (И.-Ф. Беккера, А. Перре, Г. Юнга и др.) к Марксу и Энгельсу и к другим лицам (например, письма Беккера к Ф. А. Зорге). Встречаются такие упоминания о секции и в переписке противников Генерального совета Интернационала, особенно М. А. Бакунина, а также Дж. Гильома, Швицгебеля и других. Для истории «Народного дела» имеют значение письма Герцена к Огареву, а также других русских эмигрантов конца 60-х и начала 70-х годов.

В заключение краткого обзора источников по истории Русский секции укажем еще на некоторые материалы, которые должны быть привлечены изучающими историю этой секции. Такова, например, газета «Egalité», издававшаяся в Женеве и являвшаяся органом женевских секций Интернационала. В 1870—1872 гг. эту газету редактировал Н. И. Утин. Комплект ее, к сожалению, не совсем полный, имеется в библиотеке Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Затем необходимо указать на материалы, связанные с борьбою в Интернационале между сторонниками Маркса и бакунистами. Таковы циркуляры Генерального совета, изданные в свое время в виде брошюр: «Мнимые расколы в Интернационале» (1872 г.) — написана Марксом — и «Альянс социалистической демократии и Международное товарищество рабочих» (1873 г.) — написана Марксом и Энгельсом при участии Лафарга, отчасти по материалам, доставленным Утиным. Такова же составленная Дж. Гильомом «Записка» Юрской федерации (1873 г.), содержавшая в себе много упоминаний об Утине. Большое значение для нашей темы имеют также изданные в 1936 г. протоколы Лондонской конференции Интернационала 1871 г. Делегированный на эту конференцию от Женевы Утин принимал в ней весьма видное участие. Его многочисленные выступления на ее заседаниях знакомят нас со взглядами, которых придерживались Утин и его товарищи по ряду весьма существенных вопросов.

Мы не исчерпали выше всех источников, которые содержат в себе сведения, имеющие значение для нашей темы. В дальнейшем нам придется ссылаться и на некоторые другие источники, имеющие, впрочем, более частное значение.

В заключение же необходимо указать, что ряд вопросов, связанных с историей Русской секции, остается нерешенным из-за отсутствия необходимых материалов. Некоторые же из этих вопросов, — например, о связях Русской секции с революционными кругами России,— приходится решать путем кропотливых розысков и сопоставления отдельных, часто весьма беглых и скудных по содержанию указаний, сохранившихся в дошедших до нас источниках.

НАРОДНИЧЕСТВО И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ В 60-х И 70-х ГОДАХ

Как мы уже указали, Ленин считал организаторов Русской секции Интернационала народниками.

Народничество, в широком смысле этого слова,— явление весьма сложное и многообразное. В нем одновременно существовали различные течения и оттенки, нередко находившиеся в весьма враждебных отношениях между собою. Помимо этого, за время своего существования народничество пережило ряд этапов, изменяясь в связи с изменением социально-политической обстановки в стране.

Все это делало необходимым при изучении истории Русской секции Интернационала, как и всякой другой народнической организации, возможно точнее определить специфические особенности, отличавшие организаторов Русской секции от представителей других направлений в народничестве.

Народничество — революционная идеология второго из отмеченных Лениным этапов развития русского освободительного движения, того этапа, который охарактеризован Лениным как «разночинский или буржуазно-демократический», в отличие от первого — дворянского и третьего — пролетарского. «Падение крепостного права вызвало,— писал Ленин,— появление разночинца, как главного, массового деятеля и освободительного движения вообще и демократической, бесцензурной печати в частности. Господствующим направлением, соответствующим точке зрения разночинца, стало народничество»[20].

Эти слова Ленина нельзя понимать как признание того, что народничество возникло только после падения в 1861 г. крепостного права. Ленин сам дает понять это, указывая, что Чернышевский развивал вслед за Герценом народнические взгляды. Если в годы подготовки и осуществления крестьянской реформы 1861 г. народничество сделалось «господствующим» направлением среди разночинной интеллигенции, то зародилось оно значительно ранее. Однако до реформы 1861 г. оно существовало лишь в зародышевом состоянии. Как основная сила, отражавшая развитие и ход классовой борьбы, оно выступает лишь со времени подготовки отмены крепостного права.

В конспекте лекций по аграрному вопросу, составленном Лениным в 1903 г., он писал о народничестве, как об особом течении русской общественной мысли: «Это целое миросозерцание начиная от Герцена и кончая Н.—оном. Громадная полоса общественной мысли». И далее Ленин отмечал: «Ее ист[орическое] знач[ение]: *идеализация* б[орь]бы с креп[остничеством] («Agrarische Democratie») Marx»[21].

[20] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 223—224. Подчеркнуто мною.— *Б. К.*

[21] «Ленинский сборник», XIX, стр. 237.

Через десять лет после составления только что цитированного конспекта Ленин в статье «О народничестве» вновь повторил свои взгляды на исторические судьбы народничества. Он писал: «Народничество есть идеология (система взглядов) крестьянской демократии в России... Народничество очень старо. Его родоначальниками считают Герцена и Чернышевского. Расцветом действенного народничества было «хождение в народ» (в крестьянство) революционеров 70-х годов» [22].

В другой статье Ленин отмечал: «Русская буржуазная демократия окрашена в народнический цвет — начиная с ее далекого и одинокого предтечи, дворянина Герцена...» [23].

Ленин отнюдь не рассматривал народничество времен крестьянской реформы как однородное в идеологическом отношении целое. Он указывал, что уже в то время в народничестве существовали различные течения, в частности либеральное и демократическое. «Эта двоякая, либеральная и демократическая, тенденция в народничестве,— писал он,— вполне ясно *наметилась* уже в эпоху реформы 1861-го года». Представителем демократической тенденции, опирающейся «на сознательность и самодеятельность не помещичьих, не чиновничьих и не буржуазных кругов», Ленин называл Чернышевского [24].

Даже если оставить в стороне либеральное народничество и взять только демократическое, то и оно было неоднородным. В 60-е годы в нем существовали весьма различные оттенки. Игнорируя их, мы рискуем ничего не понять в истории народничества 60-х годов. «Чернышевский, развивший вслед за Герценом народнические взгляды, сделал громадный шаг вперед против Герцена, — писал Ленин. — Чернышевский был гораздо более последовательным и боевым демократом. От его сочинений веет духом классовой борьбы» [25].

Все эти указания Ленина напоминают нам о необходимости изучать историческую действительность во всей ее сложности и противоречивости, а не ограничиваться приклеиванием к изучаемым людям и фактам условных

---

[22] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 490.
[23] Там же, т. 18, стр. 144.
[24] Там же, т. 17, стр. 88.
[25] Там же, т. 20, стр. 224.

ярлычков, вроде «либерал», «народник», «революционный демократ» и т. п.

В связи с этим нам необходимо остановиться на работе Ленина «От какого наследства мы отказываемся?». Как известно, в этой работе содержится противопоставление народников носителям «наследства 60-х годов» — просветителям.

Говоря об этом «наследстве» в письме к А. Н. Потресову из села Шушенского от 26 января 1899 г., Ленин писал: «считать его за нечто единое — плохая традиция плохих (80-х) годов»[26]. Действительно, в просветительстве 60-х годов, т. е. в буржуазной идеологии того времени, без труда можно обнаружить два основных, принципиально отличных одно от другого, направления: одно из них можно назвать реформистским, либеральным, другое — революционным, демократическим.

Ленин считал типичным представителем либерального просветительства автора известной книги «В захолустьи и в столице» — Скалдина. Именно его Ленин взял в качестве образца при анализе характерных признаков просветительства. Что же касается просветительства демократического, то его типичным представителем Ленин считал Н. Г. Чернышевского[27].

В цитированном письме к Потресову Ленин указывал, что избрать Скалдина в качестве образца он был вынужден по не зависевшим от него обстоятельствам, а именно: из-за отсутствия у него, в условиях жизни в Шушенском, статей Чернышевского, а также потому, что в случае выбора произведений последнего для анализа «наследства» он, Ленин, «вряд ли бы сумел обойти... подводные камни», т. е. цензурные рогатки[28].

Вполне понятно, что не все черты, установленные Лениным в качестве характеризующих «наследство 60-х годов» на примере Скалдина, применимы к просветителям буржуазно-демократического лагеря. Имея в виду людей типа Скалдина, Ленин указывал, что просветители «вопроса о капитализме... не ставят» и что в этом отношении народники стоят выше просветителей. «...Народничество, — писал Ленин, — сделало крупный *шаг вперед* против

---

[26] В. И. Ленин. Соч., т. 34, стр. 8.
[27] См. там же, стр. 8—9.
[28] Там же, стр. 9.

наследства, *поставив* перед общественной мыслью на разрешение вопросы, которых хранители наследства частью еще не могли (в их время) поставить, частью же не ставили и не ставят по свойственной им узости кругозора. *Постановка* этих вопросов есть крупная *историческая* заслуга народничества...»[29].

Конечно, эти утверждения бесспорно справедливы по отношению не только к Скалдину, но и ко всем просветителям либерального лагеря. «Есть,— говорит Ленин,— целый ряд несомненных представителей и хранителей «наследства», которые не имеют ничего общего с народничеством, вопроса о капитализме вовсе и не ставят, в самобытность России, крестьянской общины и т. п. вовсе не верят...»[30]. Но наряду с такими представителями «наследства» существовали и иные, эти вопросы ставившие, в частности Чернышевский.

Чернышевскому принадлежит громадная заслуга в деле постановки в России вопроса о капитализме. «Он был замечательно глубоким критиком капитализма несмотря на свой утопический социализм»,— писал Ленин[31], Маркс же, как известно, указывал, что Чернышевский «мастерски выяснил» банкротство буржуазной политической экономии[32].

Чтобы понять, почему принадлежность Чернышевского к просветителям не помешала ему развернуть критику капитализма, необходимо принять во внимание, что, проводя различие между носителями «наследства» и народниками, Ленин отнюдь не воздвигал между ними какой-либо непроницаемой стены. Он указывал на возможность соединять в идеологии черты просветительства с чертами народничества. Ленин говорил, что отношение народничества к «наследству» отличается противоречивым характером, и добавлял, что такая противоречивость — не случайность, а «необходимый результат самого содержания народнических воззрений...», результат, порожденный промежуточным положением класса мелких производителей, мелкой буржуазии среди других классов современного обще-

---

[29] В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 483.
[30] Там же, стр. 482.
[31] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 224.
[32] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 13.

ства [33]. Среди народников,— указывал Ленин,— «есть люди, с пренебрежительностью относившиеся ко многим заветам «наследства», и есть люди, старавшиеся, елико возможно, охранять эти заветы (т. е. елико возможно для народника)» [34]. В качестве примера народника, сохраняющего в известной мере верность «наследству», Ленин указывал А. Н. Энгельгардта, на примере которого, он, как известно, устанавливал черты, определяющие народничество.

По словам Ленина, у Энгельгардта воззрения, свойственные «наследству» вообще, соединяются с воззрениями специфически народническими. «Энгельгардт, — *уже народник,* — писал Ленин, — но в его взглядах так много еще черт, общих всем просветителям...» [35].

Чернышевский, так же как и другие представители русского утопического социализма 60-х годов, мог соединять верность «наследству» с постановкой вопроса о капитализме именно потому, что в его мировоззрении черты просветительства соединялись с элементами народничества.

В конспекте лекций по аграрному вопросу, который мы цитировали выше, Ленин указывал, что в доктрину народничества входят «элем[енты] *д е м о к р[а т и и]*+утоп[ический] с[оциализ]м + м[елко]б[уржуа]з[ные] реф[ормы]+реакц[ионность] м[елкого] б[у]ржуа» [36].

Различное сочетание этих четырех элементов давало различные течения и направления в народничестве. При этом не обязательно было наличие в отдельных направлениях народничества всех четырех элементов.

Что касается Чернышевского, то, как указывал Ленин, в его лице с о ц и а л и с т - у т о п и с т, мечтавший о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину, с о е д и н я л с я с р е в о л ю ц и о н н ы м д е м о к р а т о м, носителем идеи крестьянской революции [37].

Этого сочетания не оценивают те, кто считает возможным, характеризуя Чернышевского, выделять только его

---

[33] См. В. И. Л е н и н. Соч., т. 2, стр. 493.
[34] Там же, стр. 497.
[35] Там же, стр. 474.
[36] «Ленинский сборник», XIX, стр. 237.
[37] См. В. И. Л е н и н. Соч., т. 17, стр. 97. Подчеркнуто мною. — *Б. К.*

революционный демократизм и стыдливо замалчивать то, что его социализм имел утопический характер. Поступать так, с моей точки зрения, значит говорить не всю правду о Чернышевском, а только половину правды, т. е. характеризовать Чернышевского не полно, следовательно, неправильно, и тем самым неправильно передавать мысли Ленина. То же самое с одинаковым основанием можно сказать и по отношению к другим деятелям и писателям шестидесятых годов, к которым принято применять термин «революционный демократ».

Ленин указывал, что народничество возникло в эпоху, когда капитализм в России был еще весьма слабо развит, когда мелкобуржуазный характер крестьянского хозяйства еще не обнаружился.

Правда, еще до отмены крепостного права деревня втягивалась в товарный оборот. Правда, на этой почве в ней уже в то время происходила весьма значительная имущественная дифференциация. Правда, «кулак» уже тогда становился весьма заметной фигурой на фоне деревенского быта. Тем не менее все эти процессы еще не характеризовали положения крестьянства в целом, как класса феодального общества. Как бы далеко ни заходило до реформы расслоение этого класса, различные слои его объединялись одной общей задачей: борьбой против крепостнического гнета. Общую для всего крестьянства ненависть к помещичьей власти и отражало народничество первого этапа его развития.

После реформы 1861 г. положение в деревне коренным образом изменилось. Процесс втягивания крестьянского хозяйства в торговый оборот происходил значительно более интенсивно, нежели прежде. Распадение крестьянства как класса прогрессировало с небывалой ранее быстротой.

Реформа 1861 г., подготовленная и проводимая крепостниками, привела не к росту благосостояния крестьян, а к дальнейшему ухудшению экономического положения громадного большинства его. К концу 60-х годов для внимательного наблюдателя деревенской жизни стало ясно прогрессирующее обнищание крестьянства. Только сравнительно небольшая прослойка населения деревни оказалась в состоянии использовать новые порядки для улучшения своего благосостояния.

Характеризуя пореформенную экономику, Ленин отмечал: «Основная черта пореформенной эволюции земледелия состоит в том, что оно принимает все более и более торговый, предпринимательский характер» [38]. Та часть крестьян, которая имела возможность сбывать продукты своего хозяйства,— а особенно скупные,— на рынок, не только не беднела, а, напротив того, богатела и получала в связи с этим возможность держать в экономической зависимости своих менее обеспеченных однообщинников. «Кулак», «мироед» начинает играть все более и более заметную роль в пореформенной деревне.

«Старое крестьянство не только «диференцируется», оно совершенно разрушается,— писал Ленин,— перестает существовать, вытесняемое совершенно новыми типами сельского населения,— типами, которые являются базисом общества с господствующим товарным хозяйством и капиталистическим производством. Эти типы — сельская буржуазия (преимущественно мелкая) и сельский пролетариат, класс товаропроизводителей в земледелии и класс сельскохозяйственных наемных рабочих» [39].

Одновременно с ростом кулачества быстро увеличивается количество крестьян, или совершенно не ведущих своего хозяйства из-за отсутствия или недостаточности земли, или ведущих его в весьма скромных размерах, а основные средства к жизни добывающих работой на помещиков или кулаков.

Естественно, что изменения, происходившие в деревне, не могли не отразиться на судьбах народнической доктрины. В результате их «из крестьянского социализма получилось радикально-демократическое представительство мелкобуржуазного крестьянства» [40]. Именно в этом и заключалась эволюция народнической доктрины в течение второго этапа освободительного движения. Характерно, что эту эволюцию можно проследить не только на этой доктрине, взятой в целом, но и на отдельных ее представителях. Ленин указывал, что для Михайловского характерен переход от крестьянского социализма 70-х годов к народническому мещанскому либерализму 90-х годов [41].

---

[38] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 267.
[39] Там же, стр. 142.
[40] Там же, т. I, стр. 259.
[41] См. там же, стр. 164.

Несмотря на эволюцию народничества, для него на всем протяжении его истории основным было сохранение веры в возможность для России миновать капитализм и перейти непосредственно к такому социальному строю, который представлялся народникам как социалистический, хотя в действительности и не был таковым. «Народники,— писал Ленин,— проповедывали всегда в своих теориях, начиная с 1861-го года (а их предшественники еще раньше, до 1861-го года), а затем в течение более полувека *иной, т. е. некапиталистический,* путь для России» [42].

По мнению большинства народников, законы общественного развития Западной Европы для России не могли быть признаны обязательными; некоторые из них, признавая, что развитие России подчинено таким же законам, как и развитие Запада, на деле стремились найти в России основания того, что ей, в отличие от Запада, удастся перейти непосредственно к социалистическому строю.

Если учесть отмеченное Лениным основное содержание народнического учения, то можно понять, почему Ленин относил теорию Чернышевского к народническим. Характеризуя в «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» эпоху, когда в России создавались «теории и учения Герцена, Чернышевского», Ленин отмечал, что содержанием идеалов «первых русских социалистов» была *«вера в особый уклад, в общинный строй русской жизни;* отсюда — *вера в возможность крестьянской социалистической революции»* [43]. Вот эта-то вера и придавала народнический характер учению Чернышевского. Ленин отмечал, что Чернышевский «мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину». Он «не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма» [44].

В связи с этим необходимо остановиться на одном ошибочном утверждении, укоренившемся в нашей литературе за последние годы. Историки, литературоведы, философы часто противопоставляют народников революционным де-

---

[42] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 90.
[43] Там же, т. 1, стр. 245—246.
[44] Там же, т. 17, стр. 97.

мократам как представителей двух особых, принципиально отличных одно от другого направлений революционной мысли. При этом под революционными демократами подразумеваются преимущественно революционеры шестидесятых годов во главе с Чернышевским (независимо от идейных расхождений, существовавших в их среде), а под народниками — революционеры следующих поколений, начиная с 70-х годов, принадлежавшие к лагерю буржуазной демократии.

Характерно, что зачисление исторического деятеля в «революционные демократы» или «народники» совершается в большинстве случаев не на основании его мировоззрения, а по чисто хронологическому признаку. Если деятель революционного движения 60-х годов не только дожил до следующего десятилетия, но и продолжал участвовать в революционной борьбе, то на основании одного этого он рискует быть разжалованным из «революционных демократов» в «народники».

Зачислив изучаемого деятеля в ту или другую категорию, «исследователи» обычно ставят на этом точку и не находят нужным изучать отличающие этого деятеля черты своеобразия. Различные оттенки мнений, характерные для лиц, зачисленных в ту же категорию, как правило, игнорируются. Деятели революционного лагеря определенной эпохи полностью лишаются своей индивидуальности и оказываются во всем похожими один на другого. Поэтому вместо живых в своей неповторимости исторических деятелей перед нами проходят однообразные фигуры, крайне бледные по внутреннему содержанию.

Совершенно ясно, что такой подход к историческому исследованию открывает полную возможность приукрашивать действительность и замалчивать присущие ей противоречия.

Ленину противопоставление «народников» «революционным демократам» было чуждо. Несмотря на то, что между революционерами 60-х годов и их преемниками следующего десятилетия существовали глубокие идейные расхождения, и те и другие все же одинаково были носителями народнической идеологии как особой разновидности утопического социализма, свойственной странам с преобладанием сельского хозяйства, со слабым развитием промышленности, со значительным превышением численности

деревенского населения по сравнению с городским и с только что возникающим пролетариатом.

Революционеров 60-х годов объединяло с революционерами 70-х годов и то обстоятельство, что и те и другие являлись представителями буржуазно-демократической революционности. Между тем до сих пор находятся исследователи, которых термин «буржуазный демократ» смущает настолько, что они не решаются применять его к революционерам 60-х годов во главе с Н. Г. Чернышевским. До сих пор приходится доказывать, что в этом термине нет ничего предосудительного, что он с полным основанием может и должен применяться к революционерам той поры, когда перед нашей страной стояла на очереди подготовка буржуазно-демократической революции, если только эти революционеры, в отличие от дворянских революционеров первого этапа истории освободительного движения в России, имели в виду революцию, совершаемую самим народом, а не без его непосредственного участия.

Имея в виду людей, которых смущает выражение «буржуазная демократия», Ленин писал: «...Термин буржуазная демократия есть единственно точная, с точки зрения марксизма, научная характеристика». При этом Ленин отмечал, что буржуазный характер идеологии защитников крестьянских интересов «оставался ими несознанным»[45]. В другой раз Ленин указывал, что «у нас зачастую крайне неправильно, узко, антиисторично понимают это слово («буржуазия», «буржуазный». — *Б. К.)*, связывая с ним *без различия исторических эпох*) своекорыстную защиту интересов меньшинства. Нельзя забывать, что в ту пору, когда писали просветители XVIII века (которых общепризнанное мнение относит к вожакам буржуазии), когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, *все* общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками. Никакого своекорыстия поэтому тогда в идеологах буржуазии не проявлялось...» [46].

Признавая «революционеров 1861 года» и революционеров 70-х годов носителями двух особых разновидностей буржуазно-демократической, народнической идеологии, Ленин в то же время подчеркивал, что вторые в теорети-

---

[45] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 88.

[46] Там же, т. 2, стр. 473.

ческом отношении сделали большой шаг назад по сравнению с первыми. Это указание Ленина подтверждается народнической литературой 70-х годов.

Насколько велико было снижение теоретического уровня революционной интеллигенции 70-х годов по сравнению с шестидесятниками, можно судить хотя бы по следующим расхождениям, существовавшим между ними.

Народники шестидесятых годов вслед за своим идейным вождем Чернышевским признавали существование объективных законов, управляющих развитием общественной жизни. С их точки зрения, задача общественных наук заключается в изучении этих закономерностей. Народники же следующего десятилетия задачей общественных наук считали не изучение законов общественной жизни, а оценку ее явлений с точки зрения определенного, априорно выработанного идеала. Н. К. Михайловский прямо заявлял, будто наука должна начинаться с принятой исследователем «утопии». К этому именно и сводился «субъективный метод в социологии», пропагандировавшийся народниками 70-х годов.

Другим существенным пунктом, в котором народники этого времени отошли от своих предшественников, был вопрос о роли народных масс в истории. Социальная революция представлялась последним возможной лишь как совершаемая самим народом. Они были убеждены, что только сами народные массы могут освободить себя, а не какие-либо благодетели со стороны. Семидесятники отступили от четкой и ясной позиции своих предшественников в этом вопросе. Достаточно напомнить об учении П. Л. Лаврова о «критически мыслящих личностях», о теории «героев» и «толпы» Н. К. Михайловского, о бланкистской революционной программе Н. П. Ткачева. С точки зрения этих программ и теорий переход революционеров в конце 70-х годов от пропаганды в народе к индивидуальному террору являлся вполне закономерным.

Третий пункт, на который следует обратить внимание,— отношение революционеров 60-х годов, с одной стороны, и их преемников, с другой, к вопросам философии. Первые стояли на материалистических позициях. Мало этого, в лице лучших своих представителей они поняли слабые стороны вульгарного, естественно-научного материализма. Они пошли в своих философских взглядах вслед за

Фейербахом и даже обогнали его, поняв значение диалектического метода. В своем большинстве семидесятники сделали решительный шаг назад: они отказались от материализма и перешли к позитивизму и неокантианству.

Укажем, наконец, на отношение семидесятников к капитализму. Их предшественники понимали относительную прогрессивность капиталистического строя по сравнению с феодально-крепостническим. Не испытывая страха перед капитализмом, они ставили своей задачей борьбу за «всестороннюю европеизацию» России. Семидесятники, наоборот, видели в капитализме только упадок и регресс и стремились найти силы, которые помогли бы им задержать развитие в нашей стране капиталистических отношений.

Всего сказанного выше вполне достаточно, чтобы показать, как сильно снизился к семидесятым годам идейно-политический уровень русской демократической интеллигенции. Ленин был вполне прав, указывая на это .

Однако, с точки зрения Ленина, отмеченного снижения было недостаточно для того, чтобы отлучить народников от революционно-демократического лагеря.

Ленин не противопоставлял революционных демократов народникам, а признавал, что народнические взгляды и в 70-е годы столь же соединимы с революционным демократизмом, как и в шестидесятые. Это совершенно ясно из его статьи «Демократия и народничество в Китае». Ленин называл Сун Ят-сена «революционным демократом». Он отмечал, что «боевой, искренний демократизм пропитывает каждую строчку платформы Сун Ят-сена». И в то же время Ленин подчеркивал, что у Сун Ят-сена революционный демократизм соединялся с ярко выраженным народничеством. «Но, — писал Ленин, — эта идеология боевого демократизма сочетается у китайского народника, во-первых, с социалистическими мечтами, с надеждой миновать путь капитализма для Китая, предупредить капитализм, а во-вторых, с планом и проповедью радикальной аграрной реформы. Именно эти два последние идейно-политические течения и представляют тот элемент, который образует *народничество* в специфическом значении этого понятия, т. е. в отличие от демократизма, в добавление к демократизму» [47].

---

[47] В. И. Ленин Соч., т. 18, стр. 144—146.

Таким образом, с точки зрения Ленина, Сун Ят-сен и его последователи одновременно были и революционными демократами и народниками. Одна черта их мировоззрения не исключала другую, а дополняла ее.

Не может быть сомнений в том, что это высказывание Ленина с полным основанием применимо и к русским революционным народникам 70-х годов. Известно, как высоко расценивал Ленин их самоотверженную борьбу за интересы народа. Мы приводили уже выше его слова относительно расцвета в годы хождения в народ «действенного» народничества. Несомненно, что словом «действенного» Ленин был вынужден заменить слово «революционного», ибо по цензурным условиям того времени он был лишен возможности употребить этот последний термин в статье, предназначенной для легальной газеты. Вспомним и то, что, перечисляя в «Что делать?» предшественников русской социал-демократии, Ленин наряду с Герценом, Белинским и Чернышевским поставил «блестящую плеяду революционеров 70-х годов». С точки зрения Ленина, революционными демократами, соединяющими демократизм с утопизмом, являлись не только народники 70-х годов, но и позднейшие, не считая, конечно, принадлежавших к либеральному народничеству. Так, характеризуя кадетов как «либерально-монархическое» крыло буржуазии, Ленин указывал, что трудовики в отличие от них представляли буржуазию «революционно-демократическую»[48].

Все это показывает, что ограничиться признанием организаторов Русской секции народниками ни в коем случае нельзя. Необходимо точнее определить принадлежащее им место в истории нашего революционного движения. Сделать это можно лишь после того, как мы детально ознакомимся с их взглядами и выясним их отношение как к идеям революционного просветительства 60-х годов, так и ко взглядам революционных народников 70-х годов.

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ. ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО «ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ»

Участники Русской секции Интернационала формировались в политическом отношении в годы первой револю-

---

[48] См. В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 99. Подчеркнуто мною. — *Б. К.*

ционной ситуации. Некоторые из них принимали непосредственное участие в политических событиях того времени. «...Могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих *революционеров»*, оказала определяющее воздействие на развитие их социально-политических взглядов. Они пережили то бурное время, когда, по выражению Ленина, «самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной» [49].

Уверенность в неминуемости и близости народной революции, которая приведет к полному крушению крепостничества и самодержавия, была очень широко распространена среди революционеров в годы первой революционной ситуации. Эта уверенность поддерживалась характером реформы 1861 г., показавшей, как мало считалось правительство при выработке ее с интересами и чаяниями крепостного крестьянства. Крестьянское недовольство «обманной волей», дарованной правительством, выразилось в ряде стихийных волнений, охвативших почти всю Россию. Казалось, что весной 1863 г., когда должно было закончиться введение в действие уставных грамот, регулировавших взаимоотношения между «освобожденными» крестьянами и их бывшими владельцами, и когда крестьяне окончательно разберутся в том, насколько их ожидания обмануты царем, народное недовольство выльется в еще более острые формы и разрозненные вспышки сольются в единое повсеместное всенародное восстание, которое приведет к полному крушению старого политического порядка. Часы самодержавия, казалось, были сочтены.

Отражая широко распространенное в революционных кругах мнение, Д. И. Писарев писал в 1862 г.: «Династия Романовых и петербургская бюрократия должны погибнуть... То, что мертво и гнило, должно само собой свалиться в могилу. Нам остается только дать им последний толчок и забросать грязью их смердящие трупы» [50].

Однако ближайшее будущее показало, что уверенность эта не имела под собою твердых оснований. Волна крестьянского недовольства вместо того, чтобы продолжать

---

[49] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 26—27.

[50] Д. И. Писарев. Сочинения в 4 томах, т. 2. М., 1955, стр. 126.

подниматься, начала спадать. Уже в 1863 г. начало спада выяснилось с полной определенностью и очевидностью. Тем не менее это не обозначало того, что бывшее крепостное крестьянство примирилось со своей участью. Утверждение М. Н. Покровского, будто после реформы в деревне воцарился «мертный штиль»[51], совершенно не соответствует действительности. «Успокоение» в деревне являлось только кажущимся. Борьба крестьян против помещиков продолжалась, хотя формы ее изменились: от стихийных, разрозненных выступлений, легко подавляемых правительством, крестьянство перешло к повседневной борьбе за свои непосредственные и ближайшие интересы. Эта борьба, малозаметная для поверхностного наблюдателя, была чрезвычайно упорной и весьма ощутимой для помещиков: потравы помещичьих полей, порубки лесов, поджоги амбаров и иных хозяйственных построек в дворянских имениях и другие тому подобные выступления бывших крепостных крестьян приносили весьма значительный ущерб помещикам. Многие дворяне, чувствуя весьма враждебное отношение со стороны своих бывших крепостных, предпочитали оставлять усадьбы на управляющих, а сами перебирались в города.

Тем не менее, хотя «успокоение» деревни было только кажущимся, оно не оставляло сомнений в том, что в ближайшее время ждать в России революционного взрыва невозможно. Надежды революционно настроенной части общества оказались обманутыми. Мало этого, правительство сумело использовать «успокоение» в своих целях, утверждаясь все более в своем решении взять последовательный и твердый курс на реакцию.

Многочисленные аресты, произведенные властями, нанесли жестокий удар революционному движению. Правительственная реакция особенно усилилась в 1863 г. в связи с польским восстанием. Реакционные мероприятия правительства начали находить твердую поддержку в привилегированных классах,— не только в консервативных слоях их, но и среди либералов. Удовлетворенные реформой 19 февраля и другими провозглашенными и подготовляемыми правительством преобразованиями, на смерть

[51] М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, т. IV. М., 1924, стр. 174; его же. Очерки русского революционного движения XIX—XX вв. М., 1924, стр. 61.

перепуганные крестьянскими волнениями, а также восстанием в Польше, дворянские либералы от оппозиции правительству переходили к поддержке его.

Создавшаяся обстановка не могла не отразиться, в частности, и на революционных кругах России. Как это всегда наблюдается в годы общественного подъема, к искренним, убежденным и последовательным революционерам в конце 50-х годов прошлого века примкнуло не мало случайных элементов, которые неизбежно должны были отойти от революционного движения, как только обозначилось, что надежды на близкую победу народа не оправдались. Случаи такого отхода от революции в России середины 60-х годов сделались поистине «бытовым явлением». Число «раскаявшихся нигилистов», по выражению Салтыкова-Щедрина, все более увеличивалось. Ряды революционеров значительно редели. Их кружки и организации частью были разгромлены правительством, частью сами ликвидировались. Такова была судьба крупнейшего тайного общества той поры — «Земли и воли». К концу 1863 г. его деятельность совершенно замерла, и руководители общества приняли решение распустить его.

Изменение политической ситуации в стране и утрата веры в близость крестьянской революции поставили перед русскими революционерами ряд новых вопросов, настоятельно требовавших разрешения. Необходимо было дать себе отчет о задачах, возникших перед ними в условиях утраты надежд на близость крестьянской революции. Историческая обстановка требовала пересмотра прежней тактики и выработки новой. Для разрешения же этого вопроса необходимо было уяснить значение тех перемен, которые произвела в нашей стране отмена крепостного права.

Реформа 1861 г. предрешала вопрос о неизбежности торжества в России капитализма. «Положение 19 февраля есть один из *эпизодов* смены крепостнического (или феодального) способа производства буржуазным (капиталистическим)» [52]. Однако это историческое значение правительственной реформы оставалось непонятным подавляющему большинству современников. Подобно герою Льва Толстого — Левину, они видели, что вокруг них все «переворотилось», но не могли угадать, как сложатся но-

[52] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 84.

вые условия русской жизни. Чуткий публицист, правильно отражавший настроения демократической части русского общества 60-х годов, Н. В. Шелгунов в 1863 г. жаловался на то, что экономический перелом, совершающийся в России, застает наше общество врасплох и неподготовленным. «Перед нами,— писал он,— поднимаются различные вопросы жизни, на которые нам постоянно приходится отвечать известной поговоркой авось вывезет! Пожалуй и вывезет, но куда — вот на что трудно ответить человеку, действующему ощупью и впотьмах»[53]. Голос Шелгунова, свидетельствующего о глубоком недоумении, царившем в русском обществе насчет будущего, исходил из крайне левых кругов. Однако это недоумение разделялось и противоположным крылом русского общества. Крепостническая газета «Весть» писала: «Бывают моменты, когда все находятся в каком-то недоумении, все как будто потеряли путеводную нить и никто не видит ясно, куда итти и что делать?» Такой именно момент переживала, по мнению «Вести», современная Россия[54].

Мы знаем теперь, что перед Россией реформа 1861 г. поставила вопрос: по какому пути пойдет развитие капиталистических отношений в ее сельском хозяйстве: по «прусскому» или по «американскому», или, другими словами, помещичьи ли латифундии или же мелкое крестьянское землевладение явятся основой дальнейшего экономического развития России. Однако современники, принадлежавшие к демократическому лагерю и выражавшие интересы крестьян, обделенных реформой 1861 г., не понимали, что вопрос о будущем нашей страны ставится именно так. Они знали о теневых сторонах западной цивилизации. Им было известно, какой жестокий пауперизм порожден на Западе прогрессом капиталистической промышленности и в каком ужасающем положении находится западноевропейский пролетариат. Неужели все это суждено испытать и нашей стране?— в тревоге спрашивали они себя. «Должны ли фабрики непременно служить дьяволу?»[55]. Или их можно организовать так, что они будут

[53] Н. Шелгунов. Сибирь по большой дороге. «Русское слово», 1863, № 1, стр. 2.

[54] «Весть», 31. XII 1869.

[55] В кавычках — эпиграф к брошюре Л. М[илорадовича] «Артели рабочих для основания фабрик или мастерских». СПб., 1862.

приносить народу не страдания, а пользу? Неужели, знакомые с печальным опытом Западной Европы, мы сознательно будем пересаживать в свою страну ее общественные порядки со всеми порождаемыми ими бедствиями народных масс? Неужели мы, сознающие все теневые стороны и ужасы буржуазной цивилизации, не сможем миновать капитализм и построить в своей стране социалистическую организацию народного хозяйства?

Искренне преданные делу освобождения народа и выступавшие представителями интересов крестьянской массы, революционеры того времени не понимали законов экономического развития общества. Поэтому они питали наивную уверенность, что от людей доброй воли зависит дать то или другое направление развитию народного хозяйства страны. Н. В. Шелгунов в своей известной прокламации «К молодому поколению» (1861 г.) писал: «Освобождение крестьян есть первый шаг или к великому будущему России или к ее несчастью; к благосостоянию политическому и экономическому или к экономическому и политическому пролетариату. От нас самих зависит избрать путь к тому или к другому»[56]. Людям, убежденным в этом, казалось, что спасение России и русского народа заключается в том, чтобы направить социально- экономическое развитие нашей страны путями, отличными от западных.

Так в пореформенной России создавалась почва, благоприятная для распространения народнических идей.

Люди, мечтавшие о возможности для России избежать капитализма и перейти непосредственно к социализму, понимали, что такой переход возможен исключительно революционным путем.

Но где же те силы, которые произведут необходимый для России переворот? В годы назревания революционной ситуации ответ на этот вопрос представлялся большинству революционеров вполне ясным: повсеместная крестьянская революция положит конец самодержавию и господству дворянства и превратит Россию в демократическую республику. Эту уверенность обосновывали на страницах «Современника» Чернышевский и Добролюбов, неустанно доказывавшие русскому обществу, что только народная

---

[56] Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М. — П., 1923, стр. 289. Подчеркнуто мною. — *Б. К.*

революция может обеспечить России счастливое будущее. Проникнутая верою в близость всенародного восстания, революционная молодежь не только в столицах, но и в провинции деятельно готовилась к нему, сплачиваясь для этой цели, ведя революционную пропаганду, устанавливая связи между революционными кружками различных городов.

Не по инициативе сверху, из единого центра, а по собственному почину революционеры на местах вели подготовительную революционную работу. Стремление к консолидации революционных сил вело к созданию организаций, охватывавших более или менее обширную территорию; таковы были офицерская организация, созданная А. А. Потебней в польских губерниях, Белоруссии и Литве и объединявшая русских офицеров, служивших в расквартированных там войсках, или обширная средневолжская и уральская организация, объединявшая революционные кружки, существовавшие в Казани, Саратове, Нижнем-Новгороде, Перми, Вятке и других городах. В связи с реформой 19 февраля 1861 г. среди революционеров неизбежно должно было обнаружиться стремление к созданию центральной революционной организации, которая объединила бы все имевшиеся в стране революционные силы. В Петербурге Н. Г. Чернышевский и близкие к нему люди замыслили создание тайного общества, которое смогло бы взять на себя подготовку народного восстания и руководство им, когда оно вспыхнет. Обоснованию необходимости организации такого общества была посвящена статья одного из братьев Серно-Соловьевичей, напечатанная в «Колоколе» в листе 107 от 15 сентября 1861 г. На эту же тему велись переговоры в Лондоне между издателями «Колокола» и революционерами, приезжавшими из России. Еще в середине 1861 г. Огарев при участии представителей петербургских революционных кругов, в частности Н. Н. Обручева, написал статью «Что нужно народу?». В ней были выдвинуты требования, которые могли бы объединить революционные силы. На вопрос, поставленный в заголовке статьи, авторы отвечали: «Очень просто, народу нужна земля да воля». Они указывали, что все крестьяне должны быть обеспечены достаточным количеством земли и что чиновники подлежат замене выбранными народом управителями и судьями. Статья

заканчивалась призывом к крестьянам сближаться с войском и с людьми, преданными интересам народа. Статья эта не только была напечатана в «Колоколе», но и размножена в большом количестве в виде прокламации, получившей широкое распространение в России.

С осени 1861 г. в Петербурге началась работа по объединению разрозненных революционных кружков, как столичных, так и провинциальных. Чернышевский не только был в курсе этой работы, но и руководил ею, хотя из-за перегруженности работой в «Современнике» и не вошел формально в состав центра, непосредственно занятого этим делом.

Членами этого центра состояли братья Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичи, А. А. Слепцов, Н. Н. Обручев и В. С. Курочкин. В условиях тщательной законспирированности работа по созданию тайного общества шла сравнительно медленно. Арест в июле 1862 г. Чернышевского и Н. А. Серно-Соловьевича нанес тайному обществу весьма серьезный удар. Однако работа продолжалась. Центр, пополненный, взамен Н. А. Серно-Соловьевича и уехавшего за границу его брата, Н. И. Утиным и Г. Е. Благосветловым, в начале зимы принял название Русского центрального народного комитета, а самое общество было названо «Земля и воля».

Организаторам общества удалось основать его отделения в Москве, Казани, Нижнем-Новгороде, Харькове и других городах. Особенно многочисленным было московское отделение, насчитывавшее, по имеющимся сведениям, до 400 членов. В «Землю и волю» влилась также офицерская организация в Польше, созданная, как мы уже упоминали, Потебней. Землевольцы установили связь с Герценом и Огаревым и создали сеть агентов за границей. Таким образом было создано тайное общество, крупнейшее в России по своим размерам после декабристских. Однако даже к началу 1863 г. организация его еще не была закончена.

Еще до этого времени руководители «Земли и воли» установили связь с польскими революционерами в целях выработки плана совместных боевых действий. В конце 1862 г. для этой цели приезжал в Петербург представитель польского Центрального национального комитета С. Падлевский. Уполномоченные «Земли и воли»

А. А. Слепцов и Н. И. Утин во время переговоров с Падлевским выразили горячее сочувствие польскому делу, но откровенно заявили, что русская революционная организация не обладает еще пока достаточными для открытого выступления силами и что революция в России ранее весны или лета 1863 г. невозможна. Поэтому они просили поляков отложить восстание до этого срока, что, как показал ход событий, оказалось невозможным. Поляки со своей стороны, приняв к сведению, что «Россия еще не так подготовлена, чтобы сопровождать восстанием польскую революцию, если только она вспыхнет в скором времени», выразили надежду на то, что русские революционеры произведут диверсию, «чтобы воспрепятствовать царскому правительству послать свежие войска в Польшу» [57].

Руководители «Земли и воли», надеявшиеся на то, что весной 1863 г. в России произойдет повсеместное крестьянское восстание, стремились сплотить в рядах своего общества как можно более широкие общественные круги. Обращаясь ко всем людям, «любящим родину» и сочувствующим ее страданиям, руководители общества писали в своем журнале «Земля и воля»: «В деле народного освобождения должны сглаживаться спорные оттенки одной и той же свободолюбивой партии» [58]. В своей организационной и пропагандистской работе руководители «Земли и воли» опирались в первую очередь на учащуюся молодежь, передовое офицерство и на представителей интеллигентных профессий.

Землевольцы организовали тайную типографию, выпустили ряд изданий: № 1 журнала «Земля и воля», два номера листовки «Свобода», несколько прокламаций. Испытывая большую потребность в литературе для распространения в народе, тайное общество не только использовало лондонскую типографию Герцена, но и организовало в Берне еще одну русскую типографию.

Что касается задач, которые ставило перед собою тайное общество, то они сводились в первую очередь к борьбе с самодержавием. Первый номер листовки «Свобода» объявлял «самодержавный деспотизм» «единственным

[57] Ю. Ковальский. Русская революционная демократия и январское восстание 1863 г. в Польше. М., 1953, стр. 208—210.
[58] «Былое», 1907, № 1, стр. 152.

источником всех бедствий, терзающих Россию». «Под влиянием его, — читаем мы там же, — сложился весь настоящий гибельный порядок вещей, давящий нас и губящий всякое развитие. Самый поверхностный взгляд на все отрасли русской жизни подтверждает эту очевидную истину и убеждает, что все они парализованы и убиты бессмысленным самодержавием, составляющим непрерывную иерархическую цепь, начинающуюся самодержавным императором и оканчивающуюся самым последнием чиновником, таким же самодержцем в сфере, ему подчиненной. Уродливые попытки разных реформ еще нагляднее выставляют всю несостоятельность самодержавия». Для спасения русского народа, для обеспечения ему светлого будущего необходимо разрушить самодержавие: «цепи деспотизма, глубоко врезавшиеся в народный организм, должны быть разорваны». Таким образом, перед русским народом только один исход: «неуклонная борьба с врагом русского народа — с императорским правительством».

Полагая, что революция в России неизбежна, что «она неминуемо разразится в восстании ограбленного и подавленного народа и что при жестокости и тупоумии правительства она может получить исполинские размеры кровавой драмы», авторы «Свободы» выражали уверенность, что привлечение на сторону народа «образованных классов» может «предотвратить или, по крайней мере, ослабить то кровопролитие, которое правительство вызовет своим дальнейшим существованием».

За низложением царя должен последовать созыв Народного собрания из выборных представителей свободного народа для создания нового общественного строя освобожденной от деспотизма России. Тайное общество «Земля и воля» обеспечит свободные выборы в Народное собрание и берет на себя ограждение этого собрания «от всяких насильственных влияний и от притязаний имущественных и сословных привилегий».

Таким образом, задачи «Земли и воли» были чисто политические. Преобразование России из бесправной страны и оплота деспотизма в свободное демократическое государство — вот задача, которую преследовало тайное общество. Организаторы его полагали, что реформа 19 февраля 1861 г. принесла только «мнимое разреше-

ние крестьянского вопроса»; народу должна быть возвращена его собственность — земля, так несправедливо отобранная у него. Вопроса об установлении социалистического строя программа «Земли и воли» не выдвигала. Если в составе ее членов и были убежденные социалисты, то во имя объединения в рядах тайного общества различных оттенков «свободолюбивой партии» они готовы были на первое время отказаться от выдвижения своих социалистических планов.

Любопытно, однако, что во время переговоров с поляками уполномоченные «Земли и воли» считали необходимым подчеркнуть отличие, существовавшее между польскими и русскими революционерами. Они говорили, что в России восстание назревает медленнее, чем в Польше, потому что русской революции необходимо разрешить вопрос не только политический, но и социальный. «Поэтому, — говорили они, — против нас будет не только правительство, но и вообще все образованное общество»[59].

В изданиях «Земля и воля» не было указаний на необходимость социалистического преобразования в России, и это вызывало нарекания на руководителей общества со стороны рядовых членов, придерживавшихся социалистических взглядов. Стремление организаторов «Земли и воли» включить в ее ряды все элементы общества, относившиеся враждебно к политике правительства, привело к тому, что внутри общества не было полного единодушия. Возражения со стороны левого крыла вызывала не только политическая линия, проводимая Центральным комитетом, но и его недостаточная активность. Видный представитель революционной молодежи того времени И. И. Кельсиев ставил в вину комитету его нерешительность и бездействие. «Я много хлопотал и хлопочу о том, чтобы комитет энергичнее принялся за работу», — писал он. «Комитетом, — продолжал Кельсиев, — я недоволен, как вообще множество членов «Земли и воли» недовольны им; но я сознаю, что нужно поддерживать комитет до последней минуты. Теперь плохо, а еще хуже будет без комитета: его падение и нас ослабит, и придаст силу нашим врагам»[60]. Некоторые из оппозиционеров шли даль-

---

[59] «Пропаганда и организация». «Народное дело», 1868, № 2-3, стр. 36.

[60] «Литературное наследство». М., 1941, т. 41-42, стр. 109.

ше Кельсиева. В московском отделении общества обсуждался вопрос об отделении от «Земли и воли» и об образовании самостоятельного общества «на новых началах». Один из видных членов московского отделения Ю. Мосолов читал на его собраниях записку, требовавшую преобразования России в федеративную республику, уничтожения частной собственности, национализации земли и т. п. [61]. Аресты, произведенные в июле 1863 г. среди московских землевольцев, не только прервали эти разговоры, но и положили конец как проявлениям оппозиции, так и существованию московского отделения. Неудача польского восстания и резкое снижение числа крестьянских волнений побудили Центральный комитет в конце 1863 г. свернуть работу общества. «Земля и воля» перестала существовать.

Среди будущих организаторов Русской секции I Интернационала мы встретимся и с участниками «Земли и воли» (член ее Центрального комитета Н. И. Утин), и с повстанцами 1863 г. Конечно, эти люди в своей политической работе учитывали опыт «Земли и воли», учились на ее достижениях и ошибках.

В 1868 г. в журнале «Народное дело», издававшемся в Женеве группой русских эмигрантов, организовавших позднее Русскую секцию Интернационала, была помещена статья «Пропаганда и организация», содержавшая весьма любопытные сведения относительно «Земли и воли». Анализируя причины ее неудачи, автор статьи указывал прежде всего на то, что тайное общество было организовано слишком поздно, а именно — когда волна крестьянского движения, достигшая своего высшего уровня в 1861 г., начала уже спадать. Другой причиной неудачи «Земли и воли» автор статьи считал «невольную ошибку», допущенную ею; при этом он выражал надежду, что организаторы будущего революционного общества, в отличие от землевольцев, избегнут ее: они «допустят в свои смыкающиеся ряды единственно тех людей, которые совершенно согласны в приемах, образе действий, в самом предположенном способе развязки, в поставленной конеч-

[61] «Материалы для истории революционного движения в России 60-х годов». Под ред. Базилевского (В. Богучарского), стр. 84, 95—96.

ной цели революционных стремлений»[62]. Надо гнаться не столько за увеличением числа членов революционной организации, сколько за их единодушием в коренных вопросах революционной программы и тактики, их политической солидарностью и сплоченностью, — таков был один из уроков, вынесенный из опыта «Земли и воли» организаторами Русской секции Интернационала. Как мы убедимся ниже, они в своей практической революционной работе старались, соблюдая верность заветам «Земли и воли», избегать допущенных ею ошибок.

ИДЕЙНЫЙ КРИЗИС СЕРЕДИНЫ 60-х ГОДОВ. РОСТ ИНТЕРЕСА К РАБОЧЕМУ ВОПРОСУ

Уверенность в близости и неминуемости революции поддерживала энергию и мужество участников кружков и тайных обществ в годы революционной ситуации. После 1863 г. положение совершенно изменилось. Надежды на близость революции были разбиты. Перед революционно-демократическим крылом русского общества, лишившимся к этому времени своих идейных руководителей — Чернышевского и Добролюбова, вновь встал вопрос о путях, ведущих к освобождению народа. Только немногие из уцелевших к тому времени революционеров, — как, например, Герман Лопатин или Порфирий Войнаральский, — понимали необходимость вооружиться терпением и посвятить силы кропотливой и лишенной эффектов подготовительной работе, сводящейся, с одной стороны, к воспитанию кадров сознательных и готовых на самопожертвование революционеров, с другой — к пропаганде, направленной на искоренение среди народа иллюзий, связанных с надеждами на помощь со стороны престола.

Такое единственно возможное решение вопроса о задачах русских революционеров казалось правильным и приемлемым далеко не всем. Многие рассуждали совершенно иначе, утверждая, что если сам народ, по своей неразвитости, неспособен взяться за свое освобождение, то эту задачу должна принять на себя сознательная и сочувствующая положению народа интеллигенция.

Если народ политически несознателен, пассивен, если ожидать инициативы с его стороны нельзя, то люди, со-

[62] «Народное дело», 1868, № 2-3, стр. 50.

чувствующие народу, должны «действовать энергически против него» в целях «насильного дарования ему... свободы». Так ставил вопрос в 1863 г. известный публицист, сотрудник «Русского слова» В. А. Зайцев [63].

Позднее эта точка зрения нашла подробное обоснование и развитие в заговорщической политической программе, развернутой П. Н. Ткачевым в конце 60-х годов на страницах журнала «Дело» [64].

Высокомерно-пренебрежительное отношение к народу, проявившееся в цитированной нами рецензии Зайцева, возмутило Салтыкова-Щедрина, и он на страницах «Современника» чрезвычайно резко отозвался о «зайцевской хлыстовщине». Однако и на страницах «Современника» читатели встречали порой еще менее удачные, чем у Зайцева, ответы на волнующие их вопросы. Эпигоны Чернышевского явно не удержались на той политической высоте, которой достиг их учитель. Так, например, на страницах «Современника», во «Внутреннем обозрении» Г. З. Елисеева, читатели встречали невразумительное бормотание о времени, когда «наши сословия» объединятся и сольются «в земском деле в одно великое целое, чуждое узких тенденций сословности и всякого другого преобладания и единодушно стремящееся к одной общенародной цели» [65].

Тот факт, что подобные высказывания могли появиться на страницах журнала, руководимого людьми, считавшими себя учениками и единомышленниками Чернышевского и Добролюбова и продолжателями их дела, достаточно ярко свидетельствовал сам по себе об идейном разброде, воцарившемся в России после смерти Добролюбова и ареста Чернышевского.

Таким образом, в середине 60-х годов русское общество переживало переломную эпоху в истории своего умственного и политического развития. Естественным поэтому представлялся его повышенный интерес ко всему, что происходило на Западе. Ставилась задача тщательно ознакомиться со всеми теневыми сторонами западноев-

---

[63] «Русское слово», 1863, № 7, Рецензия на книгу Д. Сориа «Общая история Италии с 1846 по 1850 г.».

[64] Подробнее об этом см. в моей книге «П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов». М., 1922.

[65] «Современник», 1865, № 5. Современное обозрение, стр. 2.

ропейской жизни для того, чтобы, опираясь на опыт Запада, избежать его ошибок и спасти русский народ от страданий, выпавших на долю трудящихся масс капиталистического Запада.

Рабочий вопрос в той форме, в какой он существовал в Западной Европе, привлекал к себе усиленное внимание русской прессы различных направлений. На страницах наших журналов и газет того времени можно найти большое количество статей и заметок о положении рабочих в Западной Европе, об условиях их труда, о борьбе, которую вели западные рабочие против предпринимателей. Появился ряд переводных и оригинальных работ на тему о пролетариате и рабочем движении. Наряду с серьезными книгами, которые могли принести действительную пользу русским читателям (Э. Пфейффер «Об ассоциациях»; Э. Бехер «Рабочий вопрос» и др.), на русский язык переводилось немало халтуры, не имевшей никакого научного значения и ставившей своей задачей откровенную защиту интересов предпринимателей. Как бы то ни было, спрос на литературу по рабочему движению весьма характерен для шестидесятых годов.

Развитию интереса к рабочему движению на Западе в известной мере способствовало и то обстоятельство, что в шестидесятых годах в самой России начиналось, — правда, в весьма еще скромных размерах,—рабочее движение, выливавшееся в формы стачечной борьбы. Что касается взаимоотношений между нанимателями и рабочими, то о крайнем обострении их свидетельствует, между прочим, такой факт: в Петербурге в 1858 г. для устного разбора мелких конфликтов и тяжеб между отдельными рабочими или группами их и администрацией предприятий была создана специальная комиссия, просуществовавшая до введения в 1866 г. судебных уставов. За первые три года ее работы (1858—1861) в ней было рассмотрено 2738 различных заявлений «от разного рода рабочих, отдельных лиц и артелей». Истцов по этим делам насчитывалось до 16 тыс.[66]. Как видим, комиссия эта на недостаток дела жаловаться не могла.

Большинство конфликтов, происходивших в шестидесятых годах на русских фабриках и заводах, оканчива-

---

[66] «Время», 1861, т. VI. Смесь, стр. 5—7.

лось жалобами рабочих на предпринимателей, приносимыми губернатору или полицейским властям. Протест рабочих носил преимущественно пассивный характер. До приостановки работ дело доходило очень редко.

Пресса впервые отметила забастовку, происшедшую в России, только в 1870 г. В мае этого года до 800 рабочих Невской бумагопрядильни в Петербурге прекратили работу, добиваясь увеличения заработной платы. «Зачинщики» забастовки были преданы суду, а затем высланы в административном порядке из столицы. События на Невской бумагопрядильне привлекли к себе внимание прессы, рассматривавшей их, как ранее будто бы небывалые в России. В действительности это не так. Как ни мало изучено до сих пор рабочее движение 60-х годов, мы все же можем утверждать, что забастовки, ничем не отличавшиеся от западных, случались у нас и раньше, только сведения о них до печати не доходили. Даже на той же Невской бумагопрядильне рабочие неоднократно коллективно предъявляли фабричной администрации свои требования. Стачки, ничем не отличавшиеся от западных, случались и в других городах и на других предприятиях. Однако несомненным остается то, что в 60-х годах наше рабочее движение находилось еще на весьма невысоком уровне [67]. К 60-м годам относятся и первые случаи революционной пропаганды среди рабочих.

Еще в 1862 г. было обнаружено, что студенты, преподававшие в некоторых из воскресных школ Петербурга, вели с рабочими разговоры на революционные темы и давали им читать революционную литературу [68].

В 1863—1864 гг. в Саратове пропагандой среди местных рабочих занимался член тайного общества «Земля и воля» А. Х. Христофоров. Он внушал рабочим мысль о необходимости организации артельных мастерских [69].

Немного позже в Москве аналогичную пропаганду вели члены ишутинского кружка. Мало этого, узнав о происходивших в течение ряда лет упорных волнениях рабочих на Людиновском заводе Мальцова в Калужской

---

[67] Документальные данные о рабочем движении 60-х годов содержатся в сборнике «Рабочее движение в России в XIX веке». Под ред. А. М. Панкратовой, т. II, ч. 1, 1950.

[68] См. «рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 1, стр. 586—601.

[69] «Каторга и ссылка», 1924, № 6, стр. 84—94.

губернии, они установили связь с рабочими этого завода, и, по выражению официального документа, старались «устроить для них завод на началах коммунизма» [70].

Пытались заниматься пропагандой среди рабочих и члены нечаевских кружков, созданных в 1869 г. в Петровской академии под Москвой.

ИНТЕРНАЦИОНАЛ И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО 60-х ГОДОВ. А. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ — ПРЕДШЕСТВЕННИК ОРГАНИЗАТОРОВ РУССКОЙ СЕКЦИИ I ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Проявляя, как сказано выше, большой интерес к рабочему движению на Западе, русское общество, конечно, не могло не обратить внимания на деятельность Международного товарищества рабочих. Во второй половине 60-х годов, особенно к концу этого десятилетия, в русских газетах и журналах можно было встретить довольно обильную информацию относительно работы Интернационала, в частности об его конгрессах. Особенный интерес к Интернационалу проявляла русская политическая эмиграция, сосредоточенная в то время главным образом в Швейцарии, где существовал ряд секций этой международной организации. Без преувеличения можно сказать, что не существовало в Швейцарии почти ни одного русского эмигранта, который не состоял бы членом той или другой секции Интернационала. Те же, кто, подобно Герцену [71], и не сделались по каким-либо причинам членами секций, тем не менее глубоко интересовались деятельностью Интернационала и признавали громадное историческое значение его для международного рабочего движения.

Особенно большую роль в жизни женевских секций Интернационала сыграл А. А. Серно-Соловьевич, которого мы имеем полное основание рассматривать как прямого предшественника организаторов Русской секции [72].

---

[70] «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 1, стр. 224.

[71] См. мою статью «К вопросу об отношении А. И. Герцена к I Интернационалу». «Исторические записки», т. 54. М., 1955.

[72] Подробнее о Серно-Соловьевиче см. в моей работе «А. А. Серно-Соловьевич в I Интернационале и в женевском рабочем движении». «Исторический сборник Академии наук СССР», кн. 5. М. — Л., 1936.

Необходимо отметить следующее. В 1867 г., когда Бакунин перебрался из Италии в Швейцарию, русские эмигранты, жившие здесь, находились под обаянием яркой политической фигуры Бакунина, пользовавшегося уже тогда мировой известностью неутомимого революционера, познакомившегося с саксонскими, австрийскими и русскими казематами, сосланного в Сибирь и бежавшего оттуда. Серно-Соловьевич занял враждебную позицию по отношению к Бакунину и к идеям, которые он распространял. Уже тогда Серно-Соловьевич не скрывал своего отношения к Бакунину, откровенно излагая свое мнение о нем в письмах к немецкому политическому деятелю Самуилу Боркгейму [73]. Последний сообщил о своей переписке с Серно-Соловьевичем Марксу, который настолько заинтересовался корреспондентом Боркгейма, что в декабре 1867 г. послал ему экземпляр I тома «Капитала». Надо думать, что Серно-Соловьевич был единственным русским, получившим от Маркса такой подарок.

В каких же вопросах Серно-Соловьевич настолько расходился с Бакуниным, что счел необходимым выступить против него? Мы убедимся ниже, что основным пунктом их расхождения являлся вопрос об отношении пролетариата к политической борьбе: в то время как Бакунин выступал с проповедью так называемой теории «политического воздержания», ученик и соратник Чернышевского, один из членов Центрального комитета «Земли и воли», Серно-Соловьевич отвергал эту теорию, считая ее глубоко ошибочной и вредной для интересов трудящихся.

Серно-Соловьевич стал пользоваться в Женеве широкой известностью в связи с забастовкой строительных рабочих весной 1868 г. В течение всей зимы среди женевских рабочих и на заседаниях секций Интернационала велись дебаты относительно необходимости добиваться повышения заработной платы и уравнения ее для рабочих различных специальностей.

С января 1868 г. в Женеве начала выходить небольшая газета «Liberté». Издавал ее молодой журналист, член радикальной партии А. Каталан, стремившийся путем сближения с рабочими и с секциями Интернационала

---

[73] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 154.

обеспечить себе их поддержку на предстоящих выборах в Большой совет (так называлось законодательное собрание Женевского кантона).

Серно-Соловьевич сделался одним из ближайших сотрудников «Liberté». Под его влиянием эта газета фактически превратилась в орган романских секций Интернационала. «Liberté» уделяла много внимания положению рабочих и призывала их к борьбе за свои интересы. Для этой цели ее редакция выпускала наиболее важные статьи, напечатанные в газете, в виде листовок, которые в большом количестве расклеивались по городу и имели огромный успех у населения Женевы. Серно-Соловьевич принимал самое деятельное участие в этой агитационной кампании. «Здесь в эти последние три-четыре недели, — писал Серно-Соловьевич своей приятельнице, известной общественной деятельнице М. В. Трубниковой, — рабочий вопрос принял очень серьезный оборот. Как член Интернационального общества рабочих, я написал несколько статей, которые были замечены в обоих лагерях. Работы было много, случалось спать 2—3 часа в ночь» [74].

24 марта началась забастовка, в которой приняло участие до двух тысяч строительных рабочих. Рабочие других специальностей оказывали моральную и материальную поддержку стачечникам.

Забастовка, которой руководили секции Интернационала, продолжалась более трех недель и закончилась после вмешательства главы женевского правительства Камперио, выступившего в роли посредника между предпринимателями и рабочими. В результате переговоров рабочий день был сокращен с 12 до 11 часов, а заработная плата поднята на 5—10%.

«...В Женеве мы одержали полную победу...», — сообщал Маркс Энгельсу по получении информации об исходе женевской стачки [75]. Всего важнее было то, что предприниматели и правительство, ранее отрицавшие право секций Интернационала на вмешательство во взаимоотношения предпринимателей и рабочих и даже говорившие о необходимости закрыть секции, были вынуждены не только признать их, но вести переговоры непосредственно с

---

[74] «Звенья», 1935, т. 5, стр. 391.
[75] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 38—39.

ними. Исход стачки много способствовал росту популярности и влияния Интернационала среди рабочего населения Женевы.

В течение всей забастовки Серно-Соловьевич вел исключительно напряженную работу. «Последняя грева, — питал он Трубниковой, — занимала у меня по 14 часов в сутки»[76]. В речи, произнесенной при открытии памятника на могиле Серно-Соловьевича, председатель секции каменщиков Шеназ отметил, что значительной долей своего успеха стачка была обязана сверхчеловеческой деятельности и энергии Серно-Соловьевича[77].

Мы лишены возможности обрисовать более или менее полно работу Серно-Соловьевича за время стачки, но одно его выступление необходимо отметить, потому что оно сыграло известную роль в ходе стачки и потому что оно очень ярко рисует как преданность Серно-Соловьевича рабочему делу, так и свойственные ему черты убежденного и решительного революционера.

Во время стачки в Женеву приехал бывший участник германской революции 1848 г. Аманд Гегг. В конце 60-х годов этот мелкобуржуазный демократ сделался фабрикантом. Рекомендуя себя как «общепризнанного друга рабочих», Гегг выступил на страницах женевской буржуазной прессы с призывом к рабочим и хозяевам идти на взаимные уступки в целях обеспечения социального мира. Заявляя о своем желании содействовать разрешению рабочего вопроса, Гегг приглашал буржуазию «слиться» с рабочим классом. Путь же к этому он усматривал в развитии кооперативного движения, в создании различных «свободных ассоциаций на экономической почве». «Ассоциации, — писал он, — это — не коммунизм, не социализм, — это просто солидарность интересов, уравнение граждан трудом... Но прежде, чем достигнуть этого, вы, хозяева, и вы, рабочие, сделайте друг другу уступки».

Ввиду того, что письмо Гегга произвело известное впечатление на женевских рабочих, Серно-Соловьевич выступил против него с небольшим, но весьма ярким памфлетом, в котором подверг сокрушительной критике письмо Гегга.

---

[76] «Звенья», т. 5, стр. 393. «Грева» — стачка рабочих.

[77] М. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1909, стр. 275.

Приводя лицемерные рассуждениия Гегга относительно его любви к рабочим, Серно-Соловьевич писал: «Что значит: «Я люблю рабочих»? Любите ли вы их, как любят капусту, ветчину, больше или меньше? Что вы толкуете нам о любви? Пожалуйста оставьте эти выражения ваших чувств! Любите себя, жену, детей и т. д., — все это очень хорошо, но чего требует рабочий от вас и подобных вам? Только должного, — и даже менее того. Обогащаясь на счет его труда, по крайней мере, избавьте его от вашего сочувствия. Вы говорите, что всегда занимались судьбою рабочего. На это мы спросим вас, кто вы такой, г. Гегг? Чем вы живете? Получают ли ваши рабочие все должное им? Проживаете ли вы столько же, сколько производите?» [78].

Страстная отповедь, данная Серно-Соловьевичем Геггу, наделала много шума в Женеве. Его брошюра имела огромный успех. Но автор не был вполне удовлетворен. Если его ответ Геггу и обезвредил непрошенное вмешательство этого «любителя рабочих» в ход забастовки, то все же на первых порах был момент, когда рабочие готовы были поддаться на уговоры Гегга. Это было результатом недостаточной сознательности рабочих, их неумения правильно оценивать свое положение, осознавать свои интересы и бороться за них. Вот это-то именно и смущало Серно-Соловьевича. «Последняя стачка, — писал он Марксу,—показала, как мало еще рабочие способны руководить сами собою, раз какой-то г. Гегг именно в тот момент, когда надо было проявить максимум энергии, мог в течение двух долгих недель водить рабочих за нос и создать себе выдающееся положение в стране!» [79].

Ход женевской стачки убедил Серно-Соловьевича, что руководителям рабочего движения предстоит еще громадная работа не только по организации рабочих, но и по поднятию их политического сознания. В эту сторону и были направлены дальнейшие усилия Серно-Соловьевича, с новой энергией отдавшегося работе в секциях Интернационала.

Вскоре по окончании стачки он писал Трубниковой:

---

[78] Б. П. Козьмин. А. А. Серно-Соловьевич в I Интернационале и в женевском движении, стр. 107—108.

[79] «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 34—35.

«Шум поутих и работа пошла менее лихорадочная, но зато более серьезная. В конце концов серьезно то, что рабочий вопрос выдвинулся здесь с необыкновенной силой и с крайне практическим направлением. Я очень доволен своей настоящей деятельностью, но не достает только часов в сутки» [80].

Из-за недостатка материалов мы лишены возможности учесть полностью деятельность Серно-Соловьевича в Интернационале. Однако и того немного, что нам известно, достаточно, чтобы иметь полное основание для признания ее широты и интенсивности.

Серно-Соловьевич был избран секретарем статистического бюро женевских секций Интернационала. Ему было поручено написать отчет об их деятельности для третьего конгресса Интернационала, который должен был состояться в сентябре 1868 г. в Брюсселе. Он был также членом комиссии по выработке проекта устава касс сопротивления. Комиссия эта проектировала создание единой кассы, общей для всех секций, но Центральный комитет женевских секций отверг этот проект, предпочтя систему обособленных касс, отдельных для каждой секции.

Крайне важна и интересна попытка Серно-Соловьевича совместно с некоторыми другими деятелями женевского рабочего движения создать рабочую партию, какой ранее в Швейцарии не существовало и которая бы действовала независимо от других партий. Дело в том, что женевские рабочие на выборах в Большой совет своих кандидатов не выставляли, а голосовали за кандидатов радикальной партии.

В ноябре 1868 г. предстояли перевыборы Большого совета. Серно-Соловьевич и его товарищи стояли за то, чтобы на этот раз рабочие решили не поддерживать радикальную партию, а выставить своих кандидатов от имени вновь создаваемой партии социальной демократии.

Партия эта была организована. Она обратилась к населению Женевы с воззванием, в котором писала, что пришла пора «положить конец экономическим и политическим привилегиям и по мере своих сил добиваться замены их царством справедливости, равной для всех. Над выполнением этого долга партия социальной демократии призы-

[80] «Звенья», т. 5, стр. 395—396.

вает вас работать»[81]. Далее следовало перечисление реформ, которые новая партия решила выдвинуть в качестве первоочередных: отделение церкви от государства, введение обязательного для всех и бесплатного обучения, замена всех прямых и косвенных налогов единым подоходным налогом и налогом на наследства, создание банка, долженствующего поддерживать кооперативные учреждения, и др. Эти требования не раскрывали полностью программы партии социальной демократии. Они формулировали лишь ближайшие задачи, которые партия выдвигала применительно к предстоящим выборам в Большой совет.

Выборы принесли полное разочарование организаторам новой партии. Она собрала лишь немногим более ста голосов и не провела в Большой совет ни одного своего кандидата.

В чем же причины неуспеха новой партии? Ведь женевские секции Интернационала насчитывали тысячи членов! Дело в том, что громадное большинство строительных рабочих было не гражданами Женевского кантона, а иностранцами или выходцами из других кантонов, не пользовавшимися правом голоса в Женеве. Местные же рабочие представляли собой различного рода ремесленников: часовщиков, граверов, ювелиров, живописцев по эмали и т. п. Фабрично-заводских рабочих в Женеве того времени не было. При таких условиях немудрено, что среди женевских рабочих пользовались большим распространением оппортунистические настроения и мелкобуржуазные иллюзии, заставлявшие их по старой привычке голосовать на выборах за радикалов. Что же касается наиболее сознательных из рабочих, то они воздерживались от голосования за партию социальной демократии из-за боязни разбить голоса и тем самым способствовать победе консерваторов.

Было и еще одно обстоятельство, способствовавшее неудаче новой партии. Это — бакунинская пропаганда невмешательства рабочих в политическую жизнь. Вполне понятно, что к попытке организовать рабочую политическую партию Бакунин отнесся крайне отрицательно. Признавая, что ее программа содержала в себе «прекрасные

[81] Б. П. Козьмин. А. А. Серно-Соловьевич в I Интернационале и женевском рабочем движении, стр. 111—112.

вещи», он находил, что она «неосуществима, пока будет существовать господство буржуазии, т. е. пока будут государства»[82].

28 апреля, т. е. почти накануне выборов в Большой совет, в Женеве состоялось учредительное собрание Альянса, принявшее предложенную Бакуниным программу. Эта программа исходила из осуждения «всякого политического действия, не имеющего непосредственной и прямой целью торжества рабочего дела против капитала», и доказывала необходимость уничтожения современных государств в целях замены их «всемирной федерацией земледельческих и промышленных артелей». Рабочие, принявшие точку зрения Бакунина, неизбежно должны были уклоняться от участия в избирательных кампаниях.

Крайне важно, что в числе учредителей Альянса можно было встретить А. Каталана и Шарля Перрона, бывших в то же время, наряду с Серно-Соловьевичем, инициаторами создания партии социальной демократии. Их вхождение в Альянс, при той программе, которую приняла эта организация, являлось прямой изменой делу создания самостоятельной рабочей партии. И это, конечно, не могло не отразиться на исходе выборов в Большой совет. Провал партии социальной демократии на выборах благоприятствовал дальнейшему успеху бакунинской пропаганды аполитизма. Серно-Соловьевичу было от чего прийти в отчаяние.

Серно-Соловьевич принадлежал к числу очень немногих деятелей женевских секций Интернационала, занявших резко отрицательную позицию по отношению к бакунинскому Альянсу. Ученик Чернышевского и один из руководителей «Земли и воли» начала 60-х годов, он был очень далек от взглядов Бакунина и анархизма. Как уже указано выше, он крайне отрицательно относился к проповедуемому Бакуниным «воздержанию» от участия в политической борьбе. Он понимал, что, создав самостоятельную политическую партию, рабочий класс может добиться некоторого улучшения своего положения в современном обществе. Еще более он ценил агитационное значение самостоятельных политических выступлений пролетариата.

---

82 М. А. Бакунин. Избр. соч., т. V. П.—М., 1922, стр. 23.

С этой именно точки зрения он подходил к оценке исхода женевских выборов. Он находил, что, несмотря на полный провал партии социальной демократии, ее выступление имело, однако, положительное политическое значение. «Воскресные выборы, на которых партия социально-демократической республики выступила независимо от всех старых партий, навсегда разделили страну на два резко разграниченных лагеря. Отныне борьба будет все обостряться, это несомненно»,— писал Серно-Соловьевич 20 ноября 1868 г. К. Марксу [83].

Не разделял Серно-Соловьевич и бакунинской веры в возможность немедленной социальной революции. При недостаточной политической сознательности рабочего класса преждевременные попытки поднять восстание могли, по мнению Серно-Соловьевича, принести только вред рабочему делу. В том же письме к Марксу он признавался, что «никогда так не боялся революции, как в данный момент». «Я знаю,— добавлял при этом Серно-Соловьевич, имея в виду Бакунина и его последователей,— что по этому последнему вопросу я расхожусь со многими, которые считают, что самое главное — поскорее совершить всеобщий переворот» [84].

В связи с вхождением Каталана в Альянс Серно-Соловьевич был вынужден прекратить сотрудничество в его газете «Liberté» и начал выпускать свою собственную под названием «Internationale». Однако ему, при его постоянном безденежье, удалось выпустить только два номера ее. При той политической позиции, которую занимал Серно-Соловьевич, его газета не могла понравиться ни бакунистам, ни оппортунистам. «...Выпуск ее,— жаловался Серно-Соловьевич Марксу,— волей-неволей пришлось прекратить, так как она вызывала слишком сильное раздражение. Откровенный язык без лести не в моде в Женеве, и во мне чуть было не заподозрили провокатора» [85].

Таким образом, к концу 1868 г. Серно-Соловьевич оказался в почти полной политической изоляции. И бакунисты и антибакунисты смотрели на него как на своего противника. Этим и был порожден тот острый пессимизм, ко-

---

[83] «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 32.
[84] Там же, стр. 34.
[85] Там же, стр. 25.

торым проникнуто его письмо Марксу от 20 ноября 1868 г. В нем Серно-Соловьевич писал: «Быть может, я слишком скептичен по своей натуре, но я предпочту лучше наняться к какому-нибудь буржуа, чем служить за деньги ассоциации, которая эксплуатирует куда больше любого фабриканта всех тех, кто имеет несчастье работать у нее». «А чего стоит вся эта свора мелких честолюбцев, маленьких трибунов, претендентов в диктаторы, полных нетерпимости и самомнения!» — добавлял Серно-Соловьевич, высказывая опасение, как бы какой-нибудь честолюбец не успел использовать рабочее движение в своих личных интересах [86]. Однако эти опасения не лишали его веры в конечный успех рабочего дела. Залогом этого была, в его глазах, деятельность Интернационала, которому он ставил в громадную заслугу пробуждение в рабочем классе с о з н а н и я т о г о, «ч т о у н и х в ж и з н и е с т ь н е ч т о п о м и м о ж е с т о к о г о з а к о н а с п р о с а и п р е д л о ж е н и я» [87].

В том изолированном положении, в котором Серно-Соловьевич оказался после своей более нежели годичной напряженной работы в Интернационале, для него единственным утешением оставалось то, что он был включен в качестве члена в комиссию, разрабатывавшую проект создания газеты, которая являлась бы официальным органом романской федерации Интернационала. В цитированном выше письме к Марксу Серно-Соловьевич, по поручению комиссии, просил руководителя Интернационала о сотрудничестве в будущей газете и об оказании ей помощи и советами, и материалами, и рекомендацией сотрудников. «...Нужно найти людей, умеющих писать, — обращался он к Марксу,—что совсем не так просто, в особенности, если учесть, что газета выходит на французском языке, а французы (это мое личное мнение) отличаются колоссальным невежеством и, к тому же, невыносимы со своими декламациями» [88].

Серно-Соловьевич был уверен, что его будущее сотрудничество в запроектированной газете даст ему гро-

---

[86] «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 35.
[87] Там же, стр. 32—33. Подчеркнуто мною. — *Б. К.*
[88] Там же, стр. 34.

мадное нравственное удовлетворение. Однако судьба жестоко пошутила над его надеждами.

На первом конгрессе романских секций Интернационала, собравшемся в Женеве в начале января 1869 г., было принято решение начать издание газеты «Égalite» и выбран ее редакционный совет. Серно-Соловьевич не вошел в состав его. Руководство газетой оказалось всецело в руках Бакунина и его последователей.

Как мы видели, Серно-Соловьевичу пришлось пережить целую цепь разочарований и неудач: недостаточную твердость женевских рабочих во время стачки, провал на выборах организованной им партии, травлю издававшейся им газеты, громадный рост влияния Бакунина среди женевских рабочих, отстранение от участия в редактировании газеты Интернационала, над созданием которой он так много поработал. Все это могло потрясти человека даже с вполне здоровой психикой, а Серно-Соловьевич давно уже страдал душевной неуравновешенностью, в середине 60-х годов принявшей настолько острый характер, что ему пришлось провести некоторое время в психиатрической лечебнице. Теперь душевное заболевание Серно-Соловьевича вспыхнуло с новой силой. Узнав от врача, что его положение безнадежно, Серно-Соловьевич 16 августа 1869 г. покончил с собою.

Последние годы жизни Серно-Соловьевич отстранился от участия в русских эмигрантских делах, отдавшись всецело работе в Интернационале. По словам автора его некролога, помещенного в «Народном деле», Серно-Соловьевич говорил:

«Меня мучит, что я не еду в Россию мстить за гибель моего брата и его друзей, но мое одиночное мщение было бы недостаточно и бессильно; работая здесь в общем деле, мы отомстим этому проклятому порядку, потому что в Интернационале лежит залог уничтожения всего этого порядка повсюду, повсеместно...» [89].

Таким образом, на свою работу в Интернационале Серно-Соловьевич смотрел как на служение не только делу мирового рабочего движения, но и освобождению своей родины от деспотизма. Как мы увидим ниже, Русская секция Интернационала шла по пути, указанному

---

[89] «Народное дело», 1869, № 7-10, стр. 112.

Серно-Соловьевичем. Однако в отличие от него ее участники пытались соединить работу в женевских секциях с участием в революционном движении своей родины.

Создание Русской секции имело особенно важное значение ввиду того, что в русском обществе второй половины 60-х годов при наличии большого интереса к Интернационалу наблюдалось отсутствие правильного представления о задачах этой организации. На страницах русской прессы того времени Интернационал изображался то как центр, призванный объединить кооперативное движение разных стран, то как организация, созданная английскими рабочими для ограждения себя от конкуренции иностранных, то как союз таинственных заговорщиков, готовящихся потрясти весь мир. Даже революционные круги России были крайне слабо осведомлены о том, что представлял собою в действительности Интернационал. Вот почему распространение в России правильных сведений об Интернационале и его работе имело весьма важное значение, не говоря уже о практических попытках использовать его опыт в целях развития революционной борьбы в России.

ЗНАКОМСТВО С МАРКСИЗМОМ В РОССИИ 60-х И 70-х ГОДОВ

Если, несмотря на обилие откликов в русской прессе на деятельность Интернационала, русское общество в 60-х годах не имело правильного представления о нем, то приблизительно то же самое можно сказать и о понимании им марксизма, хотя о Марксе и его соратнике Энгельсе писали в России того времени не мало.

Известно, что первое знакомство с произведениями основоположников научного социализма относится еще к 40-м годам прошлого века. Это дало некоторым исследователям повод утверждать, будто с этого именно времени и началось «проникновение марксизма в Россию». Однако такая постановка вопроса является совершенно необоснованной. Не только в 40-х годах, но и значительно позднее правильного представления о сущности марксизма, о том, чем теория Маркса отличалась от учений других социалистов, в России не существовало. Недаром видный деятель революционного движения 70-х годов

Н. А. Морозов, лично знакомый с Марксом, вспоминал, что большинство его современников «одинаково сочувствовало Бакунину, Лаврову, Михайловскому, Лассалю, Марксу и Энгельсу» [90].

Социально-экономическая отсталость тогдашней России, обусловливавшая отсутствие в нашей стране предпосылок, необходимых для усвоения научного социализма, делает вполне понятным отсутствие и правильного представления о сущности марксизма.

Семидесятники-мемуаристы сами говорят, что в учении Маркса многое для них было и непонятно и неприемлемо. Так, известный революционер начала 70-х годов С. Ф. Ковалик рассказывает: «Экономическим материализмом и вопросами историософии семидесятники, читавшие только первый том «Капитала», мало занимались. Широко распространилось лишь чисто экономическое учение Маркса о трудовой ценности и взгляд его на отношения между трудом и капиталом. Семидесятники ощутили в своих сердцах ненависть к эксплуатации труда капиталистами и без колебаний признали освобождение труда одной из первых задач всякой прогрессивной программы. Далее этого не шло значение Маркса, никто из семидесятников не признавал его отцом научного социализма. Молодежь того времени и после прочтения «Капитала» продолжала оставаться на точке зрения, так называемого ныне, «утопического» социализма и признавала своими учителями Чернышевского, а вскоре потом Лаврова и Бакунина». Другой видный семидесятник, впоследствии один из организаторов группы «Освобождение труда», П. Б. Аксельрод, рассказывая о своем знакомстве с «Капиталом», писал: «Философски-историческая основа великого научного труда Маркса для меня оставалась тогда скрытой; не понял я также,— или поверхностно понял,— тонкости его анализа и многие места в конце. Воспринял я главным образом теорию стоимости и прибавочной стоимости, поразило меня изображение процесса возникновения капитала как необходимой фазы в развитии товарного обмена, а затем, конечно, развитие самого капиталистического производства в направлении к социализму путем вытеснения мелких собственников крупными

[90] Н. А. Морозов. Карл Маркс и «Народная воля» в начале 80-х годов. «Каторга и ссылка», 1933, № 3, стр. 144.

и все большей и большей концентрации средств производства в руках немногих капиталистов»[91].

Конечно, при таком ограниченном усвоении идей Маркса и говорить не приходилось о «проникновении» марксизма в Россию. Характерно, что даже те люди, которые сами заявляли о своем согласии с Марксом, в действительности были очень далеки от восприятия его учения. Можно подтвердить это показательными примерами.

Так, еще в 1850 г. известный русский эмигрант Н. И. Сазонов сообщал Марксу: «...Вам будет до некоторой степени приятно узнать, что я присоединяюсь по всем существенным пунктам к тому, что Вы высказали в Манифесте, изданном Вами в Брюсселе» (т. е. в «Манифесте Коммунистической партии»). При этом Сазонов выражал желание работать в духе этого «Манифеста»[92].

У нас нет никаких оснований брать под сомнение искренность Сазонова. Однако хорошо известно, что он работал тогда и позже отнюдь не в духе «Манифеста Коммунистической партии». Очевидно, он воспринял этот исторический документ как-то по-своему. Другими словами, только неправильное понимание им теории Маркса привело его к тому, что он начал выдавать себя за его единомышленника.

Приведем другой сходный пример. В 1865 г. П. Н. Ткачев на страницах «Русского слова» заявил, что историко-материалистическая концепция, обоснованная Марксом в его работе «К критике политической экономии», сделалась «почти общим достоянием всех мыслящих людей». Это заявление дало кое-кому повод зачислить Ткачева в марксисты. Однако если мы разберемся в его взглядах, то убедимся, что ни о каком марксизме говорить в данном случае нет оснований. Ткачев, цитируя Маркса, истолковывал его в духе утилитаризма и теории «разумного эгоизма», т. е. извращал[93].

---

[91] Старик (С. Ф. Ковалик). Движение 70-х годов по Большому процессу. «Былое», 1906, № 10, стр. 5—6; П. Б. Аксельрод. Пережитое и передуманное, кн. 1. Берлин, 1923, стр. 88.

[92] «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 26.

[93] П. Н. Ткачев. Избр. соч., т. I. М., 1932, стр. 70. Об отношении Ткачева к марксизму см. мою статью «К вопросу об отношении П. Н. Ткачева к марксизму». — «Литературное наследство», т. 7-8. М., 1933, стр. 117 и сл.

Укажем еще на Н. В. Шелгунова и отношение его к известной книге Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». В 1861 г. Шелгунов поместил в «Современнике» статью «Рабочий пролетариат в Англии и Франции». В части, касающейся Англии, статья Шелгунова представляла собою пересказ указанной книги Энгельса.

Шелгунов очень высоко оценил автора этой книги. Он назвал его «одним из лучших и благороднейших немцев» [94]. К произведению Энгельса он отнесся в высшей степени внимательно и добросовестно. Он заимствовал у Энгельса не только факты и цифры, но и теоретические объяснения. Вслед за Энгельсом Шелгунов писал, что в буржуазном обществе рабочий труд расценивается, как всякий товар, что свобода, которой пользуется в этом обществе рабочий, иллюзорна, что в действительности он юридически и фактически является рабом буржуазии, и, наконец, что интересы рабочих и предпринимателей прямо противоположны. Усвоив все эти положения Энгельса, Шелгунов, однако, не заимствовал у него его заключительного вывода.

Книга Энгельса заканчивалась выраженным в весьма категорической форме положением: «Революция неизбежна: уже слишком поздно предлагать мирный выход из создавшегося положения...» [95].

Иначе высказывался Шелгунов: для него вопрос этот не представлялся еще окончательно разрешенным. Он допускал, что правительства Англии и Франции окажутся способными взглянуть на рабочий вопрос «с точки зрения интересов всей страны». Ему хотелось надеяться на то, что «у господствующих сословий» достанет «столько политического такта, чтобы сделать во-время уступку и не вызвать в народе более энергического способа действий, чем это было до сих пор» [96].

Таким образом, в отличие от Энгельса Шелгунов не разуверился еще в возможности мирного разрешения рабочего вопроса на Западе, особенно в Англии. Очевидно, несмотря на решительную постановку в книге Энгельса проблемы о мирном и революционном пути, Шелгунов

---

[94] «Современник», 1861, № 9, стр. 137.
[95] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 516.
[96] «Современник», 1861, № 11, стр. 262, 269.

сохранял еще некоторые иллюзии относительно буржуазной демократии.

Приведенные нами примеры показывают, с какой осторожностью приходится говорить о «проникновении марксизма» в Россию. В громадном большинстве случаев дело сводилось к разнообразным извращениям мыслей основоположников научного социализма. Особенно интересно, что в ряде случаев марксизм использовался для обоснования антимарксистских выводов. Это отмечал еще Ленин. «Оригинальное явление: марксизм был, уже начиная с 80-х годов (если не раньше), такой бесспорной, фактически господствующей силой среди передовых общественных учений Западной Европы, что в России теории, враждебные марксизму, не могли долгое время выступать открыто против марксизма. Эти теории софистицировали, фальсифицировали (зачастую бессознательно) марксизм, эти теории как бы становились сами на почву марксизма и «по Марксу» пытались опровергнуть приложение к России теории Маркса!» [97].

В качестве типичного народника, пытающегося опереться на теорию Маркса, можно назвать хотя бы известного экономиста Н—она (Н. Ф. Даниельсон), «по Марксу» доказывавшего, будто капитализм в России не имеет данных для развития. И ранее, в 70-х годах тоже было не мало подобных — сознательных или бессознательных — фальсификаторов. Укажем, к примеру, на пользовавшегося в то время популярностью публициста П. П. Червинского. Если, утверждал последний, «экономическое строение» русского общества отличается от западного, то, следовательно, отличными от западного должны быть и государственное устройство России, и ее политические порядки, и вся ее культура [98]. Аналогичных попыток привлечения учения Маркса к обоснованию возможности для России миновать капитализм в 70-х годах делалось довольно много. Между прочим, одна из этих попыток принадлежала Г. В. Плеханову, в то время члену тайного общества «Земля и воля». Мы имеем в виду его статью «Закон эко-

---

[97] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 85. В другой своей работе Ленин указывал, что «народническое отношение к Марксу» следует рассматривать как своеобразную «разновидность ревизионизма». В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 68.

[98] Подробнее о Червинском см. в моей книге «От 19 февраля к 1 марта». М., 1933, стр. 181—185.

номического развития общества и задачи социализма в России», напечатанную в 1879 г. в №№ 3 и 4 «Земли и воли»[99]. Как известно, Плеханов, доказывая, что общинное устройство спасет Россию от капитализма, делал попытку обосновать это социально-экономическим учением Маркса.

Несмотря на то, что до возникновения группы «Освобождение труда» мы наблюдаем в России не усвоение марксизма, а искажение его, тем не менее широкое распространение трудов Маркса в России имело большое значение, делая имя их автора чрезвычайно популярным в русских революционных кругах. На автора «Капитала» привыкали смотреть, как на один из высших авторитетов в вопросах социальной революции.

РУССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ 60-х ГОДОВ

Со времени ликвидации тайного общества «Земля и воля» в России не осталось центра, который координировал бы деятельность разрозненных революционных кружков, разбросанных по всей стране. При таких условиях особенно большое значение получала политическая эмиграция, образовавшаяся к тому времени за границей. Проживая в Западной Европе, эмигранты имели возможность непосредственно наблюдать ход рабочего движения на Западе и знакомиться с такими произведениями западной революционной мысли, которые не находили доступа в Россию по цензурным условиям, существовавшим тогда в нашей стране.

К этому надо прибавить, что после 1863 г. в России фактически перестал существовать тайный типографский станок. Никакие произведения нелегальной литературы в те годы в нашей стране не выходили. У эмигрантов же, казалось, была полная возможность развернуть издательскую деятельность. Однако в действительности было не так. Целый ряд обстоятельств препятствовал этому. Даже герценовский «Колокол», несмотря на популярность, которой он пользовался, переживал глубокий кризис: он испытывал недостаток литературных материалов, а главное — распространение его в России снизилось почти до нуля. Причиной была реакция, восторжествовавшая в

[99] Г. В. Плеханов. Соч., т. I, стр. 56—74.

России. Эмиграция в силу ряда причин не смогла сыграть роль идейного центра. Отмеченный выше идейный разброд середины 60-х годов не мог не отразиться и на эмиграции. Большое значение имела также и неоднородность эмиграции.

Дело в том, что в 60-х годах наряду со старшим поколением русских эмигрантов, оставившим Россию в 40-х и в 50-х годах, складывалась новая, так называемая «молодая эмиграция». Она состояла из представителей разночинной молодежи, выросшей — в большей или меньшей степени—под идейным влиянием Чернышевского и Добролюбова и принимавшей непосредственное участие в революционных событиях конца 50-х и начала 60-х годов. Эта «молодая эмиграция» была объединена ненавистью к самодержавию и пережиткам крепостничества, преклонением перед Чернышевским, презрительным отношением к «либералам» и нескрываемым недоверием к представителям старой, вышедшей преимущественно из дворянской среды эмиграции. Известна та борьба, которая происходила между «молодой эмиграцией», с одной стороны, Герценом и Огаревым — с другой.

Эмигрантская молодежь твердо помнила о свойственных Герцену в годы подготовки реформы 1861 г. колебаниях между демократизмом и либерализмом. Она ставила ему в вину то, что он, предпочитая путь мирных реформ революционному, упорно держался в то время за надежду убедить царское правительство в необходимости коренных реформ, и то, что он писал, по выражению Ленина, «бесчисленные слащавые письма в «Колоколе» к Александру II Вешателю...»[100]. Молодые эмигранты продолжали негодовать на Герцена и за его несправедливые нападки на сотрудников некрасовского «Современника», которым он бросил обвинение, будто они играют на руку правительству. Полемика, которую Чернышевский и Добролюбов были вынуждены вести против «Колокола», была еще свежа в памяти молодых эмигрантов. Негодуя на Герцена, молодежь не хотела оценить в полной мере тот перелом, который наметился в политической линии «Колокола» после 1861 г., когда Герцен убедился в «обманном» характере «воли», дарованной правительством крепостным крестьянам, и когда он увидел, наконец, в России

[100] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 12.

то, что ему не приходилось видеть в ней ранее: народ, восставший на защиту своих интересов. Тогда он, по формулировке Ленина, «безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма»[101]. Привыкнув относиться к Герцену если не с недоверием, то во всяком случае с большой настороженностью, молодые эмигранты были склонны преувеличивать значение тех пережитков либеральных иллюзий, которые Герцен и в 60-х годах не сумел еще изжить в полной мере и отзвуки которых и в то время подчас проявлялись довольно ясно на страницах его изданий. На этой почве между Герценом и Огаревым, с одной стороны, и молодой разночинной интеллигенцией — с другой, происходил ряд недоразумений и столкновений, принимавших порой весьма острый характер[102].

Если молодые эмигранты сходились друг с другом в своем отрицательном отношении к самодержавию и господству дворянства, если против Герцена они выступали — за немногими исключениями — общим, сплоченным фронтом, то это еще не означало, что они представляли собою в идеологическом отношении единое целое. Преклоняясь перед Чернышевским и с гордостью именуя себя, иногда без достаточных на то оснований, его учениками, молодые эмигранты, — или, по крайней мере, большинство их, — в действительности начали забывать уроки Чернышевского и в некоторых, иногда весьма существенных, отношениях отступать от его взглядов. К концу 60-х и к началу 70-х годов их отход от идей Чернышевского обозначился с полной ясностью.

Одни из них пошли вслед за Бакуниным и превратились в анархистов (Н. И. Жуковский, В. А. Озеров); другие сделались мирными буржуазными демократами (Н. Я. Николадзе); третьи ренегатством вымолили себе у царского правительства прощение и право на возвращение в Россию (Е. Гижицкий); четвертые, продолжая оставаться за границей, ушли в частную жизнь и обывательщину. Только очень немногие из эмигрантов 60-х годов продолжали и в следующем десятилетии активно участвовать в революционной работе.

---

[101] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 14.

[102] Подробно об этом см. в моей работе «Герцен, Огарев и «молодая эмиграция». «Литературное наследство», т. 41-42.

В самом конце 60-х годов среди «молодой эмиграции» сложилась группа, проявившая большой интерес к деятельности Интернационала и попытавшаяся связать с ним русское революционное движение. Основав в Женеве Русскую секцию Интернационала, эта группа пыталась наладить связи с Россией, где в то время стало наблюдаться некоторое оживление в революционной среде, сменившее полное затишье, воцарившееся после разгрома ишутинского кружка и разгула «белого террора». Этой-то группе мы и посвящаем настоящую работу.

К ВОПРОСУ О РОЛИ М. А. БАКУНИНА В ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ

Примкнув к Интернационалу, названная группа неизменно поддерживала его Генеральный совет и сыграла немалую роль в борьбе против раскольнической политики Бакунина и его последователей, в связи с чем деятельность этой группы представляет интерес не только для истории русского революционного движения, но и для истории мирового рабочего движения и Интернационала: от исхода борьбы между сторонниками Маркса и Генерального совета и приверженцами Бакунина зависел ход дальнейшего развития классовой борьбы мирового пролетариата. Поэтому, как бы ни скромна была роль Русской секции в указанной борьбе, она все же имеет право на внимание со стороны исследователей.

Первые годы существования Интернационала были отмечены упорной борьбой Генерального совета против прудонизма, находившего себе многочисленных сторонников среди членов Интернационала во Франции и Бельгии. На Брюссельском конгрессе 1868 г. прудонизму был нанесен сокрушительный удар. Несмотря на сопротивление прудонистов, конгресс этот принял резолюцию, требовавшую отмены частной собственности на землю и ее недра. Одновременно с этим конгресс, опять-таки вопреки прудонистам, одобрил стачки рабочих как одно из «необходимых средств борьбы между трудом и капиталом».

Со времени Брюссельского конгресса влияние прудонистов на рабочее движение начало падать с катастрофической быстротой, и прудонизм скоро сошел с исторической сцены. Однако если прудонизм был разбит, то это

еще не означало, что разбит был мелкобуржуазный утопизм вообще.

Ближайший же конгресс Интернационала, состоявшийся в сентябре 1869 г. в Базеле, показал, что у Генерального совета появился новый противник, не менее опасный, нежели прудонизм. Это новое мелкобуржуазное течение, к которому примкнули бывшие прудонисты, возглавлялось русским эмигрантом М. А. Бакуниным. На Базельском конгрессе за Бакуниным шло весьма значительное число делегатов, и ему едва не удалось, вопреки возражениям сторонников Генерального совета, провести свою резолюцию относительно отмены права наследования; в этой мере Бакунин и его последователи, не понимавшие действительного соотношения между правом и экономикой, готовы были видеть первый шаг к социальному перевороту.

Бакунин вошел в Интернационал с плохо скрытым стремлением подчинить его своему влиянию и навязать ему свою анархистскую программу. Для этой цели им была создана полуконспиративная организация, принявшая название — Альянс социалистической демократии. По мысли Бакунина, эта организация должна была подчинить себе Интернационал и таким путем захватить идейное руководство международным рабочим движением [103].

Для Маркса и Генерального совета затаенные стремления Бакунина не остались тайной. С первых же его шагов они поняли его раскольническую политику и начали энергично противодействовать его интригам.

Маркс ясно видел всю глубину пропасти, отделявшей его от Бакунина. По выражению Ленина, это была «пропасть между миросозерцанием уверенного в победе своего класса пролетария и отчаявшегося в своем спасении мелкого буржуа» [104]. Если в то время даже среди пролетариата наиболее развитых в промышленном отношении стран имелась значительная прослойка мелкобуржуазных

---

[103] Эти затаенные планы Бакунина чрезвычайно ярко и убедительно разоблачены Марксом и Энгельсом в их работе «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II. стр. 537—649.

[104] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 11.

элементов, то еще хуже дело обстояло со странами, отсталыми в экономическом отношении. Классовое самосознание пролетариата этих стран далеко еще не выработалось, и потому различные мелкобуржуазные теории находили для себя в этих странах весьма благоприятную почву. Там Генеральному совету приходилось приобретать себе сторонников в ожесточенной борьбе против различных школ и сект, стоявших на почве непролетарского, домарксовского социализма. В борьбе с ними вырабатывалась правильная тактика пролетарской борьбы, строившаяся на основах марксовского учения о социальной революции и о диктатуре пролетариата.

Бакунизм, нашедший себе большое количество сторонников в Италии, Испании, Швейцарии, России и отчасти во Франции, являлся одним из наиболее опасных и могущественных врагов, встреченных марксизмом на его дороге. Бакунину удалось создать послушную его воле организацию, опираясь на которую он повел наступление на Генеральный совет. В разгаре борьбы последователи Бакунина считали допустимым применять по отношению к противникам любые средства: и ложь, и клевету, и запугивание, и даже меры физического воздействия. Входя в Интернационал, они вели в нем подрывную работу, игравшую на руку врагам пролетариата.

Этим же врагам — и только им — шла на пользу бакунинская проповедь так называемого «политического воздержания». Бакунин старался убедить трудящиеся массы в том, что они не заинтересованы в политических порядках своих стран, что борьба за изменение их — дело, могущее принести пользу только одной буржуазии. Надо уничтожить государство, а не переделывать его,— учил Бакунин. В государстве, какие бы формы оно ни принимало, он видел главного врага трудящихся, источник всякого угнетения, эксплуатации и подавления личности. «В то время как массы социал-демократических рабочих,— писал Энгельс Теодору Куно в 1872 г.,— так же, как и мы, держатся того взгляда, что государственная власть есть не что иное, как организация, которую создали себе господствующие классы — землевладельцы и капиталисты — для того, чтобы защищать свои общественные привилегии, Бакунин утверждает, что *государство* создало капитал, что капиталист обладает своим капи-

талом *только по милости государства*. Так как, следовательно, государство является главным злом, то необходимо прежде всего уничтожить государство, и тогда капитал сам собой полетит к чорту. Мы же говорим обратное: уничтожьте капитал,— сосредоточение всех средств производства в руках немногих, и тогда само собой падет и государство. Разница существенная: отмена государства без предварительного социального переворота — бессмыслица, уничтожение же капитала — именно и есть социальный переворот и заключает в себе преобразование всего способа производства. Но так как для Бакунина государство есть основное зло, то не следует делать ничего, что могло бы поддержать жизнь государства, т. е. какого бы то ни было государства, — республики, монархии и т. п. Отсюда—*полное воздержание от всякой политики*». Изложив точку зрения Бакунина и высмеяв ее необычайный «радикализм», Энгельс заключал: «Проповедывать рабочим воздержание от политики при всяких обстоятельствах — это значит загонять их в объятия попов или буржуазных республиканцев» [105].

Бакунин и бакунисты не хотели видеть того, что отсутствие так называемой политической свободы является тормозом, сильно задерживающим развитие классового сознания пролетариата и сплочение его сил. Они не понимали, что участие в представительных учреждениях — как в парламентах, так и в местных самоуправлениях — является, подобно стачкам, демонстрациям и манифестациям, одной из форм классовой борьбы. Если оно и не может служить решающим средством, при помощи которого пролетариат сумеет разрушить капитализм, то оно все же поможет пролетариату в качестве подготовительного средства к социальной революции.

Ясно, какой вредный разлад вносила в ряды пролетариата проповедь политического воздержания и насколько она задерживала развитие его классового самосознания, а следовательно, и его победу.

Объявив государственную власть причиной социального неравенства и эксплуатации труда капиталом, Бакунин с ожесточением нападал на учение Маркса о диктатуре пролетариата как средстве осуществления коренного

---

[105] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 203—204.

социального переворота и создания социалистического строя. Социальная революция должна начаться, по его мнению, с уничтожения государства и с установления на развалинах его «анархии». Конечно, и в этом отношении проповедь Бакунина не могла принести пролетариату ничего, кроме вреда.

Впрочем, отрицая необходимость диктатуры, Бакунин был далеко не искренен. В интимных обращениях к своим ближайшим друзьям и последователям он признавал диктатуру, но не диктатуру пролетариата как общественного класса — творца нового общества, а диктатуру революционного меньшинства, подчиняющего своей воле народные массы. 12 марта 1870 г., указывая своему другу А. Ришару на необходимость провозглашения в самом начале революции анархии, он писал: «А чтобы спасти революцию, чтобы довести ее до благополучного конца, посреди этой самой анархии необходимо действие коллективной незримой диктатуры, не облеченной никакой властью, а потому тем более продуктивной и мощной»[106]. Мысль об установлении диктатуры без власти показывает, какая путаница царила в голове Бакунина.

Как же представлял себе Бакунин проповедуемую им «анархию»? Основой будущего общественного строя он считал мелкую — земледельческую или промышленную — общину; государство он намеревался заменить вольной федерацией таких общин; вхождение в федерацию и выход из нее в любое время должны быть свободны для каждой общины. Реакционный характер такого общественного идеала вполне ясен.

В своих рассуждениях о будущем строе Бакунин выступал как идеалист и утопист, не понимавший законов общественного развития. Характеризуя миросозерцание Бакунина, Маркс писал: «*Воля,* а не экономические условия, является основой его социальной революции»[107]. Бакунин не сознавал объективной необходимости осуществления социализма и не стремился понять условия, при наличии которых становится возможной его победа. Научный анализ социально-экономической обстановки совершенно отсутствовал в произведениях Бакунина. Он

---

[106] «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. 3. М.—Л., 1927, стр. 364.

[107] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 188.

строил свои расчеты исключительно на своих личных чувствах, влечениях, вкусах и симпатиях. Не умея трезво расценивать обстановку и учитывать шансы на успех, он верил, что одной нищеты народных масс самой по себе достаточно для того, чтобы поднять трудящихся на социальную революцию. Наиболее подготовленными для революции и наиболее ценными элементами он считал те, которые достигли наибольшей нищеты, чье положение наиболее безотрадно и безвыходно. Мелкие землевладельцы и ремесленники, разоряющиеся под влиянием развития капитализма, представлялись ему наиболее надежным оплотом будущей социальной революции. Руководителем же ее,— ее, так сказать, идейным штабом,— призвана стать деклассированная интеллигенция.

Исходя из этого, Бакунин полагал, что в отсталых в экономическом отношении странах социальная революция осуществится раньше и легче, чем в передовых. Наиболее же подготовленной к революции страной он считал Италию, где преобладает, по его выражению, «нищенский пролетариат», в котором якобы «заключается и весь ум, и вся сила будущей социальной революции». Из этого ясно, насколько далек был Бакунин от понимания исторической роли фабрично-заводского пролетариата. Мало этого, он находил, что пролетариат этот недостаточно пригоден к революции, так как его социальное положение более обеспечено, чем люмпен-пролетариата.

Стремясь подчинить Интернационал своему влиянию, Бакунин остановился на Швейцарии как на плацдарме для подготовляемого им наступления на Генеральный совет. Выбор этот отнюдь не был случайным.

Бакунин учитывал прежде всего то, что Швейцария являлась одним из центров интернационального рабочего движения. В ней существовало большое количество секций Международного товарищества рабочих. Значение этих секций порой в силу исторических условий того времени выходило далеко за рамки исключительно швейцарских проблем и дел. Дело в том, что в Германии того времени учреждение секций Интернационала было невозможным по политическим условиям. Поэтому существовавшему в Женеве Центральному комитету группы секций немецкого языка, возглавлявшемуся ветераном германского революционного движения И.-Ф. Беккером,

пользовавшимся большой популярностью среди немецких рабочих не только в Швейцарии, но и в Германии, приходилось до известной степени представлять собою весь немецкий пролетариат.

Что касается Романской федерации Интернационала, обосновавшейся тоже в Женеве, то она, конечно, не могла иметь такого значения, как немецкая. Однако она поддерживала постоянные связи с французским рабочим движением. Этому способствовали преследования, которым подвергались секции Интернационала во Франции Наполеона III со стороны полиции; известно, что преследования эти были настолько упорны, что по временам деятельность французских секций совершенно замирала. Вот почему швейцарские секции Интернационала играли в его судьбах роль, гораздо более значительную, чем можно было предполагать, учитывая слабое развитие промышленности в тогдашней Швейцарии.

Отсталость швейцарской промышленности [108] являлась в глазах Бакунина немаловажным преимуществом этой страны. Он надеялся на то, что среди швейцарских ремесленных рабочих его программа встретит большее сочувствие, чем она могла бы найти среди пролетариата более развитых в экономическом отношении стран. Эта его надежда в значительной мере оправдалась. Ему удалось завоевать большую популярность среди швейцарских рабочих, и одно время он мог не без основания считать себя чуть не диктатором местного рабочего движения. В его руках находился орган Романской федерации Интернационала газета «Égalité», и через нее он проводил свою социально-политическую программу. Однако диктатура Бакунина оказалась непродолжительной. Среди швейцарских рабочих нашлись люди, относившиеся критически к программе Бакунина и оказывавшие поддержку руководимому Марксом Генеральному совету Интернационала. Они активно выступали против Бакунина и его сторонников, и, таким образом, среди швейцарских рабочих началась ожесточенная междоусобная борьба, исход которой,

---

[108] О состоянии швейцарской промышленности и о положении рабочих в Швейцарии того времени см. подробнее в моей статье «А. А. Серно-Соловьевич в I Интернационале и в женевском рабочем движении», стр. 87 и сл.

конечно, имел большое значение для дальнейшей судьбы Интернационала.

Члены Русской секции Интернационала принимали живейшее участие в этой борьбе. Можно даже сказать, что это настолько отвлекало их от чисто русских дел, что нередко силою обстоятельств русские дела как бы отодвигались на задний план. Члены Русской секции оказали весьма заметное влияние на ход швейцарских событий, и это-то и придает их деятельности интерес с точки зрения истории Интернационала.

В силу этих соображений мы отводим в нашей работе особый раздел вопросу об участии членов Русской секции в западноевропейском рабочем движении и в делах Интернационала.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«НАРОДНОЕ ДЕЛО» ДО ОБРАЗОВАНИЯ РУССКОЙ СЕКЦИИ

РУССКАЯ КОЛОНИЯ В ВЕВЕ В 1868 г.

Весной 1868 г. в местечке Веве, расположенном на берегу Женевского озера, образовалась небольшая колония русских политических эмигрантов. Она группировалась вокруг незадолго до того переселившегося из Италии в Швейцарию М. А. Бакунина. Личность Бакунина, побывавшего в саксонских, австрийских и русских тюрьмах и бежавшего из далекой Сибири, настолько импонировала революционной молодежи, что даже те ее представители, которые хорошо знали отрицательные стороны Бакунина как политического деятеля, готовы были закрыть глаза на них.

В свою очередь и Бакунин проявлял большой интерес к молодым русским эмигрантам. В них он видел представителей той «бездомной, странствующей церкви свободы, разбросанной и за границей, и по целой России» [1], т. е. той разночинной интеллигенции, какая, по его мнению, являлась ведущей силой русской революции. Известно, что Бакунин резко осуждал Герцена за его неумение и нежелание сработаться с молодыми эмигрантами. Еще из Италии, в 1866 г., он писал Герцену: «Ищите публики новой, в молодежи, в недоученных учениках Чернышевского и Добролюбова, в Базаровых, в нигилистах — в них жизнь, в них энергия, в них честная и сильная воля» [2]. И когда Герцен, потрясенный направленной против него исключительной по резкости полемической брошюрой А. А. Серно-Соловьевича, излил в письме к Бакунину свое

---

[1] М. А. Бакунин. Русским, польским и всем славянским друзьям. Приложение к листу 122—123 «Колокола», 1862.

[2] «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву». С биографическим введением и объяснительными примечаниями М. П. Драгоманова. СПб., 1906, стр. 293.

негодование как на автора брошюры, так и на всю молодую эмиграцию, Бакунин в письме от 23 июня 1867 г. прочитал ему жестокую, но справедливую отповедь, указав, что, каковы бы ни были недостатки революционной молодежи, вышедшей из разночинческой среды, она по преданности своей делу народного освобождения стоит гораздо выше интеллигенции дворянской. «Нет, воля твоя, Герцен,— писал Бакунин,— эти неумытые, неуклюжие и часто весьма неудобные пионеры новой правды и новой жизни в миллион раз выше стоят всех твоих приличных покойников»[3].

Бакунин приехал в Швейцарию с желанием сойтись с молодой эмиграцией, сделаться в ее среде своим человеком и, завоевав ее симпатии, найти в ее рядах последователей, единомышленников и соратников.

Простота и доступность Бакунина в личных отношениях подкупала молодежь, невольно сравнивавшую его в этом отношении с Герценом. Герцен при встрече с молодежью держался как старший, а не как товарищ. Он не допускал не только панибратства, но и интимности. Иное дело Бакунин. Он умел добиваться полного доверия молодежи, держась с представителями ее как равный с равными. Один русский турист, приехавший в то время в Швейцарию, хотел как одну из местных «достопримечательностей» повидать Бакунина. Знакомый эмигрант свел его вечером в одну из женевских пивных. Там они нашли Бакунина, ораторствовавшего перед русской молодежью[4]. Для Бакунина пребывание в этой пивной являлось обычным времяпрепровождением. Что же касается Герцена, конечно, представить его в такой обстановке невозможно.

Все это облегчало Бакунину сближение с женевской русской молодежью.

«Я здесь... нашел живую русскую и интернациональную среду и потому могу по вкусам и мыслям действовать», — писал Бакунин летом 1868 г. из Веве своим братьям[5].

---

[3] «Письма М. А. Бакунина», стр. 316—317.

[4] Н. Врангель. Воспоминания. От крепостного права до большевиков. Берлин, 1924, стр 61—63.

[5] «Новые письма Бакунина». Сообщ. Е. Корнилова. «Былое», 1925, № 3(31), стр. 50.

Кто же составлял русскую среду, окружавшую Бакунина в Веве? И в каком направлении Бакунин собирался «действовать»?

В одном доме с Бакуниным жили Н. И. Жуковский с женой Аделаидой Степановной и с ее сестрой Ольгой Степановной Левашевой. Жуковский, участник петербургских революционных кружков начала 60-х годов, в 1862 г. бежал из России, спасаясь от угрожавшего ему ареста; за границей он работал в качестве агента по распространению изданий Герцена, позднее же был верным сторонником и соратником Бакунина.

О. С. Левашева играла столь значительную роль в событиях, о которых нам придется рассказывать, что необходимо привести те скудные сведения, которыми мы располагаем, об этой несомненно незаурядной женщине.

Урожденная Зиновьева, она происходила из богатой аристократической семьи, имевшей много связей в правящих кругах Петербурга. Отец ее, С. В. Зиновьев, был помещиком Орловской губернии, а мать — дочерью известного генерала и военного писателя Г. В. Жомини. Брат О. С. Левашевой в 70-х годах служил правителем дел канцелярии петербургского губернатора.

Биография О. С. Левашевой и история формирования ее взглядов до сих пор не выяснены. Известно только, что она вместе с сестрой Марией Степановной, позднее по мужу Витмановой, была близка к кружку Ишутина и принимала участие в организованных этим кружком переплетной и швейной артельных мастерских[6]. В конце 60-х годов мы находим ее в Швейцарии, где она осталась на ряд лет.

В том же доме, что и Бакунин, жил еще один видный русский эмигрант — Н. И. Утин с женою: Поблизости от Веве, в Шапонэре—обитала приятельница Бакунина княгиня З. С. Оболенская со своим мужем поляком-эмигрантом В. Мрочковским, а также другой поляк-эмигрант — Ян Загорский. Частыми посетителями Веве были русские эмигранты М. К. Элпидин, С. Я. Жеманов и А. Я. Щербаков, жившие в то время в Женеве.

С некоторыми из этих людей Бакунину приходилось встречаться еще до переселения в Швейцарию. С Обо-

[6] Е. Козлинина. За полвека. М., 1913, подпись под портретом между стр. 100 и 101.

ленской и Мрочковским он сблизился в Италии, где они принимали участие в его революционных конспирациях, состоя членами организованного им «Интернационального братства». С Жуковским Бакунин был знаком по Лондону; там же он впервые встретился и с Утиным.

В рядах русской колонии в Веве наиболее видной в политическом отношении фигурой, не считая Бакунина, был несомненно Утин. Он сыграл такую большую роль в истории журнала «Народное дело» и Русской секции Интернационала, что нам необходимо познакомиться с ним и с его взаимоотношениями с Бакуниным поближе.

Н. И. УТИН И ЕГО РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРОШЛОЕ

В шестидесятых годах прошлого века Николай Исаакович Утин пользовался довольно широкой известностью как один из видных представителей русских революционных кругов [7]. Насколько широка была эта известность, можно судить по письму Ф. М. Достоевского, посланному им в августе 1867 г. из Женевы поэту А. Н. Майкову. Описывая в нем свидание с И. С. Тургеневым и споры с ним о религии, Достоевский, между прочим, сделал такое замечание: «Деизм дал нам Христа, т. е. до того высокое представление человека, что его понять нельзя без благоговения и нельзя не верить, что это идеал человечества вековечный. А что же они-то Тургеневы, Герцены, Утины, Чернышевские нам представили?» [8].

Как видим, с точки зрения Достоевского, Утин являлся одной из крупных политических фигур, и он не сомневался, что его корреспонденту имя Утина хорошо известно.

Утин был сыном еврея-миллионера, нажившего громадное состояние на откупном деле. Обучался Утин в Петербургском университете, который окончил с золотой медалью. В студенческие годы он принимал живейшее участие в общественных делах петербургского студенчества. Утин являлся одним из руководителей студенческого движения осени 1861 г. Он входил в состав тайного комитета,

---

[7] Подробнее о Н. И. Утине см. в моей статье, помещенной в «Литературном наследстве», т. 62. М., 1955, стр. 607—625.

[8] Ф. М. Достоевский. Письма, т. II, М.—Л., 1930, стр. 31.

руководившего этим движением, выступал в качестве оратора на студенческих сходках и был арестован как один из «зачинщиков» и «подстрекателей» «беспорядков». Более двух месяцев Утин пробыл под арестом. По выходе на свободу он принимал деятельное участие в подпольной революционной работе, которая велась тогда в Петербурге. Он был хорошо знаком с Н. Г. Чернышевским и весной и летом 1862 г. вплоть до ареста руководителя «Современника» являлся одним из наиболее частых его посетителей [9]. О близости Утина к Чернышевскому и о конспиративном характере их взаимоотношений свидетельствует тот факт, что Чернышевский во время производившегося у него обыска, улучив минуту, передал присутствовавшему при этом двоюродному брату своей жены В. И. Рычкову просьбу сообщить Н. И. Утину, чтобы он не беспокоился [10]. Надо думать, что тесные взаимоотношения Утина с Чернышевским были связаны с организацией тайного общества «Земля и воля». Утин входил в состав Центрального комитета этого крупнейшего революционного объединения 60-х годов и был одним из наиболее активных его деятелей. Он участвовал в переговорах с приезжавшими в Петербург в декабре 1862 г. представителями польских революционеров. Им была организована тайная типография «Земли и воли» — первоначально в Петербурге, а затем на мызе Мариенгаузен в Люцинском уезде. В этой типографии были отпечатаны два номера листка «Свобода» и другие прокламации, выходившие от имени «Земли и воли». После провала мариенгаузенской типографии в феврале 1863 г. Утину стал угрожать арест. В мае того же года Утин с ведома и присодействии Центрального комитета «Земли и воли» скрылся за границу.

Утина осудили заочно, и, признав виновным в подготовке «мятежа», приговорили к смертной казни через расстрел.

Переправившись через границу, Утин направился в Лондон. Герцен и Огарев приветливо встретили его: им была известна роль, которую Утин играл в «Земле и во-

---

[9] «Красный архив», т. XIV, стр. 105, 106, 113, 115, 119—122; т. XXIX, стр. 177.

[10] «Шестидесятые годы в воспоминаниях М. Антоновича и Г. Елисеева». М., 1933, стр. 150.

ле». Однако скоро их взаимоотношения стали разлаживаться. Отчасти это объяснялось тем, что не все статьи, написанные Утиным для «Колокола», были напечатаны Герценом [11], а главное — разногласиями принципиального характера. Письма Утина к Герцену и Огареву дают возможность установить, в чем именно заключались эти разногласия.

Учитывая возрастание числа русских эмигрантов в Западной Европе, Утин находил необходимым объединение их путем создания общеэмигрантского центра. Наличие его положило бы конец разрозненности эмигрантов и открыло бы перед ними возможность объединить свои силы в целях торжества дела, которому они посвятили свою жизнь. Этот эмигрантский центр, по мнению Утина, отнюдь не должен был бы претендовать на руководство революционным движением в России. Его задачи ограничивались бы, с одной стороны, вопросами, касающимися жизни и деятельности самих эмигрантов (издание революционной литературы, помощь нуждающимся товарищам и т. п.), а с другой—материальной и идейной поддержкой революционных организаций и кружков, действовавших в России.

Это предложение Утина встретило довольно холодное отношение со стороны Герцена, который предпочитал сохранять изолированное положение и не хотел отказаться от возможности выступать самостоятельно. Не понравилось Герцену и настойчивое предложение Утина реформировать «Колокол», популярность которого и влияние в то время, как известно, уже заметно падали. Утин надеялся, что «при расширении и строгом определении программы и направления преобразованного «Колокола»» [12] этот орган можно будет спасти от угрожавшей ему гибели. Но, конечно, преобразованный «Колокол» должен стать уже

---

[11] На основании писем Утина к Герцену и Огареву можно установить принадлежность Утину следующих статей и заметок, напечатанных в «Колоколе»: «Еще об университетской реформе» в № 177, «Николай Гаврилович Чернышевский» в № 189 (ранее эта статья приписывалась В. А. Зайцеву) и заметки о книгах «Невский сборник» и «Рефлексы головного мозга» И. М. Сеченова в № 238. «Литурное наследство», т. 62, стр. 639—640, 664—665, 686—687.

[12] Письмо Утина к Огареву от 22 июня 1864 г. «Литературное наследство», т. 62, стр. 657.

не личным делом Герцена и Огарева, а органом всей русской эмиграции.

Вступая в переговоры с Герценом и Огаревым о создании общеэмигрантского центра и о преобразовании «Колокола», Утин действовал от имени всех эмигрантов, с которыми он сблизился в Швейцарии. В большинстве своем это были люди того же приблизительно возраста, как и сам Утин. Они принадлежали к числу типичных представителей разночинной интеллигенции и выросли в кругу тех же политических идей, как и Утин. Как и он, они видели в Чернышевском своего учителя и идейного руководителя. Близость Утина к редактору «Современника» и его революционное прошлое импонировали им.

Товарищи Утина по эмиграции, подобно ему самому, относились к Герцену с осторожностью и даже предубеждением. Им были хорошо известны и былые либеральные увлечения издателя «Колокола», и его расхождение с Чернышевским и кругом «Современника». Все это делало неизбежным их разрыв с Герценом, и действительно, этот разрыв произошел на съезде русских эмигрантов в конце 1864 г. в Женеве, куда Герцен приехал по приглашению Утина.

Молодые эмигранты, как жившие в Женеве, так и съехавшиеся из других городов Швейцарии, предъявили Герцену требования, уже известные нам по письмам Утина. Герцен нашел эти требования неприемлемыми для себя. Отношения обострились, и Герцену пришлось выслушать много резких упреков, включительно до обвинения в измене революционному делу и в готовности идти на компромиссы с правительством. Герцен горячо опровергал упреки и с неменьшей резкостью, чем это делали его противники, отражал нападения, доказывая необоснованность их претензий.

На женевских совещаниях Утин выступал как решительный противник Герцена. «Утин хуже других по безграничному самолюбию, — писал Герцен Огареву из Женевы 4 января 1865 г.— Я до сих пор не могу понять твоего падения... с ним, твоих любовных писем к нему и, грешный человек, отношу 3/4 к чарочке» [13].

---

[13] А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XVIII, стр. 6. Под ред. М. К. Лемке.

Женевский съезд закончился полным разрывом между Герценом и молодыми эмигрантами [14]. Почти до самой смерти Герцена между ними продолжалась непрестанная ожесточенная борьба. Утин принимал в ней самое деятельное участие. В письмах Герцена можно найти ряд чрезвычайно резких отзывов об Утине, свидетельствующих, до какой степени были обострены их взаимоотношения. Герцен доходил до того, что говорил об Утине, как о «самом лицемерном из наших заклятых врагов» [15].

Что касается Огарева, то он был настроен более миролюбиво по отношению к «молодой эмиграции», нежели Герцен, и неоднократно делал попытки убедить последнего в необходимости сблизиться с молодежью и договориться о совместной работе. Но Герцен не поддавался на эти уговоры.

В годы эмиграции Утина развернулась его литературная деятельность, начавшаяся еще в России, когда он сотрудничал в «Энциклопедическом словаре», выходившем под редакцией П. Л. Лаврова [16]. Эта деятельность отнюдь не ограничивалась его сотрудничеством в «Колоколе».

К сожалению, мы не имеем возможности установить полностью все, что было написано в годы эмиграции Утиным.

Повидимому, Утин посылал корреспонденции из Швейцарии в «С.-Петербургские ведомости». В одном из писем к Стасюлевичу, женатому на сестре Утина, редактор этой газеты В. Ф. Корш писал: «Не забудьте замолвить слово вашему шурину о корресподенции» [71].

Имеются также указания на сотрудничество Утина в «Современнике». В письме к Огареву от 22 июня 1864 г.

---

[14] Подробнее об этом съезде см. в моей статье «Герцен, Огарев и «молодая эмиграция» «Литературное наследство», т. 41—42, М., 1941. См. также «Литературное наследство», т. 61. М., 1952, стр. 271—278.

[15] А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XX, стр. 163—164.

[16] Из письма Утина к Лаврову видно, что он писал в словаре статьи и заметки по истории Палестины, об апокалипсисе, о религиозных сектах и др. В. Нечаев. Процесс П. Л. Лаврова в 1866 г. «Сборник материалов и статей», вып. I, Изд. Главархива. М.—Л., 1921, стр. 67.

[17] См. «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. II, СПб., 1912, стр. 488. Письмо от 27 сентября 1867 г.

Утин между прочим писал про революционную работу: «Работать! хочется и нужно работать! Т. е. помимо учения и литературной работы для «Современника», нужно *прямее,* категоричнее работать» [18]. Из другого,— более раннего (от 18 февраля 1864 г.),—письма Утина мы узнаем об его намерении написать для «Современника» статью «о наших доморощенных публицистах» [19] (имеются в виду сотрудники катковского «Русского вестника», в частности В. Г. Авсеенко). Если эта статья, возможно, и не была написана Утиным, то тем не менее самый факт его сотрудничества в «Современнике» с бесспорностью устанавливается указанным выше его письмом к Огареву. Что именно из произведений Утина было напечатано в «Современнике», нам, к сожалению, установить не удалось [20].

Из переписки Утина с Огаревым выясняется, что в 1863—1864 гг. Утиным был написан роман из жизни разночинной молодежи. Роман этот, вызвавший суровую оценку со стороны Огарева, напечатан, повидимому, не был и до нас не дошел [21].

Возможно, что Утин печатался в иностранной прессе, Из его письма к Огареву от 9 июля 1864 г. мы узнаем, что, помимо той его статьи о Чернышевском, которая была напечатана в «Колоколе», он написал еще другую статью о своем учителе и друге, которую намеревался поместить в одном из органов французской прессы, для чего просил у Герцена рекомендательное письмо к известному французскому публицисту Прево-Парадолю [22]. Была ли статья Утина напечатана, неизвестно.

Более ясным представляется продолжавшееся ряд лет сотрудничество Утина в журнале «Вестник Европы», основанном в 1866 г. М. М. Стасюлевичем. В этом журнале

---

[18] «Литературное наследство», т. 62, стр. 657.

[19] Там же, стр. 640.

[20] Можно, однако, предполагать, что им была написана статья «О публицистах популяризаторах и о естествознании» («Современник», 1865 г., № 9), направленная против Писарева и без достаточных оснований приписываемая некоторыми исследователями П. Л. Лаврову. Подробнее об этом см. «Литературное наследство», т. 62, стр. 624.

[21] «Литературное наследство», т. 62, стр. 642—644.

[22] Там же, стр. 663—664.

статьи Утина печатались с 1867 по 1871 г. за подписями: «И. Н.» и «Абр. Сем.» [23]

Почти все статьи Утина в «Вестнике Европы» написаны на темы, относящиеся к политической истории Франции в XVIII и XIX вв. и стоят в связи с занятиями историей, которым Утин посвятил значительную часть своего времени в годы эмиграции. «Взвесьте,— писал он в 1867 г. Огареву (письмо от 14 февраля),—сколько нужно подавить в себе, чтобы уйти на целые годы в науку, в 18-ый век». К вопросам истории Утин подходил не как бесстрастный исследователь, которого историческое прошлое интересует само по себе, без связи с современностью, а как политический деятель, стремящийся извлечь из истории уроки для настоящего. Недаром в том же письме к Огареву он называл начатые им литературные работы «историческими аналогическими статьями» [24]. В прошлом его интересовали преимущественно те явления, в которых он находил черты, аналогичные с современностью.

Именно поэтому его внимание привлекала история Франции. Во второй половине 60-х годов вопрос об исторических судьбах и о будущем этой страны интересовал весь мир. Ее внешнеполитическое положение становилось все более острым. Чувствовалось назревание войны между нею и Пруссией. Не менее сложным и напряженным было и внутреннее состояние Франции. Оппозиция бонапартовскому режиму, задавленная Наполеоном III в первые годы его правления, начинала оживать и укреплять свое положение. Недовольство существующим режимом нара-

---

[23] Псевдонимы эти раскрыты в некоторых экземплярах каталога «Вестника Европы» за 1866—1890 гг., напечатанного в № 12 этого журнала за 1890 г. и отдельно. Утиным были помещены в «Вестнике Европы следующие статьи: «Французские парламентаристы 40-х годов» (1867, № 4); «Последние монтаньяры во Франции» (1868, № 1); «Папский Рим и французская палата» (1868, № 2); «Габсбургская семейная переписка в XVIII веке» (1868, №№ 4 и 5); «Граф Мирабо и его отношение ко двору» (1868, № 11); рецензия на книги «The invasion of Crimea by Kinglake» и «Journal humoristique du siège de Sebastopol par un artilleur» (1868, № 12); «Декабрьский переворот во Франции» (1869, №№ 3 и 7); «Война и цивилизация» (1870, №№ 10 и 11); «Франция и Европа при воцарении Наполеона III» (1870, № 12); «Швейцарские письма» (1870, №№ 11 и 12; 1871, №№ 1, 2 и 3); «Старая и новая Франция» (1871, №№ 3 и 6).

[24] «Литературное наследство», т. 62, стр. 684.

стало. Оно проявлялось и при парламентских выборах, во время которых кандидаты оппозиции получали все большее количество голосов, и в появлении новых органов прессы, резко враждебных существующему порядку, и в развитии рабочего движения, и в нарождении во французских городах ряда секций Интернационала.

Утин внимательно наблюдал за французской политической жизнью. Он был знаком с нею не только по современной прессе, но и по личным впечатлениям от неоднократных посещений Парижа[25]. Он не сомневался в приближении кризиса бонапартизма. При таких условиях история Франции приобретала в его глазах особенный интерес. В 1867 г. в статье «Французские парламентаристы сороковых годов» он писал:

«При современном настроении французского общества, накануне ожидания реформ по существенным вопросам государственной и народной жизни, ученая разработка парламентской истории Франции и парламентские воспоминания старых бойцов приобретают особенный интерес и даже практическое значение»[26].

Утин был убежден, что правильное понимание современной французской общественной и политической жизни немыслимо без серьезного изучения истории этой страны.

Подчеркивая революционное значение XVIII века в истории Франции, Утин вместе с тем указывал, что Великая Французская буржуазная революция оставила неразрешенной основную социальную проблему, стоявшую перед Францией: ей не удалось обеспечить материальное положение трудящихся масс. «Достигнув господства и благосостояния революцией 89-го года, средние классы Франции провозглашают status quo высшим выражением цивилизации; между тем, как низшие классы, не получившие себе полного удовлетворения за свое участие в первой революции, не хотят ее считать законченною, не хотят мириться с status quo и требуют от цивилизации — во имя

---

[25] В одной из своих статей Утин упоминает о том, что ему пришлось присутствовать в Париже в июне 1869 г. во дворе редакции газеты «Rappel», когда шел вопрос о выборе в палату Рошфора, «и... увы! сознаюсь — участвовать в побеге от кастетов и тесаков парижских сержантов». А б. С е м. Швейцарские письма. «Вестник Европы», 1870, № 11, стр. 470.

[26] «Вестник Европы», 1867, № 4, стр. 79.

закона о ее вечном прогрессе — изменений, сообразных с их потребностями лучшего быта»[27].

Однако внимание Утина привлекала к себе не столько социальная, сколько политическая история Франции. В результате изучения ее Утин создал концепцию, представляющую значительный интерес для характеристики его политических взглядов. С этой концепцией нам придется познакомиться, когда мы будем выяснять отношение Утина к Парижской Коммуне.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ УТИНА И БАКУНИНА ДО ИХ ВСТРЕЧИ В ШВЕЙЦАРИИ

Утин познакомился с Бакуниным в 1863 г., когда Бакунин в середине октября возвратился в Лондон после поездки в Швецию.

Позднее в статье «Интриги г-на Утина» Бакунин так рассказывал о своей встрече с Утиным и о впечатлении, произведенном на него новым знакомым:

«В первый раз встретился я с г-ном Утиным в Лондоне в октябре 1863 г. До тех пор самое существование его было мне неизвестно. Огарев представил мне его, как одного из бежавших членов комитета общества «Земля и воля», что, впрочем, не могло его возвысить в моих глазах, так как этот комитет, по свидетельству нашего покойного друга Потебни»[28], состоял *большей частью* из мальчиков, игравших в революцию и в тайные общества. Двухчасового разговора с г-ном Утиным было достаточно, чтобы убедить меня, что он принадлежал не к

---

[27] И. Н. Франция и Европа при воцарении Наполеона III. «Вестник Европы», 1870, № 12, стр. 848. В статье «Французские парламентаристы сороковых годов» Утин указывал, что основным вопросом в истории Франции был вопрос не о политических прерогативах, а о гражданском равенстве в целях повышения материального благосостояния общества. «Вестник Европы», 1867, № 4, стр. 112—113.

[28] А. А. Потебня — видный деятель землевольческой офицерской организации, существовавшей в 1862—1863 гг. среди русских войск, находившихся в Польше. В 1863 г. Потебня принял участие в польском восстании и был убит во время одного из сражений. О нем см. А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XVI, стр. 209; Н. Огарев. Надгробное слово. «Колокол», 1863, № 162; М. Бакунин. К офицерам русской армии. Женева. 1870; С. Шкроб. Жертва польского освобождения. «Каторга и ссылка», 1931, № 4; 1933, № 2.

серьезным членам этого комитета. Маленький господин с большими претензиями — вот все впечатление, вынесенное мной из первой встречи»[29].

Отрицательное впечатление, произведенное на него Утиным при их первой встрече, Бакунин подтверждал и в «Докладе об Альянсе», где он писал об Утине:

«Он мне совсем не понравился. Он мне показался очень тщеславным, большим фразером и все»[30].

Приведенные нами заявления Бакунина относятся ко времени, когда между ним и Утиным происходила жестокая борьба. Этого не надо упускать из виду при оценке исторической достоверности сообщений Бакунина, тем более что во многих отношениях они возбуждают сомнения.

Прежде всего нам хорошо известно, что в 1863 г. Бакунин вовсе не относился к «Земле и воле», как к мальчишеской затее, какой она, как хорошо известно, и не была. Напротив, в то время он был склонен преувеличивать силу, влияние и значение этого тайного общества. Достаточно вспомнить, что́ говорил Бакунин о нем в речи, произнесенной в 1863 г. на банкете в Стокгольме:

«Центр его в Петербурге, его сторонники и члены во всех провинциях обширной России. Оно обнимает все классы общества русского, всех русских доброй воли, каково бы ни было их имущество и положение... Это общество, правильно и крепко организованное, стремится составить, так сказать, государство в государстве. Оно организует свои финансы, свою администрацию, свою полицию и скоро, я надеюсь, будет иметь свою армию»[31].

При таком отношении к «Земле и воле» Бакунин не мог не заинтересоваться человеком, представленным ему в качестве члена Центрального комитета этого общества.

Бакунин, конечно, мог относиться с уважением к самому тайному обществу и в то же время вынести отрицательное впечатление от знакомства с одним из членов его Центрального комитета. Такое предположение опроверга-

---

[29] «Материалы для биографии М. А. Бакунина. Бакунин в Первом Интернационале», т. III. М. — Л., 1928, стр. 408—409.

[30] М. А. Бакунин. Избр. соч., т. V. П. — М., 1922, стр. 140.

[31] «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву». С биографическим введением и объяснительными примечаниями М. П. Драгоманова. СПб., 1906, стр. 248.

ется, однако, документом, исходящим от самого Бакунина. В одном из писем к Герцену и Огареву из Флоренции, куда Бакунин уехал вскоре после встречи с Утиным, он запрашивал: «Где и что Утин? Передайте ему словесно или письменно мой усердный поклон. Что делает он и чем занимается»[32].

Зная Бакунина, трудно допустить, чтобы он стал посылать «усердный поклон» человеку, который в его глазах не стоил ломаного гроша. Напротив, письмо Бакунина дает основание думать, что из знакомства с Утиным он вынес скорее благоприятное, нежели отрицательное впечатление о нем.

Бакунин пробыл в Лондоне около двух месяцев, а затем уехал на четыре года в Италию. Таким образом, дороги Утина и Бакунина надолго разошлись.

«В продолжение четырех лет, проведенных мною в Италии, я успел забыть совершенно черты его лица, — пишет Бакунин об Утине,— и, вероятно, позабыл бы самое имя его, если б время от времени до меня не доходили смутные слухи о скандалезной войне, поднятой г-ном Утиным против А. И. Герцена»[33].

---

[32] «Письма М. А. Бакунина...», стр. 263. Подчеркнуто мною. — *Б. К.*

[33] «Материалы для биографии М. А. Бакунина...», т. III, стр. 409. Необходимо указать на ошибку, которая, с легкой руки М. П. Драгоманова, часто повторяется в нашей литературе. В письме в Герцену от 22 сентября 1866 г. из Италии Бакунин рассказывал о встрече своей с Утиным в доме княгини З. С. Оболенской и добавлял: «Утин пустой и тщеславный мальчишка». Печатая это письмо, Драгоманов пояснял, что речь будто бы идет о Николае Утине («Письма М. А. Бакунина...», стр. 274—275). Это утверждение Драгоманова было повторено Ю. Стекловым («М. А. Бакунин. Его жизнь и деятельность», т. II, М. — Л., 1927, стр. 356), С. Я. Штрайхом («Сестры Корвин-Круковские». М., 1933, стр. 62, 205. См. также его примечания к письмам Ковалевского к Герцену. «Литературное наследство», т. 62, стр. 269), Д. Ш. Давиташвили («В. О. Ковалевский». М., 1946, стр. 31—33). Между тем утверждение Драгоманова явно ошибочно. Оно противоречит прежде всего двукратным заявлениям Бакунина о том, что во время жизни в Италии он не встречался с Утиным («Материалы для биографии М. А. Бакунина...», т. III, стр. 409 и М. А. Бакунин. Избр. соч., т. V, стр. 140). В Италии Бакунин встретился не с Николаем Утиным, а с его младшим братом Евгением Исааковичем Утиным, впоследствии известным адвокатом и либеральным публицистом. Это ясно из другого письма Бакунина к Герцену, опубликованного тем же Драгомановым, — от 19 июля 1866 г.; здесь Бакунин называет Утина, встреченного им в Италии,

Из всего сказанного выше мы имеем полное основание заключить, что в 1867 г., когда Бакунин и Утин вновь встретились друг с другом на Женевском конгрессе Лиги мира и свободы, они еще не были врагами.

Сохранилось два рассказа Бакунина об этой встрече: один — в статье «Интриги г-на Утина», другой — в «Докладе об Альянсе». В общем оба они сходятся.

По словам Бакунина, Утин все время «не отходил» от него и уверял всех, что он—сторонник Бакунина, а не Герцена. «На этом съезде, — писал Бакунин про конгресс Лиги мира,— я приобрел некоторую популярность; этого было достаточно для Утина, чтобы он захотел во что бы то ни стало сделаться моим другом». Однако проявленное Утиным желание сблизиться с Бакуниным не встретило якобы сочувствия со стороны последнего [34].

Отсутствие материалов не дает возможности проверить полностью рассказ Бакунина. Тем не менее во многих отношениях этот рассказ возбуждает большие сомнения.

Нет ничего удивительного и невероятного в том, что Утин хотел сблизиться с революционером, пользующимся всемирной известностью. Это было вполне естественным и законным желанием с его стороны. Мог Утин и заявлять, что он — сторонник Бакунина, а не Герцена. В спорах между Бакуниным и Герценом Утин, конечно, в силу своих враждебных отношений с издателем «Колокола» должен был стать на сторону первого. Таким образом, этой части рассказа Бакунина можно доверять.

Сложнее обстоит с вопросом о впечатлении, произведенном на этот раз Утиным на Бакунина. Не забудем, что на той самой странице «Доклада об Альянсе», на которой Бакунин уверяет нас в отвращении своем к Утину, он отрекся и от дружбы (не от политической солидарно-

---

«младшим Утиным» («Письма М. А. Бакунина...», стр. 294), а также из воспоминаний Г. Н. Вырубова, который рассказывает, что летом 1866 г. в Неаполь, где в то время находился Бакунин, приезжал Евгений Утин (Г. Вырубов. Революционные воспоминания. «Вестник Европы», 1913, № 2, стр. 45—46). Таким образом, вышеприведенный резкий отзыв Бакунина относится не к Н. И. Утину, а к его младшему брату. Именно он, Евгений Утин, и был распространителем сплетни о том, будто бы В. О. Ковалевский являлся осведомителем русского правительства, сплетни, которую Бакунин передавал Герцену в письме от 22 сентября 1866 г.

[34] «Материалы для биографии М. А. Бакунина...», т. III, стр. 409; М. А. Бакунин. Избр. соч., т. V, стр. 140.

сти только, но и от личной дружбы) с Герценом. «Он,— говорит Бакунин про Утина,— ненавидел Герцена, который, вопреки тому, что думал Маркс, никогда не был моим другом». История взаимоотношений Бакунина с Герценом слишком хорошо известна, чтобы было необходимо говорить о том, насколько далеко от истины утверждение Бакунина относительно никогда будто бы не существовавшей дружбы его с Герценом. По политическим соображениям Бакунину необходимо было отрицать какую бы то ни было близость свою с издателем «Колокола», и вследствие этого он не остановился перед прямым искажением действительности. Политические же соображения не могли не отразиться и на отзывах Бакунина об Утине. Не забудем, что эти отзывы относятся ко времени самой острой и ожесточенной борьбы Бакунина с Марксом, на сторону которого стал Утин.

Априорные соображения, побуждающие нас сомневаться относительно того, что Утин в 1867 г. действительно вызвал такое резко отрицательное отношение со стороны Бакунина, как утверждает последний, подтверждаются тем фактом, что в ближайшие месяцы после Женевского конгресса Лиги мира и свободы Бакунин и Утин сошлись,— правда, на короткое время,— на издании русского революционного журнала «Народное дело».

«НАРОДНОЕ ДЕЛО» И ЕГО ПЕРВЫЙ НОМЕР

Обсуждая вопрос о возможном оживлении деятельности русской революционной эмиграции, члены русской колонии в Веве пришли к заключению о необходимости издания революционного журнала в целях распространения его в России. Еще в апреле 1868 г. в письме к прусскому демократу Иоганну Якоби [35] Бакунин сообщал, что он работает «над русским журналом, не тайным, но анонимным». Этим журналом и было «Народное дело».

Печаталось «Народное дело» в Женеве в типографии М. К. Элпидина. Средства на издание его дала Левашева (1000 руб.). Одним из участников журнала был Н. И. Утин. Бакунин уверял впоследствии, что он возражал против

---

[35] «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung», 1910, I Jahrgang, S. 482—483.

привлечения Утина, но был вынужден уступить категорическим настояниям Левашевой, которая не соглашалась в противном случае на финансирование журнала. «Г-жа Левашева, которая возгорела безумной страстью к Утину,—писал Бакунин,—хотела непременно, чтобы последний принял участие в редакции газеты... Я долго противился всякому союзу с Утиным. Наконец, я устал и уступил» [36].

Это сообщение Бакунина вызывает серьезные сомнения. Бесспорно, что, если бы он находил совершенно невозможной для себя какую бы то ни было совместную с Утиным работу, он не «уступил» бы, а предпочел бы отказаться от всякого участия в проектируемом журнале.

Тем не менее нельзя отрицать и того, что полной близости у Бакунина с Утиным и в это время не существовало. Это подтверждается тем весьма показательным фактом, что Бакунин не счел нужным привлечь Утина в ряды своего тайного «Интернационального братства», в то время как он широко открыл доступ в него другим своим русским знакомым, в том числе и совершенно новым для него людям. Известно, что Бакунин при привлечении членов в «Интернациональное братство» не проявлял особенной разборчивости и не уклонялся от приглашения людей, далеких от полного единомыслия с ним [37]. Поэтому то обстоятельство, что он обошел Утина и скрыл от него существование своей тайной организации, показывает на некоторое недоверие, существовавшее у Бакунина по отношению к Утину.

Как бы то ни было, однако к участию в «Народном деле» Утин был привлечен. Предполагалось, что журнал будет выходить два раза в месяц и каждый его номер будет состоять из одного-двух печатных листов, «смотря по надобности». Все статьи, помещаемые в «Народном деле», должны были печататься анонимно.

Первый номер «Народного дела» вышел в свет 1 сентября 1868 г. Открывался он установочной статьей, озаглавленной «Необходимое объяснение». В ней говорилось о задачах журнала и излагался взгляд его редакции на революцию. За ней следовала статья «Наша програм-

---

[36] М. А. Бакунин. Избр. соч., т. V, стр. 141.
[37] См. Ю. Стеклов. М. А. Бакунин..., т. II, стр. 326—352.

ма», намечавшая в сжатой форме основные требования и пожелания, выдвигаемые редакцией «Народного дела». Далее было помещены еще две статьи: «Правительственные реформы» и «Постановка революционных вопросов».

Бакунин неоднократно заявлял, что первый номер «Народного дела» был написан почти исключительно одним им. Это признание мы находим в выпущенных им в 1870 г. брошюрах «Наука и насущное революционное дело» и «К офицерам русской армии». К этому можно прибавить, что на Бернском конгрессе Лиги мира и свободы Бакунин заявил, что статья «Наша программа» написана не им, но он вполне солидарен с нею. Из других источников известно, что «Нашу программу» написал Н. И. Жуковский и что она представляла собой сокращенное изложение какой-то более обширной программы, составленной Бакуниным,— повидимому, устава «Интернационального братства» [38].

Более спорным является вопрос об авторе статьи «Правительственные реформы». Ю. Стеклов считал и эту статью написанной Бакуниным [39]. Однако она как по содержанию, так и по стилю настолько не похожа на произведения Бакунина, что приписывать ее его перу невозможно. Поэтому мы находим более правильным предположение М. Неттлау, считавшего автором ее Жуковского [40]

Принадлежность Бакунину остальных двух статей, помещенных в первом номере «Народного дела» («Необходимое объяснение» и «Постановка революционных вопросов»), не вызывает никаких сомнений.

Как видим, ни Утин, ни какой-либо другой из членов кружка, кроме Жуковского, не принимали участия в составлении первого номера журнала «Народное дело».

---

[38] В 1868 г. «Наша программа» была переведена на французский язык и отпечатана в типографии Элпидина в виде брошюры под названием «Programme de la démocratie socialiste russe». Ю. Стеклов писал: «В письме к Марксу от 22 декабря 1868 г. Бакунин приписывает и составление этой программы себе» (Ю. Стеклов. М. А. Бакунин..., т. II, стр. 360). Это утверждение явно ошибочно; в письме Бакунина говорится не об этой программе, а о составленной Бакуниным программе Альянса.

[39] Ю. Стеклов. М. А. Бакунин..., т. II, стр. 359—161.

[40] M. Nettlau. Bakunin und die russische Bewegung in der Jahren 1868—1873. «Archiv Grünberg'a». 1915, V Jahrgang, S. 371.

Трудно даже решить, был ли Утин знаком до выхода этого номера с вошедшими в него статьями.

Какова же была выдвинутая в «Народном деле» революционная программа?

Если бы даже не было известно, что первый номер «Народного дела» почти полностью написан Бакуниным, по его содержанию легко можно было бы догадаться об этом. На страницах «Народного дела» Бакунин впервые изложил в печати в систематизированном и развернутом виде свою анархистскую программу.

«Освобождение... рабочего люда из-под ярма капитала, наследственной собственности и государства» — таков основной вопрос, стоявший, по мнению редакции «Народного дела», перед современным человечеством. Вера в бога и идеалистическая философия являются важнейшими препятствиями на пути к его разрешению. Поэтому необходимым условием социально-экономического освобождения народа должно быть признано его умственное освобождение, достигаемое через распространение в обществе и народе идей материализма и атеизма.

Основной задачей социальной революции, проповедником которой выступало «Народное дело», являлось «окончательное разрушение государства» и уничтожение «права наследственной собственности». «Мы — заклятые враги государства»,— заявляло «Народное дело». Будущий общественный строй представлялся редакции этого журнала в форме «свободной федерации вольных, как земледельческих, так и фабрично-ремесленных артелей (ассоциаций)». Наряду с этим в числе программных требований редакция «Народного дела» выдвигала «уничтожение брака, как церковного, так и гражданского», отмену родительской власти и введение общественного воспитания детей.

Для борьбы за осуществление этих преобразований «Народное дело» призывало объединиться «людей доброй воли всех стран». Однако расчеты этого журнала строились преимущественно на разночинной интеллигенции, которая более, чем другие слои общества, «способна любить, понимать и представлять народное дело». Таковыми являются «дети в пух разоренных дворян, разночинцы, семинаристы, мещане и крестьянские дети». Они составляют «нашу народную противогосударственную фалангу — по-

средницу между революционной мыслью и народом». Их задача — «пробудить в народе сознание его собственной, со времени Пугачева опять заснувшей силы», т. е. подготовить и вызвать всенародное восстание.

Объявив себя материалистами и сторонниками социальной революции, руководители «Народного дела» считали нужным отмежеваться не только от заядлых реакционеров и идеалистов, но и от представителей других течений русской общественной мысли: от славянофилов и западников, либералов и «доктринеров», от «утилитаристов, заботящихся только о свом кармане», и позитивистов. Не называя фамилии Герцена, «Народное дело» отгораживалось от его сомнения в возможности осуществления социализма в Западной Европе. «Мы видим,— писало оно,— драгоценные задатки и силы в нашем народе, но видим его равно и во всех европейских и вне-европейских народах».

Признавая, что «вследствие многих особенностей исторических и экономических» вопрос об освобождении трудящихся «поставлен у нас немного иначе, чем в Европе», «Народное дело» тем не менее не видело принципиального различия между путями общественного развития России и Запада.

Зная о популярности и уважения, какими пользуются в кругах «молодой эмиграции» имена Чернышевского и Добролюбова, Бакунин счел необходимым закончить свою программную статью указанием на то, что «Народное дело» продолжает их традиции. «Мы приглашаем всех единомышленников наших собраться опять вокруг знакомого им знамени, поднятого в первый раз в конце пятидесятых годов руками людей, о которых мы говорить здесь не станем, но имена которых живут в наших сердцах, поощряя нас к делу».

Если принять во внимание, насколько анархистская программа «Народного дела» отличалась от взглядов, проводившихся на страницах «Современника» Чернышевским и Добролюбовым, если учесть, что вульгарные материалисты Бюхнер, К. Фогт и Молешотт объявлялись «Народным делом», наряду с Л. Фейербахом, «апостолами революционной науки», если вспомнить, что Бакунин обычно более чем холодно отзывался о Чернышевском и Добролюбове, учение которых было по существу совер-

шенно чуждым ему, то можно прийти к выводу, что приведенная нами цитата о необходимости объединения вокруг знамени, поднятого в конце 50-х годов, в устах Бакунина была не более как известным тактическим ходом, продиктованным желанием укрепить свою связь с «молодой эмиграцией», которая была воспитана на сочинениях Чернышевского и Добролюбова и преклонялась перед ними как перед своими учителями, как перед высшими революционными авторитетами.

Необходимо отметить еще одну характерную черту первого номера «Народного дела» — его отношение к Интернационалу. Во всех статьях мы не найдем ни слова об этой организации. Даже в том месте, где говорится о необходимости знакомить «русскую передовую публику с настоящей сутью и с главными проявлениями поступательного движения в Европе», редакция «Народного дела» не упомянула о Международном товариществе рабочих. И только в самом конце журнала мы находим следующую краткую заметку:

«Между рабочими Европы установились с 1866 года ежегодичные правильные конгрессы, переменяющие каждый раз пункты своих съездов. Один из таких частных съездов будет в Нюренберге с 4 по 7 сентября [41]. По окончании нюренбергского конгресса съехавшиеся туда работники пошлют депутатов в Брюссель, где будет уже общий конгресс Международной ассоциации работников. Он открывает свои заседания 6-го сентября и будет продолжаться по 13-ое включительно. А с 22 по 26 того же месяца будет в Берне международный конгресс Мира и Свободы».

«Мы рекомендуем своим соотечественникам, находящимся в Европе, — читаем мы в заключение заметки, — ознакомиться лично с ходом самих конгрессов и равно с движением рабочего вопроса, стоящего на очереди, как у самих рабочих, так и у занимающихся социальным движением».

Эта заметка стоит как бы в совершенном отрыве от всего содержания первого номера «Народного дела»; поэтому тот факт, что редакция этого журнала, подчеркивавшая важность рабочего вопроса, не нашла тем не менее

---

[41] Имеется в виду 5-й съезд немецких рабочих ферейнов.

нужным познакомить русских читателей с задачами и деятельностью столь мало еще известного им в то время Интернационала, не перестает быть чрезвычайно показательным. Молчание «Народного дела» об Интернационале объясняется, по нашему мнению, тем, что в 1868 г. Бакунин ориентировался еще не на эту организацию, а на возникшую в 1867 г. и ставившую своей задачей пропаганду идей политической свободы и пацифизма Лигу мира и свободы. Лига эта состояла преимущественно из представителей буржуазного либерализма и радикализма, к которым примкнули некоторые из сторонников утопического социализма и участников рабочего движения (И.-Ф. Беккер, Ж. Валлес, Г. Флуранс и др,). Бакунин в то время (1867—1868 гг.) мечтал превратить эту организацию в орудие для осуществления своих политических замыслов.

БАКУНИН И УТИН НА БЕРНСКОМ КОНГРЕССЕ ЛИГИ МИРА И СВОБОДЫ

Переезд Бакунина из Италии в Швейцарию был вызван если не исключительно, то главным образом желанием присутствовать на Женевском конгрессе Лиги мира и свободы и попытаться занять руководящее положение в этой организации. Происходивший почти одновременно с Женевским конгрессом Лиги Лозаннский конгресс Интернационала не привлекал к себе внимания Бакунина.

Избрание Бакунина на Женевском конгрессе членом распорядительного комитета Лиги открывало перед ним возможность направлять ее повседневную работу. Бакунин понимал, что Лиге необходимо определить свое отношение к Интернационалу. Он высказывался за сближение этих двух организаций, а для этого считал полезным точно разграничить их функции. Лига, рассуждал Бакунин, объединяет людей не физического, а умственного труда. В отличие от членов Интернационала — непривычных к умственному труду рабочих,— ее члены являются «людьми с более или менее развитым научным образованием и с привычкой к широкому синтезу, способными охватить единой мыслью всю серию идей и вопросов, совокупность которых составляет революционную программу». Этим определяются задачи, стоящие перед Лигой. «Мы можем и должны,— писал Бакунин,— оказать большие услуги делу

социалистической демократии и самой Интернациональной лиге рабочих, ставя и подготовляя вопросы и освещая тем самым политический путь, по которому нужно следовать, чтобы прийти к полному разрешению самого социального вопроса».

Из этих рассуждений Бакунина совершенно ясно, что он намеревался подчинить Интернационал идейному влиянию Лиги. Он стремился к тому, чтобы Интернационал ограничивался исключительно экономическими вопросами, предоставив Лиге разработку проблем философских и политических. При такой постановке взаимоотношений между Лигой и Интернационалом Лига превращалась как бы в идейный штаб, руководящий мировым революционным и рабочим движением, а Интернационал — в исполнительный орган, действующий по директивам Лиги.

Сыграть такую роль Лига сможет, по мнению Бакунина, при том лишь условии, если она примет «со всей откровенностью и со всеми его последствиями» основной принцип, разделяемый, по мнению Бакунина, и Интернационалом: «экономическое уравнение всех классов и всех человеческих личностей на всем земном шаре». «Если мы положим этот принцип в основу всей нашей работы и нашей деятельности, то действительно станем очень полезными и заставим рабочих Интернационала признать реальную пользу нашей Лиги» [42].

Бакунин не понимал того, что расчеты, связываемые им с Лигой, были вдвойне утопичными. Прежде всего они показывали, насколько в это время Бакунин был далек от правильного понимания истинной сущности Интернационала. Устав этой организации провозглашал в качестве основополагающего принципа международного рабочего движения признание того, что «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих». Бакунин же намеревался передать руководство всей борьбой за освобождение труда в руки буржуазных и мелкобуржуазных интеллигентов, объединившихся в рядах Лиги мира и свободы.

Расчеты Бакунина были утопичны и потому, что его надежда увлечь интеллигентов Лиги перспективой «урав-

---

[42] Ю. Стеклов. М. А. Бакунин..., т. II, стр. 400—401.

нения классов» была лишена твердых оснований. В этом Бакунину пришлось вполне убедиться на Бернском конгрессе Лиги, на котором он сделал попытку повести за собою если и не всех, то по крайней мере большинство членов Лиги.

Бакунин развил на Бернском конгрессе бешеную энергию. Он произнес несколько пламенных речей; он говорил и о необходимости установления наряду с политическим и социального равенства, и о несовместимости свободы с существованием государств, и о религии как могущественном препятствии на пути к уничтожению гнета и эксплуатации трудящихся, и о преимуществах федеративного строя. Но все было тщетным. Бакунину не удалось превратить буржуазных либералов и буржуазных радикалов в сторонников социальной революции. Они дружно голосовали против Бакунина и проваливали вносимые им предложения. Его поддерживала только небольшая группа членов конгресса численностью в 15—20 человек, состоявшая из представителей различных национальностей, в том числе русских и поляков. Среди них мы находим и Н. И. Утина.

Утин выступил при обсуждении вопроса об издании от имени конгресса манифеста с протестом против назревавшей уже в то время войны между Францией и Пруссией. Корреспондент газеты «Preussische Zeitung» следующим образом передавал сущность его выступления [43]:

«Юный русский коммунист Утин настаивал, чтобы в этом манифесте, по примеру Брюссельского рабочего конгресса, было помещено воззвание к капиталистам, чтобы они на случай военного разгрома приостановили свою торговую деятельность, отказались от уплаты податей и от порядков, предлагаемых правительством, с целью отнять силу у тех капиталов, которыми располагают государства. Предложение Утина осталось без успеха».

Вряд ли можно сомневаться в том, что корреспондент немецкой газеты очень неточно передал выступление Утина. Несомненно, что Утин предлагал обращение не к капиталистам, а к трудящемуся населению Франции и Пруссии, призывая к всеобщей забастовке в виде протеста про-

---

[43] Эта корреспонденция была перепечатана в газете «Современные известия» от 27 сентября 1868 г., № 266.

тив войны. Ведь именно к этому сводилась резолюция, принятая Брюссельским конгрессом Интернационала по поводу военной угрозы. Характерно, что Утин солидаризировался в этом вопросе с Интернационалом.

Убедившись в безуспешности своих попыток воздействовать на большинство конгресса, Бакунин на последнем его заседании огласил от имени своего и своих единомышленников «коллективный протест». Подписавшие его заявляли, что, так как большинство членов конгресса «страстно и определенно высказалось против экономического и социального уравнения классов и личностей», они не находят возможным оставаться членами Лиги и выходят из нее. В числе подписавших этот протест мы находим, помимо Бакунина, Н. Жуковского и Мрочковского. Позднее к этому протесту присоединил свою подпись и Н. Утин [44].

Почему же первоначально подписи Утина не было под протестом? В «Докладе об Альянсе» Бакунин рассказывает по этому поводу:

«Когда, решив выйти из Лиги мира и свободы, мы собрались, мои друзья и я, чтобы держать совет, какую нам вести линию поведения, Утин, не приглашенный, явился к нам. Я попросил его удалиться, сказав, что мы хотели остаться одни. Можете представить его бешенство!» [45].

Чем же было вызвано такое поведение Бакунина по отношению к его сотоварищу по журналу «Народное дело»?

Вполне естественным является предположение, что поступок Бакунина был вызван разногласиями, обнаружившимися уже в это время в рядах редакции «Народного дела» и приведшими вскоре к ее расколу: самолюбивый Бакунин не хотел искать поддержки у своего оппонента. Однако разногласия, как глубоки они ни были, не могли помешать Утину присоединить свою подпись к про-

---

[44] Ю. Стеклов без всякой мотивировки заявляет, что Утин «не мог подписать этого документа, да и Бакунин бы его не допустил к этому делу». Однако нет никаких оснований сомневаться относительно присоединения Утина: этот факт засвидетельствован официальным органом Лиги «Les Etâts unis d'Europe». Ю. Стеклов М. А. Бакунин..., т. II, стр. 412. Ср. E. Fribourg. L'Association Internationale des travailleurs. Paris. 1871, p. 127—128.

[45] М. А. Бакунин. Избр. соч., т. V, стр. 141.

тесту против действий либерально-буржуазного большинства Лиги мира, ибо его расхождения с этим большинством были еще глубже и резче, чем разногласия с Бакуниным.

РАЗНОГЛАСИЯ В РЕДАКЦИИ «НАРОДНОГО ДЕЛА» И ЕЕ РАСКОЛ

Разногласия, обнаружившиеся в редакции «Народного дела» в связи с опубликованием его первого номера, привели к выходу из редакции Бакунина и Жуковского, а затем и Элпидина.

О причинах, вызвавших этот раскол, мы, за отсутствием иных материалов, можем судить только по сообщениям Бакунина, неизбежно имеющим односторонний характер и далеким от объективности.

В «Докладе об Альянсе» Бакунин писал: «Между нами и Утиным было абсолютное несходство, — не идей, ибо собственно Утин никогда не имел никаких идей и говорил, что мы должны принять принципы, какие русская молодежь найдет нужным в нас влить, — было абсолютное несходство характеров, темпераментов, целей. Мы хотели само дело, Утин заботился только о себе. Я долго противился всякому союзу с Утиным. Наконец я устал и уступил; и после короткого опыта, так как деньги были собственно г-жи Левашевой, я оставил Утину газету вместе с ее названием» [46].

К сожалению, в приведенной нами цитате Бакунин не только не выявляет действительных причин, вызвавших раскол в редакции «Народного дела», но, наоборот, старательно затушевывает их. Нельзя же серьезно относиться к уверениям Бакунина о том, что у Утина будто бы не было «никаких идей» и что раскол явился результатом исключительно несходства характеров и темпераментов! Нельзя также поверить и тому, что все сводилось только к честолюбию Утина, заботившегося якобы не о деле, а лишь о самом себе. Неправдоподобность всех этих утверждений Бакунина бросается в глаза.

Гораздо содержательнее и ценнее другое сообщение Бакунина, которое мы находим в его незаконченной рукописи, озаглавленной «Интриги г-на Утина». В этой

[46] М. А. Бакунин. Избр. соч., т. V, стр. 141.

рукописи, написанной в 1870 г., а опубликованной впервые лишь в 1924 г., Бакунин, касаясь разногласий, обнаружившихся в редакции «Народного дела», утверждает, что они будто бы наметились еще до выхода первого номера.

«Со времени приезда г-на Утина в Веве, — писал Бакунин, — я сделался ежедневным свидетелем горячих споров между ним и Н. И. Жуковским. Жуковский стоял за народ и за жизнь. Г-н Утин отстаивал против него диктатуру университетской, более или менее доктринерно-настроенной молодежи и верховное право отвлеченной, вненародной, и к народному варварству и невежеству аристократически относящейся науки». Что касается Жуковского, то он, по словам Бакунина, не отвергал науки, признавая необходимость ее «для очеловечения человека». Но одновременно с этим он считал, что «наука не последняя цель», а лишь «одно из главных средств для жизни». «Как последовательный материалист, реалист и социалист,— писал Бакунин про Жуковского,— он думал, вместе с Аристотелем и Прудоном, что на первом череду стоит вопрос об удовлетворении материальных потребностей и вещественных условий человеческой жизни... что, одним словом, вопрос о хлебе насущном стоит теперь впереди, а что за ним следует вопрос о науке». «Но тут, — продолжал рассказывать Бакунин, — рождался вопрос: каким образом наука приступит к народу? Путем ли вольной пропаганды, лишенной всякого официального или государственного авторитета; посредством народных школ, основанных и содержимых самим же народом, освобожденным от всякой власти, от всякой верховной опеки? Или посредством государственной власти, перешедшей путем счастливой политической революции из настоящих самодержавных рук в чистые руки революционной, образованной молодежи? Жуковский стоял за первый путь, г-н Утин, разумеется, за второй» [47].

Прежде чем разобраться в этом сообщении Бакунина, необходимо, во-первых, указать, что в спорах с Утиным принимал участие наравне с Жуковским и Бакунин, мысли которого Жуковский только повторял и развивал, и, во-вторых, привести заявление редакции «Народного де-

---

[47] «Материалы для биографии М. А. Бакинуна...», т. III, стр. 413—414.

ла», напечатанное в конце № 2-3 этого журнала. Номер этот вышел во второй половине октября 1868 г. после ухода из редакции Бакунина. В начале своего «заявления» редакция «Народного дела» приводила следующее письмо Бакунина, написанное им 13 октября 1868 г. на имя М. Элпидина как владельца типографии, в которой печатался этот журнал:

«Во избежание неосновательных слухов прошу вас известить читателей печатаемого вами журнала «Народное дело», что я никакого участия в этом журнале не принимаю».

Приведя это письмо, редакция «Народного дела» указывала, что некоторые французские и немецкие газеты приписали программу, опубликованную в первом номере этого журнала, Бакунину, несмотря на то, что последний публично с трибуны Бернского конгресса заявил, что она принадлежит не ему, хотя он вполне сочувствует ей. «Пользуемся данным случаем, — писала далее редакция «Народного дела», — чтобы раз навсегда объявить, что редакция «Народного дела» не находится в ведении одного какого-либо лица и состав редакции не представляет собою никакого личного значения: она может изменяться, смотря по обстоятельствам, но притом никак не может измениться направление журнала[48] и его содержание». И в заключение указывалось, что издание и редактирование «Народного дела» являются не индивидуальной и «ассоциационной работой».

Это «заявление» редакции «Народного дела» представляет большой принципиальный интерес. Оно показывает, что в момент подготовки и издания № 2-3 этого журнала его редакция не имела в виду изменять направление «Народного дела». При детальном ознакомлении с этим и следующими номерами «Народного дела» мы убедимся, что уход Бакунина из редакции, вопреки «заявлению», изложенному выше, повлек за собой существенное изменение в направлении журнала. Тем не менее остается в силе непосредственно вытекающий из приведенного «заявления» вывод о том, что на первых порах после ухода Бакунина и Жуковского оставшаяся часть редакции «Народного дела»

---

[48] Подчеркнуто мною. — *Б. К.*

не считала необходимым пересматривать программу, изложенную в его первом номере.

Поэтому ни в коем случае нельзя, по нашему мнению, согласиться с теми исследователями, которые считали причиной раскола противоречие программы, опубликованной в первом номере «Народного дела», с принципами Интернационала [49] или противоречие между анархической точкой зрения Бакунина и воззрениями Утина, стоявшего уже тогда «на позиции Интернационала» [50]. Если бы Утин и его товарищи действительно стояли на позиции Интернационала, они поспешили бы отречься от программы первого номера «Народного дела» и не стали бы декларировать неизменность направления своего журнала.

Все только что сказанное убеждает нас в том, что в момент разрыва с Бакуниным Утин и его товарищи еще не сознавали в полной мере всей глубины разделяющих их от Бакунина противоречий. Только в процессе дальнейшей борьбы с Бакуниным для них стала вполне ясной сущность их расхождения. Установив это, мы можем, наконец, разобраться в том, что́ Бакунин рассказывает в статье «Интриги г-на Утина» о спорах Жуковского с Утиным. Попытаемся проанализировать те пункты разногласий, которые при этом указывает Бакунин.

Утин, утверждает он, являлся сторонником «диктатуры университетской, более или менее доктринерно-настроенной молодежи». «Утин... говорил, что мы должны применять принципы, какие русская молодежь найдет нужным в нас влить», — писал Бакунин в «Докладе об Альянсе». Чтобы понять эти слова Бакунина, необходимо познакомиться с тем, как представлял себе Утин взаимоотношения между революционно настроенной молодежью,

---

[49] В. А. Горохов. Русская секция I Интернационала. М., 1925, стр. 24.

[50] Ю. Стеклов. М. А. Бакунин..., т. II, стр. 364. Не менее несостоятельно утверждение автора статьи «Маркс и Энгельс о Нечаеве и нечаевском процессе» Г. С. Ульмана, что будто бы «разногласия в журнале «Народное дело» произошли... по вопросу о выработке программы секции Интернационала». О степени осведомленности автора этой работы можно судить по его не соответствующему действительности сообщению, что в редакции «Народного дела» «шла борьба сторонников Лаврова и Бакунина». «Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. Герцена», т. 62. Л., 1948, стр. 235 и 241.

действующей в России, и русской революционной эмиграцией.

Письма Утина Герцену и Огареву помогут нам установить его точку зрения на этот вопрос. В письме от 16 декабря 1864 г. Утин указывал, что «молодежь», которую он противопоставлял «так называемому образованному обществу», является единственным «живым и годным, как по способности, так и по большой готовности элементом» русского общества. «Будемте же, — писал Утин Герцену,— вместе искать, пробуждать и формировать действительную мощную силу, один из ее элементов — молодежь, а пока мы можем только думать о молодежи, потому что только из ее групп выйдут дальнейшие реальные *проводники* нашей пропаганды в народ: *пока* в наших руках нет иных постоянных средств для говорения, для просвещения и для влияния на народ, но у нас может быть сейчас самое верное и прямое орудие для влияния на формирование годных людей из молодежи; это орудие — согласная, единодушная, прямая пропаганда»[51]. В другом письме (от 9 июля 1864 г.) Утин писал: «Я всегда считал необходимым, чтобы центр действия был в самой России». Однако наряду с этим Утин допускал возможность — особенно при отсутствии в России революционного центра — создания за границей «маленького центра, нисколько не имеющего притязания руководить деятельностью в России, но всегда готового служить живым узлом для связи различных, не сходящихся между собой кружков и даже личностей» [52].

Из приведенных нами высказываний Утина его точка зрения на революционную роль молодежи и на политическую задачу эмиграции вполне выясняется. До того момента, пока не проснулись народные массы, молодежь является единственной активной революционной силой. В таком признании не было ничего противоречащего точке зрения Бакунина, уже известной нам по приведенным выше цитатам. Разногласия между Утиным и Бакуниным обнаруживаются лишь тогда, когда мы переходим к вопросу об отношении русской эмиграции к революционной молодежи, действующей в России.

---

[51] «Литературное наследство», т. 62, стр. 675—676.
[52] Там же, стр. 662.

Бакунин стремился к тому, чтобы создать за границей центр, который руководил бы всей революционной работой в России. Этот центр должен выработать программу революционной партии и наметить ее тактику. Революционерам, действующим в России, отводилась роль исполнителей предначертаний, получаемых из-за рубежа. Таким образом, Бакунин стремился установить как бы диктатуру эмиграции над всем революционным движением в России. Заграничное же объединение русских революционеров должно было возглавляться самим Бакуниным, мечтавшим сосредоточить в своих руках руководство не только русским, но и международным революционным движением.

Естественно, что такие диктаторские замашки Бакунина должны были вызвать протест со стороны если не всей, то, по крайней мере, известной части русской эмиграции. Выразителем этого протеста и явился Утин.

Утин считал, что эмигрантский центр призван не руководить революционным движением в России и не навязывать ему выработанной за границей программы, а, опираясь на свое большее знакомство с западноевропейским революционным движением, помогать русским революционерам в выработке революционного миросозерцания и определении тактической линии. Руководящая же роль в революционном движении должна, по мнению Утина, принадлежать центру, созданному в России действующей там революционной силой, какой, с точки зрения Утина, являлась, как мы уже знаем, интеллигентная молодежь.

Таким образом, для нас выясняется один из пунктов разногласий, обнаружившихся между Утиным и Бакуниным.

Перейдем к другому пункту. Он заключается, как это видно из приведенного выше сообщения Бакунина, в вопросе об отношении науки к революции. Несомненно, что этот вопрос возник в связи с напечатанными в первом номере «Народного дела» статьями Бакунина «Необходимое объяснение» и «Постановка революционных вопросов» (с подзаголовком: «Статья 1-я. Наука и народ»). Восставая против казенной науки, Бакунин порой, как мы убедимся, когда будем говорить об агитационной кампании его и Нечаева в 1869 г., утрачивал чувство меры и обна-

руживал пренебрежительное отношение к науке вообще. Ученик же Чернышевского Утин привык ценить науку как мощное орудие духовного освобождения человечества.

В приведенном выше объяснении причин раскола в рядах редакции «Народное дело» Бакунин намечал еще один пункт расхождения между Утиным и Жуковским, имевший не меньшее, а, может быть, и большее значение, чем первые два. Утин, по словам Бакунина, был сторонником «политической революции», направленной на ниспровержение самодержавия и на передачу государственной власти в руки революционеров, представляющих народные интересы. В этом сообщении Бакунина имеется доля истины, однако оно отнюдь не содержит в себе полной и правильной характеристики политических взглядов Утина. Ученик Чернышевского, он отнюдь не ограничивал задачи грядущей революции исключительно политическими преобразованиями и понимал насущную необходимость коренного изменения социального и экономического положения народных масс. Однако наряду с этим он, опять-таки как и его учитель Чернышевский, не отрицал пользы для русского народа и такой революции, которая заменила бы царское самодержавие демократической республикой. Как Чернышевский, так и Утин в такой «политической» революции видели первый шаг на пути к осуществлению социальных преобразований. Вспомним об отношении Чернышевского и Утина к тайному обществу «Земля и воля», ставившему своей задачей отнюдь не социалистическую революцию, а исключительно борьбу против царского самодержавия.

Естественно поэтому, что проповедуемое Бакуниным анархистское «воздержание» от политики не могло не вызывать отрицательного отношения со стороны Утина. Это бесспорно. Однако приведенное нами выше заявление, опубликованное в «Народном деле» (№ 2-3), о неизменности программы журнала дает основание заключить, что в момент раскола в редакции этого журнала Утин далеко еще не в полной мере сознавал свое расхождение с анархистом Бакуниным. Иначе декларация о неизменяемости программы была бы совершенно необъяснимой.

На первых порах внимание Утина и его товарищей было направлено главным образом на те пункты программы

«Народного дела» (№ 1), с которыми они были согласны и после разрыва с Бакуниным. Эти пункты сводились к следующему:

Во-первых, отрицание мирного пути развития общества и признание неизбежности социальной революции.

Во-вторых, отрицание принципиального различия между путями общественного развития России и Запада при признании, однако, их относительного своеобразия.

В-третьих, вытекавшее из этого заключение, что при одинаковой постановке социального вопроса в России и на Западе и средства разрешения его должны быть одинаковы, вследствие чего русским революционерам необходимо учиться на опыте западного революционного и рабочего движения в целях перенесения его в Россию.

В-четвертых, признание весьма важного, революционизирующего значения за пропагандой идей материализма и атеизма, являющихся могучим орудием, при помощи которого можно и должно расшатывать традиционное миросозерцание, служащее идейным оплотом существующего социально-политического строя.

И, наконец, в-пятых, враждебное отношение к принципу государственной централизации и вытекающая из этого защита идей федерализма.

Как увидим, все эти пункты остались в программе «Народного дела» и после отхода от него Бакунина. Однако по мере того, как революционная программа Бакунина все более выяснялась для Утина и его друзей, им становилась яснее глубина их расхождения с Бакуниным. Вспомним, что программа первого номера журнала «Народное дело» являлась лишь первым оглашенным в печати вариантом анархистской системы Бакунина.

Ознакомление с содержанием тех номеров «Народного дела», которые вышли после разрыва Бакунина с Утиным, покажет, как постепенно уточнялись взгляды редакции этого журнала. Мы убедимся, что Утин и его товарищи неизбежно должны были прийти к поддержке Генерального совета Интернационала в его борьбе с бакунистским Альянсом; однако это отнюдь не может быть доказательством их солидарности с марксизмом. Наоборот, как мы увидим, редакция «Народного дела» не принимала и даже не понимала полностью революционной теории Маркса,

В те дни, когда Бакунин и Жуковский вышли из редакции «Народного дела», Элпидина не было в Женеве. По выходе первого номера этого журнала он уехал в Стокгольм для того, чтобы, пользуясь старыми связями Бакунина в Швеции, сохранившимися у него с 1863 г., наладить переправу «Народного дела» через русско-шведскую границу (по его словам, это ему будто бы удалось сделать).

В его отсутствие был подготовлен двойной номер (№ 2-3) «Народного дела». Надо полагать, что основная работа по подготовке выпала на долю Утина. Возможно, что ему помогали в этом деле его жена, а также О. С. Левашева и А. Я. Щербаков. В спорах, происходивших в редакции «Народного дела», они стояли на стороне Утина, а не Бакунина. Однако помощь, оказанная ими, вряд ли могла быть значительной. Если Н. И. Утина имела некоторое отношение к литературе[53], то о причастности к ней

---

[53] Пользуемся случаем, чтобы привести биографические сведения о Наталье Иеронимовне Утиной, рожденной Корсини. Отец ее был известный петербургский архитектор, а мать — писательница. Наталья Иеронимовна и ее сестра приобрели большую известность в Петербурге в 1860 г., когда они первыми из русских женщин начали посещать лекции в университете. О сестрах Корсини много говорили тогда в петербургском обществе и нередко упоминали на страницах газет и журналов. «Северная пчела» писала, что имя сестер Корсини всем известно и всеми повторяется с уважением (1861 г., № 60. Ср. И. Прыжов. Очерки, статьи, письма. М.—Л., 1934, стр. 277). В 1860 г. Е. А. Штакеншнейдер записала в своем дневнике, что сестры Корсини — «в некотором отношении знаменитости» и что «о них много было говора»; «они — студентки, передовые девушки», — добавляла Штакеншнейдер (Е. А. Штакеншнейдер. Записки и дневник. М.—Л., 1934, стр. 277). Н. И. Корсини принимала участие в общественной жизни начала шестидесятых годов. Ее имя мы находим в числе членов комитета II отделения Литературного фонда, созданного для пособия учащейся молодежи. (Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого. М.—Л., 1934, стр. 277). Она вращалась в кругах радикальной и революционной молодежи и была на примете у III отделения. Уже тогда Н. И. Утин был увлечен ею. После его бегства из России Н. И. за границей вышла за него замуж. Позднее Н. И. Утина выступала в качестве писательницы. Она участвовала в журналах «Вестник Европы», «Дело» и «Северный Вестник» под псевдонимами: Н. А. Таль, Н. Алеева, А. Урбан. Писала она повести и романы, а также статьи на литературные темы и др. Ее роман «Жизнь за жизнь», напечатанный в 1885 г. в «Вестнике Европы»,

Левашевой и Щербакова не имеется никаких сведений. Щербаков, живший в то время в Женеве, скорее мог оказывать содействие Утину в печатании, чем в составлении номера: номер этот, как и первый, был сдан для печатания в типографию Элпидина, находившуюся в Женеве.

Когда вернувшийся в Женеву Элпидин узнал о выходе Бакунина и Жуковского из редакции «Народного дела» и познакомился с набранным уже новым номером этого журнала, то заявил, что в дальнейшем отказывается печатать «Народное дело» в своей типографии [54]. Этот отказ поставил Утина и его товарищей в чрезвычайно тяжелое положение. Дело в том, что в Женеве в то время имелось всего лишь две типографии, имевшие русский шрифт: Элпидина и Людвига Чернецкого (бывшая — Герцена). По причинам, о которых будет сказано ниже, Утин и его друзья не могли воспользоваться второй из этих типографий.

При таких условиях редакции «Народного дела» не оставалось ничего другого, как налаживать свою собственную типографию, названную ими «Типографией Народного дела».

Для того чтобы типография нормально функционировала, необходимо было найти человека, способного руководить ее работой. Такого человека Утину и его товарищам удалось найти в лице А. Д. Трусова, с которым Утин познакомился, по-видимому, на Бернском конгрессе Лиги мира и свободы.

Антон Данилович Трусов, уроженец Минской губернии, принимал деятельное участие в польском восстании 1863 г.

имел успех скандала. В нем она использовала в качестве сюжета две интимные драмы Герцена, слив их в одну и во многом исказив их ради возбуждения в читателях нездорового интереса. Роман этот вызвал весьма резкий протест со стороны эмигрантского журнала «Общее дело», отметившего, что он «дает обильную пищу для праздных пересудов, а балаганным фельетонистам — крупную мишень для забрасывания грязью одного из благороднейших и честнейших русских деятелей и подтвердит только справедливость афоризма, что нет великих людей — для лакеев» («Общее дело», 1885, № 74, стр. 13). Не менее резко о романе Н. И. Утиной отозвалась «Русская мысль», сравнивая его с чуждыми ранее русской литературе бульварными романами, столь распространенными во Франции («Русская мысль», 1885, № 7, стр. 53).

[54] «Библиографический каталог. Профили редакторов и сотрудников». Женева, 1906, стр. 20—21.

Он организовал отряд повстанцев, действовавший на территории Белоруссии и имевший ряд столкновений и сражений с царскими войсками. Отряд действовал успешно и продержался более года [55]. Когда Трусов убедился в полной неудаче восстания, он скрылся за границу. Царский суд приговорил Трусова к смертной казни [56].

После бегства из России Трусов поселился в Париже, где сблизился с революционно настроенной молодежью, из рядов которой выходили руководители французских секций Интернационала, а позднее участники Парижской Коммуны. Среди этой молодежи Трусов был известен под именем Антуана. Работал он, по-видимому, в качестве наборщика.

Через своих французских друзей, вероятно братьев Реклю, Трусов сделался членом организованного Бакуниным «Интернационального братства». В 1868 г. Трусов присутствовал на конгрессе Лиги мира и свободы в Берне. Можно предполагать, что к этому времени между ним и Бакуниным обнаружились какие-то разногласия. Об этом можно судить по отсутствию его подписи под заявлением Бакунина и его друзей об их выходе из Лиги мира и свободы. Трусов, как и Утин, лишь позже присоединил свою подпись к этому заявлению. Не привлек Бакунин Трусова и в созданный им тогда Альянс социалистической демократии. По окончании конгресса Трусов возвратился в Париж [57].

Однако вскоре он был вызван Утиным в Женеву для того, чтобы принять на себя заведование типографией «Народного дела». Об этом мы узнаем из письма Н. И. Утина к П. Л. Лаврову от 29 февраля 1873 г., в котором Утин вспоминал: «Когда была заведена типография, Трусов был вызван из Парижа, где он работал, и ему

---

[55] Ю. Ковальский. Русская революционная демократия и январское восстание 1863 года в Польше. М., 1953, стр. 231—232.

[56] Этот факт, до сих пор остававшийся неизвестным, устанавливается неопубликованным письмом Утина к П. Л. Лаврову от 29 июня 1874 г. Имея в виду вызов русским правительством в Россию 19 русских эмигрантов, Утин отмечал, что среди них имелось два приговоренных к смертной казни: он, Утин, и Трусов.

[57] 24 декабря 1868 г. Элизе Реклю, впоследствии известный географ и анархист, писал бакунисту Альберту Ришару, что он накануне виделся с «другом Антуаном». M. Nettlau. Elisée Reclus. Anarchist und Gelehrter. Berlin, 1928, S. 125.

было обещано, что типография не покинет его, что она не перейдет в другие руки».

По переезде в Женеву Трусов принимал деятельное участие в оппозиции Бакунину, проявившейся среди участников «Интернационального братства» и приведшей в начале 1869 г. к ликвидации этой тайной организации.

В дни Бернского конгресса Лиги мира и свободы Бакунин и его сторонники, приняв решение выйти из Лиги, создали новую тайную организацию, названную ими Альянсом социалистической демократии. В течение некоторого времени наряду с Альянсом продолжало существовать и другое тайное общество, созданное Бакуниным еще в годы пребывания его в Италии, — «Интернацоинальное братство». Прием новых членов в это братство Бакунин продолжал и после переезда в Швейцарию. Ряд близких Бакунину людей, как-то Жуковский, Мрочковский, Перрон и другие, одновременно состояли членами и Альянса, и тайного братства.

В январе 1869 г. между Бакуниным и некоторыми членами братства обнаружились серьезные разногласия, в результате которых настроенные оппозиционно по отношению к Бакунину участники братства втайне от него собрались для совещания в Шапонэре, где жили супруги Мрочковские.

Здесь, кроме Мрочковских, присутствовали Жуковский, Перрон, супруги Бартеневы, Трусов, Бенуа Малон и Альберто Туччи.

Основной пункт разногласий, обнаружившихся между Бакуниным и участниками совещания в Шапонэре, выясняется достаточно отчетливо из дошедших до нас документов [58]. Товарищи Бакунина по братству обвиняли его в стремлении к личной диктатуре. Они указывали, что устав «Интернационального братства» держится Бакуниным в секрете и неизвестен большинству из них. Они негодовали на то, что, сосредоточив в своих руках документы братства, списки его членов и их адреса, Бакунин самостоятельно, не согласуя ни с кем, принимает решения от имени братства. Они требовали составления нового устава, который устранил бы диктатуру Бакунина и точно опре-

---

[58] Документы эти собраны в кн.: Ю. Стеклов. М. А. Бакунин..., т. II, стр. 431—448.

делил бы права и обязанности участников братства. Бакунин не соглашался на это. Он не отрицал предъявленных к нему обвинений, но указывал в свое оправдание, что тот, кто действует в духе и интересах общества, тот неизбежно, по его словам, вынужден поступать как диктатор и что его оппоненты, если захотят действовать, в свою очередь станут диктаторами. К тому же, прибавлял Бакунин, «братья» обязались жертвовать для возвышенной цели общества всем: и самолюбием, и личными интересами, и своими симпатиями. В их протесте против его действий он усматривал нарушение этого обязательства.

Любопытно, что протест своих товарищей по братству Бакунин был склонен приписывать интригам Утина, который якобы оказывал зловредное влияние на Мрочковского и его жену, а также на Бенуа Малона через О. Левашеву и Трусова.

Если основной причиной протеста участников совещания в Шапонэре являлись диктаторские замашки Бакунина, на «властную и нетерпимую грубость» которого подчас жаловались самые близкие его друзья, вроде Анри Ришара[59], то, наряду с этим, возможно, существовали и другие разногласия.

Бакунин обвинял некоторых членов братства в том, что они, забыв цель этой организации, стали действовать в духе «жалкого буржуазного республиканизма» и этим нарушили принятые на себя обязательства «не принимать никакого участия в буржуазных полуреволюциях и во всяких иных политических и экономических предприятиях буржуазии, но и бороться с ними, как с явлениями, противоречащими интересам народных масс». Другими словами, в среде братства стал проявляться протест против теории так называемого политического воздержания, апологетом которой выступал Бакунин.

Описанное нами столкновение Бакунина с его товарищами по «Интернациональному братству» закончилось тем, что братство было распущено. При наличии Альянса оно перестало интересовать Бакунина, а в некоторых отношениях даже стесняло его, так как могло оказаться препятствием для развертывания работы Альянса.

В связи с роспуском «Интернационального братства»

---

59 Ю. Стеклов. М. А. Бакунин..., т. II, стр. 448.

Трусов, а также супруги Бартеневы окончательно порвали с Бакуниным и сблизились с Утиным. Примкнув к группе «Народного дела», они повели ожесточенную войну с организатором и руководителем Альянса.

В дальнейших событиях и, в частности, в организации Русской секции Интернационала супруги Бартеневы играли большую роль. Необходимо поэтому познакомиться хотя бы вкратце с ними и их предшествующей жизнью и деятельностью.

Виктор Иванович Бартенев принадлежал к старинному дворянскому роду. Родился он 10 августа 1838 г. Отец его, военный инженер, дослужился до чина штабс-капитана, после чего вышел в отставку.

В. И. Бартенев обучался в Москве в Строгановском училище, где занимался живописью и ваянием. Он мечтал сделаться художником. Однако в 1855 г., во время обороны Севастополя, он, оставив училище, добровольно записался в войска. В военных действиях он участия не принимал, так как вскоре Севастополь пал и был заключен мир. По окончании войны Бартенев остался в рядах армии. Служил он в лейб-гвардии Финляндском полку.

Как и большинство молодежи того времени, Бартенев был охвачен влиянием освободительных идей; особенно большое впечатление производили на него сочинения Н. Г. Чернышевского. Этим определилось его отношение к польскому восстанию 1863 г.; Бартенев считал, что Польша имеет право на государственную независимость, и сочувствовал восставшим. Отправленный со своим полком в Польшу на подавление восстания, Бартенев вместе с некоторыми из своих товарищей-офицеров решил не бороться против поляков, а по возможности оказывать им содействие и помощь. Участвуя в одной стычке с повстанцами, в которой последние понесли поражение, он уклонился от преследования их и дал им возможность скрыться в лесах. Вскоре Бартенев вышел в отставку. Еще до этого, в начале 1863 г., он женился на Екатерине Григорьевне Броневской [60].

---

[60] О В. И. Бартеневе см. В. Руммель и В. Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. I. СПб., 1886, стр. 131—132 и И. С. Книжник-Ветров. Е. Г. Бартенева — социалистка и писательница. «Каторга и ссылка», 1929, № 11, стр. 40—41.

Е. Г. Броневская, также дворянка по происхождению, родилась в 1843 г. Она была внучкой известного генерала С. Б. Броневского, в 1834—1837 гг. генерал-губернатора Восточной Сибири, а позднее сенатора. Отец Е. Г. занимал сравнительно скромное место. В чине капитана он служил в военном министерстве, а затем перешел на гражданскую службу [61]. После его смерти в 1863 г. к Е. Г. перешли два его имения: одно — в Буйском уезде, Костромской губернии, другое — в Белевском уезде, Тульской губернии, в которых насчитывалось более 1000 десятин земли. Вскоре она получила еще два имения от своей бабки — в Ярославской и Вологодской губерниях.

В 1864 г. Бартеневы поселились в своем костромском имении. С бывшими крепостными этого имения они стремились наладить добрые отношения, отказались от выкупной суммы за крестьянские наделы и оказывали крестьянам помощь хлебом и деньгами. Позднее они передали крестьянам бесплатно всю свою землю.

В 1866 г. Бартеневы переселились в Петербург, где они вращались в кругах революционно настроенной молодежи. В Петербурге Бартеневы прожили недолго.

В 1868 г. мы находим их в Швейцарии, где они присутствовали на конгрессе Лиги мира и свободы в Берне. Они солидаризировались с меньшинством конгресса, группировавшимся вокруг Бакунина, и принимали участие в создании Альянса социалистической демократии; в качестве членов его инициативной группы они подписали своим псевдонимом «Алексеевых», принятым из осторожности, чтобы не закрыть себе возможности возвращения в Россию, опубликованную в 1868 г. программу Альянса [62].

---

[61] Биограф Е. Г. Бартеневой И. С. Книжник придает большое значение тому обстоятельству, что ее отец будто бы был воспитан поляком, сосланным в Сибирь за участие в восстании 1831 г. «Каторга и ссылка», 1929, № 11, стр. 37. И. С. Книжник не сообразил, однако, того, что воспитание Г. С. Броневского, родившегося в 1811 г., ко времени польского восстания 1831 г. уже закончилось. Год рождения Г. С. Броневского установлен А. Б. Лобановым-Ростовским. См. А. Б. Лобанов-Ростовский. Русская родословная книга, т. I. СПб., 1895, стр. 77—78.

[62] «Лондонская конференция...», стр. 234—237; E. Frlbourg. L'Association internationale des travailleurs. Paris, 1871, p. 133. Г. В. Бартенев ошибочно сообщил И. С. Книжнику, будто бы его родители пользовались в Швейцарии псевдонимом «Матвеевых» (вместо «Алексеевых»). Вместе с этим отпадает предположение

Входили они и в бакунинское тайное «Интернациональное братство» [63].

Бартеневы ввели в группу «Народного дела» свою знакомую Е. Л. Томановскую, которая также участвовала впоследствии в создании Русской секции Интернационала и приобрела большую известность своей деятельностью под именем Елизаветы Дмитриевой в Парижской Коммуне.

Елизавета Лукинична Томановская, урожденная Кушелева, родилась в 1851 г. в Псковской губернии. Отец ее был богатым помещиком и довольно образованным человеком. Он обладал тяжелым характером и жестоко обходился со своими крепостными. Мать Томановской, отличавшаяся большой красотой, была прислугой. Кушелев женился на ней лишь после рождения дочери Елизаветы, вследствие чего в детстве последняя жила в доме отца на положении «воспитанницы». Томановская получила блестящее образование. Она прекрасно владела французским языком, что весьма пригодилось ей в дни Парижской Коммуны. Брак Елизаветы Лукиничны был фиктивным. Ее муж, полковник Томановский, был значительно старше нее и притом человеком, безнадежно больным чахоткой. Вскоре после замужества Елизавета Лукинична уехала за границу, где она познакомилась с Бартеневыми, а позднее и с Утиным [64].

Из-за отсутствия материалов история формирования взглядов Е. Л. Томановской остается совершенно неизвестной нам. Несомненно, однако, что она была горячей сторонницей идей Чернышевского и хорошо знала его сочинения. Об этом можно судить хотя бы по тому факту,

---

И. С. Книжника, что портрет К. Маркса, написанный художником Матвеевым, принадлежал кисти В. И. Бартенева (И. С. Книжник. Е. Г. Бартенева — социалистка и писательница, стр. 43—44). Не существует никаких указаний на то, что Бартеневы встречались с Марксом; все, что мы знаем об их пребывании за границей, делает маловероятным их знакомство с Марксом.

[63] По-видимому, Бартеневы были приняты в братство по предложению не самого Бакунина, а какого-нибудь другого члена братства. По разъяснению Бакунина, он не был лично знаком с Бартеневым. Бартеневы вошли в братство незадолго до совещания в Шапонэре.

[64] Подробнее о детстве и юности Е. Л. см. статью И. С. Книжника-Ветрова «Детство и юность Елизаветы Дмитриевой». «Каторга и ссылка», 1930, № 11, стр. 58—85.

что она познакомила с идеями Чернышевского известного французского социалиста Бенуа Малона, который, кстати сказать, всегда с восторгом вспоминал о ней, восклицая, по словам современника: «О, чорт возьми, как она прекрасна!»[65].

Е. Л. Томановская являлась весьма видной участницей группы «Народное дело». По позднейшему свидетельству Утина, она в годы существования Русской секции «не жалела своего состояния ради нашего дела»[66].

Присоединение к группе «Народного дела» новых участников не могло не отразиться на дальнейшей судьбе группы. В частности, необходимо отметить, что такие люди, как порвавшие с Бакуниным Трусов и Бартеневы, должны были оказать весьма заметное воздействие на отношение к Бакунину редакции журнала «Народное дело», и если, как мы убедимся ниже, в 1869 г. «Народное дело» резко нападало на «апостола анархии», то в этом несомненно сказалось влияние его бывших товарищей по «Интернациональному братству», хорошо знавших его отрицательные стороны и возмущавшихся ими, а не Утина.

Участвовали ли в группе, издававшей «Народное дело», какие-либо другие лица, помимо перечисленных выше, сказать трудно. Вернее, что не участвовали. Во всяком случае группа эта не отличалась многочисленностью.

Особо надо остановиться на вопросе об участии в ней А. А. Серно-Соловьевича. В литературе попадались ничем не мотивированные указания на то, что Серно-Соловьевич являлся одним из участников группы «Народного дела». Мало этого, в работе Р. Ш. Тагирова о Русской секции Интернационала содержится утверждение, будто бы Серно-Соловьевич не только участвовал в издании «Народного дела», но и был одним из основателей Русской секции. Что касается последнего утверждения, то оно опровергается несомненными фактами: как мы убедимся ниже, Русская секция была организована в 1870 г., Серно-Соловьевич же покончил с собой еще в августе 1869 г. Слож-

---

[65] А. Тверитинов. Об объявлении приговора Н. Г. Чернышевскому, о распространении его сочинений на французском языке в Западной Европе и о многом другом. СПб., 1906, стр. 30—31 и 70.

[66] «Письмо Утина к Марксу от 17 декабря 1876 г.». «Летописи марксизма», 1930, № 2(12), стр. 8.

нее вопрос об участии его в «Народном деле» 1868—1869 гг.

В некрологе Серно-Соловьевича, помещенном в № 7-10 «Народного дела», говорится, что он относился с большим сочувствием к изданию этого журнала. Однако имеется и указание противоположного характера. В статье «Интриги г-на Утина» Бакунин писал: «покойный Серно-Соловьевич сказал мне незадолго перед своею смертью в присутствии нескольких женевских интернационалов: «Утин своими отвратительными революционными фразами заставил меня возненавидеть самое слово революция»». И далее Бакунин выражал возмущение тем, что в речи, произнесенной на могиле Серно-Соловьевича, Утин «дерзнул» назвать его «своим другом» [67].

Как видим, между двумя источниками, имеющимися в нашем распоряжении, обнаруживается непримиримое противоречие по интересующему нас вопросу. При таких условиях решающее значение принадлежит, по нашему мнению, тому обстоятельству, что в некрологе, напечатанном в «Народном деле», говорится только о сочувствии Серно-Соловьевича этому журналу, а не об его участии в нем. Если бы Серно-Соловьевич принадлежал к числу членов группы «Народное дело», то, несомненно, автор некролога указал бы на это: промолчать о таком факте он не мог бы, так как Серно-Соловьевич пользовался большим уважением и авторитетом, и потому упоминание об его участии в «Народном деле», если бы таковое имело место, было бы крайне выгодно для этого журнала. Поэтому вопрос, интересующий нас, должен быть решен в отрицательном смысле. За такое решение вопроса говорит и то соображение, что в 1868—1869 гг. Серно-Соловьевич, как сказано выше, был по горло занят работой в женевских секциях Интернационала, которыми он тогда руководил, и в местном рабочем движении, вследствие чего у него вряд ли могло оставаться время на другие дела, в том числе и на русские. Поэтому мы можем говорить лишь о том, что самоотверженная работа Серно-Соловьевича и его убежденная пропаганда принципов Интернационала заражали его товарищей по русской эмиграции и побуждали их пытаться воспользоваться опытом Ин-

[67] «Материалы для биографии М. А. Бакунина...», т. III, стр. 411.

тернационала в интересах русского революционного движения.

На организацию типографии «Народного дела» и на налаживание ее работы потребовалось, конечно, немало времени, а это не могло не отразиться на выходе очередного номера журнала.

В течение 1868—1869 гг. новой редакции удалось издать всего лишь три выпуска «Народного дела». Первый из них, печатавшийся, как мы уже говорили, в типографии Элпидина, был издан во второй половине октября в виде двойного номера (№ 2-3); второй — в мае 1869 г., т. е. более чем через полгода по выходе предыдущего, в виде тройного номера (№ 4-6) и, наконец, третий — в сентябре 1869 г., уже включал четыре номера (№ 7-10). Таким образом, обещание редакции, напечатанное в № 2-3,— выпускать журнал «в объеме двух листов в месяц в один или два срока» — оказалось невыполненным.

Состав редакции «Народного дела» объявлен не был. Секретарем редакции был избран Антон Трусов.

В № 4-6 «Народного дела» за подписью Трусова было опубликовано «Извещение». В нем сообщалось, что «некоторые непредвиденные обстоятельства»[68], а также «вызванное журналом сочувствие и сообразное с тем увеличение его средств» побудили редакцию основать особую типографию «Народного дела», при которой состоит секретарь редакции. К нему надлежит обращаться по вопросу о сотрудничестве в журнале, ему же следует направлять денежные средства. Что касается типографии, то она готова принять на себя «печатание тех листков и брошюр революционной пропаганды, которые потребуются партией Народного освобождения в России в видах распространения воззрений этой партии и увеличения числа ее единомышленников».

«Журнал наш, — гласило далее «Извещение», — стремясь стать органом всей сплоченной партии освобождения, не только доступен каждому из наших единомышленников, но... кроме того, при журнале будет открыт отдел, за который Совет (редакционный.— *Б. К.*) не принимает на себя никакой ответственности. В этом отделе будут печататься письма, заявления, заметки, критика и более

[68] Несомненно, имеется в виду отказ Элпидина предоставить в дальнейшем свою типографию для печатания «Народного дела».

обстоятельные статьи, которые могут быть не вполне согласны с воззрениями редакции относительно теоретических или практических сторон пропаганды, которые, более того, могут критически разбирать некоторые положения, отстаиваемые редакцией, лишь бы в такого рода статьях было видно искреннее отношение их авторов к свободному делу, желание дела и пропаганды, готовность прямого участия, а не пустого препирательства». Далее говорилось о том, что после прекращения «Колокола» и «неудачной попытки» издания «Современности»[69] за границей существует только один журнал — «Народное дело» и что поэтому редакция его считает нужным предоставить его страницы «всем приверженцам революционного дела», хотя бы и не вполне согласным с программой «Народного дела». «Мы думаем при этом, — гласило далее «Извещение», — что от добросовестного критического обсуждения главных существенных положений революционной теории и практики наше общее дело только выиграет».

Все статьи, помещавшиеся в «Народном деле», печатались анонимно и, следовательно, выражали мнение не только их авторов, но всей группы, издававшей этот журнал. Анонимность статей не дает, за немногими исключениями, возможности определить их авторов. Однако принадлежность некоторых из них Н. Утину устанавливается довольно легко и бесспорно.

Несомненно им была написана помещенная в № 2-3 «Народного дела» за 1868 г. статья «Пропаганда и организация». Автор этой статьи обнаруживал весьма близкое знакомство с русским революционным движением начала 60-х годов и, в частности, с деятельностью тайного общества «Земля и воля», а таким осведомленным лицом в составе редакции «Народного дела» был один лишь Утин, состоявший членом Центрального комитета «Земли и воли». Такую же широкую осведомленность в событиях наначала 60-х годов проявлял автор некролога А. А. Серно-Соловьевича, помещенного в № 7-10 «Народного дела» (1869 г.). Полагаем, что авторство Утина и в данном случае можно считать бесспорным. Осведомленность о петер-

[69] «Современность» — журнал, издававшийся с апреля по август 1868 г. в Женеве эмигрантами Л. И. Мечниковым и Н. Я. Николадзе. Отсутствие четкой политической программы и бледность содержания этого журнала обусловили его скорую ликвидацию.

бургском студенческом движении 1861 г., в котором Утин принимал руководящее участие, делает весьма вероятной принадлежность ему статьи «Юбилейное торжество С.-Петербургского университета», помещенной в № 4-6 «Народного дела» 1896 г. На том же основании его перу можно приписать напечатанную в том же номере статью «Студенческие дела и профессорско-полицейские беспорядки».

Несомненно Утиным была написана обширная статья «Русское социально-революционное дело в его соотношении с рабочим движением на Западе». Его авторство, помимо иных соображений, выдает одна фраза, которую мы находим в этой статье: «В одной из статей наших о провинциальных собраниях при Людовике XVI и о земских учреждениях при Александре II мы покажем вам всю эту аналогию...». Если мы вспомним, что Утин специально изучал политическую историю Франции в целях написания ряда «аналогических» статей, то станет ясным, что приведенное нами обещание Утина (кстати сказать, невыполненное) дать аналогию между русским земством и французскими провинциальными собраниями могло быть сделано только им.

Наконец, Утина же можно считать автором и статьи «Политика мещанства и политика социализма» с подзаголовком «Введение в историю рабочего движения», помещенной в № 4-6 «Народное дело». Говоря о поддержке, оказанной народом буржуазии во время ее борьбы с «роялизмом», автор пишет: «Вероломство буржуазии и начало нового кровавого разлада народа с мещанством знаменуется началом террора, предательски провозглашенного, на Марсовом поле (27 июня 1791 г.) от имени возобновленного, хотя и кратковременного, союза испуганной буржуазии с погибавшим роялизмом». Это странное истолкование общеизвестных исторических событий станет нам вполне понятным, когда мы познакомимся ниже со взглядами Утина на якобинский террор, который он считал отступлением от правильной линии развития французской революции; он полагал, что не якобинцы, а жирондисты являлись носителями истинных революционных традиций.

Как мы уже указывали, статьи, помещавшиеся в «Народном деле», выражали мнение всей группы, издававшей его. Что же касается обещания редакции открыть

страницы своего журнала для инакомыслящих сторонников революции, то оно на практике оказалось выполненным только один раз — в 1870 г., когда на страницах «Народного дела» была опубликована статья эмигранта Семена Серебренникова по поводу ареста его швейцарской полицией. Статья эта была напечатана за подписью автора.

Необходимо также отметить, что обещанием редакции «Народного дела» печатать статьи авторов, не вполне разделяющих убеждения этого журнала, намеревался воспользоваться А. И. Герцен, приславший статью в редакцию «Народного дела». Однако редакция «Народного дела» этой статьи почему-то не напечатала, о чем подробнее будет сказано ниже.

ВЗГЛЯДЫ «НАРОДНОГО ДЕЛА» НА СОЦИАЛЬНУЮ РЕВОЛЮЦИЮ И ЕЕ ЗАДАЧИ

Выше уже было сказано, что в № 2-3 «Народного дела» его редакция напечатала специальное заявление относительно того, что она продолжает придерживаться программы, изложенной в № 1 этого журнала. О неизменности программы «Народного дела» говорилось и в передовой статье № 2-3, озаглавленной «Пропаганда и организация. Дело прошлое и дело настоящее». Автором ее, как указано выше, был Утин, начавший свою статью следующим заявлением относительно программы, напечатанной в № 1 «Народного дела»:

«Тот, кто сознательно читал нашу программу, должен был понять, что осуществление ее может быть достигнуто не иначе, как по разрушении всех тормозов материальной и умственной жизни народа и по уничтожении всех враждебных препятствий созданию нового свободного быта». Что же именно имел в виду Утин, когда писал о «тормозах» и «препятствиях»? Он давал совершенно ясный ответ на этот вопрос: «Подобными тормозами и препятствиями представляются вся государственная, политическая, административная и финансовая машина[70] и все социальное устройство, основанное

[70] Подчеркнуто мною. — *Б. К.*

только на личных интересах привилегированного барства»[71].

Это утверждение Утина показывает, что во время написания цитируемой статьи он еще не успел полностью освободиться от воздействия идей Бакунина, видевшего задачу социальной революции в уничтожении государства и в создании союза вольных общин. Этот вывод подтверждается и дальнейшим содержанием статьи Утина. Говоря об отношениях между отдельными национальностями, ее автор, подобно Бакунину, высказывался против «всякого авторитетного государственного социализма». «Государственный союз,— писал Утин,— всегда вел и ведет к полному уничтожению не только всего самобытного, но и вообще всего жизненного в захваченной народности». Чем же предполагал автор заменить государство? «Единственный союз, допускаемый нами,— отвечал на этот вопрос Утин,— это социально-федеративный, т. е. федеративная связь народностей, устроившихся на социалистических началах. А федеративная связь полагает существенным условием своим — полное, всестороннее, самобытное развитие как каждой особой народности, так и вообще всякой группы, сплоченной одними и теми же интересами, одними и теми же понятиями»[72].

Итак, замена государства федеративным союзом общественных групп, сплоченных единством материальных или умственных интересов,— такова в представлении Утина будущая форма общественной жизни. Такой союз мало чем отличался от федерации свободных общин, проповедуемой Бакуниным.

Наконец, в заключение статьи Утин еще раз подчеркивал несовместимость «нового быта» не только с собственностью, но и с государством[73]. Все это объясняет нам, почему Утин и его товарищи считали возможным и после разрыва с Бакуниным оставить свой журнал при прежней программе. Однако редакция «Народного дела» недолго оставалась на такой точке зрения: в процессе дальнейшего развития ее борьбы с Бакуниным она изменила свои взгляды.

---

[71] «Народное дело», 1868, № 2-3, стр. 25.
[72] Там же, стр. 39.
[73] Там же, стр. 48—49.

В № 7-10 «Народное дело» сочло необходимым категорически отмежеваться от проповедуемого Бакуниным воздержания от участия в политической борьбе.

«Партия Народного освобождения,— читаем мы здесь,— *вовсе не намерена внушаться поучениями маститых идеалистов о том, будто следует, презренно отвернувшись от государственной политики, преследовать обособленным, каким-то трансцендентальным путем свое народное дело*[74], как будто народ может так же идеалистически, абстрактно, без ежедневной боли относиться к ударам, бьющим его материальный и умственный быт, как будто партия Народного освобождения может не считаться с политикой правительства, вырывающего из ее среды энергических бойцов или тормозящего железными цепями ее путь к совершению поднятого дела».

Как видим, тут говорится уже не о разрушении государства, а об использовании его в интересах народных масс. Нельзя не признать, что в этом вопросе «Народное дело» стало придерживаться более правильной точки зрения, нежели Бакунин, отвергавший какое бы то ни было участие в политической борьбе, как в деле, совершенно чуждом народу и бесполезном для него.

Признавая необходимость участия в политической борьбе, «Народное дело» не возлагало, однако, каких-либо надежд на парламентские реформы. К парламентаризму оно относилось весьма скептически. В одной из статей «Народного дела» мы находим такое ироническое изображение «работы» парламентов:

«Целые длинные часы, каждый день, в течение целых месяцев, в продолжение целых десятков лет несколько сот человек собираются в красивые залы в главных цивилизованных столицах... и говорят: сегодня одни против других, одни против министерства или короны, другие за министерства или корону, завтра наоборот,—но все и всегда одинаково, с равным рвением и горячностью говорят и ратуют за народное благо, и потому дело всегда кончается тем, что «благо народное неизменно процветает и

---

[74] Подчеркнуто мною. — *Б. К.*

порядок торжествует» и только Гладстон сменяет Дизраэли или наоборот»[75].

Деятельность парламентов, по мнению «Народного дела», не может не быть бесплодной, ибо никакие реформы, как бы далеко они ни шли, не принесут существенных улучшений в положение трудящихся масс. Существующий социальный строй, по мнению «Народного дела», реформировать нельзя; его можно и нужно сломать до основания для того, чтобы на его место построить новый, ничего общего с прежним не имеющий. Необходим коренной переворот, долженствующий создать «целый новый быт, целый строй общественности, в котором всё противоположно и иначе, чем в нынешнем порядке, в котором иное развитие ума, иное нравственное отношение, иное материальное устройство»[76]. Каким же условиям должен удовлетворять этот новый строй и чем именно он должен отличаться от существующего? Это должно быть «общество равенственного труда и равенственного наслаждения»[77].

Потребность человека в свободе, «всеобъемлющей и реальной, а не исключительной и призрачной», приводит к необходимости организовать производительный труд каждого члена общества на разумных началах. И наука, и жизненный опыт учат нас, что «всем доступный и обеспеченный труд возможен только при совершенном изменении всех условий богатства и производства». Другими словами, отсюда вытекает «неизбежная потребность коренного изменения всех условий народной жизни в смысле социалистической организации». Наука доказала необходимость проведения в жизнь «великого начала производительной ассоциации равноправных членов, как самого необходимого условия для плодотворного труда и общедоступного наслаждения»[78].

Итак, истинная свобода невозможна без равенства.

Новое общество будет однородно в том смысле, что все

---

[75] «Политическое обозрение». «Народное дело», 1869, № 4-6, стр. 95.

[76] «Пропаганда и организация». «Народное дело», 1868, № 2-3, стр. 26.

[77] «Старые обвинения и новые доносы». «Народное дело», 1868, № 4-6, стр. 89.

[78] «Пропаганда и организация». «Народное дело», 1868, № 2-3, стр. 45—46.

его члены должны быть поставлены в такое положение, чтобы каждый из них был равен другому в правовом и экономическом отношении и имел равную с другими возможность пользоваться всеми благами, которые доставляют человеку природа и его собственный труд.

Перед современным человечеством стоит задача громадного исторического значения — «освободить одних людей от привилегии только трудиться, других — только наслаждаться». А этого можно, по мнению «Народного дела», достичь только при помощи «справедливого, равного распределения между всеми людьми их общего богатства»[79].

Новый социальный строй может, по мнению «Народного дела», явиться только результатом революции. Только насильственным путем угнетаемые положат конец угнетению и эксплуатации труда капиталом. Только восстание народных масс устранит зависимость низших классов общества от господствующих. «Мы знаем из исторического опыта, свидетельствующего о безумном упорстве привилегированного захвата, что без кровопролития не может совершиться революция»,— читаем мы в статье «Русское социально-революционное дело в его соотношении с рабочим движением на Западе»[80].

Как видим, взгляды группы «Народное дело» в вопросе о путях общественного преобразования совпадали со взглядами Чернышевского, который еще в студенческие годы пришел к заключению, что «мирное, тихое развитие невозможно», что «без конвульсий нет никогда ни одного шага вперед в истории»[81].

Подобно Чернышевскому и его единомышленнику Добролюбову, «Народное дело» считало наивной утопией, вредной для интересов народа, веру в возможность мирного прогресса. «Наша логика навсегда препятствует нам тратить время на подобные миролюбивые маниловские манифестации»,— писал автор статьи «Политика мещанства и политика социализма»[82].

Вопроса о неизбежности революции «Народное дело»

---

[79] «Современное выражение социальной революции на Западе». «Народное дело», 1869, № 7-10, стр. 114—115.

[80] «Народное дело», 1869, № 7-10, стр. 127.

[81] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. I. М., 1939, стр. 357.

[82] «Народное дело», 1869, № 4-6, стр. 68.

касается и в статье «Генеральская революция и народное освобождение»[83], написанной по поводу «бескровного» переворота в Испании, в результате которого королева Изабелла II утратила свой трон. Автор статьи доказывает, что этот переворот не внес никаких существенных изменений в жизнь испанского народа; все свелось только к замене Изабеллы генералами, захватившими власть в свои руки. Из опыта испанской революции автор статьи извлекает два полезных урока. Он указывает, что эта революция прежде всего учит тому, «насколько легко и просто швыряются с своих картонных тронов божьи помазанники и «народные» избранники». Наряду с этим из испанских событий можно извлечь и другой урок, а именно: что испанский народ не сознает «своего собственного положения и своей единой всемогущей силы». Если бы он обладал таким сознанием, результаты революции оказались бы совершенно иными и выигрыш от нее достался бы народу, а не привилегированным классам.

Таким образом, автор цитируемой статьи видит коренную причину неудачных для народа результатов испанской революции в недостаточной сознательности народных масс. Он уверен, что «сознание народом своей истинной силы, своего настоящего положения, сознанная народом потребность выхода из такого положения привела бы Испанию и Европу к иному зрелищу: вместо трогательного единодушия и веселья, мы увидели бы весь кровавый ров, делящий и Испанию, как и всякую другую страну, на два лагеря — плантаторов и рабочих». «Мы увидели бы,— пишет автор статьи,— последнюю схватку не двух генералов, любезно лобзающихся после битвы, а двух начал, двух миров, привилегированного и трудящегося, и исход такой битвы явился бы несомненным: не путем пожертвований, которыми капиталисты очевидно стремятся предотвратить народные требования[84], не путем пародий на социальные мастерские стал бы обеспечиваться труд работающих масс, а путем перехода всей производительности, всего богатства страны в исключительное владение производителей. До тех пор, пока революция не поставит в свою основу этого главного непре-

---

[83] «Народное дело», 1868, № 2-3, стр. 53—54.

[84] Испанские богачи пожертвовали после революции несколько десятков тысяч реалов в пользу рабочего люда. — *Б. К.*

менного условия, до тех пор все вспышки, все волнения, все попытки останутся безуспешными и бесплодными, потому что останутся вне прямого жизненного интереса рабочих масс, которые одни и сами только могут выполнить такую задачу».

Если бы испанский народ обладал достаточной сознательностью, указывает автор статьи, весь ход событий был бы совершенно иным: дело не обошлось бы без пролития крови; зато и результаты переворота были бы совершенно иными, более выгодными для народа. Человечеству приходится за каждый шаг вперед расплачиваться своей кровью. Однако журнал считал, что не следует преувеличивать значение жертв, вызванных революцией. «Более жертв,— пишет «Народное дело»,— чем их падает ежедневно в тьме рудников, в смраде фабрик и в нищенстве домашних страданий, более жертв не может быть и никакая революция не поглощает их более» [85].

Аналогичные мысли мы находим и в другой статье «Народного дела», озаглавленной «Старые обвинения и старые доносы». «Цифрами можно доказать,— читаем мы здесь,— что время застоя поглощает собою гораздо более жертв, чем время движения: в застое юные силы гибнут, растрачиваясь в разврате и пьянстве, стираясь до утрачивания человеческого вида в казенной службе; и это — жертвы бесплодные». Жертвы же, принесенные во имя революции, не пропадают даром: «...Каждая из них своей гибелью подвигает общее дело вперед, каждая из них обличает современное устройство в несостоятельности, каждая из них своим примером вызывает новых борцов, и память о каждой из них говорит подрастающим поколениям о том, что развитые честные люди предпочитали во все времена гибель отрупелому прозябанию». Рабочий мир идет к освобождению по трупам своих лучших братьев; он понял, что «иначе жертв гибло бы еще более, как и гибло до сих пор ежедневно на всех фабриках, мастерских, рудокопнях и каменоломнях» [86].

Убежденная в том, что без кровавой революции невозможно добиться действительного улучшения участи трудящихся масс, редакция «Народного дела» нашла нужным

---

[85] «Современное выражение социальной революции на Западе». «Народное дело», 1869, № 7-10, стр. 123.

[86] «Народное дело», 1869, № 4-6, стр. 87—88.

отгородиться от Писарева с его проповедью естественных наук. Автор статьи «Политика мещанства и политика социализма» указывал, что если естественные науки и оказывают могущественное влияние на человека, освобождая его от власти «религиозно-политической мифологии», являющейся одной из главных опор современного классового общества, то такая роль этих наук возможна только при нормальных условиях жизни, не стесненных полицейским гнетом. «Никогда,— указывал он,— существующая система государственного устройства не допустит добровольно распространения в народе познаний, эмансипирующих его ум». Существует и другое обстоятельство, снижающее влияние естественных наук. «Да и самому голодному, нищему народу,— продолжает автор статьи,— трудно... ждать переворота или иного быта до тех пор, пока не сложится у него — под палкою и грабежом нынешней правящей системы — целое новое миросозерцание! Надежда на возможность подобного хода развития и освобождения граничила бы с надеждой на м и р н ы й п р о г р е с с, на грядущее мирное освобождение, а наша логика раз навсегда препятствует нам тратить время на подобные миролюбивые маниловские фантазии».

На основании всех этих соображений автор статьи приходит к выводу, что хотя изучение естествознания и приносит несомненную пользу «молодому поколению», но отнюдь не бóльшую, чем та, которую приносит ему изучение истории и других общественных наук. Вот почему естественным наукам не следует отводить преимущественное место по сравнению с общественными. Еще более неправильно видеть в них вслед за Писаревым орудие, освобождающее трудящиеся массы от гнета и эксплуатации[87].

Революция, которая приведет человечество к счастливому будущему, должна быть делом народных масс. Без их участия серьезный переворот невозможен. Им принадлежит решающее слово в ходе событий. В этом отношении члены группы, издававшей «Народное дело», были верными и последовательными учениками Чернышевского. Они не допускали даже и мысли о том, что народные массы могут быть облагодетельствованы кем-то со стороны.

---

[87] «Народное дело», 1869, № 4-6, стр. 62—66.

Как и Чернышевский, редакция «Народного дела» убеждена, что сам народ, а отнюдь не великие люди и гении, творит историю. Правда, она, как мы увидим ниже, отводила революционно настроенной молодежи весьма важное место в подготовке революции. «Долго еще передовое меньшинство будет вести за собой массы», — писало «Народное дело»[88]. Однако в то же время оно признавало, что без участия масс это меньшинство не может достичь результатов, имеющих серьезное значение для народа. Только та революция, которая осуществляется самими народными массами, может привести к победе.

Этими соображениями определялось отношение «Народного дела» к разрозненным революционным восстаниям и к той тактике «вспышкопускательства», которую пропагандировали Бакунин и его сторонники.

«Мы призываем Революцию, а не местную вспышку, легко подавляемую и дающую торжество врагам гибелью многих жертв; мы призываем Революцию, в которой народ встал бы, дружно-организованный, во имя сознанных своих интересов, для свержения гнета и для сознательного осуществления новой жизни на новых общечеловеческих началах»[89].

Признавая необходимость «общего, одновременного дружного действия для общей последней битвы в борьбе за новую жизнь», «Народное дело» не отвергало, однако, пользы, которую при известных условиях могут приносить и местные восстания или «восстания вразброс», как выражалось «Народное дело». Оно было готово признать за ними «громадную поучительную важность».

«Неизбежные, часто вызванные непосильным страданием или озлоблением народа, — писало «Народное дело», — они являются историческим фактом, знаменующим, с одной стороны, живучесть в народе мысли об отпоре, с другой стороны — готовящуюся близость и возможность распространенного народного восстания. В случае торжества, хотя бы непрочного, они разносят повсюду веру в возможность успеха, они заставляют народ обращать и сосредоточивать свое внимание на этом вразумляю-

[88] «Русское социально-революционное дело в его соотношении с рабочим движением на Западе». «Народное дело», 1869, № 7-10, стр. 137.
[89] Там же, стр. 127.

щем способе действия в борьбе с врагом. И даже в случае поражения они уже самым фактом своего частного явления могут подрывать «священный авторитет богопомазанников», они сводят этих богопомазанников с их мифического величия к их действительной роли расстрельщиков и палачей, и таким образом своей дорогой народной кровью подмывают вековые троны вековых привилегий».

Местные восстания, указывало «Народное дело», имеют еще одно немаловажное значение. Сознательное и интеллигентное меньшинство может извлечь из них весьма поучительные уроки для себя. «Участвуя активными свидетелями в его (народа.— *Б. К.*) повстаниях, уцелевшие из нас, — писало «Народное дело», — могут яснее обозначить те причины и явления, которые в данный момент всего более могут побудить народ к энергичной битве с врагами, и в то же время они могут яснее и лучше понять, где кроются причины неудач и поражений, какие явления и приемы пропаганда и организация должны стремиться выделить, отбросить из народных восстаний для успеха и для их прочности».

Если местные восстания имеют известный смысл и могут приносить некоторую пользу революционному делу, то это еще не значит, что революционерам следует вызывать их. Необходимо, указывало «Народное дело», различать естественные местные вспышки от вызванных искусственно. С особенным осуждением «Народное дело» относилось к тем, кто проповедует необходимость «поджигать народ к местным разбойничьим бунтам, обманывая народ одной местности уверением, будто уже всюду восстал народ, и не только русский, но и почитай всеевропейский» [90]. Несомненно, что эти слова были направлены против Бакунина и его соратника Нечаева, о борьбе против которого редакции «Народного дела» нам придется говорить ниже. Редакция этого журнала высказывала опасение, что «нелепые друзья» народа, стремящиеся «вызвать своими провокациями революцию ранее, чем Народная партия успеет сформироваться и сплотиться», играют на руку «злостным врагам» народа[91]. Другими словами, народному восстанию должна предшествовать большая подготовительная

---

[90] «Русское социально-революционное дело...». «Народное дело», 1869, № 7-10, стр. 131—132.

[91] Там же, стр. 127.

работа. Эта работа является необходимым условием торжества революции и социализма, в неминуемости которого редакция «Народного дела» не допускала никаких сомнений.

СОЦИАЛЬНАЯ БОРЬБА И ИСТОРИЧЕСКАЯ НЕИЗБЕЖНОСТЬ ПОБЕДЫ СОЦИАЛИЗМА В ПОНИМАНИИ «НАРОДНОГО ДЕЛА»

«Народное дело» рассматривало будущую социальную революцию как «заключительное звено целого исторического хода человечества». Эта революция подготовляется всем развитием человеческих обществ. Поэтому социализм прежде всего есть факт исторический, а не «галлюцинация утопистов» [92].

Автор статьи «Политика мещанства и политика социализма» указывал, что история человечества представляет собой непрерывную «борьбу между тунеядною собственностью, которая опирается на государственность и богословие, и трудом, который производится во славу и на потеху привилегированных каст миллионами закабаленных масс, вознаграждаемых за это более или менее возрастающим нищенством и истреблением».

Борьба эта проявлялась в истории в различных формах. Сперва она происходила между «роялизмом», т. е. королевской властью, и дворянством, причем «роялизм» привлекал на помощь к себе среднее сословие — буржуазию. Победив феодалов, «роялизм» стал сдерживать «забывшихся горожан». Началась борьба буржуазии с «роялизмом», опиравшимся на монастырское духовенство. Буржуазия победила своего противника вследствие того, что на ее сторону стал народ, надеявшийся с падением феодальной иерархии избавиться от векового гнета. Он ошибся в своих расчетах, так как не предвидел появления «новой промышленной, индустриальной иерархии». Взамен прежних социальных противоречий возникли новые; начался «разлад народа с мещанством» и вспыхнула война между собственниками и пролетариями. Эта война составляет содержание «всей истории современного чело-

---

[92] «Политика мещанства и политика социализма». «Народное дело», 1869, № 4-6, стр. 61.

вечества». Она прекратится не ранее того, как перестанут существовать различные классы общества, т. е. после торжества социализма. Победа социализма неустранима, ибо на его стороне логика и знание [93].

Социализм как явление, порожденное всей предшествующей историей человечества, в своем развитии пережил два периода: отрицательный и положительный. Отрицательный период — это «весь средневековый период, в продолжение которого социалистические требования народа высказываются только в о т р и ц а н и и феодально-мещанского захвата, в протестах против него, но не в п о л о ж и т е л ь н о й формуле иного, более или менее определенного строя; эта формула слагается только с началом Великой революции, от которой мы вправе вести начало п о л о ж и т е л ь н о й ф а з ы с о ц и а л и з м а». В течение отрицательного периода социалистические устремления народных масс проявлялись в ряде вспышек и бунтов. «Народное дело» находит эти устремления и в восстаниях средневековых городских общин, и в «борьбе общинного вечевого начала с роялизмом и феодализмом», и в «кровавом споре северорусских народоправств с московским царизмом», и в крестьянских войнах в Германии, и в «борьбе итальянских городов с папством и империализмом», и в «гугенотизме» во Франции и в Англии, и в движениях Степана Разина и Емельяна Пугачева.

Все эти движения были подавлены вследствие отсутствия у восставших ясного сознания идеи социализма и твердого представления о том новом строе, который должен прийти на смену старого.

С наступлением положительного периода в развитии социализма народные движения начали принимать сознательный характер. В среде народных масс вырабатывается ясное представление о том, з а ч т о ведется ими борьба. Наличность этого сознания обеспечивает грядущую победу социализма [94].

«Мещанский правящий миром порядок,— писал автор статьи «Политика мещанства и политика социализма»,— гибнет потому, что он прежде всего оказался невежестве-

---

[93] «Политика мещанства и политика социализма». «Народное дело», 1869, № 4-6, стр. 60—61.
[94] Там же, стр. 67—68.

нен, в нем не оказалось ни смысла, ни света знания, которые двигают теперь социалистическими массами».

Статья «Политика мещанства и политика социализма» дает довольно ясное представление об уровне развития социально-политической мысли той группы русских революционеров-эмигрантов, в руках которых осталось «Народное дело» по выходе из его редакции М. А. Бакунина.

Их попытка доказать историческую неизбежность социалистической революции, порождаемую развитием борьбы угнетенных против угнетателей, представляет несомненный интерес. Эта попытка показывает, что в теоретическом отношении группа «Народное дело» стояла выше тех утопических социалистов, которые рассматривали социалистический строй как наиболее выгодный и полезный для всех классов общества, как неимущих, так и господствующих, которые разделяли наивную уверенность, что только одно отсутствие у привилегированных классов правильного понимания их действительных интересов, побуждает их противодействовать социалистическому переустройству общества, и которые вследствие этого, несмотря на все свои разочарования, не расставались с надеждой убедить имущие классы в необходимости положить конец эксплуатации труда. Однако из этого еще не следует, что социализм «Народного дела» был социализмом не утопическим, а научным. Неизбежность социальной революции сотрудники этого журнала выводили не из развития производительных сил и производственных отношений, а непосредственно из роста сознательности народных масс, из поднятия их умственного уровня. Таким образом, их обоснование неизбежности социалистического переворота имело чисто идеалистический характер. Но этого мало. Во взглядах «Народного дела» можно найти и другие слабые стороны и ошибочные утверждения.

Видя в истории человечества постоянную борьбу угнетаемых и эксплуатируемых против угнетателей и эксплуататоров, Утин и его товарищи тем не менее были весьма далеки от правильного понимания взаимоотношений общественных классов, а также смысла и значения классовой борьбы. Они без разбора пользовались такими разнообразными и не всегда достаточно определенными терминами, как «народ», «трудящиеся массы», и, как мы убе-

димся ниже, даже тогда, когда они говорили о «рабочем классе» и о «пролетариате», часто охватывали этим термином все категории «трудящихся».

Особенности фабрично-заводского пролетариата как общественного класса, интересы которого во многом не совпадают с интересами других отрядов трудящихся, оставались для группы «Народного дела» неясными и непонятными. Сознание исторической роли фабрично-заводского пролетариата было им чуждо. В связи с этим их представление о социализме становилось весьма неопределенным. Во всяком проявлении недовольства трудящихся своим тяжелым положением они готовы были видеть элементы социализма. Исходя из этого, они считали социалистическими все народные движения, в какой бы исторической обстановке они ни происходили, какими бы причинами они ни вызывались и какие бы задачи перед собою ни ставили.

«Роялизм» Утин и его друзья рассматривали как самостоятельную, стоящую над классами общественную силу. Классовый характер государственной власти оставался для них далеко не понятым.

Все сказанное показывает нам, что ни в коем случае нельзя согласиться с В. А. Гороховым, утверждающим, что в статье «Политика мещанства и политика социализма» «основные вопросы поставлены по-марксистски»[95]. Вряд ли надо доказывать, насколько далек автор названной статьи не только от марксистского разрешения, но даже и постановки социальной проблемы. В самом признании социализма исторической неизбежностью марксизма еще нет. Важно то, как эта неизбежность обосновывается и аргументируется. А аргументация «Народного дела» весьма далека от марксизма. Рассуждения автора названной статьи о постоянной борьбе между трудящимися и их угнетателями гораздо ближе к рассуждениям Н. А. Добролюбова о борьбе «трудящихся» с «дармоедами», чем к марксову учению об общественных классах и классовой борьбе. В этом отношении взгляды Утина и его товарищей мало чем отличались от взглядов других русских революционеров того времени, воспитанных на сочинениях Чернышевского и Добролюбова. Члены

---

[95] В. А. Горохов. Русская секция I Интернационала, стр. 64. Подчеркнуто мною. — *Б. К.*

группы «Народного дела», как и идейные вожди русской революционной демократии 60-х годов, были, в отличие от Маркса и Энгельса и их последователей, представителями крестьянского, а не пролетарского социализма.

К такому же заключению можно прийти и при ознакомлении со взглядами «Народного дела» на роль интеллигенции в подготовке и осуществлении грядущей социальной революции.

ВЗГЛЯДЫ «НАРОДНОГО ДЕЛА» НА РОЛЬ «МОЗГОВОГО ПРОЛЕТАРИАТА»

Если в современном обществе революция уже назревает, то для того, чтобы она разразилась и привела к благоприятным для народа последствиям, необходима большая подготовительная работа, направленная на то, чтобы разъяснить народу его истинные интересы. До сих пор, по мнению редакции «Народного дела», революции не удавались, «потому что всегда подготовительная работа, работа для развития предварительного ясного сознания в народе не была доведена до известного предела». Этот вывод «Народное дело» подтверждало рядом исторических примеров.

Французская революция 1848 г. не удалась, по мнению редакции «Народного дела», вследствие того, что народ, «не сознавая невозможность союза несовместимостей, вверил в руки злейших врагов свою судьбу». Когда же в июньские дни народ прозрел и бросился на баррикады, то было уже поздно, и он наткнулся «на дружный отпор солдатчины». Французская революция привела к такой катастрофе потому, что она произошла ранее, чем подготовительная работа была доведена до конца. «Февральская революция вспыхнула, — пишет «Народное дело», — не дав достаточно времени социалистической пропаганде проникнуть в народные массы».

Польское восстание 1863 г. погибло потому, что русское правительство спровоцировало его раньше намеченного революционерами времени и потопило в крови революционную пропаганду в самом ее зародыше, когда идейная подготовка восстания не была еще закончена.

Тот же вывод подтверждается, по мнению «Народного дела», и примером революционной ситуации, сложившей-

ся в России в конце пятидесятых годов. «Если б организация составилась за несколько лет до 19 февраля и вела ревностно и целесообразно свою пропаганду, то, конечно, вышло бы и н о е 19 февраля — не фальшивое, императорско-дворянское, а настоящее, народное». Таким образом, «революционная партия... опоздала в России со своей работой».

К этим примерам редакция «Народного дела» присоединяла еще ссылку на «могучие повстания Разина и Пугачева», которые «разбились так сказать о свой собственный органический порок: они сами не знали определенно, куда они идут... они не сознавали вполне, что именно надо разрушить и что именно надо созидать; их работа была стихийная, не поддержанная критикой и творчеством разума». Любопытно, что эти рассуждения о движениях Разина и Пугачева сопровождались выпадом против «мечтателей, которые хотели бы реставрировать буквально подобные движения», т. е. против людей, вслед за Бакуниным идеализировавших эти движения. Если эти люди и правы, утверждая, что в памяти нашего народа действительно живет предание об его «великих атаманах», то это предание «бессильно еще само по себе, чтоб дать народу ясное сознание определенной потребности новых начал» и чтобы «связать весь народ повсеместно для общего одновременного дружного действия» [96].

Редакция «Народного дела» придавала огромное значение предварительной революционной пропаганде, потому что, как сказано выше, считала, что народ может добиться освобождения только своими собственными силами, а не изолированными силами сочувствующей ему революционной интеллигенции. «Мы настаиваем, — писал автор статьи «Политика мещанства и политика социализма», — на изучении всенародной истории, потому что мы знаем, что мы сами по себе ничто вне народа, вне тесного общения с ним, с его бытовою умозрительною жизнью» [97].

Если интеллигенция сама по себе, без поддержки масс, не может оказывать решающее воздействие на ход исторического развития, то это еще не уничтожает ее большой роли в революции. «Социальный переворот может совер-

---

[96] «Русское социально-революционное дело...». «Народное дело», 1869, № 7-10, стр. 128—131.

[97] «Народное дело», 1869, № 4-6, стр. 68.

шиться только при соединении нашей интеллигенции с народом»[98]. Говоря об интеллигенции, «Народное дело» сознавало, что эта общественная группа неоднородна, что известная часть ее идет на службу «к кулаку-собственнику»[99]. Не на всю интеллигенцию рассчитывало «Народное дело», а лишь на наиболее молодую, наиболее близкую к народу ее часть. Расчеты «Народного дела» строились на той молодежи, которая, по его мнению, во время революционного подъема начала 60-х годов «на своих плечах выносила все движение при неблаговидности роли всего остального общества». Такое значение молодежи обусловливается свойственной ей отзывчивостью и горячностью. «Молодость,— читаем мы в статье «Пропаганда и организация»,— до тех пор, пока общество устроено так, что человек быстро дряхлеет в нем и изживается в корыстных дрязгах, молодость физиологически составляет стихийную силу, двигающую вперед все остальные расслабленные элементы или сталкивающую их за негодностью в сторону». Однако дело не только в одной физиологии, но и в моментах социально-экономических. Молодежь, входившая в революционные кружки 60-х годов, состояла,— разъяснял автор статьи, — преимущественно из разночинцев, знакомых по личному опыту и с нищетой, и с побоями, и с «наглым презрением к их личностям дома и в казне», и с «мраком школьной книжки». Эти разночинцы были близки к народу и по своему положению в обществе представляли собой «пролетариев того особого смысла, которого экономисты еще не раскусили»[100].

В другой статье «Народное дело» называло ту молодежь, о которой шла речь, «мозговым пролетариатом», в отличие от «мускульного».

«Этот пролетариат, — писал автор статьи «Современное выражение социальной революции на Западе», — который проводит всю жизнь в неоплатном труде своего мозга и так же эксплоатируется патронами прессы, состоящей на откупу у мещанской коалиции, патронами народного просвещения, отданного мещанством в распо-

---

[98] «Размышления о Российском образованном обществе». «Народное дело», 1869, № 7-10, стр. 161.

[99] Там же.

[100] «Пропаганда и организация». «Народное дело», 1868, № 2-3, стр. 28—29.

ряжение светской и духовной полиции, и патронами военно-полицейско-духовного государственного порядка, прикрываемого или неприкрываемого либеральными учреждениями и охраняющего только интересы одного мещанского мира,— как и эксплоатируется пролетариат мускульного труда патронами фабричной коалиции и ростовщиками всяких кредитных учреждений».

Не находя для себя достаточно работы и не имея возможности обеспечить свое существование, «мозговой пролетариат» «революционизируется и ищет путей к освобождению от стеснительных для него условий». Однако далеко не весь «мозговой пролетариат» доводит «свою революционную логику до конца» и приходит к сознанию, что единственным выходом для него является «честное и прямое соединение его с мускульным пролетариатом».

Это сознание выявилось, по мнению «Народного дела», в пропаганде Лассаля и его последователей, а еще раньше, «хоть не так ярко, но зато неустанно в пропагандистской и организаторской деятельности некоторых участников революции 48 г., из коих особенно выдвигаются две личности: К. Маркс и Ф. Беккер, как почти единственных участников, которые в продолжении 20 лет и среди всеобщей реакции сумели ни разу не замараться солидарностью с мещанскими тенденциями, всегда понимать истинные стремления народных масс и итти с ними нераздельно и порой впереди них». Это же сознание нашло свое выражение на Эйзенахском конгрессе, принявшем решение создать в Германии «демократическо-социалистическую партию «Народного государства»». Однако значительная часть германского «мозгового пролетариата» пошла другим путем: она предпочла путь компромиссов и медленных постепенных улучшений в быте пролетариата. Она поддерживала пропаганду Шульце-Делича, «ставящую за идеал постепенное достижение до мелкого мещанского полудовольства... за счет самой бедной части пролетариата».

Во Франции «мозговой пролетариат» в своей подавляющей части перешел на службу буржуазии, а в Италии сосредоточил свои мечты не на социальном преобразовании, а на создании «единой Италии».

Любопытен взгляд автора цитируемой статьи на роль польского «мозгового пролетариата». Этот взгляд выяс-

няет нам его отношение к польскому восстанию 1863 г. «В Польше, — пишет он, — мозговой пролетариат в последнем восстании перешел на сторону непролетариата, видевшего всё спасение Польши в одном изгнании русской армии».

Только после неудачи восстания часть польской интеллигенции поняла свою ошибку. «Мы рады пометить, — пишет автор, — сказывающееся наконец между членами мозгового польского пролетариата сознание, что освобождение их отчизны нужно ждать не от вмешательства иностранных государств, не от обособленного шляхетского восстания, а от действительной преданности интересам народа, на вызов его на активное заявление своей воли и своих естественных человеческих требований» [101].

Итак, в союзе двух пролетариатов — «мозгового» и «мускульного» — «залог скорейшего торжества и прочности общего освобождения» [102].

Какая же роль в этом союзе принадлежит «мозговому пролетариату»? «Мы полагаем,— отвечало на этот вопрос «Народное дело», — что прогресс человечества долго еще будет итти так, как шел, долго еще передовое меньшинство будет вести за собой массы, если только это меньшинство действительно уразумело интересы народа, действительно искренно и всецело действует в интересах масс, потому что при таком условии это меньшинство в момент действия быстро превращается в большинство, переходящее на его сторону из-за своего же собственного блага» [103].

«Мозговой пролетариат» является, таким образом, как бы идейным штабом революции. Его непосредственная задача заключается, по определению «Народного дела», в пропаганде и организации революционных сил. Задача пропаганды сводится к развитию и укреплению в народных массах сознания общности их интересов и противоположности этих интересов интересам эксплуататоров. Пропагандисты должны «уяснить народу, что его

---

[101] «Современное выражение социальной революции на Западе». «Народное дело», 1869, № 7-10, стр. 116—118.

[102] Там же, 1869, № 7-10, стр. 118.

[103] «Русское социально-революционное дело...». «Народное дело», 1869, № 7-10, стр. 137.

стремления к лучшему быту обусловливаются уничтожением всех враждебных элементов и учреждений». Наконец, дело пропагандистов провести в народ сознание необходимости повсеместной организации, которая гарантировала бы единство и одновременность действий, направленных против врагов народа [104].

Только при условии предварительной пропаганды, невозможной без построения крепкой организации, можно избежать того, чтобы «народное движение не вылилось в анархическую бестолковщину» и чтобы люди, любящие ловить рыбу в мутной воде, не могли воспользоваться анархией «для постановления личной диктатуры нескольких презренных коноводов» [105].

«Народное дело» подчеркивало, что организация необходима не только во время подготовки восстания. Потребность в ней сохраняется и на другой день после битвы и победы. В это время она необходима даже более, чем когда-либо; при этом на нее ложится громадная ответственность. «Организация великой партии Народного освобождения была бы предательницей и изменницей народному делу, если б сочла свое дело поконченным в день вооруженной битвы и если б вообразила, что далее уже разрозненные дотоле... элементы вдруг сами по себе, по какой-то мифической, внезапно-рожденной, внутренней мудрости придут тотчас же к новому, желанному и давно жданному бытию» [106].

Для того чтобы та революционная молодежь, которую выделяет из своей среды «мозговой пролетариат», могла с честью выполнить свою роль в подготовке революции и руководстве ею, необходимо, чтобы она сблизилась с народом. «В союзе с народом — мы сила..., которая сломит существующую систему общежития и которая создаст новый строй»,— писал автор статьи «Политика мещанства и политика социализма» [107].

Для успеха борьбы деятелям народного освобождения необходимо не только завоевать доверие народа, но сжиться с ним настолько, чтобы всецело проникнуться его

---

[104] «Русское социально-революционное дело...». «Народное дело», 1869, № 7-10, стр. 135.

[105] Там же, стр. 140.

[106] Там же, стр. 136.

[107] «Народное дело», 1869, № 4-6, стр. 68.

интерсcами. Эта необходимость, указывало «Народное дело», нашла себе выражение «в могучем образе Рахметова», воплотившего в себе «всю суть революционной идеи 60-х годов». «Неясным вполне и как бы оторванным от почвы был тот образ, потому что и в обществе идея эта в такой форме только зарождалась» и потому была еще пока трудноуловимой. Однако прошло несколько лет, и эта идея вполне определилась «и, хотя теряла в грандиозности, зато выигрывала в приложимости к жизни» [108].

«Будем надеяться, — писал автор только что цитированной статьи, — что наша молодежь поймет, что для борьбы с старым строем русской жизни ей нужно креститься новым общинным духом, нужно выработать себе новый строй жизни... и тогда уже организованными группами итти в народ» [109]. Как видим из этих слов, группа «Народного дела» одна из первых призывала молодежь к «хождению в народ». Как же представляла она себе задачи такого хождения? Вовсе не требуется, по ее мнению, чтобы поголовно все революционеры шли в народ. Они должны разбиться на две группы. Одна из них отправится в народ в целях заслужить его доверие и вести среди него пропаганду; другая же должна остаться среди врагов народа, «в рядах правительства, барства и кулачества», для того, чтобы «биться с ними их же оружием и на их же почве и, пользуясь их близорукостью и невежеством, парализовать действие и влияние их приказов и тенденции, и тем расчистить всюду народу путь к его победе» [110].

«НАРОДНОЕ ДЕЛО» О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РОССИИ

«Народное дело» вслед за Чернышевским отрицало своеобразие путей исторического развития России. Его руководители считали, что во всех странах мира потребности и интересы народных масс одинаковы; действительно, везде трудящиеся люди обладают одинаково голодны-

---

[108] «Размышления о российском образованном обществе». «Народное дело», 1869, № 7-10, стр. 162.
[109] Там же, стр. 159—160.
[110] Там же, стр. 162.

ми желудками и одинаковым «умственным нищенством», вследствие того, что «всюду они одинаково гнетутся всей существующей государственно-мещанской системой общежития»[111]. Одинаковостью потребностей народных масс обусловливается «солидарность, присущая историческим судьбам всех народов». «Социальное и политическое развитие всех народов идет аналогическим путем; в росте, в физиологии и психологии народов столь же много общего и одинакового, сколь и в развитии отдельных индивидуумов... Только с течением времени — и в этом торжество наше — происходит значительное изменение так сказать в хронологии: сроки различных периодов прогрессивно сокращаются и уменьшаются в истории тех народов, которые идут вслед за другими, сравнительно с периодами той или другой фазы в истории народов, шедших впереди всех других по длинному многовековому пути к свободному равенственному самоустройству».

«Везде поэтому,— продолжает рассуждать автор,— одинаково рядом с гнетом идет потребность сбросить его, рядом с голодом — потребность пищи, рядом с роскошью и невежеством — растление общества и плантаторство, рядом с умственным развитием — свободолюбие. Всюду одинаково историческая мгла народной жизни много раз освещалась зарей народного пробуждения. Народ восставал и выжигал все до тла вокруг себя... Но у него, забитого, не было силы и умелости борьбы, и он снова уходил в свою работящую берлогу и тянул свою трудовую бичеву»[112].

Отрицая в теории своеобразие исторического развития России по сравнению с Западом, группа «Народного дела» на практике признавала это своеобразие. Дело в том, что она, как и все народники, находила большим преимуществом России по сравнению со странами Запада недостаточную развитость капитализма и обусловленную этим слабость русской буржуазии.

«Одна из громадных выгод для революции нашего русского положения, — пишет автор статьи «Русское социально-революционное дело», — заключается в том, что у

---

[111] «Русское социально-революционное дело...». «Народное дело», 1869, № 7-10, стр. 129.

[112] «Политика мещанства и политика социализма». «Народное дело», 1869, № 4-6, стр. 66—67.

нас не сложились еще, не успели и не успеют сложиться в такую систематическую касту, как на Западе, ни фабричное, ни торговое мещанство». Этим мы обязаны преобладанию земледельческих интересов в нашей стране. Слабость буржуазии ведет к отсутствию у нас «исторических партий», защищающих интересы эксплуататоров. Вместе с этим «наш мозговой пролетариат по самому своему происхождению... по всем стремлениям своим может считаться безраздельным элементом народных слоев» [113].

Признавая слабость русской буржуазии преимуществом России, группа «Народного дела» вместе с тем допускала, что эта буржуазия при своем дальнейшем развитии может и в нашей стране стать господствующим классом. Если в настоящее время русское «кулачество» еще по привычке раболепно гнет спину перед чиновниками и помещиками, то вместе с тем оно уже начинает сознавать свою силу и готовится расстаться с «позой смиренного... холопа» [114]. «Народное дело» не сомневается, что недалеко то время, когда «класс собственников собьет самодержавие азиатское и поставит на место его более пригодный и приятный ему — европейский конституционализм» [115].

Допуская, таким образом, возможность торжества буржуазии в России, «Народное дело», однако, сохранило веру в то, что социальная революция предотвратит осуществление этой угрозы и откроет возможность, минуя капитализм, построить в нашей стране более совершенный общественный строй. Преимущество России заключается в том, что она, опираясь на опыт Запада, может, употребляя выражение Чернышевского (поставленное эпиграфом к статье «Русское социально-революционное дело в его соотношении с рабочим движением на Западе» в № 7-10

---

[113] «Народное дело», 1869, № 7-10, стр. 140—141. Основываясь на этих словах «Народного дела», Н. К. Каратаев («К вопросу об экономической платформе Русской секции I Интернационала, стр. 100) утверждает, будто бы, говоря о «мозговом пролетариате», сотрудники «Народного дела» имели в виду «интеллигенцию пролетариата». Из всего сказанного выше совершенно ясна невозможность согласиться с такой точкой зрения. «Народное дело» имело в виду разночинную интеллигенцию.

[114] «Размышления о российском образованном обществе». «Народное дело», 1869, № 7-10, стр. 159.

[115] Там же, стр. 150.

«Народного дела»), «подниматься с низкой ступени прямо на высшую, минуя средние логические моменты».

Из этих соображений «Народное дело» признает чрезвычайно важным для русских революционеров ознакомление с западноевропейским опытом. Изучая этот опыт и, в частности, западное рабочее движение, русская молодежь «легко почерпнет полезные напоминания для своего поведения и для своей деятельности от тех, с кого не постыдно брать пример — от трудящегося рабочего люда на Западе» [116].

Основной своей задачей «Народное дело» считало ознакомление русского общества с западным рабочим движением и в первую очередь с историей Интернационала, его задачами, программой и деятельностью.

«Все симпатии современного честного и развитого человека, — писало «Народное дело», — должны тяготеть к интересам рабочих масс: в них весь смысл, вся сила настоящего прогрессивного движения... в них все элементы и задатки нового быта». Идя навстречу потребностям русской молодежи, «чувствующей себя солидарной со всемирным пролетариатом и наиболее всего занятой вопросом социальным», «Народное дело» стремится ясно и правдиво освещать западное рабочее движение. Это, по его мнению, крайне необходимо для русских читателей, так как до сих пор все наши газеты и журналы или умалчивали о западном рабочем мире, или лгали и клеветали на него.

«Мы будем, — писала редакция «Народного дела», — давать в каждом нумере подробный отчет о рабочем движении, группируя все явления рабочего мира около главного всемирного явления, около Интернациональной ассоциации, потому что она составляет теперь главный концентрирующий узел, назначение которого связать воедино все нити социальных стремлений рабочих масс, сплотить в одну определенную стройную силу все разбросанные силы рабочего люда, противопоставить интернациональному заговору капиталистов интернациональный братский союз всех рабочих» [117].

---

[116] «Юбилейное торжество С.-Петербургского университета». «Народное дело», 1869, № 4-6, стр. 76.

[117] «Отдел Интернациональной ассоциации. Политическое обозрение». «Народное дело», 1869, № 4-6, стр. 96.

«Народное дело» действительно уделяло много внимания Интернационалу и в общем правильно освещало его деятельность. В этом — его немаловажное отличие от современных ему легальных и нелегальных органов русской прессы.

ОТНОШЕНИЕ «НАРОДНОГО ДЕЛА» К ИНТЕРНАЦИОНАЛУ

В № 4-6 «Народного дела» за 1869 г. Интернационалу было посвящено «Политическое обозрение», содержавшее обзор успехов Международного товарищества рабочих во Франции, Соединенных Штатах Северной Америки и в других странах. Эти успехи давали «Народному делу» основание сделать следующий вывод: «В какие-нибудь четыре года, особенно в последние два года, движение выросло действительно до степени организованной или вернее организующейся политической силы» [118]. Характерно при этом, что наряду с фактами, рисующими развитие рабочего движения на Западе, упомянуто о выходе I тома «Капитала», «замечательного и поистине демократического труда ветерана немецкой демократии и одного из главных основателей Интернациональной ассоциации Карла Маркса». Эта книга — «поучение, после которого у мещан пропадает охота сентиментальничать» [119]. Статья заканчивалась призывом к русским, сочувствующим страданиям и лишениям рабочих масс, принять участие в подписке в пользу участников происходивших в то время в Бельгии под руководством Интернационала стачек [120].

В «Политическом обозрении», помещенном в № 4-6 «Народного дела», мы находим обещание дать в следующем номере подробную историю Интернационала. Обещание это осталось невыполненным [121]. Однако в № 7-10 журнала Интернационалу было уделено очень много внимания.

Здесь мы находим прежде всего статью «Современное выражение социальной революции на Западе», посвящен-

---

[118] «Отдел Интернациональной ассоциации. Политическое обозрение». «Народное дело», № 4-6, стр. 98.

[119] Там же, стр. 100.

[120] Там же, стр. 104.

[121] Это обещание было повторено в статье «Русское социально-революционное дело...». «Народное дело», 1869, № 7-10, стр. 139.

ную Базельскому конгрессу Интернационала и стремящуюся не только ознакомить читателей с работой этого конгресса, но дать им более широкое общее представление о задачах и историческом значении этой организации. В конце статьи приведены резолюции Базельского конгресса о поземельной собственности, об отмене наследства, о ремесленных союзах и кассах сопротивления. Характерно, что, рассказав о разногласиях, происходивших на конгрессе по вопросу о наследстве между приверженцами Генерального совета и Бакуниным с его сторонниками, «Народное дело» не высказывало своего мнения по этому вопросу.

Помимо указанной статьи, в № 7-10 «Народного дела» был напечатан полностью отчет Генерального совета Интернационала Базельскому конгрессу.

Наконец, в том же номере «Народного дела» была напечатана статья «Русское социально-революционное дело в его отношении с рабочим движением на Западе». Автор ее, как мы увидим ниже, ставил вопрос о возможности использования опыта Интернационала русскими революционерами.

Познакомимся подробнее с тем, как смотрело «Народное дело» на Интернационал и как обосновывало оно возможность использовать его опыт в России.

Интернационал, — указывал автор статьи «Генеральская революция и народное освобождение», — предвозвестник новой эры в истории человечества, «эры всестороннего, одинакового развития человека в обществе, эры светлого труда и полного равенства». Это будет эра «гибели и исчезновения для всех непроизводительных потребителей» и торжества рабочего люда [122].

Интернационал свидетельствует о появлении на исторической сцене нового могучего, решающего фактора — народных масс, переходящих от стихийного, инстинктивного протеста к сознательной борьбе против современного социального строя. Наступило время, когда массы научились критически относиться к окружающему и сознавать ненормальность своего положения. Носитель этого пробуждающегося сознания народных масс — «передовая часть пролетариата», каковой является Интернационал.

---

[122] «Народное дело», 1869, № 2-3, стр. 56.

Сознание это созрело под влиянием «громадного развития мещанского прогресса в промышленности и фабричности», сопровождавшегося усилением экономического гнета, лежащего на рабочих массах. «Это сознание заставило обратиться передовой пролетариат к организованному союзу для противодействия всей системе порядков, враждебных труду и народу». Вступая в борьбу с этими порядками, пролетариат добивается решительного изменения своего положения в обществе. «Рабочий, — пишет «Народное дело», — не был решительно до сих пор нечем иным, как куском мяса для удобрения ренты барышников, а должен он быть решительно всем, потому что один он представляет собою могучую производительную силу и вне его барышнический паразитизм обречен на смерть». Пролетариат перестал просить милостыню и начал требовать себе равную часть. Выразителем передовых тенденций в рабочем движении явился Интернационал, возглавляющий «организованную борьбу со всеми элементами, враждебными целостному освобождению пролетариата»[123].

Особенную силу и значение придает Интернационалу то, что он не отражает рабочего движения в какой-нибудь отдельной стране, а служит выражением движения, охватывающего собою все европейские страны и проходящего под знаком солидарности интересов рабочих всего мира [124].

Интернационал сыграет свою историческую роль только в том случае, если он не ограничится установлением связи между рабочими всех стран ради взаимопомощи, а придаст этой связи, насколько то возможно, «такие формы взаимных экономических отношений, которые могли бы, так сказать, служить зародышами форм нового будущего социально-экономического быта для того, чтобы рабочие могли привыкать к этим новым формам и осязательно понимать их превосходство перед старыми и их пользу для себя; одним словом, для того, чтобы эта организация дала пролетариату возможность в день победы гарантировать себе ее

---

[123] «Современное выражение социальной революции на Западе». «Народное дело», 1868, № 7-10, стр. 113.

[124] «Политическое обозрение». «Народное дело», 1869, № 4-6, стр. 97.

прочность замещением старых негодных форм новыми, заранее подготовленными, выработанными согласно с представлением себе нового быта». Сознание необходимости выработки таких новых форм выразилось, по мнению «Народного дела», на Базельском конгрессе «в единодушном, восторженном вотировании о повсеместном федеративном устройстве касс сопротивления» (профессиональных союзов) [125].

Подобное, близкое к позднейшему синдикализму, понимание роли и значения профессиональных организаций рабочих весьма показательно.

Аналогичный взгляд на них был высказан на Базельском конгрессе докладчиком комиссии, вырабатывавшей проект резолюции о профессиональном движении, прудонистом Пенди и получил поддержку со стороны других прудонистов. Пенди выразил убеждение, что профессиональные организации «образуют рабочее представительство будущего»; это представительство со временем заменит правительство и будет регулировать трудовые отношения, которые заменят политику. «Современные профессиональные союзы,— говорил на конгрессе поддерживавший Пенди прудонист Эжен Гинс,— когда-нибудь окончательно ниспровергнут современную форму политической организации; они представляют собой социальную и политическую организацию будущего» [126].

Такая «синдикалистская» точка зрения встретила серьезное возражение со стороны некоторых делегатов (Грейлиха и др.) и не нашла отражения в резолюции, принятой конгрессом. Таким образом, автор цитируемой нами статьи «Народного дела» в вопросе о значении профессиональных союзов придерживался точки зрения прудонистов, а не сторонников Генерального совета Интернационала, ценивших в профессиональных союзах не зародышевые формы будущего социального строя, а боевое оружие пролетариата, которым он пользуется в современном обществе для защиты своих экономических интересов.

---

[125] «Современное выражение социальной революции на Западе». «Народное дело», 1869, № 7-10, стр. 122—123.

[126] «Базельский конгресс Первого Интернационала 6—11 сентября 1869 г.». М., 1934, стр. 66 и 98.

«НАРОДНОЕ ДЕЛО» О ПРИМЕНИМОСТИ К РОССИИ ОПЫТА ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ И ИНТЕРНАЦИОНАЛА

«Народное дело» было убеждено, что русские революционеры могут извлечь много полезных уроков из практики Интернационала. Оно верило, что революция в России — дело недалекого будущего, и призывало революционно настроенные элементы русского общества готовиться к ней, используя опыт Западной Европы. Мотивируя свою уверенность в скором назревании революции в России, руководители «Народного дела» ссылались на то, что русскому народу становится невмоготу его исключительно тяжелое экономическое и политическое положение. В нем растет сознание своего права на землю. Он начинает понимать, кто и зачем отнял у него землю, «и может быть не далеко то время, когда никакие маски благодушия и либерализма не укроют уже от него его истых врагов»[127].

Итак, революция назревает, но русский народ еще не готов к ней. Он все еще остается разрозненным и разъединенным, подобно западноевропейскому пролетариату до возникновения Интернационала. Так же как в прошлое время сознательность западного рабочего люда не выходила за пределы «интересов и нужд того или другого местного цеха», сознание русского рабочего люда сосредоточивается исключительно «на интересах и нуждах его местного села или волости». Западные рабочие не только разных городов, но и стран, наконец поняли, что их связывает друг с другом «братская социальная солидарность». «Такое сознание работников или, вернее, их меньшинства, и, говоря сравнительно, их очень малочисленного меньшинства, несло за собою рождение Интернациональной Ассоциации». Эта ассоциация поставила своей задачей *пропагандировать* необходимость полного изменения тех условий, в которые поставлен в настоящее время труд, и *организовать* силы пролетариата для борьбы за создание новых условий труда.

Подобная же задача стоит и перед русскими революционерами, «которые, выходя из мозгового пролетариата,

---

[127] «Русское социально-революционное дело...». «Народное дело», 1869, № 7-10, стр. 133.

могут считаться уже передовой шеренгой вообще русского пролетариата»[128]. Они являются «тем передовым слоем пролетариата вообще, который представляет собою здесь (т. е. на Западе. — *Б. К.)*, хотя, конечно, в несравненно больших размерах, передовой пролетариат Интернационала». Автор статьи утверждает, что, «как бы ни казалось это на первый раз парадоксальным... умственное развитие этих двух передовых пролетариатов шло в известной доле аналогическим путем». Социалистические учения XIX в. оказали громадное влияние на передовой пролетариат Запада. Под их воздействием западные рабочие поняли, что все улучшения современного общественного порядка не могут ни к чему привести, «пока сама основа всякого производства... земля не перейдет в собственность самих производителей, т. е. самого пролетариата». Но в какую собственность? В собственность всего народа, в собственность национальную, т. е. коллективную, а не частную, «в то, что мы более определенно и точно называем общинным землевладением». К этому же выводу пришел, по указанию автора статьи, и русский «пролетариат». Русские пропагандисты «призывают общественное внимание на социалистические основы русского крестьянского быта». Во главе их стоит Чернышевский. «Чернышевский, —пишет автор цитируемой статьи,— давая обстоятельное критическое знакомство с западными теориями и указывая на их реальную связь и применимость к нашему народному быту, основал целую новую школу, к адептам которой мы причисляем и себя»[129].

«Таким образом,— заключает автор статьи свою аналогию между Интернационалом и русскими революционерами,— как теперь на Западе поставлен на очередь передовым, существенным вопросом — вопрос о земле, без которой немыслима воля, так этот вопрос ставился и у нас в России в 60-х годах и ставится теперь партией Народного освобождения... Вопрос о земле, о владении народа ею, и о владении на социалистических, общинных началах — это есть тот коренной существенный вопрос все-

[128] «Русское социально-революционное дело...». «Народное дело», 1869, № 7-10, стр. 134.

[129] Подчеркнуто мною. — *Б. К.*

мирного пролетариата, из-за которого он пойдет с неутомимою энергиею на долгую и, если нужно на крайнюю, беспощадную борьбу со всеми вещественными и личными препятствиями»[130].

Признав вопрос о земле центральным пунктом современной социальной проблемы, автор статьи указывал на преимущество, каким в этом отношении обладает, по его мнению, русский пролетариат по сравнению с западным. «То, к чему западный пролетариат приходит, наконец, путем критического сознания и теоретического развития, то уже составляет реальное явление в жизни русского пролетариата; он веками сроднился с ним, оно охватило его нравы и обычаи».

Признав общинное устройство крестьянского землевладения преимуществом России перед Западом, автор статьи считает нужным вместе с тем отгородиться в этом вопросе от славянофилов. Он иронизирует над «многими публицистами, которым вопрос об общинном землевладении всегда давал повод впадать в идиллию о русской избе, будто уж теперь осуществляющей все те совершенствования, для которых она представляет только драгоценный плодотворный зародыш». И далее автор приводит высказывание Чернышевского о том, что «общинный дух» отнюдь не является принадлежностью исключительно славянских народов, но что тем не менее он должен быть признан надежным средством для предохранения нашей страны от страданий, выпавших на долю Запада, т. е. «страданий пролетариата»[131].

Автор не замечает допускаемого им противоречия: с одной стороны, он уверен, что община предохраняет Россию от образования в ней пролетариата, а с другой — признает, что в России уже имеется пролетариат, обладающий теми же самыми интересами, как и западный. Очевидно, когда он говорит о русском пролетариате как об явлении уже существующем, он подразумевает под словом «пролетариат» все трудящиеся и бедствующие при современном социальном устройстве слои народа.

Говоря о том, что интересы западного и русского пролетариата в основном тождественны, автор статьи вместе

[130] «Русское социально-революционное дело...». «Народное дело», 1869, № 7-10, стр. 141—143.

[131] Там же, стр. 143-144.

с тем признает, что широкое развитие фабрично-заводской промышленности в Западной Европе и отсталость ее в нашей стране порождают некоторые различия между Россией и Западом. В то время как русский «пролетариат» осознал необходимость обобществления только земли, западноевропейский пролетариат наряду с этим поставил вопрос о «дальнейшем применении социалистического принципа относительно общности орудий труда». «Эксплоатация фабриканта и патрона заставила рабочих на Западе понять пользу общности этих орудий». Автор не сомневается в том, что и «русский народ» под влиянием уроков жизни осознает «необходимость обратиться к общинному владению и пользованию орудиями труда, к общинному, как земледельческому, так и всякому другому производству работ». Новая ссылка на Чернышевского призвана подтвердить, что уже теперь общинный труд практикуется русским народом [132].

«Пролетариат» русский связан, по мнению автора статьи, с пролетариатом западноевропейским не только общностью целей, но и единством средств, при помощи которых можно достичь осуществления этих целей. Западный пролетариат породил рабочие союзы, в которых сами работники заведуют своими делами, защищают свои интересы. «Они видят в этом,— пишет автор статьи,— с одной стороны, прототип будущего федеративного начала... с другой стороны, они видят в отправлении различных обязанностей и должностей в своих союзах — возможность навыка для управления позже самим всеми своими делами».

В этом рассуждении автора статьи повторяется уже знакомое нам «синдикалистское» мнение, выраженное на страницах «Народного дела», о том, что профессиональные союзы рабочих (кассы сопротивления) являются зародышами будущего строя общественных отношений. Такой взгляд на рабочие союзы помогает автору статьи провести еще одну параллель между положением западного и русского пролетариата.

Он находит в нашем общинном самоуправлении «те же элементы и задатки», что и в западном профессиональном движении. Он убежден, что «при перевороте имуществен-

[132] «Русское социально-революционное дело...». «Народное дело», 1869, № 7-10, стр. 144.

ных и государственных отношений из этого общинного самоуправления, никак не менее, чем из самоуправления ремесленных союзов, может выйти и вырасти то повсеместное, не чуждое, а свойственное русскому земледельческому населению народоправство, которое будет связано в самом себе и в своих разнородных частях федерацией солидарных по взаимным интересам, ремесленных и промышленных общин»[133].

Эти соображения убеждают автора статьи в том, что «стремления западного пролетариата и русского тождественны и что пути их к осуществлению тех стремлений тоже должны и могут быть одинаковы». Признав это, автор статьи считает нужным подчеркнуть, что он не отрицает «различия, которое существует и в качественности и в количественности революционных элементов, ту разницу, которая может произойти в обстановке движения и в его времени». Если Россия обладает одним преимуществом по сравнению с Западом — общинным землевладением,— то и Запад в свою очередь имеет немаловажное преимущество по сравнению с Россией. Первое из них — бо́льшая сознательность западного пролетариата по сравнению с русским. «В то время, как у нас передовым пролетариатом может считаться исключительно мозговой, еще не вступивший в тесный союз с мускульным,— на Западе передовой пролетариат не только представляет в себе союз двух пролетариатов, но весьма многие и многие члены его совмещают уже в себе самих условия, которые будущий быт потребует от всех: и мозговой, и мускульный труд, и таким образом такие личности являются наилучшим выражением того и другого пролетариата зараз». Другими словами, если в России умственный труд еще совершенно оторван от физического, на Западе из рядов рабочих уже выделяется своя рабочая интеллигенция. В этом — главное преимущество Запада по сравнению с Россией.

Наряду с этим автор статьи указывает на другое преимущество Запада, на наличие у него большего революционного опыта, чем у России. Революции, пережитые Западом, были «великою, всепотрясающею пропаган-

---

133 «Русское социально-революционное дело...». «Народное дело», 1869, № 7-10, стр. 145.

дою», способствовавшей быстрому увеличению «сознательного передового пролетариата».

Учитывая эти различия между Россией и Западом, автор статьи следующим образом расценивает перспективы революции у нас и за нашими рубежами. На Западе легче, чем в России, осуществима первая фаза переворота — организация передового пролетариата для революционного действия. Наоборот, в России с ее общинным землевладением, по его мнению, легче, чем на Западе, провести вторую фазу революции — «фазу осуществления и развития социалистических начал» [134]. В России в этом отношении почва для революции более подготовлена, по его мнению, чем на Западе.

При таких условиях все усилия русских революционеров должны быть направлены на развитие революционной пропаганды и на организацию всех элементов, недовольных существующими порядками. С разрешением этой задачи необходимо спешить, чтобы освобождение русского народа не отставало от социальной революции на Западе.

«Горе было бы для целого мира,— пишет автор статьи,— если б русский народ оставался закабаленным в рабстве и невежестве, когда европейские рабочие массы уже добудут свою землю и свою волю, потому что они не ужились бы вместе и началась бы кровавая вооруженная пропаганда и борьба. Мы хотим предотвратить эту борьбу и мы предотвратим ее, потому что в солидарности, во взаимном понимании русского и европейского пролетариата своих общих и тождественных интересов — лежит залог их общего и единого блага» [135].

Сотрудники «Народного дела» были непоколебимо уверены в неминуемости торжества революции как в России, так и во всем мире. «Падение существующего порядка и замена его новым,— писал Утин,— вне сомнения. Наши начала, созидаемые экономически и исторически на точных, истинных выводах, должны восторжествовать в конце концов, ибо то начала свободы, безбедности и процветания не для меньшинства и не большинства даже, а для всей численности народа. Перед нами только

[134] «Русское социально-революционное дело...». «Народное дело», 1869, № 7-10, стр. 146.
[135] Там же, стр. 148.

стоит вопрос времени: когда, скоро ли приблизится возможность осуществления новой жизни?»[136].

Вера в победу настолько велика у сотрудников «Народного дела», что их не смущает торжество реакции, каким бы прочным оно ни казалось. По утверждению автора статьи «Политика мещанства и политика социализма», знание «постоянных законов революционного движения» доказывает, что «реакция в конце концов ведет всё же к торжеству народной революционной партии». «Реакция,— пишет автор названной статьи,— свидетельствует собою о значении революционной партии, выросшей настолько, что власть и мещанство считают нужным соединяться вместе для общей обороны и усиленного нападения на революционеров». К тому же опыт истории учит, что реакция всегда кончается «неизбежной распрей между своими», и по истечении некоторого времени «мещанство всегда готово снова искать союзников против власти хотя бы во враждебных ему рядах»[137].

Рассуждения «Народного дела» о применимости к России опыта Интернационала представляют для нас очень большой интерес. В них с полной ясностью открывается наиболее слабая сторона общественно-политических взглядов издателей этого журнала: недиалектичность их мышления, обусловившая их неумение изучать социальную действительность во всем ее многообразии, во всей ее сложности и противоречивости. Обосновывая свое вполне правильное положение относительно единства путей социального развития России и Запада, они не сумели дать правильного анализа русской социальной действительности своего времени, игнорировали тот несомненный факт, что развитие социально-экономических отношений в России не достигло еще того уровня, на котором оно стояло тогда в наиболее развитых в экономическом отношении странах Запада; вследствие этого, обосновывая свое правильное положение, они прибегли к ряду бросающихся в глаза натяжек, поверхностных аналогий и искусственных сопоставлений.

Так, «Народное дело» полагало, что революционно настроенная молодежь играет в России ту же самую роль,

---

136 «Пропаганда и организация». «Народное дело», 1868, № 2-3, стр. 27.

137 «Народное дело», 1869, № 4-6, стр. 65—66.

как Интернационал в западноевропейских странах. Не меньшую ошибку совершало оно, проводя аналогию между рабочими союзами (в частности, профессиональными организациями) на Западе и органами крестьянского самоуправления в России. Несообразность и произвольность этих и других подобных сопоставлений «Народного дела» совершенно ясны.

Н. К. Каратаев считает заслугой «Народного дела» то, что этот журнал говорил о существовании пролетариата в России. Он доходит даже до утверждения, что «единство стремлений русского и западного пролетариата»—это была та новая идея, которую развивала группа «Народное дело», и что признание пролетариата в России «тоже было значительным шагом вперед после Чернышевского» [138]. Н. К. Каратаев не дал при этом себе труда задуматься над вопросом, что именно понимали сотрудники «Народного дела» под словом «пролетариат», когда говорили об его существовании в России. Из всего, что сказано нами выше о взглядах «Народного дела», ясно, что под этот термин они подводили в с е т р у д я щ е е с я н а с е л е н и е Р о с с и и, в том числе и крестьянство, за исключением прослойки кулаков и деревенских богатеев. Мы приводили уже выше их заявление, что общинное землевладение «составляет реальное явление в жизни русского пролетариата». Одного этого заявления достаточно, чтобы понять несостоятельность мнения Н. К. Каратаева.

Основываясь на постановлении Брюссельского конгресса Интернационала, признавшего, несмотря на противодействие прудонистов, необходимость перехода земли в общественную собственность, «Народное дело» провозгласило, что на Западе, как и в России, вопрос о земле является «передовым», наиболее «существенным» вопросом пролетариата. Такая точка зрения вполне понятна для представителей крестьянского социализма, готовых вопросом о земле если не заслонить полностью, то отодвинуть на второй план вопрос об обобществлении фабрик и заводов. Но этого мало. Для «Народного дела» чрезвы-

---

[138] Н. К. К а р а т а е в. К вопросу об экономической платформе Русской секции I Интернационала. «Уч. зап. Моск. гос. ун-та», вып. 130; «Труды по истории народного хозяйства и экономических учений». М., 1949, стр. 99.

чайно характерно его стремление подменить общественную, т. е. государственную, собственность на землю, провозглашенную Интернационалом, общинной собственностью. Н. К. Каратаев вполне правильно указал на это в своей работе [139]. В то время как Брюссельский конгресс Интернационала высказался за переход всей земли в руки государства, которое должно сдавать ее в аренду сельскохозяйственным товариществам, «Народное дело» отстаивало передачу земли в собственность отдельных общин.

Подмена государственной собственности на землю общинной позволила, как мы отметили, автору статьи «Русское социально-революционное дело» перейти к совершенно абсурдному заключению, что западный пролетариат стремится к тому общинному землевладению, каким уже располагает русский.

Не менее неправильным было утверждение «Народного дела», будто в России, вследствие существования в ней общинного землевладения, легче, нежели на Западе, осуществить вторую фазу социальной революции — создание нового общественного строя.

Утверждая, что социализм будет осуществлен в России через крестьянскую общину, сотрудники «Народного дела», сами того не сознавая, приходили к фактическому отрицанию своего собственного положения относительно тождества путей социального развития России с западноевропейскими.

АГИТАЦИОННАЯ КАМПАНИЯ БАКУНИНА И НЕЧАЕВА В 1869 г. И ОТНОШЕНИЕ К НЕЙ «НАРОДНОГО ДЕЛА»

В первых номерах «Народного дела», вышедших после раскола, происшедшего в рядах его первоначальной редакции (№№ 2-3, 4-6), мы не находим прямых выпадов против Бакунина. Новая редакция журнала как бы избегала полемики с ним. Только в № 7-10 «Народного дела» (ноябрь 1869 г.) редакция журнала меняет свою тактику. Здесь мы находим ряд высказываний по поводу взглядов Бакунина, — правда, без упоминания его имени, — а также небольшую, но весьма резкую заметку под заглавием «По поводу прокламации. Запрос А. Гер-

[139] Н. К. Каратаев. Указ. статья, стр. 102.

цену, Н. Огареву и М. Бакунину». Об этом «запросе», равно как и о других выступлениях журнала против Бакунина, мы будем говорить ниже. Сначала же остановимся на тех фактах, которые побудили редакцию «Народного дела» нарушить свое молчание в отношении Бакунина. Мы убедимся при этом, что инициатива полемики исходила не от «Народного дела», а от Бакунина и была связана с появлением в Швейцарии молодого русского революционера С. Г. Нечаева.

Приехавший в марте 1869 г. в Женеву Нечаев познакомился со всеми жившими там русскими эмигрантами, в том числе и с Утиным. Нам неизвестны никакие подробности относительно их встреч и переговоров. Одно лишь несомненно — Нечаев и Утин не сошлись друг с другом. Программа «Народного дела», поскольку она наметилась в № 2-3 этого журнала, не могла понравиться Нечаеву. «Народное дело», как мы знаем, доказывало, что народной революции в России должна предшествовать продолжительная пропагандистская и организационная работа. Нечаев же мечтал о быстром перевороте по заговорщическому рецепту. «Народное дело» придавало большое значение вопросам революционной теории. Нечаева же эти вопросы совершенно не интересовали; мало этого, он относился к ним с пренебрежением, как к пустякам, отвлекающим революционеров от настоящего «дела». Что касается Утина, то ему не мог не показаться подозрительным фантастический рассказ Нечаева о его бегстве из Петропавловской крепости, куда он будто бы был заключен за свою революционную деятельность. Рассказы приехавшего в то время в Женеву М. Ф. Негрескула, зятя П. Л. Лаврова, о том, что Нечаев лжет, выдавая себя за делегата революционной организации, якобы существующей в России, и о том, что многие петербургские революционеры относятся к Нечаеву с большим недоверием, укрепляли в Утине возникшие у него подозрения [140].

Совершенно иначе относились к Нечаеву Бакунин и Огарев. Они с восторгом встретили его, надеясь при его посредстве завязать сношения с существовавшим, по сло-

[140] О Негрескуле и его разоблачениях Нечаева см. мою статью «С. Г. Нечаев и его противники» в сб. «Революционное движение 1860-х годов». М., 1932, стр. 204—216.

вам Нечаева, в России революционным комитетом. Бакунин с интересом слушал рассказы Нечаева о том, какими большими связями в обществе и народе обладает этот фантастический комитет, о том, что русское крестьянство повсеместно готово восстать и что революционеры воспользуются этим восстанием для того, чтобы захватить в свои руки власть. «Я был уверен, — рассказывал впоследствии Бакунин З. Ралли, — что мне удастся провести через Нечаева и его товарищей наши идеи и наш взгляд на вещи в России, а также я думал серьезно, что Нечаев способен будет стать во главе русской ветви революционного союза моего. Этим он и был дорог мне» [141]. Таким образом, Бакунин смотрел на Нечаева, как на проводника в России влияния и идей Альянса, основанного им незадолго перед приездом Нечаева.

О том, насколько Бакунин был увлечен Нечаевым с первой же встречи с ним, можно судить по его письму к Дж. Гильому, в котором он говорит о Нечаеве, как об образце народившегося в России нового поколения революционеров. «Они прелестны, эти юные фанатики, верующие без бога и герои без фраз» [142].

С неменьшим доверием и даже с нежностью отнесся к Нечаеву и Н. П. Огарев. Это проявилось и в том, что он любовно называл Нечаева «внучком», и в том, что он согласился, по настоянию Бакунина, посвятить Нечаеву свое стихотворение «Студент», написанное Огаревым в память друга его юношеских лет С. И. Астракова, и в том, что он с мало свойственным ему упорством настоял на передаче Нечаеву половины так называемого бахметевского фонда [143], который Герцен не хотел расходовать.

Этот фонд и дал возможность Нечаеву и Бакунину развернуть весной и летом 1869 г. довольно широкую литературную кампанию. За это время ими было выпущено около десятка прокламаций и листовок, автором которых был преимущественно Бакунин, а также первый номер периодического листка «Издания Общества Народной распра-

---

[141] З. Ралли. М. А. Бакунин. «Минувшие годы», 1908, № 10, стр. 158.

[142] Ю. Стеклов. М. А. Бакунин..., т. III, стр. 435.

[143] Под этим названием были известны деньги, переданные в 1858 г. Герцену П. А. Бахметевым на нужды революционной пропаганды. Приняв эти деньги на хранение, Герцен не считал себя в праве расходовать их.

вы», подготовленный, по всем данным, тем же Бакуниным совместно с Нечаевым [144].

Какие же идеи проповедовали в этих изданиях Бакунин и Нечаев? Как расценивали они шансы на успех грядущей русской революции? Когда же они ждали ее?

Революция в России должна разыграться, по их мнению, в ближайшее время. Для нее все уже готово. «Всенародное восстание замученного русского народа неминуемо и близко», — заявляла «Народная расправа». «Приходит конец этому поганому государству»,— писал Бакунин в листовке «Несколько слов к молодым братьям в России». «Приближаются времена Степана Разина, — вещал он там же.— ...Теперь, как и тогда, волнуется вся крестьянская, вся чернорабочая Русь». Аналогия между современной Россией и Московским государством XVII в. была, по мнению Бакунина, полная. Разница одна: «народного богатыря Стеньку Разина» заменит теперь «легион бессословной и безымянной молодежи». Стенька Разин на этот раз будет «не одинокий, а коллективный, и тем самым непобедимый».

Для того чтобы легион молодежи организовался возможно скорее, Бакунин обращался к русским учащимся с призывом «бросать скорее» университеты, академии, школы, ибо старая наука «должна погибнуть вместе с миром которого она есть выразитель», очистив место для создания новой науки, долженствующей возникнуть «после народной победы, из освобожденной жизни народа». Бросившая учебу молодежь должна, по совету Бакунина, «утопиться в народе». Ей необходимо учиться у народа, «как лучше вести его дело». Только пройдя такую школу, молодежь сможет выполнить свою революционную роль — стать «повивальной бабкою самоосвобождения народного, сплотителем народных сил и усилий» [145].

Аналогичные мысли Бакунин развивал и в листовке «Постановка революционного вопроса». Хотя она и была отпечатана анонимно, принадлежность ее перу Бакунина не вызывает сомнений. И здесь Бакунин призывал молодежь бросать школы, в которых она «под влиянием докт-

---

[144] Знаменитый «Катехизис революционера» мы оставляем в стороне, так как он хотя и был напечатан, но обнародован не был.

[145] М. А. Бакунин. Речи и воззвания. Изд. И. Г. Балашова, 1906, стр. 230—235.

ринерских учений и подтасованной науки» может «испортиться». И здесь он указывал, что молодежи, спасшейся «от университетского развращения» и решившей идти в народ, надо не учить его, а учиться у него. При этом он обрушивался на «благодушных социалистов по книжкам», увлекающихся «устройством рабочих артелей», и на «кабинетных революционеров-государственников», под которыми он, повидимому, подразумевал в первую очередь редакторов «Народного дела». Их он обвинял в том, что «они играют в революцию, но лишены способов делать ее», в том, что они внушают молодежи, будто она призвана «учить, вести, освобождать и счастливить народ»[146].

В этой же листовке Бакунин развивал свои мысли о роли и значении «разбойничьего бунта» в русской народной жизни и приглашал революционную молодежь присоединяться к разбойникам.

«Разбой, — писал он, — одна из почетнейших форм русской народной жизни... Разбойник — это герой, защитник, мститель народный, непримиримый враг государства и всего общественного строя, установленного государством... Разбойник в России — настоящий и единственный революционер, революционер без фраз, без книжной риторики, революционер непримиримый, неутомимый, неукротимый на деле, революционер народно-общественный, а не сословный».

«Разбойники в лесах, в городах, в деревнях, разбросанные по всей России, и разбойники, заключенные в бесчисленных острогах империи, составляют один нераздельный, крепко связанный мир — мир русской революции... Кто хочет конспирировать не на шутку в России, кто хочет революции народной, тот должен итти в этот мир»[147].

Мы привели эту, столь характерную для Бакунина, цитату ввиду того, что она, как мы увидим, послужила поводом для одного из самых резких выступлений «Народного дела» против Бакунина. Взгляды Бакунина на разбой в России показывают, как он мало знал реальные условия русской жизни. К. Маркс и Ф. Энгельс в их известной брошюре «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих», приведя высказывания Бакунина о разбое в России, резонно заметили со ссылкой

[146] М. А. Бакунин. Речи и воззвания, стр. 235—238.
[147] Там же, стр. 239—241.

на книгу Флеровского: «Единственная форма разбоя (если не считать, разумеется, разбоя правящих сфер), которая практикуется еще в крупном масштабе в России, — это конокрадство, поставленное на коммерческую ногу капиталистами, а «революционеры без фраз» являются в их руках простыми орудиями и жертвами» [148].

Листовка под названием «Начала революции» [149] знакомит нас с тем, в чем выразится, по мнению ее автора, социальный переворот, который должен произойти в России и в других странах. Это будет полная замена всех без исключения старых форм жизни новыми. Чтобы старое общество не возродилось, все эти формы должны быть полностью разрушены, доведены, как выражается автор листовки, «до аморфности». Задача современных революционеров сводится исключительно к разрушению, ибо «полное разрушение несовместимо с созиданием». Созидание же нового — задача следующих поколений. Автор листовки объявляет «преступными» все рассуждения о «туманном будущем», так как они, по его мнению, «мешают чистому разрушению» и потому являются «бесплодным растлением ума, онанизмом мысли». При таких условиях ни о какой предварительной пропаганде идей революции не может быть и речи. Автор листовки отрицает «все те слова, за которыми немедленно не следует дело», ту, по его выражению, «бесцельную пропаганду, не задавшуюся определенно временем и местом для осуществления целей революции». Такая пропаганда не помогает, а мешает революционному делу, и поэтому ей надо противодействовать. «Всех говорунов, кто не захочет понять этого, мы заставим замолчать силой». Вероятно, говоря о таких «говорунах», автор листовки имел в виду редакторов «Народного дела». Так истолковала эту угрозу брошюра К. Маркса и Ф. Энгельса об Альянсе. «Эти угрозы были направлены по адресу тех русских эмигрантов, которые не преклонились перед папским саном Бакунина и которых он обзывал доктринерами» [150].

---

[148] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. 2, стр. 600.

[149] Вопрос об авторстве этой листовки является спорным: некоторые из исследователей, например Неттлау, считают ее автором Нечаева, большинство — Бакунина, что представляется более вероятным.

[150] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. 2, стр. 601.

Листовка «Начала революции» заканчивалась тем, что в деле разрушения и истребления допустимы и нравственно оправданы все средства: «яд, нож, петля и т. п.». «Революция всё равно освящает в этой борьбе»[151].

Те же самые мысли находим мы и на страницах «Народной расправы». (№ 1). «Всенародное восстание замученного русского люда неминуемо и близко». «Кто учится революционному делу по книгам, будет всегда революционным бездельником». Народ можно и нужно поднять на восстание не словесной пропагандой, не «революционными фразами», а фактами, рядом смелых и дерзких «действий, разрушающих положительно что-нибудь: лицо, вещь, отношение, мешающие народному освобождению», ибо слово «имеет значение только, когда за ним чувствуется и непосредственно следует дело». «Скромная и чересчур осторожная организация тайных обществ без всяких внешних практических проявлений в наших глазах не более, как мальчишеская игра, смешная и отвратительная». Заниматься таким пустым и бесполезным делом могут только «доктринерствующие поборники бумажной революции».

Представляется совершенно несомненным, что приведенные нами рассуждения «Народой расправы» направлены в первую очередь против группы «Народного дела». Именно эта группа видела ближайшую задачу русских революционеров в пропаганде и организации революционных сил. Именно она отрицала возможность и целесообразность такой революции, которой не предшествует продолжительная предварительная подготовка. Под «доктринерствующими поборниками бумажной революции» авторы «Народной расправы» подразумевали Утина и его товарищей. Это становится совершенно несомненным из дальнейшего содержания «Народной расправы».

Похвалив первый номер «Народного дела», в котором якобы правильно изложена сущность революционной программы, и выразив сожаление по поводу его «умеренного тона» и «абстрактно-теоретической постановки», авторы «Народной расправы» с резким осуждением отозвались о последующих номерах этого журнала, сделавшегося, по их словам, «доктринерствующим». И далее следо-

---

[151] М. А. Бакунин. Речи и воззвания, стр. 245—251.

вала прямая угроза по адресу Утина и его товарищей: «Если упомянутый журнал будет следовать тому же пути, мы не преминем высказать и выказать к нему свое отношение... Мы уверены, что истинные люди дела отстранят теперь в сторону всякую теорию, тем более доктринаризм. Распространению же вещей, хотя и искренних, но прямо противоположных нашему знамени, мы можем помешать разными практическими средствами[152], которые в наших руках».

Эти слова показывают, насколько сильно было желание авторов «Народной расправы» заставить замолчать ненавистное им «Народное дело».

Осудив группу «Народного дела», «Народная расправа» не остановилась и перед выпадом против того, кого члены редакции «Народного дела» называли своим учителем,— Н. Г. Чернышевского. Конечно, нет ничего неожиданного и удивительного в таком выступлении людей, приглашавших отбросить в сторону «всякую теорию», против идейного вождя революционной демократии шестидесятых годов.

По мнению авторов «Народной расправы», народ, совершивший социальную революцию, устроит свою жизнь по-новому, «гораздо осмысленнее и лучше, чем то может выйти по всем теориям и проектам, писанным доктринерами-социалистами, навязывающимися народу в учителя, а главное в распорядители». И далее авторы «Народной расправы» расшифровывали, кого именно имели они в виду, говоря о «доктринерах-социалистах»: «В казацком кругу, устроенном Василием Усом в Астрахани, по выходе оттуда Степана Тимофеевича Разина, идеальная цель общественного равенства неизмеримо более достигалась, чем в фаланстерах Фурье, институтах Кабе, Луи Блана и прочих ученых социалистов, более, чем в ассоциациях Чернышевского».

Как видим из сделанного нами краткого обзора литературной кампании Бакунина и Нечаева, у «Народного дела» было более чем достаточно оснований ответить на те выпады, которые были сделаны Бакуниным и Нечаевым против редакции этого журнала. Но главное заключалось не в этих выпадах, а в том, что редакция «Народного

---

[152] Подчеркнуто здесь и выше мною. — *Б. К.*

дела» по всей справедливости была глубоко возмущена проповедью беспардонного бунтарства и безудержной разрушительной деятельности, которую содержали в себе разобранные нами издания.

В брошюре об Альянсе приведена выдержка из письма, присланного кем-то из России за границу. Как автор, так и адресат этого письма не названы, но это не уменьшает интереса, который представляет письмо, являющееся откликом из России на агитационную кампанию Бакунина и Нечаева. «Ради бога, передайте Бакунину, — читаем мы в этом письме, — чтобы он, если для него есть хоть что-либо святое в революции, перестал рассылать свои сумасбродные прокламации, которые приводят к обыскам во многих городах и к арестам и которые парализуют всякую серьезную работу» [153].

Просмотр дел III отделения за 1869 г. не оставляет никаких сомнений в полной обоснованности жалоб, содержащихся в этом письме. По почерку и по другим признакам жандармы легко распознавали многочисленные конверты, содержавшие в себе бакунинско-нечаевские прокламации. Это привело к тому, что подавляющее большинство таких почтовых отправлений, рассылавшихся в разные города на имя самых разнообразных лиц, не доходило до адресатов, а скапливалось в III отделении, получившем таким образом возможность взять на учет всех, кому авторы прокламаций считали полезным направлять свои издания в расчете встретить сочувствие с их стороны своему делу. И Бакунин и Нечаев не только из процитированного нами письма, но и из других источников, например от революционеров, приезжавших из России в Женеву (Г. Лопатин и др.), были осведомлены о плачевных и вредных для дела революции результатах начатой ими агитационной кампании. Однако на них это не действовало, может быть, потому, что Нечаев был убежден, что обыски, аресты, высылки и другие репрессии, применяемые правительством по отношению к людям, еще не втянувшимся окончательно в революционное движение, вызывают в этих людях негодование по адресу правительства; а это, по его мнению, способствует скорейшему росту их политической сознательности и превращению их в

---

[153] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. 2, стр. 606.

революционеров, готовых на борьбу с существующим порядком.

Если Бакунин и Нечаев были осведомлены о плачевных результатах их агитационной кампании, то не менее хорошо об этом знали Утин и его товарищи. И это являлось еще одним мотивом, заставлявшим их выступить активно против Бакунина и Нечаева.

Агитация, проводимая последними, и по содержанию своему представлялась редакции «Народного дела» безусловно вредной для освобождения народа. Редакция эта никак не могла согласиться с теми, кто сводил всю подготовительную работу революционеров исключительно к «разнузданию того, что ныне называется дурными страстями». Она не могла согласиться и с тем, что молодежь должна подготавливать себя к революционной деятельности «путем невежества» [154]. Апология же разбоя неизбежно должна была вызывать с их стороны не только негодование, но и искренний смех.

Все это объясняет, почему в № 7-10 «Народного дела» мы находим ряд выпадов против Нечаева и Бакунина.

Автор статьи «Русское социально-революционное дело в соотношении с рабочим движением на Западе» писал:

«Старые либералы и радикалы, желчные антагонисты молодой России, — потому большею частью, что она, конечно, не может признавать их за своих самозванных представителей,— не понимают ни ее прошлого, ни ее настоящего, не понимают ее стремлений и презирают ее за то, что она непоколебимо держится своих основных принципов и смеет признавать единственно верною—ту постановку этих принципов, которая была сделана несколько лет тому назад ее старшими погибшими братьями. Может быть, память о них, неизменно сохраняющаяся в молодой России, мозолит тщеславную ячность старых антагонистов. Во всяком случае они не находят ничего лучше, как, с одной стороны, сочинять обвинения на ее счет то в доктринерстве, то в какой-то диктатуре, в каком-то аристократизме интеллигенции; с другой стороны, при своей всег-

---

[154] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. 2, стр. 598.

дашней непоследовательности — они всё же ищут себе партизанов в молодежи; прослышав о радикализме молодежи и не понимая глубины и серьезности его; они думают, что сумеют увлечь юное поколение своими наиреволюционнейшими фразами «о драмах с убивствами, о красном петухе и о богатырях-разбойниках». Они думают, что сумеют произвести раскол в молодой России и станут, наконец, коноводами хоть нескольких групп, лишь бы получить хоть какое-нибудь оправдание своему назойливому выставлению себя на изумление Европы в качестве руководителей и отцов русской революции, которая и вспыхнет, по их уверениям, через год, через полгода, через два месяца «и будет уже таковская, что в Европе и во сне не снилось!». Вводя в заблуждение Европу относительно юной радикальной партии, эти почтенные революционных дел мастера готовы точно также вводить в заблуждение и русскую молодежь относительно интернационального рабочего движения»[155].

Как видим, автору статьи удалось выявить наиболее вредные стороны агитации Бакунина: его склонность к революционной фразе, его стремление играть руководящую роль в революционном движении, допускаемое им преувеличение революционной готовности России, и наконец, извращение им подлинных тенденций западноевропейского рабочего движения. Одновременно с этим автор статьи отмечал верность группы «Народного дела» революционным традициям начала шестидесятых годов и ее преданность принципам, выработанным деятелями этой эпохи, т. е. в первую очередь Чернышевским, на которого подняли руку авторы «Народной расправы».

В другой статье, помещенной в том же номере «Народного дела», — «Размышления о российском образованном обществе», — высмеивались революционный романтизм Бакунина, его увлечение революционной фразой, его неумение или нежелание считаться с действительностью, если она расходилась с его планами и предположениями, его вера в то, что революцию можно возбудить в любой момент.

[155] «Народное дело», 1869, № 7-10, стр. 137. Подчеркнуто мною. — *Б. К.*

Автор статьи рассказывает о русском барине, считающем себя революционером. Во время его нахождения за границей иностранцы желают получить от него точные сведения об экономическом положении рабочего люда в России и цифры, иллюстрирующие это положение. Но он не знаком ни с фактами, ни с цифрами, да и вообще о жизни рабочего люда представления не имеет. Поэтому он ограничивается тем, что говорит «сперва мрачно: курная изба, пьянство, голод, пожары, недоимки, штрафы! — потом радостно: лес, степь, песня «По матушке, по Волге!»— и в заключение торжественно хватал кулаком по столу и вскрикивал: Пугачев и Разин! Да, да, нам нужно русского мужика сделать счастливым! Нам нужно спасти родину! Для того нам нужно произвести огромную, страшную Революцию, так давайте же начинать...».

И далее автор статьи дает довольно злую сатиру на Бакунина, вводя в нее некоторые моменты, хорошо известные по агитационной кампании Бакунина и Нечаева.

«Хочу быть революционером, но не теоретиком, *не доктринером*, а *практиком*! Давайте мне дела, дела! Скорее, а то жар остынет! Скажите: что делать? но делать сейчас, и нельзя ли *без приготовлений, без труда*!»[156].

Автор статьи высмеивал любовь Бакунина к созданию эфемерных тайных обществ, его увлечение конспирациями ради самих конспираций, его нежелание разбираться в людях, вследствие чего он нередко опирался на людей пустых, не заслуживающих доверия. Из биографии Бакунина хорошо известно, что все эти черты действительно были ему присущи.

Вслед за этим автор статьи переходит к агитационной кампании Бакунина и Нечаева.

«Хотите, я напишу сейчас же несколько прокламаций, единственно вследствие чесотки в руках, ибо не настолько же я глуп, чтоб не знать, что никакая прокламация, как бы красноречиво она ни была составлена, не произведет серьезного действия, если предварительно пропагандой и агитацией *не была подготовлена «почва» для ее плодотворного влияния*».

---

[156] Подчеркнуто в первом случае мною, во втором — автором статьи. — *Б. К.*

Обвиняет автор статьи Бакунина и в том, что своими писаниями о России и русском революционном движении, печатавшимися в иностранных изданиях, он вводит в заблуждение западноевропейское общественное мнение.

«Хотите, я напишу в один из рабочих западных журналов (в «Эгалитэ»)[157] корреспонденцию из России, где представлю, что в этой стране революционно-социалистическая партия считает несколько десятков тысяч членов[158], что победа ее там уже, так сказать, на носу висит и что программа-то ее такая, что на Западе и понять ее не могут, хотя всякому читающему человеку не трудно будет увидеть, что она есть не что иное, как следствие чтения западных социалистов. При этом ребячестве я совсем забуду, что ложью, так легко опровергаемою, такими белыми нитками шитою, я только компрометирую и мою особу, и дело, и журнал, в котором поместится моя статья».

Переходя к апологии разбойников, развернутой Бакуниным в листовке «Постановка революционного вопроса», автор статьи пишет:

«Хотите, я на основании известий о шайках в пять, десять человек, грабящих в некоторых губерниях, и на основании того, что на Волге крестьяне поют разбойничьи песни и у них живет легенда о Разине и Пугачеве, возмечтаю составить из юных друзей моих летучие шайки с целью жечь помещичьи усадьбы, купеческие склады, вешать чиновников и богатых, воображая, что народ так сейчас и кинется за нами, незнакомыми ему людьми, не заслужившими предварительно его доверия. Увлекаясь легким успехом Разина и Пугачева, мы забудем, что они вышли из народа, были ему известны, что с ними были казаки, что в то время не было ни пароходов на Волге, ни железных дорог, ни телеграфов,

---

[157] Прямой намек на Бакунина, в то время руководившего выходившей в Женеве газетой «Égalité», органом Романской федерации Интернационала.

[158] В речи на Бернском конгрессе Лиги мира и свободы Бакунин говорил о русских революционерах: «Я думаю, что скорее преуменьшу, чем преувеличу, если скажу, что число таких людей простирается до сорока, даже до пятидесяти тысяч человек». М. А. Бакунин. Избр. соч., т. III. П. — М., 1921, стр. 111.

ни военных округов с войсками в тех местах, ни усовершенствованного сравнительно полицейско-административного порядка, и что всё-таки весь их временный успех не мог помешать дальнейшему развитию систематизированного закрепощения народа».

Если только что приведенная цитата направлена против листовки «Постановка революционного вопроса», то следующая имеет в виду план радикального всесокрушающего переворота, изложенный в листовке «Начала революции».

«Нужно с корнем вырвать зло, и потому я не нахожу другого средства, как истребить в конец весь нынешний порядок, камня на камне не оставить от современной цивилизации, т. е. всех проявлений ума и рук человека, и для того, а главное для того, чтобы гарантироваться от возможности вновь возродиться этому порядку, я предлагаю истребить весь род человеческий, не только богатых, но и бедных, так как они могут после уничтожения богатых с проголода накинуться на оставленные без хозяев богатства и, не имея должного образования, напитаться ядом их. Для того же, чтобы... устроить человеческую жизнь на новых началах, предлагаю оставить только детей не старше года, внушив им предварительно несокрушимую веру в эти новые начала! — Ну, уж я думаю, радикальнее этого и придумать нельзя, и я, довольный, кладу в сторону перо и отдыхаю».

Одно только смущает этого революционных дел мастера: как бы его не назвали «дилетантом-революционером, который с жиру тешит себя радикализмом»[159].

Таков суровый приговор, вынесенный Бакунину автором статьи, доказывавшим, что русскому революционному движению необходимо освободиться полностью от всякого влияния на него агитации Бакунина, «от того традиционного, заманчивого, романтического, специального взгляда на революционную деятельность, взгляда, который с генеральским высокомерием требует и ищет громких дел и великих вспышек и пренебрегает постоянной борьбой изо дня в день с враждебным порядком».

---

[159] Подчеркнуто мною. — *Б. К.*

Возмущает автора статьи и утверждение Бакунина, что «знание убивает революционный дух». «Вредный, невежественный взгляд, мешающий успешному ходу Народного освобождения!» — пишет он, указывая, что революционный деятель, не обладающий знаниями, позволяющими ему понять «современное положение страны своей», неизбежно будет совершать губительные для дела ошибки. «При начертании своих планов и действий он будет ходить как в потемках, будет руководиться одним пресловутым инстинктом, т. е. полусознательным влечением куда-то и зачем-то». Только знание даст ему возможность делать правильный расчет своих сил и шансов на успех [160].

Если в двух разобранных нами статьях «Народного дела» никакие фамилии названы не были, и читателю приходилось догадываться, кого именно имеют в виду авторы этих статей, то в третьей статье, помещенной в том же номере «Народного дела», открыто указывалось, против кого она направлена. Мы имеем в виду упомянутую выше заметку, озаглавленную «По поводу прокламаций. Запрос А. Герцену, Н. Огареву и М. Бакунину».

Прежде чем обратиться к содержанию ее, необходимо пояснить, что именно давало «Народному делу» формальный повод адресовать свой запрос о прокламациях не только к Бакунину, но и к Герцену и Огареву. Дело в том, что в первом номере «Народной расправы» имелось такое заявление анонимных авторов:

«Мы надеемся, что теперь все честные, деятельные люди русской эмиграции (как-то: Бакунин, издатели «Колокола» и неизвестный автор первого номера «Народного дела»), составив одно общее, стройное тело, начнут дружно работать для общего движения».

Это заявление, ставившее вне круга «честных» и «деятельных» людей всю русскую «молодую эмиграцию», в том числе и группу «Народное дело», давало этому журналу основание поинтересоваться тем, как отнесутся издатели «Колокола» к адресованному к ним публично через посредство печати приглашению.

Помимо этого, в числе прокламаций, изданных весной и летом 1869 г. в Женеве, имелась анонимная прокламация «Русские студенты», написанная Огаревым, и прокла-

---

160 «Народное дело», 1869, № 7-10, стр. 155—158.

мация «Наша повесть», также вышедшая из-под его пера, но согласованная с Герценом и подписанная: «Издатели «Колокола»».

В заметке «По поводу прокламаций» редакция «Народного дела» выражала прежде всего раскаяние в том, что она, не желая возбуждать «гласные раздоры» и вносить в свой журнал «личную полемику», обошла полным молчанием появление первых прокламаций. И далее заметка давала крайне резкую оценку бакунинско-нечаевских прокламаций. Эти прокламации, «очевидно принадлежащие одному и тому же коллективному перу», характеризовались «Народным делом» как «произведения безобразного ухарства», как «до безобразия пошлые и до нелепости тупоумные листки», в которых читатели находят «дикое невежество рядом с нахальным хвастовством, самовосхваление небывалыми фантастическими подвигами рядом с завистливым ляганием во всё прошлое погибших борцов». Явно намекая на союз Бакунина с Нечаевым, «Народное дело» называло прокламации «бредом беззубого старчества рядом с бормотанием доморощенных Митрофанов». «Тяжелое, грустное чувство невольно овладевает нами при чтении их, — писало «Народное дело»: — кому понадобилось так издеваться над русским революционным делом? Кто смел кинуть такою грязною клеветою в русское юношество, захотев заставить думать, что эти произведения могут принадлежать ему, могут быть симпатичны ему? Кому, наконец, есть охота и надобность подводить наше юношество и под подозрение и под обвинение в подобных проделках? Разве мало гибнет жертв за серьезное честное дело? Разве надо помогать правительству в его террористической игре — без всякой цели, без всякого результата? Потому что, конечно, невежество авторов не может итти до того, чтоб они в самом деле воображали, что они могут достичь какого-нибудь серьезного результата!».

Дав такую нелестную характеристику прокламациям, «Народное дело», имея в виду приведенное нами выше заявление «Народной расправы», обращалось с вопросом к Герцену и Огареву. «Мы думаем, — писало оно, — что издатели «Колокола» Н. Огарев и А. Герцен сочтут нужным прямо ответить на такие печатные указания прокламаций, допускают ли они какую-либо солидарность

с подобными листками?» Редакция «Народного дела» предлагала Герцену и Огареву свой журнал для протеста «в случае если прокламации злоупотребили их именем». «Мы не хотели бы допустить, — писала она, — чтоб революционная преданность и честная вера Н. П. Огарева в юношество могли быть так злоупотреблены какими-нибудь авантюристами. Точно так же, несмотря на всю рознь в воззрениях А. Герцена и молодой революционной партии, несмотря на порицание «Колокола» молодой революционной партией за его отношение к ее прошлому и к ее значению, несмотря на иные обстоятельства, которые мешают нашему согласию, мы всё же готовы отдать должное 17-летнему посильному труду, и потому мы не хотели бы думать, чтобы политическая карьера Герцена могла закончиться таким образом».

Нельзя не обратить внимания на то, что авторы «запроса» говорят об Огареве с гораздо большей теплотою, чем о Герцене. Это объясняется тем, что в прошлом Огарев, расходясь в этом отношении с Герценом, всегда высказывался за сближение с «молодой эмиграцией».

Еще неприязненнее звучит запрос, адресованный «Народным делом» Бакунину: «Не имея ничего общего с г. Бакуниным, мы можем только и ему предоставить известное место в журнале для признания или отрицания своей солидарности с упомянутыми прокламациями».

Как же отнеслись к этому «запросу» лица, к которым он был адресован?

Об отношении Герцена мы узнаем из его письма к Огареву (от 13 декабря 1869 г.), в котором он писал: «Прочел я глупый «Запрос» в «Народном деле». Тебе и Бакунину будет больно, что мое имя замешано в деле, против которого я протестовал всеми силами. Оно было нелепо» [161]. Отвечать на «запрос» Герцен не захотел. Он, повидимому, считал, что вся его продолжительная литературная деятельность исключает у каждого непредубежденного человека даже и мысль о том, что он мог быть хоть сколько-нибудь причастен к нелепой агитационной кампании Бакунина и Нечаева.

Как отнесся к «запросу» Огарев, нам неизвестно. Что касается Бакунина, то он в письме к Огареву (от 17 декаб-

---

[161] А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XXI, стр. 534.

ря 1869 г.) писал: «Я вполне разделяю твое мнение. Отвечать на первый раз не стану. Ну, а если привяжется в другой раз и надоест, отвечу, только не у него, а помимо него, так что он не рад будет, что зацепил. При случае надо задавить этого скомороха»[162]. Бакунин не ответил «Народному делу», но в очередной своей листовке «К офицерам русской армии», вышедшей в начале 1870 г., не анонимно, а за его подписью, он попутно в весьма резкой форме задел «Народное дело».

Призывая офицеров к полному подчинению таинственному революционному комитету, существовавшему только в воображении его и Нечаева, Бакунин писал: «Я не знаю ни одного из членов этого комитета, ни их числа, ни местопребывания. Я знаю одно, что он не за границей, а в самой России, как и следует быть; потому что революционный комитет, заседающий за границей, есть абсурд, мысль о котором может возникнуть в голове тех бессмысленных и глупо честолюбивых фразеров, принадлежащих к эмиграции, которые скрывают свое тщеславное и злокозненное безделье под громким названием «Народное дело»»[163].

Нельзя сказать, чтобы упрек, который Бакунин адресовал «Народному делу», был справедлив. Группа «Народного дела» ни до учреждения Русской секции Интернационала, ни после этого события не претендовала на руководство революционным движением в России. Свою роль она сводила к посредничеству между русскими революционерами и западноевропейским рабочим движением в целях усвоения Россией опыта этого движения. Несправедливый по отношению к «Народному делу» упрек этот с бо́льшим основанием мог быть обращен к самому Бакунину, которому действительно улыбалась роль руководителя русского революционного движения.

---

162 «Письма М. А. Бакунина...», стр. 355.

163 М. А. Бакунин. Речи и воззвания, стр. 255. Несомненно под влиянием этого выпада Бакунина «Народное дело», сообщая об учреждении Русской секции Интернационала, сочло нужным оговорить: «Относительно нашей первой заграничной секции мы просим помнить, что она, конечно, не хочет и не смеет иметь притязание на какое-нибудь заведывание или руковождение союзами в самой России». «Народное дело», 1870, № 1. Статья «Русская ветвь Международного товарищества рабочих».

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ «НАРОДНОГО ДЕЛА» С ГЕРЦЕНОМ И ОГАРЕВЫМ

Как видно из переписки Герцена с Огаревым, Бакунин, организуя в 1868 г. «Народное дело», почему-то скрывал это от них [164]. Однако, когда первый номер журнала вышел в свет, издатели «Колокола» не могли не догадаться о причастности к нему их старого товарища.

В двенадцатом номере «Колокола» Герцен отозвался на появление первого номера «Народного дела» со свойственной ему язвительностью.

«Приветствуя» новый русский журнал, «вполне социалистический и революционный», Герцен писал:

«Забрало опущено, и потому мы не знаем редакции... Она состоит, очевидно, из пылких молодых людей, которые со всем натиском юности, со всем «юношеским пылом» храбро бросают перчатку и без всякой оглядки ставят самые крупные вопросы... Уничтожение наследства, упразднение церковного и гражданского брака, земля — обрабатывающим ее, капитал — рабочим, отрицание церкви и государства — такова героическая программа нового журнала».

Заметка Герцена кончалась пожеланием успеха журналу, появление которого свидетельствовало, по словам Герцена, о том, что на смену «старости» (т. е. Герцена с Огаревым) идет «новая фаланга, бодрая и полная сил» [165].

Мало осведомлены были издатели «Колокола» и о разногласиях в редакции «Народного дела». Только в феврале 1869 г., т. е. уже после выхода № 2-3 этого журнала, Огарев сообщал Герцену:

«По новейшим известиям «Народное дело» — рухнуло... «Народное дело», кажется, разошлось оттого, что люди между собою разошлись. Как это ни жалко, а все же, нам тем паче, этого нельзя поправить» [165].

Если Огарев сожалел о гибели, грозившей «Народному делу», то его друг совершенно расходился с ним в этом отношении. Отвечая Огареву, Герцен писал:

---

164 А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XXI, стр. 103, 114, 275.

165 Там же, стр. 83—84.

166 «Литературное наследство», т. 39-40, М., 1941, стр. 522.

«Мне совсем не жаль, что «Народное дело» лопнуло, и не жаль, что «нам нечем помочь»... Я не вижу, чего же ты жалеешь? Бакунин может жалеть, — ему одним диктаторством меньше... В «Колоколе» я их... приветствовал с иронией, рассчитывая на падение, а ты наивно кручинишься» [167].

Герцен не мог не обратить внимания на выступление против него Утина в № 2-3 «Народного дела».

В статье «Пропаганда и организация», вспомнив о знаменитой прокламации Заичневского «Молодая Россия» и о возмущении, вызванном ею среди «хлестаковых и репетиловых», Утин писал:

«Дрогнули и Иеремии либеральной прессы и оплакали судьбу погибших от своего увлечения юношей, которых народ-великан не признавал за своих детей и побил в темную ночь!».

Нетрудно было догадаться, что Утин имел в виду статьи Герцена, которыми он откликнулся в 1862 г. на появление «Молодой России»: «Молодая и старая Россия» и «Журналисты и террористы» [168].

Вскоре после письма Огарева, сообщавшего о гибели «Народного дела», Герцен узнал, что Огарев ошибся и что «Народное дело» отнюдь не прекратилось, а, напротив, стремится упрочить свое положение. Ему стало известно о переговорах, происходивших между редакторами «Народного дела» и Людвигом Чернецким, владельцем типографии, принадлежавшей ранее Герцену.

Дело заключалось в следующем. После разрыва с Элпидиным «Народное дело» осталось, как уже говорилось выше, без типографии, но со шрифтом, закупленным на средства Левашевой. Тогда при посредничестве Мрочковского был поднят вопрос о соединении издателей «Народного дела» с Чернецким. Соглашение не состоялось, по словам Утина, вследствие того, что Чернецкий, помимо

---

[167] А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XXI, стр. 297.

[168] Упрекая «Молодую Россию» в том, что она якобы «вовсе не русская», в том, что она — «одна из вариаций на тему западного социализма», Герцен в первой из названных нами статей писал: «Народ нам не верит и готов побить камнями тех, которые за него отдают жизнь. Темной ночью, в которой его воспитали, он готов, как великан в сказке, перебить своих детей, потому что на них чужое платье». А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XV, стр. 314, 316.

шрифта, желал получить еще от Утина и сотоварищей 5 тыс. франков на приобретение скоропечатной машины [169]. «Народное дело», как мы знаем, вынуждено было организовать свою собственную типографию.

В мае 1869 г. Герцен приехал в Женеву и поднял вновь вопрос об объединении двух типографий. На эту тему он говорил с Щербаковым и направил через Трусова записку (не дошедшую до нас) Утину, жившему тогда в Кларане. Утин отвечал письмом, написанным на имя Трусова и рассчитанным на то, что оно станет известно Герцену. Действительно, получив это письмо, Трусов направил Герцену заверенную копию его.

Утин писал:

«Теперь, Герцен спрашивает, почему не могли бы соединиться две типографии? Он прибавляет при этом, что Чернецкий имел бы право печатать всякую брань против него. Это, конечно, шутка, и ты можешь уверить А. И. Герцена, что мы никогда никакой брани и без того не позволим себе против него; мы ценим его семнадцатилетний труд, мы ценим ту выдержку, которой хватило у него и которой не хватает у других; мы можем идти теперь более резким путем, он сам сознает это, и он чрезвычайно честно и искренно уступает нам ведение пропаганды и высказывает сочувствие нашему делу... Это обстоятельство должно еще укреплять наше решение относиться к нему с тем уважением, которое заслуживает семнадцатилетний труд на пользу дела и свободы, хотя бы это дело или, вернее, практический путь к совершению этого дела понимался им иначе, чем нами, сообразно с ходом времени и обновлением поколений».

Переходя к ответу на предложение Герцена, Утин указывал, что соединение типографий возможно, по его мнению, только в том случае, если Герцен передаст на это дело так называемый бахметевский фонд.

Утин имел основание подозревать, что бахметевские деньги если не находятся в руках Бакунина, то могут поступить к нему или к Нечаеву. Об этом он догадывался из доходивших до него рассказов Бакунина о том, «что у него есть средства для печатания брошюр и разных катехизисов и что ему теперь не надо больше денег для пропаганды в

[169] Эти сведения заимствованы из письма Утина на имя Трусова, о котором мы будем сейчас говорить.

России». «Если б, паче чаяния, — писал Утин, — Герцен действительно ошибся бы настолько, — чего я не думаю, — чтоб доверить Бакунину ведение капиталом и употребление им, то нам, конечно, пришлось бы протестовать; мы легко разоблачили бы Бакунина и доказали бы, что он — самозванный представитель молодой революционной партии и не имеет никаких серьезных связей в России». В своей ненависти к Бакунину Утин доходил до того, что называл его, наравне с Элпидиным, политическим «шалуном и канканером» [170].

На это письмо, пересланное Трусовым, как мы уже упоминали, в копии Герцену, последний отвечал непосредственно Утину. Он отклонял вопрос о передаче «бахметевского фонда», как это делал и раньше всякий раз, когда представители «молодой эмиграции» заводили разговор о необходимости употребить бахметевские деньги на «общее дело». Вместе с этим Герцен счел нужным вступиться за Бакунина.

«У него есть небольшие недостатки и огромные достоинства. У него есть прошедшее, и он — сила в настоящем... Я думаю, что Бакунин родился под кометой» [171].

Конечно, этот ответ Герцена сделал бесцельными и безнадежными дальнейшие переговоры относительно объединения типографий. Однако самое обращение Герцена к Утину с таким предложением весьма характерно.

Утин в письме к Трусову говорил, что Герцен выражал сочувствие «Народному делу», такому, каким оно стало после того, как отказалось от «героической», по ироническому выражению Герцена, программы, изложенной в первом номере. Этому можно верить. Сочувствие Герцена подтверждается его предложением относительно слияния типографий.

Подтверждается оно и тем чрезвычайно показательным фактом, что Герцен, несмотря на свою давнишнюю антипатию к Утину, дал для «Народного дела» свою статью [172].

---

170 «Литературное наследство», т. 62, стр. 689.

171 А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XXI, стр. 414—415. М. К. Лемке не знал адресата этого письма и опубликовал его как письмо к неизвестному.

172 Из письма Герцена к Огареву от 7 декабря 1869 г. выясняется, что статья эта была посвящена газете «С.-Петербургские ведомости». «Литературное наследство», т. 61, стр. 450.

Статья была набрана, и Герцен правил ее. Редакция «Народного дела» предполагала сопроводить статью Герцена своими объяснениями. Об этом можно догадываться по цитируемому нами письму Утина к Трусову, где мы находим такие строки:

«Потрудись узнать у Герцена его адрес, чтоб мы могли послать ему в корректуре ту статейку, которая будет в журнале по поводу его статьи, для того, чтоб он мог сказать, не желает ли он какого-нибудь изменения или опущения нашей статейки» [173].

Эти строки Утин писал во второй половине мая или в июне 1869 г. Позднее редакция «Народного дела» отказалась от мысли печатать статью Герцена. В августе Герцен писал Огареву из Брюсселя про Утина: «Вели ему сказать, что за минованием интереса я прошу возвратить мою статью. О, бездарники... Ну-с, кто же был прав в их оценке: Бакунин до ссоры, ты или я?» [174].

Прошли еще четыре месяца. За это время вышел № 7-10 «Народного дела». В нем был напечатан известный нам «запрос» Герцену, Огареву и Бакунину по поводу их отношения к Нечаеву, а также иронические строки против «сентиментального пророчества Иеремий», утверждающих, что Запад «гнил и сгнил» [175]. Тогда Герцен вновь пишет Огареву и просит через Н. И. Жуковского достать рукопись его статьи, «которую Утин обещал напечатать», или хотя бы набор, который был просмотрен Герценом. При этом возмущенный тем, что ненапечатанная, несмотря на обещание, статья не возвращена ему, Герцен писал:

«После тридцатилетнего путешествия по блатам и дебрям журналистики, русской и парижской, я в первый раз встретил грубый прием своей статье, идущий до того, что редакция даже не извинилась в непомещении и не отметила, что она имела статью» [176].

Так неудачно закончилась попытка Герцена напечатать статью в «Народном деле», попытка крайне интересная в

---

[173] «Литературное наследство», т. 62, стр. 690.

[174] А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XXI, стр. 422—423.

[175] «Русское социально-революционное дело...». «Народное дело», 1869, № 7-10, стр. 147.

[176] А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XXI, стр. 535.

том отношении, что она свидетельствовала о желании сходящего с жизненного пути Герцена сблизиться с молодым поколением русской эмиграции [177].

Прошло еще несколько месяцев. Герцена уже не было в живых, когда вышел в свет второй номер «Народного дела» за 1870 г., в котором мы находим новое — и на этот раз в высшей степени несправедливое — выступление против издателей «Колокола». Говоря о том, что реформа 19 февраля 1861 г. была «взаимной сделкой» правительства и привилегированных классов, их «стачкой против народа», автор статьи «Крестьянская реформа и общинное землевладение» писал:

«И эту сделку, эту стачку старались скрыть одинаково и наши заграничные революционеры «Колокола» и наши домашние либералы, и патриоты, — одни, конечно, по наивности, другие по невежеству и по своей преданности высшим государственным интересам, третьи по крепостнической закоснелости» [178].

Читая эти строки, можно подумать, что Утин и его товарищи забыли, как реагировали Герцен и Огарев на отмену крепостного права. Они забыли, — или сделали вид, что забыли, — как Огарев после подробного разбора реформы писал: «Старое крепостническое право заменено новым. Вообще крепостное право не отменено. Народ царем обманут» [179]. Забыли они и то, как Герцен в 1861 г. призвал русского крестьянина не верить царю настолько же, насколько он не верит помещику [180]. Очевидно, автор статьи, напечатанной в «Колоколе», рассчитывал на читателей, недостаточно знакомых со старым «Колоколом».

ОТНОШЕНИЕ «НАРОДНОГО ДЕЛА» К ЧЕРНЫШЕВСКОМУ И МАРКСУ

Ознакомление с номерами «Народного дела», вышедшими в 1868 и 1869 гг. после ухода из редакции Бакунина и Жуковского, убеждает в том, что оставшиеся члены ре-

[177] Ср. Б. П. Козьмин. Герцен, Огарев и «молодая эмиграция». «Литературное наследство», т. 41-42, М., 1941, стр. 30—32.

[178] Подчеркнуто мною. — *Б. К.*

[179] Н. Огарев. Разбор нового крепостного права. «Колокол», 1861, № 101.

[180] А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XI, стр. 194.

дакции «Народного дела» постепенно отходили все далее от программы, изложенной в первом номере этого журнала и отражавшей анархистские взгляды и авантюристические замыслы Бакунина. Декларировав на первых порах (в № 2-3 «Народного дела») неизменность программы своего журнала, Утин и его товарищи вскоре отступили от нее в ряде существенных пунктов. Если в № 2-3 «Народного дела» они еще говорили о несовместимости социализма с государством и вслед за Бакуниным требовали полного уничтожения государственной машины, то позднее они поняли необходимость использования аппарата государственной власти в целях осуществления социального переворота и даже, как мы видели, стали сочувственно отзываться о германских социал-демократах.

Мы видели также и то, что редакция «Народного дела» не уклонялась и от прямой полемики против своего бывшего соратника М. А. Бакунина. Вспышкопускательству Бакунина и его уверениям, будто бы революция в России уже вполне назрела, «Народное дело» противопоставило признание необходимости длительной, кропотливой, неблагодарной на первый взгляд подготовительной революционной работы. С этой-то точки зрения «Народное дело» и высмеивало «романтическое» отношение к революции, «ищущее громкие дела и великие вспышки»[181].

В этом отношении редакция «Народного дела» следовала за своим учителем Чернышевским, осуждавшим преждевременные революционные вспышки и твердившим о необходимости для революционеров тщательно готовиться к народному восстанию. Подчиняясь могучей индивидуальности Бакунина, его революционному опыту и авторитету, русские эмигранты, группировавшиеся вокруг «Народного дела», могли на время пойти за ним. Однако их увлечение революционной фразеологией Бакунина не могло быть продолжительным. Школа Чернышевского должна была помочь им освободиться от этого увлечения.

Мы приводили уже выше любопытнейшее высказывание «Народного дела» о Чернышевском, в котором оно открыто заявляло о своей верности «новой школе», основанной руководителем «Современника». Глубоким уважением к нему проникнута и напечатанная в № 7-10 «Народ-

[181] «Народное дело», 1869, № 7-10, стр. 158.

ного дела» заметка по поводу выхода в свет второго и третьего томов заграничного издания собрания сочинений Чернышевского. Приветствуя выход этих томов, «Народное дело» указывало, что сочинения Чернышевского имеют значение не только как ценнейший материал для изучения эпохи 60-х годов, но и по «современному интересу», который они представляют, вследствие своей актуальности. «Сколько глумления и доносов, — писало «Народное дело», — вызвали комментарии Чернышевского на Милля: фантазер и невежда[182], он дерзал превзойти самого Милля. Шесть лет только прошло, и весь европейский мир — мы говорим: живой рабочий мир — комментирует Милля на тех же основаниях и предлагает ему совершенно те же изменения»[183].

«Народное дело» неоднократно подчеркивало свою идейную связь с руководимым Чернышевским революционным движением начала 60-х годов. Оно указывало на свою солидарность с революционными принципами, выдвинутыми и обоснованными «старшими, погибшими братьями»[184], первое место среди которых оно отводило Н. Г. Чернышевскому.

Изучая и анализируя содержание номеров «Народного дела», вышедших после разрыва с Бакуниным, мы могли убедиться в том, что редакция этого журнала не только на словах сохраняла верность заветам Чернышевского, но и на деле в основных вопросах революционной теории следовала по его стопам. Именно поэтому разрыв Утина и его товарищей с Бакуниным являлся исторически неизбежным. Он был вызван и обусловлен не самолюбием и честолюбием Утина, как это пытались изобразить Бакунин и его последователи, не его интриганством, а идейными расхождениями, обнаружившимися между группой «Народного дела» и Бакуниным по основным вопросам революционной программы и тактики.

Указывая, что Чернышевский основал в России новую революционную школу, «Народное дело» главную особенность этой школы усматривало в признании ею применимости революционных теорий, выработанных Западом, к

[182] В «Народном деле» опечатка: «невежа».
[183] «Народное дело», 1869, № 7-10, стр. 168.
[184] «Русское социально-революционное дело...». «Народное дело», 1869, № 7-10, стр. 137.

России. «Народное дело» подчеркивало в качестве заслуги Чернышевского то, что он давал своим читателям и ученикам «обстоятельное критическое знакомство с западными теориями» и указывал «на их реальную связь и применимость к нашему народному быту». Усвоив эту мысль Чернышевского, редакция «Народного дела» не могла не обратить внимания на блестящие успехи, увенчавшие деятельность Интернационала.

Как ученики Чернышевского, убежденные в том, что Россия развивается и будет развиваться по тем же самым путям, по которым шло развитие Запада. Утин и его товарищи не могли не заинтересоваться деятельностью Интернационала. Они неизбежно должны были пытаться извлечь из нее уроки для своей работы в России. Следуя за Чернышевским, они пришли к мысли использовать опыт западноевропейского рабочего движения и Интернационала. Сохраняя верность заветам Чернышевского, Утин и его товарищи в борьбе, которая происходила в недрах Интернационала между Марксом и Бакуниным, неизбежно должны были стать на сторону первого, ибо революционный реализм их учителя был непримиримо враждебен революционной романтике и авантюризму Бакунина. Если мы вспомним, как осторожно, тщательно и точно расценивал Чернышевский шансы на возможность и успех революции в России и как скорбел он от недостаточной, по его мнению, революционности русского народа, нам станет ясным, что руководитель «Современника» с суровым осуждением отнесся бы к уверениям Бакунина, будто русский народ уже вполне готов к революции и что без труда можно поднять на восстание любую деревню.

Как на борьбу с Бакуниным, так и на поддержку Генерального совета Интернационала, руководимого Марксом, группу «Народного дела» вдохновляло идейное влияние Чернышевского.

Утин и его товарищи чрезвычайно высоко ценили Маркса. Однако, наряду с этим, нельзя отрицать и того, что вполне правильного представления об историческом значении автора «Капитала» и об его деятельности у них не было. В этом отношении весьма показательна статья «Русское социально-революционное дело в его соотношении с рабочим движением на Западе», напечатанная в № 7-10 «Народного дела» за 1869 г. В ней о деятельно-

сти Маркса и об его революционной пропаганде говорилось, как о явлении, равнозначущем деятельности и пропаганде Лассаля и Прудона. Все эти три политических деятеля одинаково причислялись к «бескорыстным слугам человечества». Этим их принципиальные программные и тактические расхождения, их различная классовая сущность сглаживались и уничтожались.

При таких условиях нет ничего удивительного в том, что, как становится ясным из изучения «Народного дела», его сотрудники были весьма далеки не только от полного единомыслия с Марксом, но и от подлинного понимания его идей. Выше нам уже приходилось касаться отчасти этого вопроса. Так, мы видели, что в отличие от Маркса редакция «Народного дела» пыталась обосновать историческую неизбежность торжества социальной революции исключительно ссылкой на рост сознательности народных масс. Мы уже отмечали, что недостаточную сознательность этих масс она считала главной причиной неудачи испанской революции, а также и других народных движений. Таким образом, в вопросах истории и общественной жизни мысль авторов «Народного дела» оставалась всецело на почве идеализма. В этом отношении они сделали несомненный шаг назад по сравнению со своим учителем Чернышевским, нередко дававшим при анализе конкретных исторических и социальных проблем глубокое материалистическое решение их.

Не менее далеки были сотрудники «Народного дела» от Маркса и в вопросе о классовой борьбе и ее роли в истории, как движущей силы исторического процесса. На этом вопросе необходимо остановиться ввиду того, что недавно была сделана попытка доказать, будто бы их взгляды на борьбу трудящихся с их эксплуататорами совпадали с идеями «Манифеста Коммунистической партии» о классовой борьбе [185]. Н. К. Каратаев, высказавший такое мнение, исходит из предположения, что одно признание разделения общества на два класса — капиталистов и рабочих — само по себе свидетельствует уже о заимствовании идей «Коммунистического манифеста». Н. К. Каратаев и другие, высказывающие подобную мысль, упускают из виду, что то новое слово, которое было внесено в общест-

---

[185] Н. К. Каратаев. Указ. статья, стр. 109 и др.

венное сознание «Коммунистическим манифестом», заключалось вовсе не в констатировании существования в классовом обществе противоположности интересов различных классов, порождающей постоянную борьбу между ними. Это было известно задолго до появления «Манифеста Коммунистической партии». Об этом писали историки периода реставрации во Франции (О. Тьерри, Минье, Гизо). Равным образом было известно и то, что буржуазное общество покоится на господстве капитала над рабочей силой и что, вследствие этого, в нем все время происходит ожесточенная борьба между предпринимателями и рабочими. На это обращали внимание утопические социалисты, начиная с 20-х годов прошлого века. Об этом писали и французы Консидеран (в своем «Манифесте демократии в XIX веке») и Бюрэ (в хорошо известной и в России книге «О нищете рабочих классов в Англии и во Франции»), и англичане Годвин и Томпсон, а также многие другие.

Можно было бы привести массу примеров, подтверждающих сказанное, но вряд ли стоит делать это, когда имеется совершенно ясное признание самого Маркса, писавшего в 1852 г. Иосифу Вейдемейеру:

«Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что *существование классов* связано лишь *с определенными историческими фазами развития производства;* 2) что классовая борьба необходимо ведет к *диктатуре пролетариата*; 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к *уничтожению всяких классов* и к *бесклассовому обществу*»[186]. Комментируя это замечательное указание Маркса, которое Н. К. Каратаев явно игнорирует, В. И. Ленин в своей работе «Государство и революция» писал: «Главное в учении Маркса есть классовая борьба. Так говорят и пишут очень часто. Но это неверно... Ибо учение о классовой борьбе *не* Марксом, *а* буржуазией *до*

---

[186] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 145—146.

Маркса создано и для буржуазии, вообще говоря, *приемлемо*. Кто признает *только* борьбу классов, тот еще не марксист, тот может оказаться еще не выходящим из рамок буржуазного мышления и буржуазной политики. Ограничивать марксизм учением о борьбе классов — значит урезывать марксизм, искажать его, сводить его к тому, что приемлемо для буржуазии. Марксист лишь тот, кто *распространяет* признание борьбы классов до признания *диктатуры пролетариата*. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа. На этом оселке надо испытывать *действительное* понимание и признание марксизма» [187].

Основное отличие взглядов Маркса и Энгельса на сущность и значение классовой борьбы от взглядов буржуазных историков и утопических социалистов заключалось в том, что, рассматривая классы и классовую борьбу в неразрывной связи с развитием производительных сил и производственных отношений, Маркс и Энгельс показали, что классовая борьба является движущей силой общественного развития и в конечном итоге приводит к диктатуре пролетариата и построению бесклассового общества. Для них теория классовой борьбы служила руководящей нитью, позволяющей открыть закономерность в кажущемся лабиринте и хаосе отдельных исторических событий. В «Манифесте Коммунистической партии» борьба классов нашла научное обоснование и объяснение.

Если мы подойдем к оценке взглядов «Народного дела» с точки зрения приведенных высказываний Маркса и Ленина, станет ясным, насколько далеко от истины утверждение Н. К. Каратаева, будто бы в вопросе о борьбе классов авторы этого журнала придерживались идей «Коммунистического манифеста». Их постановка вопроса о классовой борьбе не выходила, употребляя выражение Ленина, «из рамок буржуазного мышления»; она отличалась типично мелкобуржуазным характером. Ни о каком «понимании и признании марксизма» по отношению к ним не может быть и речи.

Столь же далеки были они от правильного понимания идей Маркса и по ряду других вопросов.

Рассматривая «роялизм», т. е. королевскую власть, как силу, обладающую самостоятельными интересами,

[187] В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 383—384.

не зависящую от общественных классов, вступающую в борьбу то с одним, то с другим из них (сначала с дворянством, затем с буржуазией, еще позже с «народом»), они тем самым доказывали, насколько далеки были они от правильного понимания исторического значения классовой борьбы.

Далее необходимо отметить и то весьма нечеткое представление о содержании и смысле термина пролетариат, какое, как мы уже говорили, было свойственно «На́родному делу». Сотрудники этого журнала, вслед за другими русскими революционерами того времени, готовы были применять этот термин по отношению ко всем трудящимся, ко всему «народу» — наряду с рабочими, к земледельцам, ремесленникам, даже к мелким торговцам («мелкопромышленному люду») [188].

Для точного определения отношения сотрудников «Народного дела» к теории Маркса надо учесть и их взгляды на роль и значение профессиональных союзов. Мы уже отмечали выше, что в этом вопросе они подхватили и развивали точку зрения, обоснованную на Базельском конгрессе прудонистами и отвергнутую сторонниками Маркса и Генерального совета.

Крестьянский, а не пролетарский характер социализма «Народного дела» подтверждается также и тем, что журнал этот выдвигал на первый план аграрный вопрос, сводя всю социальную проблему — не только у себя на родине, но и в Западной Европе — на вопрос об обобществлении земли. Именно этот вопрос сотрудники «Народного дела» считали «коренным существенным вопросом всемирного пролетариата». Конечно, такая точка зрения характерна для выходцев из земледельческой страны, какой в то время была Россия, и отнюдь не отражает всей сложности социального вопроса на Западе.

Далеки были от Маркса сотрудники «Народного дела» и тогда, когда они усматривали одно из преимуществ России по сравнению с Западом в существовании в ней общинного землевладения, долженствующего, по их мнению, послужить зародышем социалистического строя.

Убедились мы выше и в том, что, стремясь обосновать вполне правильную мысль о подчиненности социального

---

[188] «Народное дело», 1869, № 7-10, стр. 133.

развития России тем же законам, как и социальное развитие Запада, сотрудники «Народного дела» приводили неудачные и неубедительные аргументы и строили аналогии, поражающие своей натянутостью и явной несостоятельностью. Таково, например, сравнение роли Интернационала на Западе с ролью разночинной революционной молодежи («мозгового пролетариата») в России.

Но каковы бы ни были ошибки группы, издававшей «Народное дело», нельзя отрицать большой заслуги этого журнала, заключавшейся в том, что он знакомил с деятельностью Интернационала русское общество, в то время еще мало осведомленное в этом отношении. Не менее важно и то, что работу Интернационала и его значение для международного рабочего движения «Народное дело» освещало в общем правильно, без тех извращений, которые были обычными в тогдашней легальной русской прессе даже демократического направления.

Интерес, проявленный группой «Народное дело» к Интернационалу, и ее взгляд на деятельность Интернационала как на дело всемирноисторического значения логически должны были привести группу к мысли о необходимости предпринять активные шаги, чтобы перенести деятельность этой международной организации и на русскую почву.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РУССКАЯ СЕКЦИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛА

ОСНОВАНИЕ РУССКОЙ СЕКЦИИ

«Уже год тому назад явилась у нас мысль о необходимости связать прочным образом с социально-революционным движением в Западной Европе движение, начинающееся теперь в России», — читаем мы в статье «Русская ветвь Международного товарищества рабочих», помещенной в первом номере «Народного дела» за 1870 г. Номер этот вышел в апреле, и, таким образом, если верить приведенному свидетельству, мысль о создании Русской секции Интернационала возникла у членов группы «Народного дела» еще весной 1869 г. Почему же им потребовалось около года для реализации этой мысли? По утверждению цитированной статьи, они считали необходимым, прежде чем приступить к созданию Русской секции, обменяться мнениями о целесообразности ее со своими «русскими друзьями» и с «друзьями в других славянских землях». «Вполне одобрительный отклик со стороны наших друзей,— читаем мы далее в той же статье,— заставил нас представить наш устав на утверждение Главного совета Международного товарищества рабочих».

Насколько заслуживает доверия сообщение о предварительных консультациях с революционерами, находившимися в России, сказать трудно. Ниже мы убедимся, что связи «Народного дела» с Россией были весьма слабыми и немногочисленными.

Что же касается «друзей в других славянских землях», то таковые у группы «Народное дело», как мы увидим ниже, действительно имелись. Они принадлежали к славянской молодежи, жившей и обучавшейся в то время в Швейцарии, и с ними члены группы «Народного дела» действительно могли обмениваться мнениями относитель-

но желательности и возможности организации русских и иных славянских секций Интернационала.

Как бы то ни было, члены группы «Народное дело» пришли к заключению, что «народная жизнь в России за последние годы представляет некоторые замечательные явления, которые указывают на возможность и необходимость в настоящее время образовать в ней рабочие союзы согласно с программою и организациею Международного товарищества». Какие именно «замечательные явления» имеются при этом в виду, автор статьи «Русская ветвь Международного товарищества рабочих», из которой мы заимствовали приведенную цитату, к сожалению, не указывает. Он ограничивается лишь оговоркою, что его слова относятся отнюдь не к «так называемой «революции», выразившейся игрой в прокламации со стороны двух-трех старых эмигрантов и нескольких московских юношей», т. е. не к нечаевским конспирациям в Москве, о которых нам придется говорить ниже.

Не указав определенно ни на какие явления, происходящие в народной жизни и в революционной среде, которые свидетельствовали бы о том, что Интернационал найдет себе благоприятную почву в России, автор цитируемой статьи упоминает лишь о настроениях и стремлениях верхних слоев русского общества. Проектируемые им русские рабочие организации, примыкающие к Интернационалу, должны противодействовать этим стремлениям и парализовать влияние их на народную жизнь.

Одним из таких опасных для народа явлений автор статьи считает деятельность «витий либеральной партии» с их проповедью «шульце-деличевских и других подобных ассоциаций и банков»; представители буржуазно-либеральных кругов изображают «эти полу-мещанские учреждения, как исключительную цель, на осуществление которой должны быть обращены все стремления народа».

Это высказывание автора цитируемой статьи отмечало движение, действительно получившее довольно широкое развитие в России на рубеже 60-х и 70-х годов и нашедшее отражение как в литературе, так и на практике. Это было движение в пользу организации ссудо-сберегательных товариществ, касс взаимопомощи, артельных сыроварен и других разнообразных кооперативных учреждений, которым придавалось преувеличенное значение как

средствам борьбы с народной нищетой. Во второй половине 60-х годов начинается деятельность братьев Лугининых, Колюпанова, Яковлева и других восторженных проповедников самопомощи и кооперации в духе Шульце-Делича. Автор статьи, помещенной в «Народном деле», не отрицал того, что кооперативные ассоциации, если они будут организовываться на более рациональных началах, чем начала Шульце-Делича, могут приносить относительную пользу народу и даже до некоторой степени «помогать ходу освобождения». Однако он вполне правильно указывал при этом, что эти учреждения не должны рассматриваться как самоцель, ибо при такой постановке вопроса они будут служить поддержкой современного порядка.

Другим явлением, угрожавшим русской народной жизни, автор статьи считал кампанию, поднятую значительной частью русской буржуазной прессы в пользу отмены круговой поруки и ограничения общинного землевладения. Подобные проекты представляют, по мнению автора статьи, серьезную угрозу для нашего народа, так как в случае их осуществления они неминуемо должны привести «к разрыву экономической связи между односельцами, в которой именно и заключается вся органическая сущность нашей общины». Однако автор статьи убежден, что «подобные попытки привилегированного барства» найдут «отпор в том социальном движении», которое несомненно начнется в народе «вследствие его разочарования в ожиданиях новой воли». «Вынужденный своим современным положением на отчаянную борьбу хотя бы за нищенское существование, — писал автор цитируемой статьи, — рабочий народ все сознательнее будет сосредоточиваться на ассоциированном группировании своих производительных сил, столь привычном ему и в общинном земледельческом и в артельном ремесленном быту, долженствующем получить дальнейшее рациональное развитие». Это стремление народа будет способствовать, по мнению автора статьи, развитию в России рабочих союзов, примыкающих к Интернационалу.

Не случайно автор цитируемой статьи заговорил о разочаровании русского крестьянства в полученной им в 1861 г. «воле» и о необходимости в связи с этим таких преобразований, которые бы шли навстречу интересам крестьянства и облегчили его беспросветную жизнь. В те

годы вопрос этот был поставлен с большей, нежели прежде, остротой. Голод 1868 г., принявший весьма значительные размеры, — особенно в Смоленской и Архангельской губерниях, — послужил серьезным предостережением наивным иллюзиям о благополучии и благосостоянии крестьян в результате реформы 1861 г.

Измученная и изголодавшаяся крестьянская масса всколыхнулась. «Целые деревни, — писал современник, известный беллетрист В. А. Слепцов, — стали подниматься с места и уходить, целые деревни шли, сами не зная куда, шли искать хлеба... толпы голодных, с опухшими животами людей, добирались даже до Петербурга» [1]. Попытки правительства скрыть наличие голода и объяснить все происходящее результатом «недорода» и отсутствия у крестьян должной предусмотрительности, мешавшей им накапливать заранее запасы хлеба на случай неурожая, не увенчались успехом. Пришлось официально признать существование голода, разрешить газетам и журналам писать о нем и даже обратиться к обществу с призывом о помощи.

Голод 1868—1869 гг. привлек внимание общественности к положению крестьян. Появились первые работы, в которых серьезно и на обильном фактическом материале был поставлен вопрос о результатах реформы и о положении русского крестьянства. Мы имеем в виду книги Н. Флеровского «Положение рабочего класса в России» и Скалдина «В захолустьи и в столице», автор которой лично наблюдал крестьянскую жизнь в одном из наиболее пострадавших районов (в Смоленской губернии) и рассказал русскому обществу о том, что́ ему пришлось видеть в голодные годы в деревне. Если Флеровский в результате своей работы пришел к выводу, что «Россия — страна повального пауперизма» [2], то умеренный либерал Скалдин, не решавшийся формулировать свои выводы в столь резких выражениях, тем не менее, должен был признать, что «гражданская свобода куплена крестьянами слишком дорогой ценой», что «большинство крестьян... находится в безвыходной зависимости от помещиков» и,

---

[1] В. А. Слепцов. Соч., т. I. М.—Л., 1932, стр. 547—549.
[2] Н. Флеровский. Три политические системы. Лондон, 1897, стр. 251.

наконец, что налоговый пресс, давивший русскую деревню, непомерно тяжел [3].

Книги Флеровского и Скалдина первоначально печатались в виде статей на страницах журналов и потому еще до 1870 г., когда обе появились, были хорошо известны русским читателям. Материалы, собранные этими авторами, произвели ошеломляющее впечатление на всех, кому были дороги интересы народа, и невольно возбуждали у читателей вопрос: долго ли может продолжаться такое ужасное положение миллионов русских людей. Вспомним, к какому выводу пришел под влиянием чтения книги Флеровского Карл Маркс. В том же самом письме к Энгельсу, в котором он извещал своего друга об образовании в Женеве колонии русской молодежи, намеревающейся стать под знамя Интернационала, Маркс писал: «Из его (Флеровского. — *Б. К.*) книги неопровержимо вытекает, что нынешнее положение в России не долго удержится, что уничтожение крепостного права, of course, лишь ускорило процесс разложения и что предстоит страшная социальная революция» [4].

Было еще одно обстоятельство, вселявшее надежду на то, что время полного разочарования крестьян, а, следовательно, и их повсеместного восстания, не за горами. Дело в том, что положения 19 февраля 1861 г. устанавливали девятилетний срок, в течение которого крестьяне не имели права отказываться от пользования отведенными им земельными наделами, за которые они были обязаны выполнять установленные повинности в пользу помещика. По истечении же этого срока, т. е. с 19 февраля 1870 г., крестьяне могли по своему желанию или сохранить наделы в своем пользовании, продолжая нести установленные повинности, или же отказаться от земли, возвратив ее помещику. Таким образом, в феврале 1870 г. крестьянству предстояло решать вопрос о дальнейших его отношениях с помещиками, в связи с чем у него пробудились надежды на улучшение своей участи. Шеф жандармов в отчете царю за 1869 г. вынужден был отметить, что «крестьяне в разных местностях империи... выражали надежду на новые льготы с окончанием 19 февраля 1870 г. 9-летнего

---

[3] Скалдин. В захолустьи и в столице. СПб., 1870, стр. 18, 88 и сл., 243.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 292.

срока обязательных отношений». Хотя, по словам шефа жандармов, «подобное ожидание было надлежащим образом опровергаемо», тем не менее на этой почве в ряде местностей происходили крестьянские волнения. «Причины таких беспорядков, — писал шеф жандармов, — заключались преимущественно в неосновательной надежде на отмену платежей или на увеличение земельного надела»[5].

Рост крестьянского недовольства был, по выражению Маркса, реальной основой «школьнического нигилизма, который теперь в моде среди русских студентов...» [6]. Этот «нигилизм» выражался и в студенческих волнениях, происходивших в 1868—1870 гг. в ряде высших учебных заведений Петербурга и других городов, и в образовании ряда революционных кружков.

Все отмеченные выше явления и давали основателям русской секции повод надеяться, что их почин увенчается успехом.

Помимо изложенных выше оснований, по которым члены группы «Народное дело» считали своевременным приступить к организации Русской секции Интернационала, имелось одно обстоятельство, заставлявшее их спешить с осуществлением их плана: они опасались, как бы Бакунин не опередил их.

Мысль о создании русской, — а если представится возможность, — и славянской секции Интернационала не только уже зародилось в уме Бакунина, но и принимала вполне конкретные формы. Имеются указания на то, что он успел написать программу этой секции и познакомил с нею своих ближайших друзей, например, Н. И. Жуковского. Был причастен к этому делу и Нечаев.

Позднее Бакунин и его друзья утверждали даже, что Утин при создании Русской секции использовал программу Бакунина в части, касающейся борьбы с панславизмом, внеся в нее лишь незначительные изменения [7].

В начале марта 1870 г. составление программы и устава Русской секции было закончено. Предстояло послать их на утверждение Генерального совета. Учредители секции

---

[5] «Крестьянское движение 1827—1869 гг.». Подготовил к печати Е. А. Мороховец. Вып. II, М. — Л., 1931, стр. 152—153.

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 292.

[7] З. Ралли. М. А. Бакунин. «Минувшие годы». 1908, № 10, стр. 154 и 156.

знали о борьбе, которую Генеральному совету пришлось вести против Бакунина. Учитывая это, организаторы секции из осторожности считали необходимым прежде обращения в Лондон заручиться какой-нибудь рекомендацией, которая была бы достаточно авторитетной в глазах Генерального совета и Маркса. Поэтому они обратились к жившему в Женеве старому другу Маркса и организатору немецкой секции Интернационала в Швейцарии И.-Ф. Беккеру. Беккер согласился на просьбу Утина.

8 марта Утин принес Беккеру для ознакомления программу и устав Русской секции. Не застав его дома, Утин оставил ему записку, в которой писал:

«Будьте добры прочесть его (устав секции. — *Б. К.*); думаю, что он согласуется с вашей точкой зрения на цели и задачи нашей секции. Если вы будете им довольны, я попрошу вас дать мне небольшое рекомендательное письмо к Марксу, которому мы передадим наш устав с просьбой быть нашим представителем при Генеральном совете. Я пошлю ему всё это немедленно, потому что нам хотелось бы начать как можно скорее выпускать нашу газету, которая будет выходить, как прибавление к «Народному делу», один-два раза в месяц и в первом номере которой мы предполагаем опубликовать наше воззвание к славянским народам, равно как и перевод вашего манифеста. Как видите, дело спешное, и я надеюсь, что Маркс быстро всё это устроит» [8].

---

[8] Издание газеты, о которой говорится в этом письме, не состоялось. Воззвание Русской секции к славянам напечатано не было. Что касается «манифеста» Беккера, то имеется в виду написанный им от имени Центрального комитета секций немецкого языка Интернационала «Манифест к земледельческому населению». Этот манифест был написан по поводу резолюции о коллективизации земли, принятой Брюссельским конгрессом Интернационала, и впервые опубликован в издававшемся Беккером журнале «Der Vorbote» за 1869 г., стр. 177—184. Манифест Беккера содержал в себе разработку основных принципов нового аграрного строя, при которых земля становится достоянием всего общества, передающего участки ее в эксплуатацию земледельческим товариществам, члены которых ведут совместное хозяйство. Манифест заканчивался призывом к трудящимся деревни объединяться, примыкать к городскому пролетариату и «подготовлять новых апостолов социал-демократии». Манифест Беккера был переведен на французский, испанский, итальянский, польский и русский языки. Французский перевод был сделан Утиным, а русский кем-то из членов Русской секции. Русский перевод манифеста выдержал несколько изданий. По упоминаниям в ли-

Переданные Утиным документы, повидимому, не вызвали никаких возражений со стороны Беккера, и он написал Марксу и Герману Юнгу, члену Генерального совета, представлявшему в нем Швейцарию, рекомендательные письма.

В письме к Юнгу Беккер называл себя инициатором создания Русской секции и говорил о громадном значении, которое она может иметь для дела европейской революции.

«Теперь наше внимание и наша деятельность, — писал Беккер, — сосредоточены на далеком востоке. Там только что основана русская и вообще славянская секция, которая послужит нам операционным базисом на востоке. Значение, какое может иметь работа в этом направлении, само собою ясно. Помимо того, что социалистическая и антипанславистская пропаганда и сама по себе может иметь большое значение, она оказалась бы чрезвычайно полезной, если бы ей удалось хоть на время связать руки русскому правительству, когда в Западной Европе вспыхнет социально-политическая революция. К тому же наши союзники в Австрии давно уже просят помочь им освободить чешских и вообще славянских рабочих от ига дворянства и духовенства, а также и от болезненного культа национальности».

Ввиду важного значения Русской секции Беккер просил Юнга «как можно скорее уладить дело» с нею, «для того, чтобы участвующие в ней славные люди бодро и беспрепятственно могли продолжать начатое дело» [9].

Утин и его товарищи со своей стороны также написали письма на имя Юнга и Маркса.

тературе нам известны следующие издания: 1) «Манифест к земледельческому населению». Женева. Издание Русской секции Интернационала. Типография «Народного дела», 1870 («Набат», 1878, № 5-6, стр. 20); 2) И.-Ф. Беккер. «Манифест от Центрального комитета немецкой ветви Международного товарищества работников к земледеьческому населению». Женева, 1871 («Каталог русской библиотеки в Женеве», 1876, стр. 24); 3) «Манифест к земледельческому населению и процесс Л. Неймейера» (австрийский социалист, осужденный за распространение манифеста Беккера. — *Б. К.*). Женева. Типография Трусова. 1875 («Алфавитный каталог книгам, запрещенным к обращению и перепечатке в России». СПб., 1884, стр. 34).

[9] Г. Иекк. Интернационал. СПб., 1906, стр. 249—251.

В письме к Юнгу они писали:

«Вместе с настоящим письмом посылаем вам устав, выработанный группою русских граждан и гражданок с целью образовать Русскую секцию Интернационала. Из этого устава вы увидите, какова цель этой секции, и мы надеемся, что Генеральный совет одобрит мотивы нашего решения присоединиться к общему делу мирового пролетариата. Вы поймете также те политические соображения, в силу которых видимая, так сказать, инициатива создания этой первой секции должна была принадлежать эмигрантам. Интернационал запрещен в России, но это не может помешать нам активно вести там пропаганду, и мы имеем все основания надеяться, что в скором времени международная организация пустит корни среди трудящихся классов в России. Задача нашей первой секции заключается, конечно, главным образом в пропаганде, которая должна же наконец проникнуть в славянские страны, и мы будем счастливы сделать первый шаг в этом направлении».

Далее авторы письма для того, чтобы Генеральный совет «не ввели в заблуждение какие-нибудь обманщики», считали необходимым напомнить Юнгу о том, что некоторые из них (повидимому, в первую очередь Утин) «имели удовольствие» познакомиться с ним и с другими членами Генерального совета в 1869 г. в Базеле на конгрессе Интернационала и на банкете. К этому авторы письма добавляли, что «женевские друзья» Юнга могут дать им рекомендацию, так как знают большинство из них по совместной работе в женевских секциях, и, наконец, указывали на рекомендацию своего «глубокоуважаемого» друга Беккера.

«Одновременно, — писали далее авторы письма, — мы обращаемся к гражданину Марксу с просьбой ознакомиться с нашим уставом и быть нашим представителем при Генеральном совете. Ведь между соседними странами, Россией и Германией, имеется немало точек соприкосновения; немало сходных условий и общих врагов найдется у славянских стран и у Германии, и не подлежит сомнению, что священный союз тронов может быть ниспровергнут только революционным союзом истинных социалистов, отстаивающих интересы труда в его борьбе против капитала и царизма».

В заключение авторы письма просили ускорить утверждение Генеральным советом устава Русской секции, указывая, что они хотели бы скорее начать издание прилагаемых к «Народному делу» бюллетеней, которые «будут давать полные обзоры рабочей жизни» и выдержки из которых будут во французском переводе рассылаться всем органам Интернационала. «Вы слишком хорошо знаете,— писали авторы письма, — как страдает пропаганда от вынужденных замедлений, а Россия к несчастью уже слишком отстала от рабочего движения Европы и Америки».

Письмо к Юнгу было подписано Н. Утиным, А. Трусовым и В. Нетовым (революционный псевдоним В. Бартенева).

К письму были приложены программы и устав Русской секции, рекомендация Беккера и письмо от организаторов Русской секции к К. Марксу [10].

Это письмо, датированное 12 марта, представляет большой интерес: оно показывает, как смотрели организаторы Русской секции на свои задачи и как относились они к организатору и вождю Международного товарищества рабочих.

Приведем это письмо полностью:

«Дорогой и достопочтенный гражданин!

От имени группы русских мы обращаемся к вам с просьбой оказать нам честь быть нашим представителем в Генеральном Совете Международного Товарищества в Лондоне. Эта группа русских только что образовала секцию Интернационала, так как великая идея этого международного движения пролетариата проникает также и в Россию. При создании этой первой Русской секции мы прежде всего ставим своей целью (как Вы увидите из прилагаемого устава) оказывать всемерную энергичную помощь активной пропаганде принципов Интернационала

---

[10] Повидимому, Маркс еще ранее был информирован кем-то о группе «Народного дела» и о пропаганде ею идеи интернационального объединения трудящихся для борьбы против эксплуатации. Только к этой группе можно отнести сообщение Маркса в письме к Энгельсу от 12 февраля 1870 г.: «В Женеве — by the by — образовалась новая колония высланных русских студентов, которые провозглашают в своей программе борьбу с панславизмом и замену его «Интернационалом»». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 292.

среди русских рабочих и объединять их во имя этих принципов. Но у нас есть еще одна задача: разоблачить панславизм, втягивая молодежь славянских стран в борьбу против этих старых идей, сослуживших службу только царской империи, — империи, которая неизбежно падет и уступит место свободной федерации земледельческих и промышленных ассоциаций, связанных с рабочими всего мира общностью интересов и однородностью идей.

Мы рады сообщить Вам, что подготовительная работа, которую мы проделали в этом направлении, увенчалась успехом, и мы нашли сторонников пропаганды Интернационала среди чехов, поляков и сербов. Последние имеют уже обширную организацию под названием *Омладина,* в рядах которой сербские сторонники Интернационала надеются распространить эту идею, несущую возрождение.

Наше настойчивое желание иметь Вас нашим представителем объясняется тем, что Ваше имя вполне заслуженно почитается русской студенческой молодежью, вышедшей в значительной своей части из рядов трудового народа. Эта молодежь ни идейно, ни по своему социальному положению не имеет и не желает иметь ничего общего с паразитами привилегированных классов, и она протестует против их гнета, борясь в рядах народа за его политическое и социальное освобождение. — Воспитанные в духе идей нашего учителя Чернышевского, осужденного за свои сочинения на каторгу в Сибирь в 1864 г., — мы с радостью приветствовали Ваше изложение социалистических принципов и Вашу критику системы промышленного феодализма. — Эти принципы и эта критика, как только люди поймут их, сокрушат иго капитала, поддерживаемого государством, которое само является наймитом капитала. — Вам принадлежит также решающая роль в создании Интернационала, а в том, что касается специально нас, то опять-таки именно Вы неустанно разоблачаете ложный русский патриотизм, лживые ухищрения наших демосфенов, пророчествующих о славной судьбе, предначертанной славянским народам, когда на деле доныне этим народам была уготована лишь одна судьба: быть раздавленными варварским царизмом и служить орудием подавления соседних народов. Русская демократическая молодежь получила сегодня возможность устами своих изгнанных братьев высказать Вам свою глубокую призна-

тельность за ту помощь, которую Вы оказали нашему делу Вашей теоретической и практической пропагандой, и эта молодежь просит Вас оказать ей новую услугу: быть ее представителем в Генеральном Совете в Лондоне.

В то же время мы считаем своей обязанностью предупредить Вас, что мы ни в коем случае не можем согласиться на то, чтобы нашим представителем был кто-нибудь из русских, находящихся в данный момент в Лондоне.

А чтобы не вводить Вас в заблуждение и избавить Вас от сюрпризов в будущем, мы считаем также своим долгом предупредить Вас, что не имеем абсолютно ничего общего с г. Бакуниным и его немногочисленными сторонниками. Напротив, мы намерены в ближайшем будущем выступить с публичной оценкой этого человека, чтобы в мире трудящихся, — а для нас ценно только их мнение, — стало известно, что существуют личности, которые, проповедуя в этой среде одни принципы, хотят *сфабриковать* у себя на родине, в России, нечто совсем иное, вполне заслуживающее позорного клейма. Настоятельно необходимо разоблачить лицемерие эитих ложных друзей политического и социального равенства, мечтающих на самом деле только о личной диктатуре по примеру Швейцера, не обладая при этом ни его талантами, ни его смелостью. Нужно, чтобы это лицемерие было разоблачено, и мы передадим дело на суд Генерального Совета, чтобы Вы вынесли свой приговор о поведении, действиях и писаниях личностей вроде г. Бакунина, которые стараются забить головы русской молодежи подобными писаниями, являющимися гнусным отрицанием всех принципов Интернационала.

Соблаговолите сообщить нам, разрешаете ли Вы направлять к Вам наших друзей, уезжающих в Англию, и по какому адресу надлежит посылать наш журнал и наши бюллетени, которые будут выходить ежемесячно.

Нет необходимости добавлять, что мы были бы Вам крайне признательны хотя бы за несколько строк для нашего журнала, раз мы не можем надеяться на несколько страниц.

Примите, гражданин, от имени всех наших братьев выражение нашего глубочайшего уважения.

Н. Утин, В. Нетов, А. Трусов.» [11]

---

[11] «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». М., 1951, стр. 36—38.

Мы не будем касаться ряда моментов, содержащихся в этом письме, так как о них нам предстоит подробно говорить ниже. Ограничимся пока указанием на то, что в письме Утина и его товарищей, наряду с пунктами, стоявшими в противоречии со взглядами Маркса, как, например, заимствованная у Бакунина мысль о замене государства «свободной федерацией земледельческих и промышленных товариществ», имелись заявления, долженствовавшие заинтересовать руководителя Интернационала и расположить его в пользу авторов письма.

Таково прежде всего обещание бороться против ненавистного Марксу панславизма и ложного русского патриотизма, стремившегося пышными фразами о сочувствии угнетенным «славянским братьям» завуалировать захватнические планы русского правительства и укрепить политическое положение и международный авторитет царизма.

Не менее должно было заинтересовать Маркса и категорическое отмежевание авторов письма от Бакунина и его сторонников, сопровождавшееся угрозой выступить с публичным разоблачением Бакунина как человека, вводящего в заблуждение «мир трудящихся». К началу 1870 г. Марксу стало совершенно ясно, что Бакунин — враг, с которым предстоит решительная борьба. Естественно поэтому, что его не могла не заинтересовать поддержка, которую он неожиданно получал со стороны соотечественников Бакунина, настроенных настолько враждебно по отношению к Бакунину, что они доходили до обвинения его в «подлости» и до сравнения его с тогдашним руководителем лассальянской организации — Швейцером, получавшим субсидии от Бисмарка и немало способствовавшим дезорганизации немецкого рабочего движения.

Что именно эти два пункта — вопрос о панславизме и о Бакунине — оказали решающее влияние на отношение Маркса к полученному им письму Утина и его товарищей, видно из так называемого «конфиденциального сообщения» об Альянсе. Рассказав об интригах Бакунина, Маркс в заключение этого сообщения писал о том, что «в Женеве обосновалась колония молодых русских студентов-эмигрантов, которые действительно честно относятся к своим убеждениям и доказали свою честность тем, что главным пунктом своей программы выставили *борьбу с панславизмом*». И далее Маркс отмечал: «Вместе с тем

они заявили, — как бы *извиняясь* перед Марксом, — что в ближайшем будущем сорвут с Бакунина маску, потому что этот человек ведет *двойную игру: у него две совершенно отличных одна от другой политики,* одна — в России, а другая — в Европе.

Итак, игре этого в высшей степени опасного интригана будет скоро положен конец — по крайней мере, в рамках *Интернационала*»[12].

Если соображения относительно панславизма и Бакунина имели в глазах Маркса решающее значение, то нельзя упускать из виду и других обстоятельств, долженствовавших заинтересовать Маркса в письме инициаторов Русской секции.

Маркс не мог не обратить внимания на сообщение Утина и его товарищей относительно имеющихся у них связей «среди чехов, поляков и сербов». Если поляки имели уже своего представителя в составе Генерального совета Интернационала, то ни среди чехов, ни тем более балканских славян Интернационал еще не обладал прочными связями.

Наконец, располагало Маркса к учредителям Русской секции и то, что они называли себя учениками и последователями Чернышевского, которого Маркс ценил исключительно высоко и как мыслителя и как политического деятеля.

Все эти обстоятельства имели настолько большое значение в связи с задачами, стоявшими в тот момент перед Генеральным советом Интернационала, что намного перевешивали теоретические ошибки, допущенные в письме организаторов Русской секции, а также, как мы убедимся ниже, и в составленной ими программе. Вот почему Маркс не только поддержал в Генеральном совете просьбу Русской секции об утверждении ее программы и устава, но и согласился принять на себя представительство России в руководящем органе Интернационала.

24 марта 1870 г. К. Маркс написал «членам комитета Русской секции в Женеве» два ответных письма: одно — «официальное», по его выражению, предназначавшееся для оглашения в печати, и другое — «частное» или «кон-

---

[12] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. I, стр. 366—367.

фиденциальное»[13]. К сожалению, второе из них до нас не дошло. В первом же Маркс писал:

«В своем заседании 22 марта Главный совет объявил единодушным вотум, что ваша программа и статут согласны с общими статутами Международного Товарищества Рабочих. Он поспешил принять вашу ветвь в состав Интернационала. Я с удовольствием принимаю почетную обязанность, которую вы мне предлагаете, быть вашим представителем при Главном совете»[14].

Вслед за этим Маркс остановился на том пункте программы Русской секции, в котором говорилось, что «императорское иго, гнетущее Польшу, есть тормоз, одинаково препятствующий политической и социальной свободе обоих народов...». Соглашаясь с этим утверждением, Маркс указывал: «Вы могли бы прибавить, что русский насильственный захват Польши есть пагубная опора и настоящая причина существования военного режима в Германии и вследствие того на целом континенте. Поэтому, работая над разбитием цепей Польши, русские социалисты возлагают на себя высокую задачу, заключающуюся в том уничтожении военного режима, которое существенно необходимо как предварительное условие для общего освобождения европейского пролетариата».

Конечно, Маркс не случайно выделил тот пункт программы Русской секции, в котором говорилось об «императорском иге», тяготеющем над Польшей. В учредителях Русской секции он видел людей, готовых оказать серьезную поддержку делу польского освобождения, а, следовательно, и мировому революционному движению.

Письмо Маркса заканчивалось чрезвычайно высокой оценкой книги Н. Флеровского «Положение рабочего класса в России», которую Маркс как раз в то время читал.

«Такие труды как Флеровского и как вашего учителя Чернышевского, — писал Маркс, — делают действительную честь России и доказывают, что ваша страна

---

[13] О том, что было написано два письма, мы узнаем из письма Маркса к Энгельсу от 24 марта 1870 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 309—310.

[14] Письмо Маркса цитируем по журналу «Народное дело», 1870, № 1, где оно впервые было опубликовано.

тоже начинает участвовать в общем движении нашего века».

Через несколько дней по получении организаторами Русской секции этого письма Маркса пришел ответ от Г. Юнга. Ответ этот не сохранился, но о содержании его можно отчасти судить по письму Утина к Юнгу от 1 апреля 1870 г. Принося Юнгу благодарность за «добрые советы» и за «дружескую откровенность», Утин писал:

«Есть, однако, один пункт в вашем письме, который заставляет нас обождать с опубликованием нашего устава на французском, немецком и русском языках. Вы пишете, что хотели бы внести в него некоторые изменения; мы будем чрезвычайно рады исполнить ваше желание, потому что знаем, что оно происходит от вашего понимания дела, более правильного, более искушенного опытом, чем наше. Поэтому я и спешу послать вам настоящие строки. Я только что видел моих друзей из русского комитета и показал им ваше письмо; они решили задержать печатание нашей программы и устава впредь до выяснения, какие именно изменения хотели бы вы внести. Если вы будете так любезны сообщить их нам, мы представим их нашему общему собранию, которое наверное их примет, и затем уже опубликуем наш устав без промедления, ибо его опубликование чрезвычайно важно для развития нашего дела, для пропаганды и международной организации в России и славянских странах».

Какие именно поправки предложил Юнг внести в программу и устав Русской секции, нам неизвестно. Однако можно предположить, что вряд ли они имели важное, принципиальное значение, ибо, как мы знаем, программа и устав уже прошли через Генеральный совет. Если же мы будем знакомиться с теми расхождениями, которые обнаруживаются между первоначальным вариантом учредительных документов Русской секции, отправленных в Лондон при письме Утина и его товарищей Юнгу, с окончательным, опубликованным на страницах № 1 «Народного дела» за 1870 г., то легко убедимся, что все эти расхождения имели преимущественно стилистический характер и не заключали в себе ничего принципиального. При изучении программы и устава Русской секции мы отметим важнейшие из этих расхождений: однако при этом мы считаем необходимым указать, что у нас нет никаких

данных для решения вопроса, по чьей именно инициативе были внесены те или другие поправки, по указанию ли из Лондона или же по почину самих учредителей Русской секции [15].

ПРОГРАММА И УСТАВ РУССКОЙ СЕКЦИИ

Программа Русской секции состояла из трех разделов. Первый содержал теоретическое обоснование необходимости организации Русской секции. Второй намечал задачи этой секции. Третий касался «пропаганды и развития Международного товарищества рабочих в других славянских странах». Остановимся на каждом из этих разделов в отдельности.

Что касается первого раздела — теоретического, — то он содержал ряд положений, большею частью знакомых нам по «Народному делу» 1868—1869 гг.

Авторы программы указывали прежде всего на то,

---

[15] Считаем не лишним сказать несколько слов еще об одном характерном моменте. В приведенном выше письме учредителей Русской секции к Марксу они, обращаясь к своему адресату, именовали его «дорогим и достопочтенным (vénérable) гражданином». Такое обращение немало позабавило Маркса. Пересылая Энгельсу письмо Утина и товарищей, Маркс шутливо писал: «...Но чего я никогда не прощу молодцам, это то, что они превратили меня в «vénérable». Они, очевидно, думают, что мне от восьмидесяти до ста лет» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 310). Очевидно, на эту тему Юнг что-то писал в упомянутом нами его письме учредителям Русской секции. Это видно из ответного письма Утина, в котором находятся, между прочим, такие строки:

«Сердечно благодарю вас за ваше замечание относительно выражения «vénérable»; возможно, что по-французски оно имеет другой смысл, чем тот, в каком его употребляют русские; приходится иногда прощать наше недостаточное знание европейских языков. Судя по огромному труду Маркса, который наверное отнял у него много лет, судя по его репутации и роли, которую он так честно выполнял в 1848 г., то и дело слыша о его болезнях и недугах, мы считали, что он должно быть очень стар, лет под семьдесят. Какова же была наша радость, когда Беккер недавно сказал мне, что Марксу всего только 50 лет. В таком случае я понимаю, что выражение «vénérable» неуместно, хотя русские употребляют его о старых людях в смысле «respectables» (отнюдь не в английском смысле, означающем крупных капиталистов и владельцев земли [seigneurs du capital et du land-lordisme]). Итак, прошу прощения».

Эти слова Утина показывают, как мало русские люди его времени, даже принадлежавшие к революционным кругам, были осведомлены о биографии Маркса.

что «экономический гнет русского народа, поддерживаемый всем общественным и политическим устройством, совершенно одинаков с гнетом, который душит весь европейский и американский пролетариат». Далее они говорили, что «русский народ во все времена стремился к осуществлению великих начал, провозглашенных международными конгрессами рабочих: к общинному владению землею и орудиями труда» и что «принцип общности труда» в России «находил себе уже издавна выражение в образовании рабочих союзов, известных под именем артелей». Далее в программе указывалось, что со времени реформы 19 февраля 1861 г. [16] «правительство вместе с привилегированными классами явно стремится сделать свой грабеж народа более систематическим» [17] и что с того же самого времени в русском народе явилось понимание этого стремления [18] и «сознание необходимости противодействовать ему собственными силами и выступить на активную борьбу за возможность иной жизни» [19].

Обрисовав таким образом положение русского народа в пореформенные годы, авторы программы указывали, что «там, где положение одинаково», там «должны быть одинаковы и аналогичны и средства к уничтожению его и к замещению его новым строем социальных и индивидуальных отношений».

Все это, по мнению составителей программы, оправдывает и делает возможным перенесение в Россию тех «начал в пропаганде» и «тех же способов в организации», которые выработаны на опыте рабочего движения в Западной Европе. Далее в программе следовала ссылка на тот пункт устава Интернационала, который указывал, что дело «полного освобождения рабочих»

---

[16] В первоначальном варианте пояснялось: «времени мнимого освобождения крепостных».

[17] В первоначальном варианте было добавлено: «начиная с захвата государственной земли, которая по справедливости должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает».

[18] В первоначальном варианте говорилось о том, что «понимание несчастной зависимости рабочих от господствующих классов всё более пробуждается в массах».

[19] В первоначальном варианте указывалось, что массы начинают «сознавать настоятельную необходимость активного противодействия и энергичной борьбы за полное изменение существующего порядка, за создание новой жизни».

является задачей, разрешаемой только совместными усилиями всех цивилизованных наций.

Как видим, аргументация, при помощи которой составители программы обосновывали свое решение организовать Русскую секцию, воспроизводила мысли, уже знакомые нам по «Народному делу».

В заключение первого раздела указывалось, что «группа русских людей», принявшая решение основать Русскую секцию, состоит как из мужчин, так и из женщин, потому что «дело пропаганды и организации относится ко всем угнетенным без различия пола». «Интернационал, стремящийся к освобождению всего человечества, — писали составители программы, — тем самым стремится к уничтожению эксплоатации одной половины человечества другою, эксплоатации, столь пагубной по последствиям, вносимым ею в политический и социальный быт народов».

Этот пункт программы Русской секции был выделен и подчеркнут ее составителями, потому что участие женщин в секциях Интернационала было явлением довольно редким; в Русской же секции процент женщин был весьма значительным, что и заставило ее организаторов включить в выработанную ими программу декларацию по женскому вопросу.

Во втором разделе программы указывалось, что задачами Русской секции являются пропаганда идей Интернациональной ассоциации и содействие организации ее секций в России и установлению «прочной, солидарной связи» между трудящимися России и Западной Европы для «более успешного достижения их общей цели освобождения».

Весьма содержателен третий раздел программы, знакомящий нас с отношением Русской секции к славянскому вопросу. Этот раздел свидетельствует о том большом значении, какое члены секции придавали пропаганде принципов Интернационала среди славянских народов и противодействию распространению среди них «отсталых идей панславизма», которые, по их выражению, «всегда были только гнусною западнею для славянских народностей».

В этом же разделе находился и тот пункт программы, в котором говорилось об освобождении Польши и который уже знаком нам по письму К. Маркса к учредителям Русской секции.

Интересны взгляды организаторов секции на национальную проблему и на отношение принципа национальности к интернационализму. Еще до организации Русской секции редакция «Народного дела» в одной из статей мимоходом высказалась по национальному вопросу в весьма отрицательном смысле, заявив, что современное разделение на национальности противоречит интересам «бедного рабочего люда», так как ведет к разъединению людей и тем самым препятствует достижению общего благосостояния. «Отсюда, — резюмировал автор статьи, — пролетариат делает заключение о необходимости уничтожить эти национальные границы, а в своем представлении будущего устройства человеческого, нераздельного на всем земном шаре общества, если и допускает разделение людей на группы, то только по отношению к удобству производства разнообразных предметов потребления»[20].

Таким образом, автор цитируемой статьи считал идею интернационализма исключающей национальный принцип и ведущей к ликвидации деления людей по национальности. Такая точка зрения на национальный вопрос, возможно, была заимствована у Бакунина.

Иное, гораздо более правильное отношение к национальному вопросу мы находим в программе Русской секции. Признавая, что «идея национализма злоупотребляется теперь врагами народа против всякой социалистической и интернациональной пропаганды», авторы программы выражали свое негодование против людей, которые изображают эту пропаганду «как пугало, разрушающее всякую независимость и самобытность». В отличие от таких людей организаторы Русской секции указывали, что интернационализм не исключает начала национальности, а, наоборот, способствует свободному развитию его.

«Будущая и интернациональная и социалистическая организация рабочих масс, — писали авторы программы, — именно дает полную свободу не только каждому народу и народности, но и вообще всякой группе лиц самостоятельно и независимо соединяться с теми группами, с которыми наиболее связаны индивидуальные и коллективные интересы всей жизни». Не начало национальности, а

[20] «Современное выражение социальной революции на Западе», «Народное дело», 1869, № 7-10, стр. 115.

«завоевательный режим» находится в противоречии с принципами международного братства народов.

Исходя из этих соображений, учредители Русской секции обращались к «братьям в Польше, Малороссии, австрийских и турецких землях»[21], а также «ко всем группам разных народностей, находящихся под императорским гнетом», с призывом поддержать дело, начатое авторами программы, и для этого «соединиться в группы и организовываться для деятельной пропаганды» в целях «уничтожения закоснелых племенных предрассудков» и объединения «рабочих сил» для «солидарной борьбы» против общих врагов. Авторы программы приглашали славян различных национальностей организовать в славянских землях секции Интернационала, которые занялись бы созданием у себя «ремесленных союзов», объединением этих союзов в федерацию и, наконец, вовлечением их, «помимо всех искусственных территориальных границ, в общий интернациональный союз всех ремесл и профессий». Когда такие секции будут организованы во всех славянских странах, они составят из своих представителей «федеральный совет интернациональных секций народов славянских языков».

В ожидании же того времени, когда в славянских землях будут созданы секции Интернационала, устроители Русской секции предлагали славянам различных национальностей «назначить своих агентов-корреспондентов» при Русской секции.

Таково было содержание третьего — и последнего — раздела программы Русской секции. Этот раздел дает нам некоторое представление об упомянутом выше воззвании к славянам, которое было составлено Утиным и его товарищами, но осталось неопубликованным.

Присоединенный к программе Русской секции ее устав определял структуру секции, права и обязанности ее членов, порядок приема новых членов и т. д.

Остановимся на наиболее характерных пунктах устава.

Параграфы девятый и десятый были посвящены вопросу о связи секции с революционерами и революционными организациями, действующими в России. Первый из

---

[21] В первоначальном варианте: «в славянских землях Австрии и Турции».

них предусматривал порядок выбора в члены секции таких лиц, которые намеревались вернуться в Россию для революционной работы. В отличие от общих условий выбора имена таких лиц оставались известными только распорядительному комитету секции. Общему же собранию ее членов в видах конспирации сообщалась лишь «общая характеристика» кандидата. В случае приема таких лиц в члены секции им выдавалась «карта (т. е. членский билет — *Б. К.*), обозначенная вместо имени известным номером».

Параграф десятый устанавливал, что члены секций Интернационала, созданных в России, в случае их приезда за границу допускаются присутствовать с совещательным голосом на общих собраниях Русской секции.

Следующий параграф определял обязанности членов секции. Он гласил:

«Нет обязанностей без прав, нет прав без обязанностей! Каждому члену вменяется в обязанность употреблять все свои силы на пропаганду в России истинных принципов Интернационала и на организацию рабочих союзов сообразно с этими принципами. Слово и дело каждого члена должны быть направлены к торжеству и признанию неотъемлемых прав труда и трудящихся. Каждый член Русской секции должен поэтому изыскивать все способы, чтобы служить интересам рабочих в России и их освобождению, как своим личным положением в известном ремесле или профессии, так и деятельным участием в пропаганде и денежными средствами».

В первоначальном варианте устава вслед за этим пунктом имелся еще один, непосредственно с ним связанный: «На основании этого каждый член Русской секции обязан предоставить через комитет товарищам, возвращающимся в Россию, детальное наставление относительно практических средств, применимых в этой стране». В окончательном тексте устава этот пункт отсутствует. Очевидно, он был признан излишним и вычеркнут.

Значительной переделке подверглись следующие два имевшиеся в первоначальном проекте устава и объединенные своим содержанием параграфа. Первый из них (§ 14) гласил: «Комитет заботится о том, чтобы иметь своих агентов-корреспондентов во всех странах, где значительно влияние русских». Следующий же параграф уста-

навливал, что имена агентов-корреспондентов по утверждении их общим собранием Русской секции публикуются в ее органе печати для того, чтобы сделать их известными «нашим новым русским друзьям, направляющимся в разные страны и желающим участвовать в нашем общем деле».

Вполне ясно, почему были переделаны эти параграфы: публичное оглашение через печать имен агентов-корреспондентов представлялось далеко не всегда возможным из конспиративных соображений. Поэтому изложенные два параграфа подверглись значительной переработке и были слиты в один (§ 13), гласивший:

«Комитет с ведения общего собрания заботится о том, чтобы Русская секция имела во всех странах своих агентов-корреспондентов, которые могли бы знакомить с делом Международного товарищества наших новых русских друзей, желающих принять участие в общем деле».

Нельзя признать переделку, произведенную в данном случае, вполне удачной, ибо весьма сомнительной была необходимость для Русской секции иметь во всех странах своих агентов, обязанности которых ограничивались исключительно информированием о делах Интернационала проживающих в этих странах р у с с к и х граждан.

Следующие параграфы устава (§§ 15 и 16) касались устанавливаемых общим собранием секции для ее членов ежемесячных и единовременных взносов. Взносы эти предназначались не только на организационные расходы, но и на пропаганду среди рабочих в России и на помощь стачкам, происходящим, как в России, так и в Западной Европе. В первоначальном варианте устава на членов секции помимо денежных взносов возлагалась обязательная подписка на орган женевских секций Интернационала — газету «Égalité».

Параграф семнадцатый был посвящен издательской деятельности секции. Он сообщал, что Русская секция будет печатать все свои сообщения в журнале «Народное дело» [22]. Наряду с этим в том же параграфе указывалось, что Русская секция будет издавать раз или два в месяц

[22] В первоначальном варианте устава говорилось, что Русская секция будет иметь в своем распоряжении один отдел «Народного дела», а этот журнал характеризовался как «орган молодой русской радикально-социалистической партии».

«известия о рабочем движении во всем мире». «Извлечения из этих известий, касающиеся России и славянских земель[23], будут сообщаемы всем рабочим органам для того, чтобы рабочий мир мог знакомиться с настоящим положением своих славянских братьев». Агенты-корреспонденты славянских земель должны сообщать необходимые для напечатания в «известиях» сведения.

Наконец, последний параграф устава предусматривал создание кассы взаимного вспомоществования в целях оказания помощи «братьям, борющимся в России за Народное Освобождение», а также политическим ссыльным, которым Русская секция «будет стараться доставлять средства спасения».

Проект устава был датирован 10 марта 1870 г. и подписан Трусовым, Нетовым и Утиным. При напечатании устава в «Народном деле» дата и подписи были опущены.

Из ознакомления с программой Русской секции мы могли вполне убедиться в том, насколько далеки были ее организаторы от правильного понимания социально-политических идей К. Маркса. Утверждение, что Россия развивается по тем же законам, что и Западная Европа, соединялось в их программе с преклонением перед русской крестьянской общиной и перед артелями и с надеждой на то, что община и артели явятся исходной точкой, из которой в нашей стране в результате революции разовьется социалистический строй. Инициаторы Русской секции верили в то, что Россия, в отличие от Западной Европы, сможет избежать развития в ней капиталистических отношений. Однако в общинном строе русской деревни и в артельных организациях они не видели особенностей русской жизни, отличающих ее от западной. Наоборот, говоря об общине и артелях, они старались найти на Западе аналогичные явления. Попытки эти были неудачными, а аналогии, проводимые Утиным и его товарищами, весьма неубедительными. Именно на этих натянутых аналогиях было основано их наивное, «полное народнического духа», по справедливому выражению В. Богучарского, утверждение, что русский народ во все времена стремился к осуществлению тех самых начал, которые провозглашены

[23] В первоначальном варианте устава говорилось, что в «извлечения» будут включаемы только сведения о «положении работников в России».

западноевропейским пролетариатом, объединившимся в Интернационале [24].

Несмотря на все это, программа Русской секции была утверждена Генеральным советом, признавшим ее согласной со статутами Интернационала. Не значит ли это, что, как полагал В. Богучарский [25], тем самым «община», «артель» и «прочее, что характеризует наше народничество», «получили свою санкцию» от Генерального совета Интернационала с Марксом во главе?

Для того чтобы дать правильный ответ на этот вопрос, надо припомнить, что в годы I Интернационала уровень сознательности рабочих масс в различных странах был далеко не одинаков. Даже среди той части сплотившегося вокруг Интернационала рабочего класса, которая поддерживала Генеральный совет в его борьбе сначала с прудонистами, а затем с Бакуниным, было немало людей, далеко не разделявших полностью социально-политических взглядов идейного руководителя Интернационала. Гениальная мысль автора «Капитала» намного опередила тот уровень сознательности, которого достиг в то время

---

[24] Н. К. Каратаев в своей работе об экономических взглядах Русской секции утверждает, будто бы ко времени составления программы секции «узко-общинные представления были изжиты» ее членами. «Здесь, — пишет Н. К. Каратаев про эту программу, — нет ни слова о сельской общине, как существующего основания (?) для будущего социализма. В этом отношении не оставляет никаких сомнений пункт 2 программы. В нем указывается лишь на стремление русского народа к общему владению землей и орудием труда, несомненно подразумеваемое под общиной, но сама община не рассматривается как общность орудий труда» (Н. К. Каратаев. К вопросу об экономической платформе Русской секции I Интернационала, стр. 102, 104). Н. К. Каратаев упускает, однако, из виду, что во 2-м пункте программы говорилось не об «общем владении», как утверждает он, а об «общинном владении». К тому же утверждение Н. К. Каратаева относительно отказа членов Русской секции от общинных представлений находится в вопиющем противоречии с напечатанной в № 2 «Народного дела» за 1870 г. статьей «Крестьянская реформа и общинное землевладение», о которой нам придется еще говорить. Сейчас же отметим, что в этой статье общинное землевладение рассматривалось, как «скала», о которую разобьются все попытки насаждения в России пролетариата, и как зародыш, из которого будет развиваться в нашей стране социалистический строй. Конечно, появление такой статьи на страницах «Народного дела» было бы невозможно, если бы его издатели изжили народническое представление об общинном землевладении.

[25] В. Богучарский. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912, стр. 91—92.

пролетариат даже наиболее передовых в экономическом отношении стран. На Интернационал Маркс смотрел не только как на боевое орудие рабочего класса, но и как на великолепную школу, долженствующую содействовать росту политической сознательности рабочих масс. Если бы Маркс решил закрыть доступ в Интернационал людям, не разделявшим вполне его взглядов, ему не удалось бы создать такую могучую организацию, какой являлось руководимое им Международное товарищество рабочих. Вот почему принятие Генеральным советом при участии Маркса той или другой секции в Интернационал, вопреки мнению В. Богучарского, отнюдь не может расцениваться как санкционирование ее статутов. В доказательство этого можно сослаться на то, что, рассматривая в марте 1869 г. вопрос о принятии в Интернационал бакунинского Альянса, Генеральный совет не давал оценки его устава, ограничившись указанием на необходимость заменить содержавшуюся в нем фразу об «уравнении классов» более точной формулировкой: «уничтожение классов».

Означало ли это, что Генеральный совет и К. Маркс санкционировали программу Альянса, относительно которой Энгельс писал Марксу: «Ничего более жалкого, чем эта теоретическая программа, я никогда не читал»[26]. Конечно, нет. Чтобы убедиться в этом, достаточно напомнить, что́ писал Маркс от имени Генерального совета организаторам Альянса по поводу утверждения их программы. Указав на то, что в разных странах рабочий класс достиг различных ступеней идейно-политического развития и, вследствие этого, придерживается различных теоретических взглядов и, выразив убеждение, что развитие деятельности Интернационала приведет в будущем «к созданию общей теоретической программы», Маркс продолжал:

«Таким образом в функции Генерального совета не входит критическое рассмотрение программы Альянса. Не наша задача — заниматься исследованием того, является ли эта программа или не является адекватным выражением пролетарского движения. Нам важно лишь знать, не содержит ли она чего-либо противоречащего *общей тенденции* нашего Товарищества, т. е. *полному освобождению рабочего класса...*

---

[26] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 149.

Наше Товарищество в соответствии со *своими принципами* предоставляет каждой секции свободно формулировать ее теоретическую программу, за исключением тех случаев, когда нарушается общая тенденция Товарищества»[27].

Эти соображения Маркса вполне применимы и к программе Русской секции. Они показывают, что принятие ее Генеральным советом нельзя рассматривать ни как санкционирование, ни как доказательство того, что Маркс и другие члены Генерального совета были во всем согласны с программой Русской секции.

Поэтому нет никакой необходимости в туманных и сбивчивых рассуждениях В. А. Горохова, который, находя в программе Русской секции такие «вопросы и понятия, которые позже становятся догмами и идеалами народничества», утверждает, что якобы в 1870 г. «эти понятия имели действенный тактический, и только тактический, смысл, извлекаемый из анализа современного состояния общественных сил в России и Европе, и потому удостоились санкции Маркса»[28].

Из изложенного нам совершенно ясно, что ни о какой санкции Маркса в этом случае говорить не приходится.

Маркс прекрасно видел все слабые стороны программы Русской секции, но не менее хорошо он сознавал и то, что Россия конца 60-х и начала 70-х годов только вступала на путь развития капиталистических отношений и что русский пролетариат еще только начинал складываться.

Изучая книгу Флеровского, Маркс, как мы уже отмечали, пришел к заключению, что «нынешнее положение в России не долго удержится, что уничтожение крепостного права... лишь ускорило процесс разложения и что предстоит страшная социальная революция»[29]. Маркс знал о всё возрастающем недовольстве русского крестьянства своей тяжелой участью.

Естественно, что русские революционеры, отражавшие рост крестьянского недовольства в стране, где пережитки феодализма и крепостничества являлись еще весьма

---

[27] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. I, стр. 295—296.

[28] В. А. Горохов. Русская секция I Интернационала. М., 1925, стр. 7. Подчеркнуто мною. — *Б. К.*

[29] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 292.

крепкими и живучими, не были способны правильно понимать сущность и отличительные особенности развитого западноевропейского рабочего движения, а следовательно, и программу Интернационала. Считаясь с этим, Маркс тем не менее придавал громадное значение борьбе русских революционеров против царского правительства. Падение трона русского царя, а равным образом и освобождение Польши, рассматривалось Марксом как большой успех не только русского, но и международного революционного движения. Представлялось крайне важным поддерживать и стимулировать развитие революционной борьбы в России. Связь Интернационала с русским революционным движением приобретала при таких условиях особенно важное значение.

Сообщая Энгельсу о своем согласии быть представителем Русской секции в Генеральном совете, Маркс писал: «Drôle de position [забавное положение] для меня — выступать в качестве представителя jeune Russie [молодой России]! Человек никогда не знает, до чего он может дойти и в какой strange fellowship [странной компании] может оказаться. В официальном ответе я хвалю Флеровского и подчеркиваю, что главная задача русской секции — работать в пользу Польши (т. е. освободить Европу от их собственного соседства). Я счел более правильным ни единым словом не упомянуть о Бакунине ни в официальном, ни в конфиденциальном письме» [30].

Именно потому, что Маркс считал первоочередной задачей русских революционеров освобождение Польши, недостижимое при сохранении неограниченной монархии в России и потому теснейшим образом связанное с ее ниспровержением, а вовсе не социалистическую революцию, для осуществления которой в России отсутствовали еще необходимые предпосылки, К. Маркс не придавал особенно большого значения теоретическим промахам учредителей Русской секции, хотя эти промахи были ему не только вполне ясны, но и встретили с его стороны, как мы укажем ниже, весьма суровую оценку.

Однако ни в коем случае нельзя думать, что Маркс, определяя свое отношение к Русской секции, руководствовался только одними этими мотивами. Маркс не мог не

---

[30] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 310.

придавать большого значения приобщению такой могущественной страны, как Россия, к работе Интернационала. Если в тот момент в этой стране почти не существовало еще рабочего движения, то для Маркса было несомненным, что через несколько лет это движение в ней широко разовьется. Из проштудированной им книги Флеровского Маркс узнал не только о том, в каком безвыходно тяжелом положении находится русское крестьянство, но и о том, какой жестокой эксплуатации подвергается труд рабочих на русских фабриках, заводах и в рудниках. Вот почему упоминание о книге Флеровского в письме Маркса к учредителям Русской секции ни в коем случае нельзя считать случайным. Наоборот, оно чрезвычайно показательно. Не менее показательна и высокая оценка, данная Марксом этой книге. Она, наряду с высоко ценимыми Марксом трудами Чернышевского, дала Марксу основание сделать чрезвычайно важный вывод, — вывод о том, что Россия начинает «участвовать в общем движении нашего века». Все это и объясняет нам не только то, почему Маркс высказался за утверждение устава и программы Русской секции, но и то, почему он согласился поставить себя в положение, которое, употребляя его выражение, могло показаться «забавным» и которое вызвало негодование и издевательства по его адресу со стороны реакционной русской прессы того времени, а именно — принять на себя представительство России. Этот шаг К. Маркса достаточно убедительно свидетельствует о том, какое важное значение придавал он вовлечению России в Интернационал.

СОСТАВ РУССКОЙ СЕКЦИИ. ЕЕ ПЕРЕГОВОРЫ С ЦЮРИХСКИМИ СТУДЕНТАМИ

Организаторы Русской секции в пропаганде своих идей встречались с большими трудностями: им приходилось действовать в окружении сильных и опасных противников. В результате этого они оказывались стоящими перед весьма сложной дилеммой. Их пропаганда имела своей целью увеличение числа единомышленников и привлечение их к совместной работе по внедрению идей Интернационала в русское революционное движение. С этой точки зрения они были заинтересованы в увеличе-

нии числа членов секции. Однако в то же самое время им приходилось проявлять чрезвычайную осторожность при приеме в Русскую секцию новых членов из опасения, как бы в нее не проникли люди, недостаточно надежные, не обладавшие еще вполне сложившимся мировоззрением, в связи с чем они могли проявить недостаточную устойчивость и тем самым способствовать внесению в Русскую секцию разногласий, могущих привести к ее разложению и гибели. Вполне обезопасить себя в этом отношении можно было только при условии превращения Русской секции в замкнутую, закрытую для всех ненадежных и даже кажущихся недостаточно надежными элементов.

Все эти затруднения были ясны руководителям Русской секции с самого начала ее существования. Уже в письме к Марксу от 24 июля 1870 г. Утин и его товарищи сообщали, что им приходится слышать много упреков по поводу их осторожности и осмотрительности. Признавая, что важно не количество участников секции, а их качество, авторы письма выражали намерение ограничить состав Русской секции «*только* хорошо известными мужчинами и женщинами» [31]. Осторожность, проявленная руководством Русской секции, являлась вполне обоснованной.

Для того, чтобы оценить всю сложность положения, в котором находились организаторы Русской секции, необходимо познакомиться с тем, как реагировал на ее возникновение Бакунин. Мы уже говорили, что Бакунин сам задумывал организацию славянской секции Интернационала, которая объединила бы русских и других славян, живших в то время в Швейцарии. Узнав, что Утин и его друзья опередили его и уже осуществили его замыслы, и познакомившись с программой основанной ими секции, Бакунин писал Н. И. Жуковскому:

«Ты, конечно, знаешь, как Н. Утин воспользовался нашей программой и моей статьей для своей Русской секции; таким образом то, что нам не удалось осуществить, переделал по-марксистски Утин и, надо дать ему справедливость, сделал на этот раз дело большой важности для будущего Международного общества рабочих. Образование Русской секции есть великое событие и если

---

[31] «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 43—44.

оно пройдет незамеченным, то не потому, что секция состоит из с..., а потому, что нет среди мужчин там никого, который смог бы и успел использовать это хорошее дело».

И далее Бакунин сообщал, что он уже вел переговоры по этому вопросу с болгарином Любеном Каравеловым и с Нечаевым. «Следовало бы нам вернуться к нашему плану», — писал Бакунин и просил Жуковского поговорить с Беккером: «Пусть он, который нам изменил, за свою измену... повлияет на Утина». «Тогда хотя что-нибудь выйдет из женевской Русской секции», — добавлял Бакунин [32].

Имеются даже указания, что Бакунин по этому поводу обращался непосредственно к Утину. На Лондонской конференции Интернационала в 1871 г. при обсуждении женевских событий Утин между прочим заявил: «Бакунин написал мне письмо, которое у меня сохранилось, где он заявил, что я могу в России делать всё, но что он не желает, чтобы я вмешивался в дела Интернационала, который является исключительно его владением» [33].

К сожалению, письмо это нам неизвестно, и трудно сказать, насколько точно передает Утин его содержание. Во всяком случае самый факт обращения Бакунина к Утину, которого он считал своим непримиримым врагом, крайне характерен. Бакунин, можно предполагать, рассчитывал на то, что погруженный в русские дела Утин не сможет уделять много времени женевскому рабочему движению, а это значительно улучшило бы положение Бакунина и его друзей в Женеве. Однако вскоре Бакунин смог убедиться, что эти его расчеты отнюдь не оправдались.

Цитированное нами выше его письмо к Н. И. Жуковскому было написано 17 июля 1870 г. Мы видели, как ставил в это время Бакунин вопрос: Русская секция — дело очень хорошее, но руководители ее никуда не годятся. Отсюда недалеко до вывода о необходимости попытаться заменить этих руководителей другими или, иными словами, захватить Русскую секцию в свои руки. Возможно, что именно в этом плане и велись Бакуниным те переговоры с Нечаевым, о которых он упоминает в письме к Жуковскому.

---

[32] З. Ралли. М. А. Бакунин. «Минувшие годы», 1908, № 10, стр. 156.

[33] «Лондонская конференция...». М., 1936, стр. 140.

Нечаев с помощью своего соратника Вл. Серебренникова действительно сделал такую попытку. Серебренников вызвал в Женеву двух русских студентов, обучавшихся в Цюрихе. После свидания с Нечаевым эти студенты по полученной от него инструкции потребовали от руководителей Руоской секции, чтобы доступ в нее был открыт для всех желающих. Конечно, им в этом было отказано.

Впоследствии эти студенты признались, что «было решено постараться провести в секцию Нечаева и Бакунина». «Мы не обманулись в своих предположениях, — писали Утин и его товарищи Марксу в письме от 24 июля: — осрамившись в России, старый индюк решил воспользоваться плодами нашей деятельности, чтобы снова царить над глупцами — руссофилами!.. Впоследствии эти люди не постеснялись заявить, что, желая овладеть таким образом Русской секцией, они намеревались исключить из нее *нас* при помощи большинства членов, которых они *приняли бы*... Они пошли еще дальше: они потребовали от нас нашу типографию и наш орган «Народное дело», чтобы передать их в руки людей, более *искусных* и более *способных* руководить революционным журналом. Но мы знаем, что́ это за способные люди!.. Получив по всей линии отпор и видя таким образом крушение своих планов, эти господа стали писать нам письма, обзывая нас *буржуа,* признающими право *собственности.* И все из-за того, что мы не хотим дарить им ни типографии, основанной благодаря нашим долгим и настойчивым стараниям, ни журнала «Народное дело»... В своем бешенстве они дошли до того, что *написали* нам: «Сидите в *передней Маркса и Беккера*, раз вам это нравится!»» [34].

И далее авторы письма указывали, что все изложенное в их письме является результатом интриг Бакунина, распускающего, по их словам, слухи, будто бы Маркс — враг России, а Утин и его товарищи продались немцам.

Если два цюрихских студента, о которых рассказано в этом письме, являлись игрушкой в руках Нечаева, то такими людьми русская студенческая молодежь в Цюрихе не исчерпывалась. Среди нее имелись люди, серьезно интересовавшиеся социальным вопросом, вполне разобравшиеся в том, что́ представлял собой Нечаев и потому сто-

---

[34] «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 41—42.

ронившиеся его. Эти люди не могли не проявить интереса к возникшей в Женеве Русской секции Интернационала. Руководители секции, в свою очередь, не могли не заинтересоваться этой молодежью, имевшей регулярные сношения со своими знакомыми и друзьями в России; среди этой молодежи руководители Русской секции могли найти людей, способных наладить более или менее постоянную связь между этой секцией и Россией. Естественно поэтому, что Утин и его товарищи пытались договориться с цюрихскими студентами, но это не привело к благоприятному результату.

По словам Утина и его товарищей, цюрихская молодежь упорно отрицала значение Интернационала для России и заявляла, что руководители Русской секции занимаются делом «нереальным».

В письме к Марксу от 9 декабря 1870 г. организаторы Русской секции сетовали на то, что среди русской молодежи «преобладают приверженцы ребяческой игры в революцию... считающие себя способными произвести революционный переворот *для* народа, но *без* народа, что в России еще менее возможно, чем где бы то ни было. — Все это приводит к тому, — писали авторы письма [35], — что большинство из тех, которые по своему положению могли бы и должны были бы быть настоящими пропагандистами Международного Товарищества, — далеки еще до понимания его подлинного значения. От нас потребуется еще не мало усилий, чтобы водрузить и укрепить наше общее знамя в России» [36].

Несколько иначе изображает переговоры руководителей Русской секции с цюрихскими студентами Семен Серебренников в записке о русской эмиграции, составленной им по возвращении в Россию, во время допросов, которым он был подвергнут в III отделении [37].

Цюрихские студенты, стоявшие далеко от женевских эмигрантских столкновений и склок и мало осведомленные о них, узнав об учреждении Русской секции, по сло-

---

[35] Письмо это, помимо Утина, было подписано Бартеневым и Трусовым.

[36] «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 46.

[37] Записка эта не опубликована; она хранится в ЦГИА в деле III отделения, 3 экспедиции, 1874 г. о Семене Серебренникове.

вам С. Серебренникова, «хотели было приписаться к ней и изучать положение партий беспристрастно». Однако договориться с организаторами секций они не смогли, вследствие обнаружившихся между ними разногласий «об отношении Интернациональной ассоциации к России и о средствах и родах пропаганды». С. Серебренников утверждает, что обе договаривавшиеся стороны были согласны в признании громадной роли Интернационала на Западе и в отрицательном отношении к бакунизму. Разногласия между ними касались исключительно русских дел. Мнения разделились, рассказывает С. Серебренников, по вопросу, «возможны ли в России стачки рабочих как первая ступень организации рабочих союзов и федераций».

«С одной стороны, — писал Серебренников, — такие стачки возможны, ибо существуют (стачки петербургские 1870 г. и московские 1871 г.); с другой стороны, закон и полицейская администрация запрещают всякого рода скоп и сходки, а без них невозможна организация правильного отпора капиталистам и фабрикантам. Кроме того, большая часть русского рабочего люда — земледельческие обыватели; пролетариата же, — фабричных, ремесленников и батраков, — значительно меньше. Следовательно, пропаганда принципов Интернационала значительно затруднена, во 1-х, земледельческим характером народонаселения и, во 2-х, его безграмотностью. Поэтому пропаганда и публикационная деятельность должны быть рассчитаны на интеллигентную часть молодежи».

Приведенные нами объяснения Серебренникова по поводу разногласий, обнаружившихся между учредителями Русской секции и цюрихскими студентами, представляются вполне правдоподобными. В сущности они совпадают с тем, чтó писали на этот счет Утин и его товарищи Марксу, жалуясь на скептицизм цюрихской молодежи.

Не так ясно обстоит дело с дальнейшим повествованием Серебренникова, уточняющим разногласия относительно направления, в котором должна вестись пропаганда, и относительно издательской деятельности. Однако и в этой части сообщения Серебренникова нет ничего, что представлялось бы невероятным. Таким образом, и в этом вопросе показаниям Серебренникова в основном можно доверять.

По его словам, женевцы доказывали необходимость

издания на русском языке материалов, всесторонне характеризующих программу и деятельность Интернационала. Цюрихская же молодежь возражала против этого, «находя это непроизводительной затратой денег, так как, по ее мнению, тот, кто приезжает в Цюрих или за границу, владеет иностранными языками, и всё это может сам прочесть в оригинале, а тем, кто в России остается, русские издания нельзя посылать за строгостью законов центральных и административно-политической опеки». Поэтому, утверждали они, «должно ограничиваться устной пропагандой и собранием кружков для правильного обсуждения всех являющихся недоразумений — в отношении социальных учений и полемики между различными фракциями». В частности, они находили необходимой критику теорий катедер-социалистов и английских социальных реформистов, долженствующую показать, что предлагаемые ими меры имеют паллиативный, а не радикальный характер.

Переговоры, по словам Серебренникова, были прерваны после того, как стало известно о приговоре французского суда, осудившего Бакунина за участие в неудавшемся Лионском восстании 28 сентября 1870 г. Этот приговор поднял в глазах русской молодежи авторитет Бакунина, подорванный его участием в нечаевских авантюрах.

«Русские студенты, — рассказывает Серебренников, — порешили договориться с ним лично, покончить с прежними бакунинскими деяниями и предложить ему соглашение на новых, точно выясненных основаниях».

Кончилось, как известно, тем, что часть цюрихского русского студенчества примкнула к Бакунину, а другая часть вступила в сотрудничество с П. Л. Лавровым. Русской секции так и не удалось найти себе сторонников в Цюрихе за исключением, может быть, немногих одиночек. Так, например, Сажин, описывая русскую колонию в Цюрихе в начале 70-х годов, указывает как на единственную сторонницу Утина и его друзей на студентку П. И. Яковлеву [38], позднее работавшую в России в качестве земского врача [39].

Изложенное выше дает возможность убедиться в том,

---

[38] М. П. Сажин. Русские в Цюрихе. «Каторга и ссылка», 1932, № 10, стр. 53.

[39] В. Фигнер. Полн. собр. соч., т. V. М., 1932, стр. 76.

что состав Русской секции в основном совпадал с составом той группы, которая в 1869 г. издавала «Народное дело». Из новых людей, примкнувших к Утину и его друзьям, мы можем назвать только двух: А. В. Корвин-Круковскую и В. Серебренникова. О последнем нам придется говорить особо, а теперь познакомимся с Корвин-Круковской.

Анна Васильевна Корвин-Круковская, сестра известного математика С. В. Ковалевской, родилась в 1843 г. Происходила она из богатого и знатного дворянского рода Псковской губернии. Она обладала литературным талантом. Ее повести печатались в журнале братьев Достоевских «Время». На этой почве произошло ее личное знакомство с Ф. М. Достоевским, перешедшее с его стороны в сильное увлечение. Захваченная революционными идеями, А. В. Корвин-Круковская во второй половине 60-х годов уехала за границу. Поселившись в Париже, она поступила на работу в типографию. Вместе с этим она завязала знакомства с революционно настроенными кругами парижской интеллигенции, в том числе с известным впоследствии деятелем Парижской Коммуны Виктором Жакларом, и скоро стала его женой. В конце 1869 г. ее муж был привлечен по одному политическому делу, в связи с чем ему угрожал арест. Тогда он вместе с женою бежал в Швейцарию. Здесь А. В. Корвин-Круковская познакомилась с русскими эмигрантами, в том числе с членами группы «Народное дело» [40]. Она подружилась с Левашевой и Утиной и примкнула к ним. А. В. Корвин-Круковская была лично знакома с Марксом и относилась к нему с большим уважением [41].

---

[40] А. Молок в статье «Рабочие Парижа в дни Коммуны» («Вопросы истории», 1951, № 3, стр. 8) без всяких оснований утверждает, что и Жаклар был членом Русской секции.

[41] О Корвин-Круковской см. И. С. Книжник-Ветров. А. В. Корвин-Круковская (Жаклар). М., 1931; С. Я. Штрайх. «Сестры Корвин-Круковские». М., 1933; С. В. Ковалевская. Воспоминания детства и автобиографические очерки. М., 1945. Совершенно фантастическую характеристику ее дал Л. П. Гроссман в своей книге «Путь Достоевского» (Л., 1924), где она без всяких оснований представлена в качестве «инфернальной женщины». Раздел, посвященный Корвин-Круковской в книге А. Я. Лурье «Портреты деятелей Парижской Коммуны» (М., 1956, стр. 399—418), отличается компилятивным характером, не дает ничего нового по сравнению с указанными выше работами.

Пребывание А. В. Корвин-Круковской в Женеве было весьма непродолжительным. В сентябре 1870 г., после падения империи Наполеона III, Жаклар с женою возвратился в Париж. В одном из писем к родителям А. В. Корвин-Круковская сообщала, что ее работа в Русской секции ограничивалась «переводом кое-каких брошюрок Маркса по Интернационалу, для приложений к номерам «Народного дела»»[42]. Повидимому, ей принадлежал перевод на русский язык написанного Марксом «Первого манифеста Международного товарищества рабочих», изданный в 1871 г. Русской секцией.

Другим новым членом, вошедшим в Русскую секцию под конспиративным именем Вольдемара Фруа, был появившийся в Женеве в конце 1869 или в начале 1870 г. Вл. Ив. Серебренников. Будучи студентом Медико-хирургической академии в Петербурге, он участвовал в студенческих волнениях 1869 г., был арестован и выслан в Ригу, откуда бежал за границу. Приехав в Женеву, Серебренников познакомился с местными эмигрантами, в том числе с редакторами «Народного дела», обратившими на него внимание вследствие интереса, который он проявлял к деятельности Интернационала. Когда была организована Русская секция, Вл. Серебренников не только сделался ее членом, но был избран ее секретарем. Как таковой, он хранил переписку секции и выполнял ряд ее ответственных поручений, например, ездил по различным городам Швейцарии и Германии для установления связей с местными русскими колониями.

Однако Серебренников недолго оставался в рядах Русской секции.

В мае 1870 г. в Женеву приехал известный впоследствии сподвижник Бакунина — М. П. Сажин. Познакомившись с Нечаевым, он настолько вошел к нему в доверие, что Нечаев, считая его вполне своим человеком, посвятил его в некоторые из своих тайн. Между прочим, он рассказал Сажину, что секретарь Русской секции Вл. Серебренников, пользующийся полным доверием Утина, является в то же время интимным товарищем его, Нечаева, и что он нарочно проведен Нечаевым в качестве разведчика «во враждебный лагерь». Из рассказов же самого Се-

---

[42] С. Я. Штрайх. Сестры Корвин-Круковские, стр. 140.

ребренникова Сажин узнал, что «его главная обязанность была держать Нечаева в курсе того, что говорилось и делалось в группе Утина». Под прикрытием дел Русской секции Вл. Серебренников устраивал дела Нечаева.

Узнав об этом, Сажин решил ликвидировать эту затею и при встрече с Утиным дал ему понять, что хорошо знает деятельность его группы [43]. Таким образом, Серебренников был разоблачен и исключен из секции. Утин в одном из писем к Марксу подробно рассказывает об этой нечаевской проделке и о разоблачении ее.

Были ли, помимо перечисленных, еще какие-либо члены Русской секции? Агентурные сведения, которыми располагало в свое время III отделение, говорят о причастности к работе секции еще ряда лиц.

Так Владимир Бажанов, приехавший в 1870 г. в Швейцарию из Курска, по агентурным сведениям сотрудничал в «Народном деле», а в 1871 г. ездил по поручению Русской секции в Сербию для объединения русских и сербских социалистов [44].

По тем же сведениям, в 1871 г. в Цюрихе находился Захарий Гумбрихт из Калиша; он состоял членом Интернационала и был близок к Утину, который намеревался направить его в Москву с революционным поручением [45].

Возможно была причастна к Русской секции Надежда Александровна Иванова, урожденная Бартенева (не родственница ли В. И. Бартенева?). В начале 70-х годов она жила в Женеве и, как доносили III отделению его агенты, была близка с Утиным и принадлежала к Интернационалу. Позже она возвратилась в Россию и привлекалась в 1874 г. по делу П. Войнаральского [46].

Наконец, имеются сведения о студенте Цюрихского университета Мордвинове, приятеле Утина, члене Славянской(?) секции Интернационала [47].

Трудно определить, насколько точны эти агентурные сведения. Во всяком случае ясно, что верить им можно далеко не всегда. Обычно революционеры, приезжие из

---

[43] М. П. Сажин. Воспоминания. М., 1925, стр. 63—64.

[44] «Деятели революционного движения в России». «Биобиблиографический словарь», т. II, вып. 1, М., 1929, стр. 69.

[45] Там же, стр. 324.

[46] Там же, т. II, вып. II, стр. 494.

[47] Там же, т. II, вып. 3, стр. 969.

России, стремились познакомиться с представителями всех эмигрантских группировок, чтобы разобраться в них и определить свое к ним отношение. Достаточно было одного или нескольких свиданий приезжего с тем или иным эмигрантом, чтобы агенты начинали связывать их имена. Поэтому нередко они в своих донесениях впадали в весьма грубые ошибки. Так, один из агентов счел причастной к Русской секции известную бакунистку С. Лаврову. Другой агент считал членом секции Владимира Серебренникова, в действительности бывшего агентом Нечаева, призванным шпионить за деятельностью секции. При низком уровне профессионального мастерства большинства тогдашней агентуры в таких ошибках нет ничего удивительного. Гораздо поразительнее то, что до сих пор попадаются «историки», доверчиво воспринимающие все домыслы царских агентов и некритически повторяющие сведения, содержащиеся в донесениях.

СВЯЗИ РУССКОЙ СЕКЦИИ С РОССИЕЙ

Были ли у Утина и его товарищей, — как до основания Русской секции, так и после этого, — связи с революционными кружками, действовавшими в России? И если были, то насколько прочные? Сочувственно ли отнеслись русские революционеры к пропаганде «Народного дела» и к организации Русской секции? К сожалению, легче ставить все эти вопросы, нежели отвечать на них, — настолько скудны и отрывочны материалы, дошедшие до нас.

Попробуем, однако, сгруппировать все, что нам до сих пор удалось найти как в литературе, так и в архивных источниках.

Мы приводили уже заявление Утина и его товарищей, сделанное в первом номере «Народного дела» за 1870 г. о том, что прежде, чем принять решение об организации Русской секции, они консультировали по этому вопросу со своими товарищами в России, которые сочувственно отнеслись к этому плану.

По свидетельству З. Ралли, Утин заявлял, будто он получил предупреждение из России насчет того, что Нечаеву нельзя доверять и, в частности, что он лжет, выдавая себя за уполномоченного революционного комитета, дей-

ствующего в России. Ралли добавляет, что Нечаев считал это заявление Утина «абсолютно ложным» [48].

В письме к Марксу от 24 июля 1870 г. члены Русской секции сообщали: «мы... должны были уделять много времени установлению надежных путей проникновения нашей пропаганды в Россию,—чего мы теперь достигли» [49].

Наконец, в том же письме к Марксу Утин сообщал, что у Вл. Серебренникова в Петербурге имелся кружок знакомых революционно настроенных товарищей и что организаторы Русской секции сообщили об этом своим друзьям в России. «Наши друзья, — пишет Утин, — познакомились с друзьями Серебренникова и убедились, что при всей их молодости, при полном еще непонимании ими социальных вопросов и при их уверенности, что университетская молодежь сможет преобразить мир, — эти молодые люди все-таки уже поняли, что ничего нельзя сделать без предварительной организации, и мы возымели надежду убедить их, что их единственная реальная задача может заключаться лишь в революционно-социалистической пропаганде среди рабочих. Во всяком случае эти молодые люди заверили нас, что не имеют ничего общего с действиями Бакунина и Нечаева, которые, по их мнению, сильно скомпрометировали на некоторое время дело революции в России».

Насколько можно верить этим заявлениям Утина и его товарищей? Насколько они подтверждаются другими источниками? Не было ли в этих заявлениях желания увеличить значение своей деятельности путем указания на связи, которых в действительности не существовало? Не прав ли Ралли, не поверивший словам Утина? Неужели, если бы эти связи действительно существовали, мы не знали бы о них из других материалов, — мемуарных или архивных?

Попробуем поискать такие материалы. Приведем прежде всего свидетельство известного революционера-народника Л. Э. Шишко, в начале семидесятых годов бывшего членом кружка так называемых чайковцев: «Кружок чай-

---

[48] З. Ралли. М. А. Бакунин. «Минувшие годы», 1908, № 10, стр. 153.

[49] «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 41.

ковцев в 1871 г. вступил в близкие сношения с Русской секцией Интернационала, находившейся в Женеве».

Как видим, это свидетельство настолько четко и ясно, что, казалось бы, нельзя не поверить ему, — тем более, что автор его — сам участник кружка, о котором он рассказывает. Однако, к сожалению, сноска, которой Шишко сопроводил приведенную фразу, возбуждает сразу же сомнение в его компетентности. Эта сноска гласит: «Членами женевской секции были тогда: Бакунин, Н. И. Жуковский, Н. Утин, А. Серно-Соловьевич и др.» [50]. Конечно, такое соединение имен мог дать только человек, совершенно не осведомленный в женевских событиях того времени.

При этом надо отметить и то обстоятельство, ослабляющее значение приведенного свидетельства Шишко, что ни один из мемуаристов, принадлежавших к названному кружку (ни Чарушин, ни Синегуб, ни Корнилова, ни Кропоткин), не упоминает о каких бы то ни было сношениях своего кружка с Русской секцией, а один из них — Н. А. Чарушин, как мы увидим ниже, категорически оспаривал сообщение Шишко.

И все же оказывается, что Шишко, несмотря на допущенные им неточности и несообразности, в основном был прав: сношения между Русской секцией и названным петербургским кружком действительно существовали.

В 1932 г. мне удалось познакомиться с составленным М. А. Натансоном конспектом воспоминаний, которые он собирался писать, но, к сожалению, не написал. В этом конспекте, частично использованном мною в моей работе «С. Г. Нечаев и его противники» [51], под августом—сентябрем 1870 г. мы находим следующие пункты: «Приезд Ровинского и Ек. Гр. Бартеневой от Русской секции Интернационала. Расширение деятельности кружка» [52]. Тогда же я

---

[50] Л. Э. Шишко. Общественное движение в 60-х и в 1-й половине 70-х годов. М., 1921, стр. 83.

[51] Сб. «Революционное движение 1860-х годов». М., 1932.

[52] Сама Е. Г. Бартенева ошибочно относила свой приезд в Петербург к осени 1869 г. В воспоминаниях о Е. И. Конради она писала: «Я встретилась с ней в Петербурге в редакции «Недели» осенью 1869 г. по поводу принесенной мною статьи по рабочему вопросу» (Е. Бартенева. Е. И. Конради. Из воспоминаний старой знакомой. «Женевское дело», 1899, № 1, стр. 26). О возвращении Бартеневой «за недостатком средств» в Петербург в 1869 г. говорят авторы некролога, напечатанного за подписью N в № 235 газеты

обратился по поводу этого сообщения с вопросом к Н. А. Чарушину и получил от него следующий ответ[53]: «Если у Натансона и кого-либо другого из чайковцев и были разговоры в 1870 или начале 1871 г. с Бартеневой о связи кружка чайковцев с Русской секцией Интернационала, то эти разговоры остались одними разговорами без каких бы то ни было даже попыток провести их в жизнь. По приезде моем в августе 1871 года в Петербург и по вступлении моем в кружок, мне ни разу не приходилось слышать ни тогда, ни в последующие годы разговоров в кружке чайковцев на тему о связи с Русской секцией Интернационала. Очевидно, реалистически настроенные чайковцы в то время, когда у них не было и связей с рабочими, считали праздным делом толковать о связи с Интернационалом; то же было и потом, когда организация рабочая только еще намечалась. Из всего сказанного выше я осмеливаюсь заключить, что Шишко ошибался, когда говорил так категорично, что в 1871 г. кружок чайковцев вступил в близкие сношения с Русской секцией Интернационала. Это не его собственные умозаключения, выведенные из наблюдения, так как в 1871 г. в кружке его не было (вступил в 73), а плод неправильной информации кого-то».

Дальнейшие разыскания показали мне, что о переговорах приехавшей в Петербург Бартеневой с Натансоном своевременно было осведомлено III отделение и что в их переговорах со стороны Русской секции, кроме Бартеневой, принимала участие приезжавшая из Женевы О. С. Левашева.

В одном из дел III отделения мною была найдена следующая справка о Натансоне, датированная 2 ноября 1870 г.:

«...На Натансона наш заграничный агент Горлов неоднократно указывал, как на одного из главных здешних деятелей Интернационального общества. Когда сюда приехала Бартенева, то Натансон первый стал посещать ее, и когда она, вероятно заметив, что за нею наблюдали,

«День» за 1914 г., и заметки о Бартеневой в «Первом женском календаре на 1915 г.» П. Н. Ариян. Приведенные нами слова Бартеневой дают основание приписать ей печатавшуюся в «Неделе» в 1870 г. серию статей о рабочем движении в Швейцарии.

[53] Письмо от 25 апреля 1933 г.

перестала принимать у себя своих друзей по интернациональному делу и уединенно поселилась на самом дальнем конце 16-й линии на Васильевском острове, куда затем из Женевы приехала Левашева, то Натансон один продолжал посещать ее почти ежедневно»[54].

Из этой справки можно, помимо всего прочего, вывести заключение, что Натансон еще до приезда в Петербург Бартеневой находился в сношениях с группой «Народного дела» и именно потому агенту Горлову стала известна его фамилия.

Насколько близки были, по мнению III отделения, отношения Натансона и его товарищей с Русской секцией, можно судить по тому, что оно было готово рассматривать издательскую деятельность петербургского кружка — и в частности издание известной книги В. В. Берви-Флеровского «Азбука социальных наук» — как работу, предусмотренную уставом Русской секции, хотя в действительности ни эта книга, ни издательская работа кружка в целом никакого отношения к Утину и его товарищам не имели.

Во «всеподданнейшем» докладе III отделения от 15 октября 1871 г. мы читаем: «По уставу Русской ветви Интернационального общества, найденному при одном обыске в Москве в апреле текущего года[55], предположено, между прочим, образование обществ или тайных кружков для издания сочинений по политическим наукам. На днях в Петербурге в продажу поступила книга под заголовком «Азбука социальных наук»». И далее в докладе говорится, что эта книга — «первое явственное осуществление программы Русской ветви Интернационального общества по издательской части»[56].

В том же деле III отделения, в котором находится приведенный нами «всеподданнейший» доклад, мы находим

---

[54] ЦГИА. Дело III отделения, 3 экспедиции, 1870 г., № 120, ч. I. «О противозаконных собраниях и сходках в Земледельческом институте», л. 11.

[55] Устав был найден при обыске, произведенном у Е. А. Трофимовой, примыкавшей к кружку А. С. Пругавина. Подробнее об этом см. ниже.

[56] ЦГИА. Дело III отделения, 3 экспедиции, 1871 г., № 185. «Об изданной и поступившей в продажу книге под названием «Азбука социальных наук»», т. I.

еще два документа, не лишенные некоторого значения для интересующего нас вопроса.

Первый из них — «всеподданнейший» доклад III отделения, датированный 2 декабря 1871 г. В нем мы, между прочим, читаем: «С января 1871 г. Натансон начал играть одну из важных ролей в составившемся тайном обществе. Он оказался близок с Левашевой и Бартеневой, находившимися тогда в Женеве»[57]. Это сообщение дает основание предполагать, что у III отделения имелись какие-то данные о том, что связь Натансона с членами Русской секции не прекратилась и после уже известных нам его переговоров с приезжавшими в Петербург Бартеневой и Левашевой.

Второй документ, привлекающий наше внимание, представляет собой опись книг, отобранных у члена петербургского кружка Л. И. Корниловой при обыске, произведенном 28 ноября 1871 г.[58] Среди печатных произведений, вошедших в этот список, мы находим № 9 газеты «Égalité» и два прибавления к этой газете. «Égalité», как известно, являлась органом Романской федерации Интернационала и в 1870—1871 гг. редактировалась Н. И. Утиным. Если принять во внимание, что газета «Égalité» в Россию почти не проникала, наличие ее у Л. И. Корниловой также дает основание предполагать существование каких-то связей между кружком, к которому принадлежала Корнилова, и Русской секцией.

Итак, из приведенных нами материалов выясняется, что в 1870 г. — а может быть и ранее этого — у Натансона несомненно были сношения с руководителями Русской секции[59]. Однако во время переговоров, которые велись

[57] Там же, л. 95.

[58] Там же, л. 140.

[59] И. С. Книжник-Ветров приводит сообщение Г. В. Бартенева о том, что его родители по приезде в 1866 г. в Петербург сблизились с кружком, получившим впоследствии название «чайковцев» — с М. А. Натансоном, доктором Кадьяном, с Якоби, Иваном Дебогорием-Мокриевичем (И. С. Книжник-Ветров. Е. Г. Бартенева — социалистка и писательница. «Каторга и ссылка», 1929, № 11, стр. 43). Это — еще один пример некритического отношения И. С. Книжника к источникам. Ни А. А. Кадьян, ни И. П. Дебогорий-Мокриевич членами кружка «чайковцев» не были. О каком Якоби идет речь, непонятно. П. И. Якоби находился в это время за границей. С Натансоном же Бартенева познакомиться тогда не могла, так как он приехал в Петербург только осенью 1868 г., когда Бартеневы были уже в Швейцарии.

между ними, договориться о совместной работе не удалось. Это ясно из того, что видный член петербургского кружка Н. А. Чарушин, примкнувший к этому кружку в августе 1871 г., ничего о сношениях с Русской секцией даже не подозревал, чего не могло бы, конечно, быть, если бы переговоры закончились соглашением о совместной работе. То же самое подтверждается и тем, что близкий друг Натансона В. М. Александров, отправленный в 1871 г. в Швейцарию для издания революционной литературы, организовал там свою типографию, а не воспользовался типографией «Народного дела».

В чем же надо искать причину неудачи переговоров между Натансоном и членами Русской секции? К чему сводились разногласия, помешавшие их соглашению?

Думаю, что ответ на это дает составленная П. А. Кропоткиным в 1873 г. записка-программа петербургского кружка. В ней мы читаем: «Вести речь о том, примкнуть к Интернационалу или нет — не в принципах, а на деле, — мы считаем теперь невозможным. Пока у нас нет сколько-нибудь сильной организации среди крестьянства и рабочих, всякие наши отношения были бы не деловые, а только личные, но о таких отношениях едва ли стоит рассуждать» [60].

Если эти соображения имели в глазах членов петербургского кружка силу и вес в 1873 г., когда ими уже велась пропаганда среди петербургских рабочих, то тем большее значение они имели в 1870 г., когда они не только не имели никаких связей с рабочими, но, как известно, еще даже и не ставили этот вопрос.

Таким образом, попытки организаторов Русской секции найти в лице М. А. Натансона и его друзей людей, которые взялись бы за осуществление в России идей и политических планов Русской секции, успехом не увенчались.

В приведенном выше сообщении Натансона, заимствованном из конспекта его воспоминаний, имя Бартеневой, как мы видели, стоит рядом с фамилией Ровинского. Сопоставление этих фамилий, как мы сейчас убедимся, не случайно. Натансон имеет в виду известного этнографа-слависта П. А. Ровинского.

П. А. Ровинский по окончании Казанского университета в 1860 г. отправился путешествовать по славянским зем-

[60] «Былое», 1921, № 17, стр. 38.

лям. В 1861 г. он был арестован в Моравии по обвинению в опасной для Австрии агитации и выслан на русскую границу. В начале 60-х годов Ровинский состоял членом тайного общества «Земля и воля», в котором играл довольно видную роль. Это ясно из того, что в 1863 г. он был уполномочен вести переговоры с представителем польских революционеров Иеронимом Кеневичем. К этим же годам относится знакомство Ровинского с Н. И. Утиным. Когда Утин бежал за границу, Ровинскому было поручено провожать его до границы [61]. Таким образом, между Утиным и Ровинским существовали стародавние связи. Это дает основание предполагать, что в конспекте воспоминаний Натансона фамилии Ровинского и Бартеневой не случайно стоят рядом. Такое предположение подтверждается и следующими фактами.

В конце 1870 г., вскоре по приезде Бартеневой в Петербург, Ровинский, по поручению Географического общества, отправился в продолжительное путешествие по Сибири и Китаю [62]. Наряду с этнографическими задачами Ровинский ставил перед собой еще одну, совершенно иную, не имевшую отношения к его научным интересам. По свидетельству Л. Ф. Пантелеева, «П. А. должен был собрать сведения о Чернышевском, находившемся еще тогда в Забайкальи на каторге, если окажется возможным, добраться до него и подготовить способы к его освобождению» [63]. Если принять во внимание, что приблизительно в то же время в Сибирь для освобождения Чернышевского отправился Герман Лопатин, что Ровинский в Иркутске виделся с Лопатиным, который вскоре после этого был арестован, и что комендант Александровского завода Кноблох, старый знакомый Ровинского, отказал ему в свидании с Чернышевским, упомянув о полученном им предписании арестовать Ровинского в том случае, если он попросит свидания с Чернышевским, — можно высказать предположение, что Ровинский был в курсе задуманнюго Г. Лопатиным пред-

[61] Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого. М.—Л., 1934, стр. 293—294.

[62] Это путешествие Ровинский описал в статье «Из Нерчинска в Китай с караваном в 1871—72 г.» в т. XXXIV «Записок Русского географического общества». СПб., 1909.

[63] Л. Ф. Пантелеев. К биографии П. А. Ровинского. «Речь», 20.I 1916. Ровинский был крестником С. В. Васильева, отца жены Чернышевского и был знаком с последним по Саратову.

приятия и, может быть, намеревался оказать содействие ему[64]. Возможно и другое предположение, представляющееся еще более вероятным. Г. А. Лопатин объяснял свой арест и неудачу своего предприятия «несчастным совпадением». «А именно, — рассказывает он, — один из членов другой компании, задавшейся той же целью, проврался о ней в Женеве; в результате — депеша из III отделения в Иркутск: «У вас должен проживать в эту минуту некий человек, имя которого пока неизвестно, по такому-то делу. Ищите»»[65]. Этот рассказ Лопатина, в связи с другими уже известными нам обстоятельствами, дает основание предположить, не были ли члены Русской секции причастны к поездке Ровинского и к его попытке наладить побег Чернышевского.

А если это так, то становится понятным одно неясное место из письма Утина к Марксу от 15 апреля 1872 г. Имея в виду Германа Лопатина, отправившегося в начале 1871 г. в Сибирь в целях освобождения Чернышевского, Утин писал: «...За ним последовал один из моих лучших друзей, отправившийся по тому же *торговому делу*. Таким образом, мы можем, наконец, надеяться, что это *торговое дело* останется за нами!!»[66]. После всего сказанного выше вряд ли можно сомневаться в том, что в данном случае Утин имел в виду Ровинского.

Интересно отметить, что члены Русской секции и позднее поддерживали сношения с Ровинским.

В 1874 г. Бартенева и Елизавета Дмитриева посетили его в земледельческой колонии для малолетних преступников под Петербургом, которой он заведовал[67].

Все сказанное выше дает полное основание предполагать, что П. А. Ровинский был одним из людей, через которых группа «Народное дело» могла поддерживать связь с революционными кругами в России. К сожалению, одна-

---

[64] Подробнее о поездке Ровинского см. Н. М. Чернышевская. Одна из попыток освобождения Н. Г. Чернышевского. «Каторга и ссылка», 1931, № 5, стр. 124—127.

[65] «Г. А. Лопатин». Подготовил к печати А. А. Шилов. П., 1922, стр. 11.

[66] «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 58.

[67] И. С. Книжник-Ветров. Е. Г. Бартенева — социалистка и писательница. «Каторга и ссылка», 1929, № 11, стр. 48.

ко, мы не располагаем никакими сведениями о его деятельности в этом направлении.

Нет сомнений в том, что организаторы Русской секции делали и другие попытки связаться с Россией. Об одной из них мы узнаем из дел III отделения.

За участие в студенческом движении 1868—1869 гг. студент Петербургского университета Вл. Лебедев был выслан в Новгород. В июне 1872 г. он бежал и благополучно перебрался через границу. Лебедев побывал в Берлине, Цюрихе и Женеве, познакомился со многими эмигрантами, в том числе с Трусовым. В сентябре того же года Лебедев был арестован при обратном переходе русской границы.

При допросе в III отделении Лебедев, между прочим, показал: «Трусов просил меня ехать в Россию и собирать здесь деньги на основание за границей русского журнала, который служил бы органом эмиграции»[68].

Трудно сказать, о каком именно журнале говорил Трусов Лебедеву: то ли о возобновлении «Народного дела», к 1872 г. уже прекратившегося, то ли о создании какого-нибудь нового журнала, задуманного Трусовым и его товарищами. Более вероятным представляется первое предположение, потому что по другим сведениям Трусов поручал Лебедеву собирать материал для «Народного дела»[69]. Во всяком случае попытка наладить через Лебедева связи с Россией оказалась безуспешной.

В литературе имеются указания на то, будто у Утина и его друзей была налажена связь с кружком, организованным в Москве А. С. Пругавиным, в то время студентом Петровской земледельческой академии, а позднее известным исследователем сектантства. Р. Ш. Тагиров пишет про Пругавина: «Кружок его, состоявший примерно из двадцати студентов этой академии, собирался в квартире Карпювых в Москве. У Трофимова Е. А. хранились издания Русской секции, в частности, ее устав и программа»[70]. Это утверждение весьма характерно, так как прекрасно иллю-

---

[68] ЦГИА. Дело III отделения, 3 экспедиции, 1872 г., № 175. «О добровольно возвратившемся из-за границы студенте С.-Петербургского университета Вл. Лебедеве», л. 22.

[69] А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XXI, стр. 415. Под ред. М. К. Лемке.

[70] Р. Ш. Тагиров. Русская секция Международного товарищества рабочих и Россия. «Уч. зап. Казанск. гос. пед. ин-та», вып. VII. Казань, 1949, стр. 124.

стрирует небрежность, присущую работе названного автора. Прежде всего надо указать, что никакого Трофимова в действительности не существовало, а была «дочь коллежского секретаря Екатерина Трофимова», у которой в 1871 г. был произведен обыск. При этом обыске никаких «изданий Русской секции» найдено не было за исключением одной брошюры, напечатанной в Женеве, в типографии «Народного дела», под названием «Международное товарищество рабочих». Эта брошюра содержала в себе: а) общие основные положения Товарищества, б) регламент и в) устав первой Русской секции как ветви Международного товарищества. Никаких других изданий, кроме этой брошюры, при обыске у Трофимовой обнаружено не было. Зато была найдена весьма интересная рукопись, в которой, по словам производивших обыск жандармов, «излагаются предположения о подготовительных мерах для борьбы с монархией, уничтожения в России существующего порядка правления и устройства впоследствии федеративной республики с девизом демократического социализма»[71]. Рукопись эта представляет большой интерес: она знакомит нас с программными установками кружка Пругавина и позволяет при анализе ее содержания установить, насколько далеки были политические взгляды членов кружка от программы Русской секции. Правда, эта рукопись показывает, что члены кружка сходились с Русской секцией в признании большого значения за пропагандой среди рабочих и в провозглашении очередной задачей—борьбы против монархии. Однако общетеоретические установки, принятые кружком, не имеют ничего общего с программой Русской секции. Авторы рукописи не скрывают публициста, идеями которого они вдохновляются. «Цель наша, — пишут они, — осуществить условия прогресса для русского общества; поэтому мы должны ясно и определенно высказать наши понятия о прогрессе и условиях, необходимых для осуществления его. Мы принимаем в этом случае формулу прогресса Миртова или Лаврова»[72]. Из того, что сказано выше о взглядах Утина и его товарищей, совершенно ясно, насколько далеко стояли они, ученики Чернышевского, от идей автора «Исторических писем», с его пресловутым «субъективным мето-

[71] «Каторга и ссылка», 1930, № 6(67), стр. 92.
[72] Там же, стр. 95—106.

дом в социологии». Одно это опровергает утверждение Тагирова, будто в членах кружка Пругавина Русская секция нашла себе адептов.

Что же касается найденной у Трофимовой брошюры, изданной Русской секцией, то этот факт сам по себе нисколько не говорит о существовании связей между кружком Пругавина и Русской секцией. Эта брошюра могла быть получена членами пругавинского кружка через «чайковцев», с которыми они были связаны.

Вообще надо признать, что нахождение у того или иного участника революционного движения начала семидесятых годов «Народного дела» или иных изданий Русской секции не может служить доказательством связи между ним и членами этой секции, а тем более политической солидарности между ними.

Р. Ш. Тагиров нашел в делах III отделения указания на то, что в январе 1872 г. петербургский студент Петрицкий приносил другому студенту — Филатову женевский журнал «Народное дело» [73]. Можно ли на основании этого факта утверждать, что Петрицкий был связан с Русской секцией? Конечно, нет. Этот журнал мог быть получен им не из Женевы, а от его знакомого А. Левашева, состоявшего членом кружка «чайковцев», или от В. Ф. Трощанского, на одной квартире с которым жил Петрицкий: известно, что Трощанский был близок с «чайковцами» [74].

Или другой пример: некий Перезолов в 1872 г. распространял на Невьянском заводе «Народное дело». Если принять во внимание, что Перезолов был членом кружка, организованного «чайковцем» С. С. Синегубом, то естественнее предположить, что «Народное дело» было получено им через «чайковцев», а не непосредственно из Женевы [75].

Возможно, что, помимо известных нам и указанных выше попыток членов Русской секции завязать связи с Россией, были и другие. Однако успехом они не увенчались. Никаких прочных связей с родиной Утину и его товарищам наладить не удалось; равным образом не удалось и найти себе единомышленников, готовых принять

---

[73] Р. Ш. Тагиров. Указ. статья, стр. 123.

[74] «Деятели революционного движения», т. II, вып. 3. М., 1931, стр. 1171—1172.

[75] Там же, стр. 1159.

платформу Генерального совета и работать над перенесением в Россию опыта Интернационала.

Организаторы Русской секции сами хорошо сознавали это. Несмотря на то, что их письма к Юнгу и Марксу обычно проникнуты верой в успех начатого дела, несмотря на то, что авторы этих писем были непрочь похвастать своими — действительными или воображаемыми — удачами, порой в их письмах прорывались весьма пессимистические нотки. В этом отношении весьма характерно письмо Утина к Марксу от 24 июля 1870 г. Здесь он признавался в том, что многие молодые русские, которых организаторы Русской секции делали попытки привлечь на свою сторону, не скрывали своего скептицизма и не верили в серьезное значение этого дела. «Это, — писал Утин Марксу,—печальное последствие их невежества, и если бы у вас нашлась свободная минута, чтобы пробежать наш журнал, вы увидели бы, какую борьбу нам приходится вести против этого невежества, которое величает себя скептицизмом и даже реализмом; эти молодые студенты позволяют себе упрекать нас в том, что, занимаясь делами Интернационала, мы занимаемся чем-то нереальным».

Утин, конечно, ошибался, когда сводил причину неудач Русской секции к невежеству русской молодежи. Дело не в невежестве, а в объективных причинах, в силу которых в России начала семидесятых годов еще не существовало почвы, достаточно подготовленной для восприятия опыта западноевропейского рабочего движения и Интернационала. Мы уже говорили, что рабочее движение в России только что зарождалось. Было бы ошибкой сбрасывать его со счетов, но еще большей ошибкой было бы придавать ему преувеличенное значение. В основном Россия продолжала оставаться страной аграрной и мелкобуржуазной. При таких условиях бакунинское бунтарство оказывалось более по плечу русской революционной молодежи, нежели формы, свойственные развитому рабочему движению.

СЛАВЯНСКИЕ СВЯЗИ РУССКОЙ СЕКЦИИ

Когда мы знакомились с программой Русской секции, то имели возможность убедиться в том, какое большое значение придавали ее учредители пропаганде принципов

Интернационала среди славянских народов. В распространении идей интернационализма они усматривали лучшее оружие для борьбы с реакционной теорией панславизма. В целях развития этой пропаганды они считали необходимым иметь своих агентов-корреспондентов во всех славянских странах.

Мы знаем также и то, что в первом письме к Марксу учредители Русской секции сообщали о наличии у них сторонников по вопросу об интернациональной пропаганде среди поляков, чехов и сербов.

К сожалению, нам ничего не известно о связи организаторов Русской секции с поляками и чехами. Вполне вероятно, что поляк Трусов мог найти себе единомышленников среди своих соотечественников. Однако если связи с поляками и чехами у Русской секции и имелись, то ни к какой практической работе в пользу Интернационала они не привели; по крайней мере, ни о каких проявлениях такой работы нам ничего неизвестно.

Иначе дело обстояло с Сербией. Здесь руководителям Русской секции удалось найти сторонников и единомышленников, решивших посвятить свои силы пропаганде идей Интернационала среди сербского народа и, в частности, как указывали в письме к Марксу организаторы Русской секции, сделать эти идеи достоянием существовавшего тогда в Сербии широко распространенного общества под названием Омладина. Эта организация охватывала все прогрессивные элементы сербского общества и наряду с правым крылом, объединявшим буржуазных либералов, имело левое, состоявшее из мелкобуржуазных демократов и социалистов [76].

Мы знаем, что устав Русской секции предусматривал сеть агентов-корреспондентов, долженствующую охватить все славянские страны. Этот план остался только на бумаге. Но в Сербии такой агент-корреспондент нашелся. Им был знаменитый сербский революционер Светозар Маркович [77].

В 1869—1870 гг. Светозар Маркович находился в Цюрихе и обучался в местном политехникуме. До этого он

[76] Подробнее об Омладине см. в IV главе моей книги «Революционное подполье в эпоху «белого террора»». М., 1929.

[77] Јован Скерлић. Светозар Марковић. Ньегов живот, ради и деј'е. Друго издане. Београд, 1922, стр. 34.

долго жил и учился в России, где имел знакомства среди петербургской революционной молодежи. В идейном отношении Маркович сформировался под влиянием великих русских революционных демократов шестидесятых годов; перед Чернышевским он преклонялся не только как перед замечательным мыслителем, но и как перед человеком, посвятившим все силы борьбе за свои убеждения. Живя в Цюрихе, Маркович поддерживал знакомство с русскими эмигрантами. Вокруг него группировалась учившаяся в Швейцарии сербская молодежь: Н. Пашич, М. Ракич, П. Вилимирович и другие.

Светозар Маркович и его друзья примкнули к Русской секции. Марковичу принадлежит анонимная статья «Политическое и экономическое положение рабочего класса в Сербии», напечатанная в №№ 2 и 3 «Народного дела» за 1870 г. [78].

Статья эта представляет большой интерес, так как дает нам представление о том, как знаменитый сербский революционер смотрел на задачи сербской революционно настроенной молодежи.

Указав на то, что в Сербии, вследствие отсутствия промышленности, массу рабочего народа составляет земледельческое население, и яркими красками обрисовав тяжелое экономическое положение и бесправие сербского крестьянства, Маркович приходил к выводу, что «в Сербии можно наблюдать процесс превращения всего народа в один класс пролетариев». «Кто следил за экономическим развитием Сербии за последнее десятилетие,— писал Маркович,— тот мог заметить, как быстро совершается процесс разделения народа на класс пролетариев — работников и класс капиталистов. Рабочий класс в Сербии быстро идет к тому же состоянию, в котором гибнет и против которого восстает рабочий класс на Западе». Если западный пролетариат ясно поставил вопрос о необходимости изменения современного общественного строя в целях уничтожения эксплуатации труда, то сербский рабочий народ еще не осознал настолько своего положения, чтобы ставить вопрос о своем будущем так, как он ставится на Западе. Но, указывает далее Мар-

[78] Об авторстве Марковича см. Скерлић, стр. 35 и 137.

кович, сербская молодежь весьма восприимчива к новым идеям. В Сербии уже существуют люди, которые думают объяснить народу его положение и указать путь к благосостоянию. Эти люди составляют Омладину.

В Сербии, по мнению Марковича, «положение рабочего более или менее аналогично с общим положением рабочего народа в Европе. Поэтому и цели должны быть у них одинаковы и пути аналогичны». «Надеемся твердо, — писал Маркович в заключение своей статьи, — что в очень недалеком будущем интернациональная пропаганда быстро разовьется по Сербии и интернациональная организация охватит собою и Омладину, и ремесленные, и земледельческие союзы народа».

Как видим, взгляды Марковича на задачи сербских революционеров полностью совпадали с тем, что «Народное дело» писало о России. Маркович, как и редакция «Народного дела», был уверен в том, что в славянских странах почва для усвоения идей Интернационала вполне подготовлена и что пришла пора приступить к образованию в них секций Интернационала.

Значит ли это, что можно согласиться с В. А. Гороховым, писавшим о статье Марковича: «Статья о Сербии написана с выдержанной марксистской точки зрения»? [79]. Конечно, нет [80]. Сам Маркович запротестовал бы против этого, если бы узнал о такой оценке его статьи: он в других своих произведениях заявлял, что считает теорию Маркса неприменимой к Сербии.

«Во всей марксовой теории экономической эволюции, — писал Маркович в своих «Началах политической экономии», — есть только одна, но чрезвычайно важная ошибка. Развитие капиталистического общества есть фактическая история западноевропейского общества; и законы, которые в ней приведены в качестве законов развития этого общества, действительно вполне точны. Но они не являются законами человеческого общества вообще». Отсюда Маркович делал вывод, что не всякое общество «должно проходить через чистилище капиталистического производства»

[79] В. А. Горохов. Русская секция I Интернационала, стр. 50.

[80] Чего стоит, например, такое чисто идеалистическое высказывание Марковича, как его признание, что сербское правительство «держится простым надувательством необразованного народа»!

и что Сербия имеет возможность «преобразовать свою систему хозяйства, основанную на мелкой собственности», в социалистическую[81].

Как видим, Маркович делал ошибку, аналогичную той, какую делали наши народники. Подобно им он был убежден в возможности построить социализм без пролетариата.

Печатая статью Светозара Марковича, редакция «Народного дела» сопроводила ее маленьким послесловием, в котором, с одной стороны, выражала ее автору, своему агенту-корреспонденту от Сербии, благодарность «за предоставление столь добросовестного и обстоятельного отчета о рабочем положении в Сербии», а с другой — высказывала надежду на то, что и «другие агенты-корреспонденты озаботятся о скорейшем доставлении подобных же статей».

Надежда эта не оправдалась; от других агентов-корреспондентов ни отчетов, ни статей не поступало, — может быть, потому, что этих агентов и не существовало. Зато в № 6-7 «Народного дела» читатели нашли заметку от редакции, которая гласила:

«Мы получили от наших друзей-болгар для опубликования следующую программу, которую мы приветствуем, как выражение повсюду возникающих стремлений к революционной борьбе против повсюду еще царящего политического и экономического гнета».

И вслед за этим был напечатан документ, озаглавленный «Программа болгарского революционного комитета».

Болгарский революционный комитет сообщал, что он ставит своей целью борьбу против двух врагов, которые «убивают в болгарском народе всякое прогрессивное движение»: против врага политического — турецкого правительства и врага духовного — греческого духовенства.

Ближайшая задача комитета — «очистить свою землю от правительственной, чиновничьей сволочи и обеспечить своему народу политическую и общественную свободу». «Болгарский народ, — поясняла программа, — народ демократический: он не разделен на сословия, он не имеет среди себя аристократического величия... и потому мы желаем видеть в своем отечестве прямо из всего нашего народа и им самим выбираемое правительство».

[81] Цитирую по статье В. Викторова-Топорова «Светозар Маркович». «Голос минувшего», 1913, № 3, стр. 44.

Более отдаленной задачей программа считала создание «Южно-Славянской» или «Дунайской федерации свободных земель», которая должна охватить не только сербов и болгар, но, может быть, и румын с греками.

Как видим, Болгарский революционный комитет ставил перед собою задачи исключительно политические. Это не опровергается и заключительным пунктом программы, которому редакция «Народного дела» придавала, по-видимому, особенное значение, поскольку большую часть этого пункта она выделила курсивом:

«Мы не станем работать вместе с *каким бы то ни было правительством*, хотя бы оно было составлено из наших родных братьев: *нашими союзниками должны быть только порабощенные и измученные трудами и нищетой народы, каковы и мы сами.* И мы причисляем наших чорбаджиев [82] к нашим врагам и будем преследовать их везде и всегда».

Характерно, что «Народное дело» с большим сочувствием отнеслось к печатаемой им болгарской программе, хотя, казалось бы, она находилась в противоречии с программой самого «Народного дела», высказывавшегося, как мы знаем, за неразрывность политической и социальной борьбы. Авторы болгарской программы не ставили своей задачей связать свою борьбу с борьбой Интернационала, да и не могли ставить такой задачи, поскольку они считали болгарский народ, за исключением незначительной кучки чорбаджиев, единым социальным целым, не знающим разделения на классы и сословия. Естественно, что среди людей, стоящих на такой точке зрения, нельзя было найти агентов-корреспондентов для Русской секции Интернационала. Тем не менее, «Народное дело» не могло не сочувствовать освобождению болгарского народа от турецкого ига.

Кто же были авторы программы и кто те «друзья болгары», которые прислали в редакцию «Народного дела» эту программу? Болгарские историки выяснили этот вопрос. Программа была составлена известным политическим деятелем Любеном Каравеловым [83]. Известно, что

[82] Чорбаджии — болгары — торговцы скотом и скупщики налогов, поддерживавшие турецкую администрацию.

[83] Ив. Г. Климчаровъ. Любенъ Каравеловъ. Биография. София, 1925, стр. 91—92.

в 1870 г. он приезжал в Швейцарию и встречался с Бакуниным и другими русскими революционерами. Очевидно, он сам передал редакции «Народного дела» для напечатания составленную им революционную программу. Этот факт можно рассматривать, как доказательство того, что Каравелов в какой-то мере сочувствовал направлению журнала.

В первых своих письмах к Юнгу и Марксу организаторы Русской секции, как мы уже видели, говорили о воззвании к славянам, которое ими подготавливается. Об этом же документе упоминается в письме Трусова в редакцию «Égalité», датированном 23 марта и напечатанном в этой газете. Сообщая о возникновении Русской секции и познакомив читателей «Égalité» с ее задачами, Трусов упоминал о том, что он и его товарищи опубликуют «манифест к рабочим славянских стран, чтобы настоятельно призвать их отбросить пагубные идеи панславизма и ненавистного соперничества рас, служащие лишь к выгоде наших общих эксплуататоров, и сорганизоваться...»

Мы уже упоминали, что на страницах «Народного дела» воззвание к славянам напечатано не было. При таких условиях возникает вопрос, было ли оно составлено. Составление его почему-то очень задержалось, но все же, хотя и с запозданием, воззвание было написано. Об этом мы узнаем из письма Утина Марксу от 24 июля 1870 г.: «Через несколько дней мы пришлем вам воззвание нашей секции к славянам», — писал Утин [84].

Несомненно, что Русская секция Интернационала сыграла известную роль в деле установления дружеских связей между русскими революционерами и революционными элементами южнославянских стран. Успехи, достигнутые в этом отношении руководителями Русской секции, не могли не вызывать чувства зависти со стороны их противников, опасавшихся усиления их влияния на сербскую и болгарскую молодежь. Естественны поэтому попытки противников Утина и его товарищей противопоставить созданной ими Русской секции иные славянские объединения, связанные с Интернационалом.

[84] «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 44.

Одна из таких попыток была сделана в Цюрихе в 1871 г. О ней мы узнаем из письма Маркса к Юнгу от 19 октября этого года, в котором Маркс просил послать Утину запрос, известно ли ему что-нибудь «относительно новой Славянской секции в Цюрихе». При этом Маркс в числе ее учредителей называл А. Дубова, Каспера Турского и Мануило (Эммануила) Хрвачанина[85]. Юнг выполнил поручение Маркса, и Утин ответил на запрос письмом на имя Маркса (от 28 октября).

Оказывается, что Утин еще до получения запроса из Лондона знал о вновь учреждаемой секции. Ему и его товарищам сообщили об этом какая-то «расположенная» к ним «особа» и Беккер, которому организаторы новой секции писали по этому поводу. К Трусову же они, жалуется Утин, не обращались, хотя им должно быть известно, что он состоит секретарем Русской секции.

Утин писал Марксу, что он и его товарищи еще не составили «окончательного мнения» о новой секции, а вслед за этим высказывал ряд соображений, по которым, по его мнению, Генеральному совету не следует утверждать новую секцию.

Прежде всего он выражал подозрение, нет ли в данном случае новой интриги со стороны противников Русской секции. «Раз будет создана Славянская секция, — пишет Утин, — то ничто не помешает им организовать в Женеве новую Русскую секцию, в которую войдут Элпидин, Жуковский и К°. Ничто не помешает им *реабилитировать* Бакунина или даже Нечаева (говорят, что этот мошенник недавно был в Цюрихе и *сумел* завербовать себе там сторонников...)».

Таков первый довод Утина против Славянской секции. За ним следует второй.

«...Можно с уверенностью сказать, что создание подобной секции будет встречено как в России, так и в славянских странах очень неодобрительно. Рабочие славянских стран принимают уже деятельное участие в международном движении, а потому не захотят выслушивать поуче-

---

[85] См. «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 53. Фамилия Хрвачанина приведена неправильно. В собр. соч. Маркса и Энгельса искажены фамилии не только Хрвачанина, но и Турского. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 156.

ния юных цюрихских студентов, уровень которых не очень-то высок. И в России пролетарская молодежь весьма косо посмотрела бы на то, что молодые люди, покинувшие Россию без особой надобности, просто как дети богатых родителей, ибо они не изгнаны и не бежали, *рядятся* теперь в перья Интернационала. Этим молодым людям по существу нечего делать в Цюрихе; если бы они хотели служить народу, они не покинули бы своей страны (это не относится к женщинам, которые лишены возможности учиться в своей варварской стране). Короче говоря, мы не видим оправдания для существования в Цюрихе студенческой Славянской секции... Очень хорошо, что они занимаются изучением общественных вопросов, организуют библиотеку и устраивают собрания... но отсюда еще очень далеко до права называться *Славянской секцией*. Это название ко многому обязывает, и нам кажется опасным присваивать его *совершенно* неизвестным студентам... Пусть эти студенты едут к себе на родину, пропагандируют там наши идеи и способствуют организации секций, — вот какова должна быть роль этой молодежи, — но пусть они не разыгрывают диктаторов и руководителей рабочего народа»[86].

Из этого возражения Утина видно, что он был не на шутку встревожен цюрихскими замыслами. Иначе он не утратил бы способности трезво взвешивать убедительность приводимых им аргументов. Ведь очень многое из того, что писал Утин, с успехом могло быть обращено против его сотоварищей по Русской секции, среди которых, кроме Утина и Трусова, тоже не было ни «изгнанников», ни «эмигрантов». Указание же Утина на возможную интригу, лежащую в основе предприятия, задуманного в Цюрихе, представляется весьма возможным, хотя, по всей вероятности, Бакунин в данном случае был не при чем.

Кто были учредители задуманной в Цюрихе секции? Начнем с Каспера Турского. Это был поляк-бланкист, бежавший из России, а позднее, в 1875 г., издававший вместе с П. Н. Ткачевым журнал «Набат». В 1871—1872 гг. он действительно жил в Цюрихе. В это время с ним сбли-

[86] «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 54—55.

зился вернувшийся из Лондона в Швейцарию и поселившийся также в Цюрихе Нечаев.

Другой участник цюрихской секции Мануило Хрвачанин — живший в Цюрихе серб, который в дневнике Бакунина фигурирует под именем Машо Хрвачанина и которого Бакунин привлекал в 1872 г. в задуманную им Славянскую секцию [87].

Остается третье лицо, названное Марксом, — А. Дубов, повидимому, русский. По всей вероятности, это — не настоящая фамилия, а псевдоним, избранный в конспиративных целях. Действительно, нигде, ни в каких мемуарах и исторических документах такой фамилии не встречается. Эмигранта или участника тогдашнего революционного движения с такой фамилией не существовало. Не было Дубова и в числе русских студентов, обучавшихся в то время в Цюрихе [88].

Зная о сближении в это время Нечаева с Турским, а также то, что в 1872 г. Нечаев жил в Цюрихе на квартире Хрвачанина [89], мы считаем возможным высказать предположение, что под фамилией Дубова скрывался не кто другой, как Нечаев.

Славянская секция в Цюрихе не была принята в Интернационал, но это не значит, что кружок, организовавший ее, распался. Судя по всему, именно он принял название «Славянского кружка» («Cercle slave»), который был организован Турским [90].

Другой попыткой подорвать значение Русской секции Интернационала и, в частности, ослабить влияние, которое она оказывала на южнославянскую молодежь, было основание Бакуниным в 1872 г. в Цюрихе Славянской секции («Славянский завет»). История этой эфемерной организации в общих чертах хорошо известна. Приехавший летом 1872 г. в Цюрих Бакунин совместно со своими

---

[87] Ю. Стеклов. М. А. Бакунин. Его жизнь и деятельность, т. IV. М. — Л., 1927, стр. 207, 211, 223, 226. Фамилия Хрвачанина у Стеклова искажена.

[88] См. списки русских студентов, приложенные к книге J. M. Meijer. Knowledge and Revolution. The Russian Colony in Zuerich. Assen. 1955, p. 208—215.

[89] Божидар Ковачевић. Студенты у Цириху око године 1870 — први српски социјалисти. «Књижевность», 1956, № 1, стр. 81.

[90] «Каторга и ссылка», 1926, № 1(23), стр. 220—221.

единомышленниками Ралли, Эльсницем и Гольштейном пытались создать Славянскую секцию, которая объединяла бы молодежь различных славянских национальностей. Составленная Бакуниным программа секции носила отчетливый анархический характер. На предварительных собраниях цюрихских славян план Бакунина вызвал возражения со стороны бывшего в то время в Цюрихе и пользовавшегося большим авторитетом среди сербов Светозара Марковича, который резко выступал против анархистской программы Бакунина. Поляки также отказались войти в проектируемую Бакуниным секцию.

Поэтому, хотя секция и была основана и даже принята в Юрскую федерацию Интернационала (в Генеральный совет организаторы секции с просьбой о принятии не обращались, считая, повидимому, такое обращение безнадежным), фактически она почти не существовала и никакой работы не выполняла; в 1873 г., после разрыва Бакунина с группой Ралли, она перестала существовать, хотя формально ликвидирована и не была [91].

Попытка Бакунина и его друзей интересна для нас только как один из эпизодов их упорной борьбы против Русской секции.

ИЗМЕНЕНИЯ В ИЗДАНИИ «НАРОДНОГО ДЕЛА»

Первый номер «Народного дела» за 1870 г. открывался сообщением, озаглавленным «От редакции». В нем редакционный совет сообщал о «значительном изменении в издании журнала», которое он счел необходимым осуществить и которое касалось как формы, так и содержания журнала.

Принципиальные установки «Народного дела» и задачи, которые оно поставило перед собою, как мы убедимся не только на основании этого сообщения редакции, но и из ознакомления с дальнейшими номерами журнала, оставались в основном теми же, что и до образования Русской секции. «Основательное разъяснение всемирных общих

---

[91] Подробно об этой Славянской секции см. Ю. Стеклов. М. А. Бакунин..., т IV, стр. 223—231 и 3 гл. книги J. M. Meijer. Knowledge and Revolution. The Russian Colony in Zurich Assen. 1955.

начал Социальной Революции и обстоятельное указание на возможность применения этих начал в России» — такова была, по формулировке редакционного сообщения первого номера «Народного дела», задача этого журнала, поставленная им еще в октябре 1868 г., т. е. со времени выхода в свет его № 2-3. «Эта задача и теперь остается нашим неизменным делом», — заявлял редакционный совет. В сообщении указывалось далее, что теоретическое освещение и критическая оценка общих начал социальной революции не могут «укладываться в небольшие статьи» и требуют «немалого времени как для составления надлежащих статей, так и для печатания их». Именно этим и объяснялись, по словам редакционного совета, задержки в выходе очередных номеров журнала и необходимость сдваивать и страивать его номера, хорошо известная по опыту «Народного дела» 1868—1869 гг.

Обращая главное внимание на проблемы теоретического характера, редакционный совет, по его словам, был лишен возможности отводить достаточно места на страницах «Народного дела» освещению «текущей ежедневной жизни пролетариата». Между тем, такое освещение имеет, по мнению редакции, громадное практическое значение, ибо дает многократные подтверждения «солидарности двух отделов международного пролетариата» — западного и русского. «Наше сосредоточенное внимание, — заявлял редакционный совет «Народного дела», — должно все более и более приковываться ко всем явлениям, в которых сказывается развитие ассоциационного практического выражения общинного духа русского рабочего люда, ко всем фактам, показывающим, что одна из форм борьбы западных пролетариев, выражающаяся в стачках и в их правильном организовании, точно так же свойственна и русскому народу».

Исходя из этих соображений, редакционный совет счел необходимым внести изменение в издание «Народного дела», а именно разбить его «на две формы»: одна из них должна носить газетный, а другая — журнальный характер. «В форме предлагаемого теперь первого листка, — писала редакция «Народного дела», — мы будем сообщать читателю и все текущие сведения политической и социальной жизни Европы и Америки, и все разъяснения и выводы по социологии и истории современного

движения, которые с удобством укладываются в небольшие, так называемые газетные статьи». Более же обстоятельное изложение общих начал социальной революции будет составлять содержание «больших выпусков» «Народного дела», которые будут выходить несколько раз в год в виде приложений к листкам. Эти «большие выпуски» будут посвящены «истории теоретического и истории практического социализма, истории социалистических движений». Наше отношение к прошлому, — читаем мы далее в сообщении от редакции,—будет прежде всего критическое: прошлое важно для нас постольку, поскольку оно может служить настоящему отрицательным или положительным образом».

Наряду с этим редакционный совет «Народного дела» указывал, что, вследствие политических особенностей России, где открытая революционная работа невозможна, ему придется посвятить многие страницы своего журнала «изложению и критической оценке всех известных нам тайных организаций». Редакционный совет высказывал убеждение, что главной задачей русских революционеров является создание «прочно установленной тайной организации, стремящейся сплотить в одно общее, сознательное, определенное стремление все элементы русской страны, по своему положению и по своему развитию недовольные современным состоянием России и готовые искать из него выхода путем энергической активной борьбы».

Редакционный совет «Народного дела» смотрел на свое издание, как на орган будущей революционной организации, которую он именовал «партией Народного освобождения».

В заключение своего сообщения редакция подтверждала уже известное нам, данное ею ранее, обещание отвести на страницах «Народного дела» место статьям, за которые редакция не принимает на себя ответственности.

Чтобы не возвращаться больше к этому вопросу, отметим, что, как мы уже указывали, в «Народном деле» была напечатана всего лишь одна такая статья.

Нельзя не обратить внимания на то, что в сообщении «От редакции» ни слова не говорилось об информационных бюллетенях, издавать которые, как нам известно, собирались Утин и его товарищи. Очевидно, ко времени

выхода первого номера «Народного дела» за 1870 г. они уже оставили это намерение, убедившись в его неисполнимости. Литературных сил, которыми располагала группа «Народное дело», не хватало на то, чтобы вести одновременно несколько периодических изданий. К тому же главная из этих сил — в лице Утина — входила в состав редакции газеты «Égalité», где он вел постоянную литературную работу, требовавшую немало времени. По той же, очевидно, причине осталось невыполненным и обещание редакции выпускать приложения к «Народному делу» журнального типа. Дело ограничилось только листками «Народного дела».

Если в 1868 и 1869 гг. «Народное дело» выходило под одной общей нумерацией, то с 1870 г. началась новая нумерация выпусков этого органа печати.

Первый номер «Народного дела» вышел в свет 15 апреля 1870 г. Он заключал в себе, как и следующие номера, четыре страницы формата небольшого газетного листа. В первом номере было сообщено, что «Народное дело» будет выходить два раза в месяц. Однако это обещание не выполнялось в точности: второй номер вышел 7 мая, третий — 31 мая, четвертый — 30 июня, пятый — 31 июля и, наконец, двойной номер шесть-семь, оказавшийся последним и включавший не четыре, а восемь страниц, был датирован весьма неопределенно: август — сентябрь 1870 г. Таким образом, в 1870 г. «Народное дело» издавалось примерно на протяжении шести месяцев. Что именно послужило причиной прекращения «Народного дела», нам неизвестно. Можно думать, что этот орган печати перестал существовать по тем же причинам, по которым замерла и прекратилась деятельность Русской секции. Выяснять эти причины мы будем ниже.

Кроме перечисленных номеров «Народного дела», редакцией его было издано специальное прибавление к третьему номеру, посвященное аресту Семена Серебренникова.

Первый номер «Народного дела» целиком был посвящен основанию Русской секции Интернационала. Помимо сообщения «От редакции», в нем были помещены статьи «Русская ветвь Международного товарищества рабочих», излагавшая мотивы основания Русской секции, программа и устав этой секции и письма К. Маркса и

И.-Ф. Беккера, приветствовавшие ее основание. С первым из этих писем мы уже знакомы. Что же касается Беккера, то он расценивал возникновение Русской секции как «важное событие», предвещающее неизбежное падение русского царизма, этого «последнего якоря спасения для западноевропейского деспотизма». В качестве заслуги организаторов Русской секции Беккер отмечал их намерение вести борьбу против панславизма, уничтожение которого, по его мнению, «чрезвычайно облегчит народам достижение победы над самовластием Молоха и Мамоны», а также будет способствовать «братскому схождению германских и славянских рабочих». Обещая свое неизменное содействие членам секции, Беккер заканчивал письмо словами: «Пойдемте же бодро вперед и примите мой братский социально-республиканский привет».

Что касается следующих номеров «Народного дела», то обычно они строились по такому типу: номер открывался статьей теоретического характера, например, «Крестьянская реформа и общинное землевладение» (№ 2), или «Интернациональная ассоциация и Россия» (№ 3), или «Подготовительная работа социальной революции» (№ 5) и др. Затем следовали статьи и заметки информационного характера, посвященные различным явлениям текущей политической жизни, преимущественно борьбе трудящихся масс за свои интересы в различных странах Европы, в том числе и в славянских странах Балканского полуострова.

ВОПРОСЫ ПРОГРАММЫ И ТАКТИКИ В «НАРОДНОМ ДЕЛЕ» В 1870 г.

Те основные идеи, которые уже известны нам по номерам «Народного дела» за 1868—1869 гг., в 1870 г. нашли на страницах этого органа подтверждение и дальнейшее развитие.

Признавая, что развитие человеческого общества повсюду происходит на основании одних и тех же «физиологических и исторических законов», «Народное дело» зло высмеивало людей, утверждавших, «будто мы какой-то великан-народ, у которого всё идет навыворот» [92], будто

[92] «От редакции». «Народное дело», 1870, № 1.

Россия представляет собою «нечто особенное, не подходящее под общую мерку прогресса и застоя», и что поэтому в ней «всё должно совершаться иначе» [93]. «Народное дело» выражало уверенность, что народное движение в России ничем не отличается от рабочего движения на Западе, ибо и то и другое вызывается одними и теми же причинами — «голодом и нищенством» трудящихся масс. Положение рабочего населения, указывало «Народное дело», «повсеместно одинаково»; поэтому «повсеместно одинаково» и их стремление выйти из этого положения. «Думаете ли вы,— писало «Народное дело», обращаясь к людям, придерживающимся иных взглядов, — что у народа русского какие-то особенные русские нужды и страдания? Думаете ли, что у народа русского есть свое особое дело? Или вы, наконец, признаете, что и его давит голод и нищенство, что и в нем, следовательно, они должны вызывать движение, путем пропаганды и организации идущее вперед» [94].

Попрежнему «Народное дело» не замечало противоречия, в которое оно впадало, с одной стороны, выражая уверенность, будто общинный строй нашей деревни спасает Россию от пролетариата, а с другой — утверждая полное совпадение в постановке рабочего вопроса на Западе и в России.

«Народное дело» предвидело, что найдутся читатели, которые, полемизируя с ним, могут сказать: «Но русский рабочий люд не пролетарий, у него-де землица есть и он крестьянин, среди него только ничтожная доля фабричных и ремесленников, вся же масса его сельская, у нее другие потребности, другие пути!».

Это серьезное возражение «Народное дело» отстраняло с удивительной легкостью. Оно писало: «Будто же этой массе так уж хорошо в селе? Отчего же это она готова теперь бросать свою землю и итти на всякие заработки и промыслы, даже в леса бежать? Будто же этой сельской массе жить не хочется? И она охотно готова умирать с голоду!» И далее «Народное дело», опираясь на книгу Флеровского и другие источники, рисовало «кро-

---

[93] «Крестьянская реформа и общинное землевладение». «Народное дело», 1870, № 2.

[94] «Интернациональная ассоциация и Россия». «Народное дело», 1870, № 3.

вавую панораму русской крестьянской жизни». Приведя ряд фактов и цифр, иллюстрирующих нищету и разорение русской деревни, оно восклицало: «От этих цифр жутко, неловко становится. От этих цифр мертвенным запахом несет, гробы и могилы мерещатся в глазах; всякая аргументация немеет»[95].

Эти соображения редакции «Народного дела» показывают, что она не отдавала себе отчета, насколько серьезно возражение, которое она старалась опровергнуть. Она не понимала, что нищета русского крестьянства и пролетаризация, порожденная на Западе развитием капиталистических отношений, — явления далеко не идентичные. Аналогия, проводимая в данном случае «Народным делом» между Западом и Россией, являлась необоснованной.

Организаторы Русской секции питали твердую уверенность в том, что Интернационал найдет для себя в России весьма благоприятную почву.

Указывая на быстрое развитие Интернационала на Западе за шесть лет его существования, они писали: «Мы смело и с полным убеждением говорим: конечно, шести лет не пройдет, как наша Ассоциация пустит глубокие корни в русском рабочем народе, и этих корней не вырвут никакими гонениями»[96]. Их не смущало и то, что полицейские условия царской России делали невозможной открытую организацию секций Интернационала. Говорят, что в России нет ни права сходок, ни свободы слова. «А разве они есть в Австрии, — писало «Народное дело», — разве они есть вполне и разве они хоть сколько-нибудь были два года тому назад во Франции? Нет, в каждой стране было только несколько преданных энергичных людей — может быть менее десяти, и они брались за пропаганду и организацию, они вели их тайно, там, где нельзя явно, они шли в тюрьмы, там, где невольно проры-

---

[95] «Интернациональная ассоциация и Россия». «Народное дело», 1870, № 3.

[96] «Рабочее движение на Западе». «Народное дело», 1870, № 4. В одном из писем к Марксу Утин и его товарищи писали: «...Мы убеждены, что Международное Товарищество безусловно может в течение ближайших лет добиться огромных успехов в России...». «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 43.

вались... и дело росло»[97]. Говорят, что русское правительство не допустит существования в своей стране Интернационала. Но правительства везде готовы уничтожить его, а Интернационал, несмотря на это, существует. Указывают, что в России нельзя говорить и писать правду об Интернационале. «Нельзя в России, можно здесь, в Женеве. Умейте только читать и имейте добрую волю»[98].

Признавая, что Россия в своем социально-экономическом развитии идет такими же путями, какими шел Запад, «Народное дело» одновременно с этим выражало чисто народническую уверенность, что общинный строй русской деревни препятствует образованию в России пролетариата и что путь к торжеству социализма в нашей стране, в отличие от Западной Европы, идет через развитие крестьянской общины. Эта точка зрения нашла свое яркое выражение в статье «Крестьянская реформа и общинное землевладение»[99].

Указывая, что «пострадавшие» от реформы 1861 г. дворянство и «наросты торгового барства» стремятся сложиться «в целостное государственное тело, равносильное по политическому и экономическому значению западной буржуазии», автор статьи констатировал, что «эти классы хотят основать свое существование и обеспечить свое могущество на прочном водворении в России принципа личного владения». По своекорыстным соображениям они усердно добиваются уничтожения крестьянской общины. «Личное владение, — писал автор названной нами статьи, — представляет собою самую существенную основу и опору господству привилегированных каст, потому что его процветание обусловливается непременным существованием батрачества, пролетариата, которого они беспощадно эксплоатируют... Отсюда ясно, что для упрочения господства барства, как касты, пролетариат должен быть создан там, где его нет». Между тем все попытки создания его «будут разбиваться, как о скалу, об общинное землевладение». Автор статьи был уверен в том, что

---

[97] «Интернациональная ассоциация и Россия». «Народное дело», 1870, № 3. Вероятно опечатка: вместо «проваливались».

[98] «Рабочее движение на Западе». «Народное дело», 1870, № 4.

[99] «Народное дело», 1870, № 2.

крестьянская община «никогда не потерпит прямого экономического напора со стороны барства», что она никогда «не отдастся в конец в кабалу кулачества», что кулачество без поддержки со стороны законодательной власти никогда не сумеет «забрать в кабалу целую землевладельческую общину». Общинное владение землею обладает, по мнению автора статьи, и другими достоинствами. При естественном своем развитии оно приводит к общинной обработке земли, к общинному владению материалами и орудиями производства и, наконец, к «общинному, т. е. равенственному распределению самих продуктов производства». Исходя из этого, автор статьи призывал русское общество и народ бережно хранить «единственное великое достояние русского народа», т. е. общинный строй; в нем автор находил те же самые «элементы и задатки», которые положены в основу западных рабочих союзов.

Как видим, автор статьи разделяет народническую веру в чудодейственные свойства общинного землевладения и не замечает явлений, находящихся в противоречии с его верою; для него как бы не существует ни прогрессирующего обезземеления крестьянства, ни распадения его на антагонистические классы — сельскую буржуазию и сельский пролетариат, ни, наконец, быстрого роста экономической мощи кулачества, сумевшего забрать общину в свои руки и превратить ее в орудие для эксплуатации и обезземеления своих однообщинников. Народнический характер высказывания автора статьи слишком ясен для того, чтобы в нем можно было сомневаться.

Именно этим и объясняется гневное реагирование К. Маркса на эту статью. На принадлежащем ему экземпляре второго номера «Народного дела» сохранилось много пометок, свидетельствующих о том, насколько внимательно читал названную нами статью автор «Капитала». Эти пометки показывают, что Маркса более всего интересовали в ней конкретные факты и цифры, подтверждающие невыгодные для крестьян итоги реформы 1861 г. Теоретические же соображения автора статьи, свидетельствующие об его слепой вере в общинный строй, вызвали со стороны Маркса весьма резкую оценку: «Asinus!» и замечание принципиального характера: «Русская общинная собственность может уживаться с рус-

ским варварством, но не с буржуазной цивилизацией»[100]. Таков был ответ Маркса на высказанную «Народным делом» уверенность, что община является мощным оплотом, способным противостоять вторжению капиталистических отношений в русскую деревню.

Как и в 1868 и 1869 гг., «Народное дело» в ожидании народной революции выдвигало перед русскими революционерами-интеллигентами две задачи, тесно связанные между собою, — пропаганду и организацию. Революционно настроенная молодежь не может одними своими силами произвести революцию; она нуждается в прочной связи с народом, в «всецелостном нелицемерном слитии с народом», достижимом только путем длительной пропаганды и прочной организации. При этом под пропагандой имеется в виду не только революционно-просветительная деятельность в народе, но и работа по подготовке революционеров-пропагандистов из среды интеллигенции. По выражению «Народного дела», наша интеллигенция до сих пор не обладает еще достаточной «фактической подкладкой», которая должна состоять в знакомстве с «целой массой... новых, ежедневно совершающихся событий в рабочем мире»[101]. Еще большее значение, чем среди интеллигенции, имеет пропаганда в народе. Прочность революционного дела и его шансы на успех стоят в прямой зависимости от степени развития народного самосознания. Пропаганда должна уяснить народу не только причины его бедственного положения и способы выйти из него, но и необходимость для трудящихся объединяться для защиты своих интересов, т. е. необходимость создания крепкой, сплоченной организации.

Такой организации «Народное дело» придавало исключительное значение. Оно указывало, что современное социальное движение отличается от всех бывших ранее не только своей новой идеей, но и новой практикой и новыми организационными приемами. В соответствии с одним из основных принципов Интернационала, согласно которому освобождение рабочего класса должно быть достигнуто усилиями самих рабочих, деятельность революционеров в период подготовки восстания должна быть

---

[100] «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. IV. М., 1929, стр. 379—380.

[101] «От редакции». «Народное дело», 1870, № 1.

устремлена преимущественно на пробуждение и развитие народного самосознания. Именно эту задачу должна ставить перед собою и организационная работа революционеров.

Новым типом организации, соответствующим новым потребностям движения, является, по мнению «Народного дела», самостоятельная рабочая политическая партия, подобная социал-демократической партии в Германии или только еще организовывавшейся в то время рабочей партии Швейцарии. Эта партия провозглашает свой полный разрыв со всеми другими политическими партиями и выдвигает в качестве задачи «полное отменение современных политических систем и замену их системою представительства труда» [102].

Такая рабочая партия необходима и в России. В соответствии с политическими условиями этой страны ей по необходимости приходится быть тайной. Однако она не должна быть тайным обществом террористического или заговорщического типа; она должна стать организацией, основанной на тех же началах, как и Интернационал, т. е. строиться в форме секций, объединяющихся в федерацию. Подобная тайная организация не противоречит принципам Интернационала. «Интернационал,— читаем мы в статье «Интернациональная ассоциация и Россия» [103],— отвергает конечное тайное действие; это значит, он не признает, чтоб революция могла совершиться тайными мерами: каким-нибудь убийством из-за угла и т. п., и каждому понятно, что там, где должен действовать сам народ, там не может итти дело о каком-нибудь единичном убийстве и о достижении освобождения какой-нибудь тайной штукой; ясно, что для своего освобождения народ сам должен подняться, а народ поднимается не тайно, а воочию! Но всё это нисколько не мешает вести скрыто от правительства всю подготовительную работу: в этом случае вина не наша, а тех правительств, которые не допускают народного развития при дневном свете».

Руководители Русской секции, выдвигая проект создания в России тайной политической партии, объединяю-

---

[102] «Подготовительная работа социальной революции». «Народное дело», 1870, № 5.

[103] «Народное дело», 1870, № 3.

щей все слои трудящегося населения нашей страны, были уверены, что проектируемое ими тайное общество явится организацией, вполне аналогичной германской социал-демократии. Как видно из цитированной выше статьи «Подготовительная работа социальной революции», в их глазах явлениями одного и того же порядка были и германская социал-демократическая партия, и «реформистские партии труда», неудачные попытки организовать которые в то время делались в Англии и в Соединенных Штатах Северной Америки, и формировавшаяся в Швейцарии «рабочая партия», и партия, «могущая образоваться у нас под названием народной или радикальной партии, как мы уже не раз называли ее в память движения 60-х годов». Вряд ли нужно говорить, насколько при этом редакторы «Народного дела» были далеки от правильного понимания действительного характера западной социал-демократии. Иначе они не объединяли бы вместе партии, представлявшие интересы пролетариата, с партиями мелкобуржуазными. И в этом случае они делали ту же самую ошибку, как и при иных искусственных аналогиях, проводившихся ими с целью доказать, что постановка социального вопроса в России ничем будто бы не отличается от постановки его на Западе. Эта их ошибка была весьма распространена среди народников, не понимавших отличия западного пролетариата от трудящегося и обездоленного населения России.

Однако вместе с этим руководители Русской секции расходились с другими фракциями народников в одном весьма существенном отношении. Выдвинутое ими требование создания самостоятельной политической партии, долженствовавшей представлять и отстаивать интересы трудящихся масс, показывает, что организаторы Русской секции смотрели иначе на соотношение политической и социальной борьбы, чем большинство тогдашних народников, принципиально отвергавших всякое участие в политической борьбе как такой, в какой заинтересованы только господствующие классы и которая не может принести пользы трудящемуся люду. Теорию «политического воздержания», проповедником которой выступал Бакунин, члены Русской секции считали не выдерживающей критики. Они категорически отмежевывались от тех элементов Интернационала, — прудонистов и бакунистов, —

которые утверждали, что участие рабочих в политической борьбе отвлекает их от борьбы экономической и тем самым задерживает разрешение социальной проблемы. «Надо знать,— возражало «Народное дело» сторонникам такой точки зрения,— что рабочая партия нигде и никогда не ставила себе за цель политической агитации; ее цель — полное народное, политико-социальное освобождение; но она принимает политическую агитацию, как одно из средств, ведущее к развитию народного самосознания». На пути к осуществлению коренного социального переворота «рабочая партия может ставить себе временные задачи, согласно с данным положением известной страны, сообразно со своими силами и силами врагов; и там, где она может на пути своем добиться хотя бы некоторого изменения условий политической и экономической жизни, хотя бы некоторого ограждения рабочего класса от гнета и преследований привилегированного класса, там она готова брать с бою подобные уступки для того, чтобы получать всё большую и большую возможность вести социальную пропаганду глубже и шире; всё большую возможность наглядно выставлять народу весь вред и всю враждебность современного порядка и таким образом вызывать все более и более лиц из народной массы на борьбу с этим порядком» [104].

Неоднократно «Народное дело» подчеркивало невозможность отделять политическую агитацию от социальной. «Борясь против капитала, рабочий борется и против государства в его нынешнем виде». И это вполне естественно, так как государственная власть всюду поддерживает капиталистов [105]. Политическое действие, указывало «Народное дело», неотделимо от социального; «это деление для нас нелепость; для народа одинаково враждебны и политические и социальные условия, тесно переплетенные между собой, и он не может бороться против социального гнета, не борясь против политического, точно так же, как бесполезно было бы мечтать о сброшении политического ярма без уничтожения соци-

---

[104] «Подготовительная работа социальной революции». «Народное дело», 1870, № 5.

[105] «От редакции». «Народное дело», 1870, № 1.

альной системы, потому что одно поддерживается другим»[106].

«Мы совершенно отказываемся даже,— писал автор статьи «Подготовительная работа социальной революции»,— от старания провести резкую границу между чисто-экономической и чисто-политической войнами, так как условия, и политические и экономические, так переплетены между собою, так легко переходят из одного вида в другой и этим так наглядно обозначают, что они не что иное, как продукты одного и того же распорядка, что мы можем и должны признать существование только одной современной войны, а именно — неимущего с имущим, и эта-то война должна быть ведена неутомимо на всех пунктах»[107].

В соответствии с этим должна вестись и пропаганда в народе. Начинать ее надо с вопросов, наиболее близких и понятных для народа, а именно: «с вопроса о куске насущного хлеба». Пропагандист должен показать своим слушателям, что «хлеб производится одними людьми, а потребляется другими», что «жизнь первых есть вечный труд и вечная нужда, а вторых — удовольствия или воображаемые страдания» и что первым необходимо объединиться для борьбы со вторыми. Однако пропагандисты сделали бы ошибку, если бы ограничились исключительно экономическими вопросами. «Перенеся... центр тяжести своей деятельности на экономическую почву, они не должны были чрез то совершенно упустить из виду политического состояния страны. Напротив, внося в народ убеждение о полной солидарности политического и экономического гнета, социалисты обязаны вести подготовительную работу революции против обоих элементов враждебного порядка, иначе эта работа была бы одностороння и бесплодна»[108].

Признав необходимость для трудящихся масс не уклоняться от участия в политической борьбе, а активно вести ее, руководители Русской секции начали относиться сочувственно к участию революционеров в парламентах и

---

106 «Интернациональная ассоциация и Россия». «Народное дело», 1870, № 3.

107 «Народное дело», 1870, № 5.

108 «Подготовительная работа социальной революции». «Народное дело», 1870, № 5.

в органах самоуправления. Это не значит, что они возлагали надежды на преобразующую деятельность этих учреждений. Напротив того, они были уверены, что легальная политическая работа в представительных органах,— как центральных, так и местных,— не может принести никакой прямой реальной пользы народу. Тем не менее этой деятельности они придавали немаловажное пропагандистское значение. Они рассуждали следующим образом: если рабочему люду не удастся провести во время выборов своих представителей в парламенты и муниципалитеты, если его кандидаты будут забаллотированы, то эта неудача принесет пользу революционному делу, так как явится в глазах народа ярким доказательством того, что «нынешняя правительственная система основана только на круговой поруке привилегированных каст, заговор которых всеми средствами и способами закрывает народным представителям двери в законодательные и исполнительные учреждения». Если же рабочим удастся провести некоторое количество своих представителей в парламенты или муниципалитеты, то деятельность этих представителей будет сведена на нет противодействием, которое она встретит со стороны представителей привилегированных каст. «Каждый день истинные выборные народа,— писала редакция «Народного дела»,— будут напоминать ему о всех тех препятствиях, которые встретит каждое их предложение в среде парламентов и муниципалитетов, и каждый день рабочие в лице своих представителей будут следить и осведомляться о всех действиях современной политической власти до тех пор, пока все рабочие не увидят самым наглядным образом необходимость разом покончить со всем современным политическим устройством»[109].

Как видим, в вопросе о политической борьбе организаторы Русской секции оставались верными традициям революционеров шестидесятых годов и, опираясь на эти традиции, вели решительную борьбу против аполитизма, свойственного народничеству 70-х годов. Однако это еще не значит, что их постановка вопроса о соотношении политической борьбы и социализма была вполне правильной и соответствовала взглядам Маркса. Руководители Русской

[109] «От редакции». «Народное дело», 1870, № 1.

секции верили в то, что общинный строй русской деревни предохранит Россию от проникновения в нее капиталистических отношений и откроет перед нею прямой путь к социализму. При таких условиях в их представлении, как и большинства народников того времени, политическая революция, ниспровергающая абсолютизм, должна была совпасть с социалистическим переворотом. Они не понимали того, что стало ясно Г. В. Плеханову, когда он в начале 80-х годов писал свою известную работу «Социализм и политическая борьба», и что он сформулировал в следующих выражениях: «Единственною не фантастическою целью русских социалистов может быть теперь только завоевание свободных политических учреждений, с одной стороны, и выработка элементов для образования будущей рабочей социалистической партии России — с другой»[110].

Выше мы уже отмечали «синдикалистский уклон», обнаружившийся на страницах «Народного дела» в 1868 и 1869 гг. В 1870 г. этот уклон проявился, между прочим, в отношении «Народного дела» к стачкам (или «гревам», по выражению того времени, принятому и «Народным делом»).

Вторая половина шестидесятых годов прошлого века была эпохой мощного развития стачечного движения во многих странах Западной Европы. И в Англии, и во Франции, и в Бельгии, и в Швейцарии, и в других странах Запада происходили многочисленные, продолжительные и упорные стачки рабочих, нередко заканчивавшиеся полной или частичной победой бастующих. Если не все, то по крайней мере некоторые из организаторов Русской секции были свидетелями большой стачки строительных рабочих, происходившей в Женеве в 1868 г.; одним из руководителей ее был русский эмигрант А. А. Серно-Соловьевич[111]. В 1870 г. Н. И. Утину и другим членам Русской секции пришлось принять участие в руководстве другой аналогичной стачкой в Женеве. Знали они и о стачечной борьбе, завязавшейся в то время у них на родине.

---

[110] Г. В. Плеханов. Соч., т. III, стр. 83.

[111] Подробнее об этой стачке и об участии в ней А. А. Серно-Соловьевича см. в моей статье: «А. А. Серно-Соловьевич в I Интернационале и в женевском рабочем движении». «Исторический сборник Академии наук СССР», вып. 4, М. — Л., 1935, стр. 95—110.

Все это предрасполагало членов Русской секции не только высоко ценить стачечную борьбу, но, как мы сейчас увидим, до некоторой степени даже переоценивать ее эффективность и значение. «Народное дело» справедливо указывало, что стачка не только является орудием борьбы рабочих за свои экономические интересы, но и имеет «революционное политико-социальное значение». В столкновениях с предпринимателями рабочие на каждом шагу убеждаются, что «за капиталом стоят шаспо и игольчатые ружья». Вмешиваясь в стачки рабочих и оказывая поддержку капиталистам, правительства тем самым наносят себе и всему современному порядку жестокий удар. Рабочие на опыте учатся понимать, что их борьба должна быть направлена не только против социальной эксплуатации, но и против политического угнетения. Они видят, что «между правительством и барством идет круговая порука», и из этого делают вывод, что «нельзя поразить одного без поражения другого» [112].

На первый взгляд, указывало «Народное дело», стачка может представиться «не более как мизерным проявлением частного, местного народного недовольства, вызванного, повидимому, не более, не менее как из-за нескольких грошей, из-за одного часа работы, из-за какого-нибудь притеснения хозяина или его надсмотрщиков». Казалось бы, при таких условиях в ней нет и не может быть ничего революционного. Однако такое поспешное умозаключение находится в прямом противоречии с действительностью. С точки зрения «Народного дела» важен не объем требований, заявленных рабочими, а возбуждение среди них активного, солидарного и сознательного противодействия эксплуатации и гнету. Участвуя в стачках, рабочие учатся понимать, что в борьбе за свои интересы они могут рассчитывать исключительно на самих себя, что в промежутке между стачками им необходимо неустанно работать над увеличением своих сил и средств [113].

Помимо этого, стачки, по мнению «Народного дела», имеют громадное пропагандистское значение. Наблюдая

---

[112] «Интернациональная ассоциация и Россия». «Народное дело», 1870, № 3.

[113] «Подготовительная работа социальной революции». «Народное дело», 1870, № 5.

за ходом стачек, рабочие, в них не участвующие, видят, что в то время, как одна сторона, рабочая, спокойно просит прибавки нескольких грошей или уменьшения одного часа работы в день, «другая сторона, барская, власть и богатство имеющая, отвечает на то действием всех орудий своего привилегированного арсенала: проклятиями и клеветами в прессе, судами и тюрьмами, пулями и кастетами, отказом в куске хлеба и в жилище». Все это производит громадное впечатление на ту часть народа, которая остается пока еще вне рабочего движения. После каждой стачки из ее среды выходят новые и новые люди, примыкающие к уже организованным группам Интернационала.

«Вот почему,— писал автор цитируемой статьи,— время стачки, точно так же, как и время после нее, является весьма удобным временем для энергической деятельности социалистов-революционеров». В это время их пропаганда встречает особенно благоприятную почву. Таким образом, заключало «Народное дело», «стачка служит революционным средством для внесения в массы народа трезвого отрицательного отношения ко всему настоящему экономическому и политическому устройству». Стачка помогает рабочим уяснить себе тесную неразрывную связь между их социально-экономическими требованиями и вопросом о политических правах и политических преобразованиях.

Стачка, по мнению «Народного дела», помимо громадного пропагандистского, имеет и непосредственное революционное значение. «Грева,— утверждало «Народное дело»,— заменила бунт». Рабочие поняли, что бунт, всегда являвшийся не более, как местною отчаянною вспышкою, неизбежно кончается поражением. «Народное дело» выражало уверенность в том, что социальная революция восторжествует путем стачки[114].

Для того чтобы стачка могла играть такую роль, необходимо, чтобы она перестала быть стихийной, вспыхивающей самопроизвольно, а заблаговременно организовывалась, сознательно подготавливалась. «Передовой пролетариат... не хочет более бунтовать; он не хочет даже революций, успех которых заранее не обеспечен целесо-

[114] «Интернациональная ассоциация и Россия». «Народное дело», 1870, № 3.

образною подготовительною работою»,— писало «Народное дело». Пролетариат понял значение организованности и стремится придать именно такой характер стачечному движению. Сравнивая прежние стачки, стихийно возникавшие, с новыми, организуемыми Интернационалом, пролетариат понял, что только организованность спасает его от поражения. Вот почему рабочие толпами идут в Интернационал и в своей борьбе с предпринимателями применяют выработанную им тактику.

Для того чтобы стачки могли послужить средством осуществления социальной революции, необходимо, чтобы они утратили свойственный им в настоящее время характер «пассивного протеста», необходимо, по выражению «Народного дела», чтобы они были «обобщены на всем цивилизованном пространстве». Другими словами, необходимо, с одной стороны, чтобы участники стачки поняли, что, организуя ее, они ведут борьбу не только против предпринимателей, но и против всего современного порядка, против «воровской круговой поруки» государства, церкви и мещанства, а с другой — чтобы стачки утрачивали свой разрозненный характер, чтобы они охватывали одновременно различные отрасли производства и различные стороны жизни.

Под стачками «Народное дело», чрезмерно расширяя объем этого термина, подразумевало не только экономические забастовки рабочих, но и такие явления, как массовые отказы от рекрутских наборов и уклонение от уплаты податей и повинностей. Все эти формы борьбы народных масс за свои интересы включаются «Народным делом» в понятие организованной, обобщенной стачки[115]. Авторы «Народного дела» не понимали того, что стачки представляют собою «специфически пролетарское средство борьбы»[116] и что поэтому они не имеют ничего общего с теми явлениями, которые «Народное дело» ошибочно рассматривало как стачки.

Развивая далее свои мысли относительно стачек, «Народное дело» приходило к идее всеобщей забастовки, охватывающей все стороны народной жизни и приводящей к полному крушению современного соци-

[115] «Интернациональная ассоциация и Россия». «Народное дело», 1870, № 3.

[116] В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 231.

ально-политического строя и к преобразованию общества на социалистических началах. Если правительство, указывало оно, может сдерживать порыв народа, выражающийся в отдельных стачках, то оно не сможет сдержать его, когда «из всех этих мелких грев вырастет одна великая, общая, повсеместная грева, которая охватит собою все недовольные революционные элементы». С такой гревою ни капитал, ни государственная власть не смогут бороться. «Если народные массы, сгруппированные и сорганизованные во имя одних и тех же потребностей и начал, остановят в один день работу рук своих во славу барышничества, что сделает все барышничество?.. Это будет социальная революция».

Может ли такая революция остаться неуспешною и непрочною? Нет. Успех ее обеспечен подготовительною работою, которую ведет в настоящее время Интернационал. Может ли она произойти в одной или нескольких странах и не коснуться других? Нет. Она неминуемо, «вследствие солидарности интересов трудящихся всех стран», охватит все народы.

Возможна ли,— спрашивало «Народное дело»,— социальная революция, осуществляемая через всеобщую стачку, в России? «При нашем российском положении возможно ли избежать бунтов? Нет, вы их ничем не остановите. Но при отсутствии всякой организации может ли быть достигнуто путем этих бунтов русское народное освобождение? Конечно, нет; иначе оно было бы давно уже достигнуто. Что же нам остается делать? Что, как не ухватиться всеми силами, всем помыслом и всем существом за организацию народных революционных элементов? И если вы согласны, что гревы получили значение гораздо более высокое, чем бунт, если на Западе бунт сумели заменить гревою, отчего же у нас не может быть то же? Мы утверждаем, что оно вполне возможно, и потому мы прежде всего настаиваем на такой же организации, какая принята в Интернационале» [117].

Автор цитируемой статьи указывал, что Россия уже знакома со стачками. «Разве у Морозова,— писал он,— рабочие не поднимались на стачку? Разве у Байкова в

[117] «Интернациональная ассоциация и Россия». «Народное дело», 1870, № 3.

Кронштадте воровство хозяина, достойного своих западных собратов, не вызвало стачку рабочих со всей обстановкой, вполне подобной происходящей при западных стачках, с судом и с административной властью, с потворством хозяйским интересам со стороны и суда и власти?»

В другой статье «Народное дело» ссылалось на известную забастовку, происшедшую в начале 1870 г. на Невской бумагопрядильне. В ней оно усматривало доказательство тождественности западноевропейского рабочего движения с тем, что наблюдалось в тогдашней России. Стачке на Невской бумагопрядильне была посвящена специальная статья и в газете «Égalité», написанная, надо думать, Утиным или кем-либо другим из членов Русской секции. Познакомив читателей «Égalité» с ходом стачки и с судебным приговором над ее участниками, автор статьи писал: «Важен самый факт стачки, указывающий на одинаковость экономического положения русских рабочих с западноевропейскими. Эта стачка показывает, что интернациональное движение ломает даже наиболее укрепленные преграды и что имеется большое количество оснований для принятия решения водрузить в России знамя Международной ассоциации»[118].

Стачка на Невской бумагопрядильне, а также забастовка работниц по шитью мужского платья, происшедшая тоже в начале 1870 г., рассматривались «Народным делом» как факты, доказывающие «всю настоятельность и возможность введения в России дела Международного товарищества рабочих»[119].

Такое заключение подтверждается, по мнению «Народного дела», приводимыми им случаями отказов крестьян от внесения податей и выкупных платежей и от отбывания рекрутчины[120].

Сравнивая Россию с Западной Европой, «Народное дело» писало: «Экономическое положение народов одинако-

---

[118] «Égalité», 18. VI 1870.

[119] «Стачки и выставка в Петербурге». «Народное дело», 1870, № 4.

[120] «Интернациональная ассоциация и Россия». «Народное дело», 1870, № 3. См. также письмо Русской секции в редакцию «Марсельезы», по поводу стачки в Крезо. «Народное дело», 1870, № 2. В этом письме случаи уклонения от рекрутчины и отказа от уплаты налогов именуются «народными стачками».

во; стремления рабочих масс те же; задатки будущего развития новой народной жизни лежат в тех же самых началах для всей Европы, как и для России, особенно с тех пор, как западный пролетариат громогласно признал существенным условием социального переворота — торжество общинного владения». Эта параллель, по мнению «Народного дела», вполне доказывает возможность усвоения Россией всех форм западноевропейского рабочего движения, в том числе и стачек [121].

Однако «Народное дело» признавало существование в России «особой характеристической черты», придающей «особый оттенок» русскому рабочему движению. «Мы говорим, — пишет «Народное дело», — об отношении русского пролетариата к высшей верховной власти — к царизму: имя царя, его манифесты служат рычагом для агитации народа» [122]. Разочаровавшись в правительстве, народ продолжает сохранять веру в царя. Однако эта вера, по мнению «Народного дела», не может быть прочной. «Да, эта вера существует, — писало оно, — эта вера еще слепая и мифическая, но разве она может устоять перед действительностью современного положения: разве царизм не сделал всего, чтобы народ смотрел на царя, как на первого помещика и верховного сборщика податей... И если народ резал и вешал помещиков, то очевидно, что он в состоянии подняться с такими же побуждениями против царизма» [123].

На основании всех этих соображений «Народное дело» приходило к заключению, что в России равным образом, как и в Западной Европе, социальный переворот может осуществиться в форме всеобщей стачки. Если же в ответ на отказ народа от рекрутчины и от уплаты податей «всё барство пойдет ополчением на народ», тогда в России «разыграется столько же *политическая*, сколько и *социальная* война» [124].

---

[121] «Интернациональная ассоциация и Россия». «Народное дело», 1870, № 3.

[122] Любопытно отметить, что в данном случае, как и в ряде других, «Народное дело», считавшее невозможным развитие пролетариата в России при существовании в ней общинного землевладения, говорит о «русском пролетариате», употребляя это выражение в качестве синонима слов «народ», «трудящиеся» и т. п.

[123] «Интернациональная ассоциация и Россия». «Народное дело», 1870, № 3.

[124] Там же.

Редакция «Народного дела» была убеждена в неизбежности социального переворота в России. По ее мнению, в нашей стране не в меньшей степени, чем на Западе, обнаружилась «коренная несовместимость мирного существования рядом двух классов: с одной стороны, трудящегося, с другой — тунеядствующего за счет чужого труда»[125]. Недовольство и протест против существующего положения все сильнее и сильнее проявляются за последнее время в русском народе. Рост цен на предметы первой необходимости, наблюдающийся в России, прогрессирующее обнищание русского крестьянства, скудная, недостаточная для пропитания рабочего и его семьи заработная плата на русских фабриках и заводах, — все это обостряет положение в стране и приближает решительный кризис[126].

«Народное дело» высказывало уверенность, что как на Западе, так и в России трудящиеся восторжествуют над своими врагами. «Если б люди поняли, — писало оно, — настоящее положение вещей, то они в своем же личном интересе отказались бы от борьбы, которая, конечно, кончится их жестоким поражением... Есть ли расчет и выгода вызывать жертвы, когда в конце концов придется неминуемо отвечать за них головой?»[127].

Хотя конечная победа революции и обеспечена, ее сторонники должны соблюдать величайшую осторожность. Они должны сознавать, что преждевременное, недостаточно подготовленное выступление трудящихся будет подавлено и принесет выгоду только их врагам. В этом отношении Интернационал может, по мнению «Народного дела», служить примером выдержки и революционного благоразумия. «Привилегированный мир делает все усилия, чтоб вызвать тотчас же своего противника на кровавую битву, но все его попытки разбиваются о решимость рабочей ассоциации — выйти на последнюю битву только тогда, когда окончательная победа будет заранее обеспечена верным успехом»[128].

---

[125] «Крестьянская реформа и общинное землевладение». «Народное дело», 1870, № 4.

[126] «Стачки и выставка в Петербурге». «Народное дело», 1870, № 4.

[127] «Рабочее движение на Западе», «Народное дело», 1870, № 4.

[128] Там же.

Из сделанного нами обзора содержания «Народного дела» за 1870 г. мы могли убедиться, что его редакторы и после основания ими Русской секции Интернационала в основном продолжали быть далекими от полного и правильного усвоения идей Маркса. Попрежнему они обосновывали свои расчеты и надежды на торжество социальной революции в России на мирском самоуправлении и общинном владении землею русского крестьянства. Попрежнему они питали уверенность, что России удастся прийти к социализму, минуя капиталистическую стадию развития народного хозяйства страны. Попрежнему революционная роль фабрично-заводского пролетариата как могильщика капиталистического строя оставалась для них неясной. Попрежнему они рассматривали всех трудящихся — и фабрично-заводских рабочих, и земледельцев, и ремесленников — как однородную массу с вполне тождественными и совпадающими интересами; учение Маркса об общественных классах и классовой борьбе мало отразилось на их социально-экономических и политических взглядах. Попрежнему они представляли себе будущее устройство общества в форме федерации промышленных и земледельческих товариществ. Попрежнему к их социально-политической программе с полным основанием можно было применить слова Энгельса: «Незрелому состоянию капиталистического производства, незрелым классовым отношениям соответствовали и незрелые теории»[129].

Теоретическая незрелость группы «Народного дела» проявлялась, между прочим, в ее отношении к всеобщей забастовке, в которой она, как мы видели, усматривала средство социального переворота. Такая точка зрения, естественно, не могла встретить одобрения со стороны Маркса. Его отношение ко всеобщей стачке было видно из его отзыва относительно резолюции о войне, принятой Брюссельским конгрессом Интернационала. Учитывая угрозу войны, нависшую в то время над Европой, этот конгресс, по настоянию французских и бельгийских прудонистов, принял резолюцию, в которой призывал трудящихся ответить на объявление войны всеобщей забастовкой. Это постановление произвело на Утина настолько сильное впечатление, что он, как мы уже знаем, выступил на Бернском

[129] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 512.

конгрессе Лиги мира и свободы с призывом присоединиться к антивоенной резолюции Брюссельского конгресса. Иначе отнесся к этой резолюции Маркс. В письме к Энгельсу от 16 сентября 1868 г. он упрекал члена Генерального совета Эккариуса за то, что он в своих корреспонденциях о конгрессе, печатавшихся в «Times», приписывал немецким и английским делегатам конгресса «бельгийскую нелепость — to strike against war»[130]. Мысль о всеобщей стачке как средстве социального переустройства была распространена среди бакунистов. Еще в 1869 г., когда «Égalité» выходила под редакцией Бакунина, в ней была напечатана (в номере от 3 апреля) заметка под заглавием «Всеобщая стачка», автор которой указывал, что при известных условиях стачки, распространяясь и охватывая один район за другим, могут перейти во всеобщую забастовку, а она приведет к «колоссальному катаклизму, который придаст обществу совершенно новый вид». В 1873 г. вопрос о всеобщей забастовке обсуждался на женевском конгрессе альянистов. Тогда же испанские бакунисты делали неудачные попытки осуществить всеобщую стачку. Энгельс подверг идею всеобщей стачки как средства социального переворота жестокой критике в своей работе «Бакунисты за работой». Он указывал, что для успеха всеобщей стачки необходимы два условия: «совершенная организация рабочего класса и наполненная касса. А тут-то и вся закорючка! — писал он. — С одной стороны, правительства... никогда не допустят, чтобы организация или касса рабочих достигли такого уровня. А с другой стороны, политические события и злоупотребления господствующих классов своей властью приведут к освобождению рабочих гораздо раньше, чем пролетариат успеет создать эту идеальную организацию и этот колоссальный запасный фонд. А если бы он обладал ими, ему незачем было бы итти окольным путем всеобщей стачки, чтобы достигнуть цели». Энгельс считал безумием призывать рабочих «выступить против вооруженной силы правительства не с оружием, находившимся у них в руках, а... со всеобщей стачкой...»[131].

---

[130] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 95. ...to strike against war — бастовать против войны.

[131] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 111—113.

Таким образом, в вопросе о всеобщей забастовке руководители Русской секции были весьма далеки от взглядов Маркса и Энгельса и сближались с бакунистами.

Отношение Русской секции к борьбе, происходившей в рядах Интернационала между сторонниками Маркса и Генерального совета, с одной стороны, и последователями Бакунина — с другой, определялись не столько единомыслием Утина и его товарищей с Марксом, сколько их идейными расхождениями с Бакуниным и бакунистами. Из изложенного выше основные пункты этих расхождений вполне выяснились.

Мы видели, что «Народное дело» категорически возражало против воздержания трудящихся масс от участия в политической борьбе, проповедником которого выступал Бакунин, и что оно высказывалось за необходимость создания самостоятельной политической рабочей партии.

Бакунин уверял, что русский народ находится «в таком отчаянном положении, что ничего не стоит поднять любую деревню»[132]. В соответствии с этим он призывал революционную молодежь идти в народ для того, чтобы «бунтовать», а не учить его. «Учить народ? — писал Бакунин в «Постановке революционного вопроса» (1869 г.). — Это было бы глупо. Народ сам и лучше нас знает, что ему надо. Напротив, мы должны у него научиться и понять тайны его жизни и силы»[133].

«Народное дело» придерживалось совершенно иных взглядов. Не отрицая весьма тяжелого экономического и правового положения, в котором находится русский народ, оно считало его политическое сознание еще недостаточно развившимся и потому находило необходимой для обеспечения успешного исхода будущей революции длительную предварительную пропаганду идей революции и социализма среди трудящихся масс. Бакунин же в листовке «Начала революции» (1869 г.), если и соглашался признать полезной пропаганду, то только ту, которая заранее устанавливает «определенно время и место для осуществления

[132] М. А. Бакунин. Полн. собр. соч., т. II. Изд. И. Г. Балашова. СПб., стр. 260.
[133] М. А. Бакунин. Речи и воззвания. Изд. И. Г. Балашова, 1906, стр. 238.

целей революции»; ту же пропаганду, которая уклоняется от предварительного определения времени восстания, он объявлял не только бесполезной, но и вредной. «Она мешает нам, — писал он, — и мы будем всеми силами ей противодействовать»[134].

Признавая, что в России народное восстание всегда возможно, Бакунин рекомендовал своим последователям бунтарскую тактику. «Всякий бунт, — писал он, — как бы неудачен он ни был, всегда полезен»[135]. «Народное дело» не раз выражало свое негодование на подобное вспышкопускательство. В отличие от Бакунина редакторы этого органа считали вредными для дела революции преждевременные и недостаточно подготовленные попытки поднять народные массы на восстание. Восстанию, указывали они, должны предшествовать не только продолжительная пропаганда, но и тщательная организация народных сил. В этом они видели необходимое условие, без соблюдения которого революция не может рассчитывать на победу.

Как видим, разногласия, наметившиеся между Бакуниным и редакцией «Народного дела», имели настолько серьезный характер, что они вполне объясняют, почему Утин и его товарищи заняли враждебную Бакунину позицию и вступили в жестокую борьбу с ним. Обычно эту борьбу в мемуарной и исследовательской литературе — не только анархистской — объясняют честолюбием Утина и его любовью к интригам. Допуская, что Утин действительно обладал такими недостатками, необходимо тем не менее самым решительным образом настаивать на том, что основная причина борьбы редакции «Народного дела» против Бакунина заключалась не в личных качествах Утина или какого-нибудь другого участника этой борьбы, а в глубоких идейных разногласиях, отделявших их от автора «Государственности и анархии». С основными из этих разногласий мы уже знакомы. Но эти разногласия не исчерпывались теми, которые указаны выше. Между Бакуниным и группой Утина существовали и другие расхождения, которые станут ясными для нас при ознакомлении с ходом борьбы, разыгравшейся между ними.

---

[134] М. А. Бакунин. Речи и воззвания, стр. 249.
[135] М. А. Бакунин. Полн. собр. соч., т. II, стр. 260.

БОРЬБА «НАРОДНОГО ДЕЛА» ПРОТИВ «НЕЧАЕВЩИНЫ» В 1870 г.

В январе 1870 г. Нечаев, уезжавший в начале осени 1869 г. в Россию для революционной работы, возвратился в Женеву. В России он пытался организовать тайное общество. Убийство им студента Иванова, не пожелавшего безропотно подчиняться требованиям Нечаева, привело к тому, что кружки, которые Нечаеву удалось наладить в Петербурге и Москве, были обнаружены правительством. Большинство участников их подверглось арестам. Нечаеву, преследуемому правительством, пришлось бежать за границу.

По возвращении Нечаева в Женеву агитационная кампания, которую он вел в 1869 г., возобновилась, — с тем только отличием, что Бакунин, к этому времени переселившийся из Женевы в Локарно и бывавший в Женеве лишь наездами, не мог принимать в ней столь активного участия, как в 1869 г. Это отразилось и на содержании агитации Нечаева. Выйдя из-под опеки Бакунина, Нечаев освободился от того влияния, которое ранее имела на него анархистская программа его старшего соратника. Мистификаторские же элементы, свойственные ранее агитации Нечаева, не только не исчезли, но, наоборот, получили еще более пышное развитие.

Если ранее фантазия Нечаева не шла далее его воображаемого ареста и бегства из Петропавловской крепости, то теперь на страницах второго номера «Народной расправы» можно было найти красноречивое описание того, как на какой-то почтовой станции за Пермью жандармами, отвозившими в Нерчинские рудники попавшего в их руки государственного преступника, последний был убит по приказанию главы III отделения Мезенцова. Этим убитым арестантом оказался якобы Нечаев.

Из позднейших разъяснений, однако, выяснилось, что Нечаев все же не погиб, что он чудесным образом, «благодаря бдительности друзей», спасся из рук палачей. Тогда рассвирепевшее III отделение распространило против Нечаева гнусную клевету, обвинив его в убийстве какого-то Иванова...

Авторы этих и подобных нелепых выдумок не смущались тем, что в том же самом номере «Народной расправы»

они сами признали причастность своей организации к убийству Иванова и оправдывали это преступление «суровой логикой истинных работников дела», долженствующих, по их словам, не останавливаться «ни перед каким фактом, ведущим к успеху дела». Впрочем, на такие противоречия Нечаев и компания не обращали никакого внимания, считая их пустяками. Они не считались и с противоречиями более важными, имевшими программное значение. Если ранее, призывая к работе исключительно разрушительной и считая созидание нового строя задачей последующих поколений, они издевались над людьми, мысль которых работала над выяснением основ будущего общества, то теперь во втором номере «Народной расправы» они поместили статью под названием «Главные основы будущего общественного строя». В ней они излагали свой план создания коммунистического общества, тот план, познакомившись с которым, авторы брошюры об альянсе писали: «Какой прекрасный образчик казарменного коммунизма!» [136].

Задачей своей агитации Нечаев и компания ставили воздействие на все элементы русского общества, среди которых могут найтись люди, недовольные правительством, и возбуждение в России повсеместной смуты в целях полной дезорганизации правительства. Поэтому они обращались и к крестьянам, и к мещанам, и к офицерам, и к женщинам, и к людям, революционно настроенным, и к либералам, и к крепостникам, не простившим правительству отмены крепостного права, стараясь примениться к интересам и стремлениям всех этих общественных классов и групп. Агитация эта являлась делом совершенно пустым и безнадежным, ибо в ней демагогия и полное пренебрежение к революционной этике соединялись с незнанием реальной русской жизни или, вернее, с нежеланием считаться с нею.

Образцом этого могут служить прокламация «К русскому мещанству», изданная от имени мифической «Думы всех вольных мещан», или листок, адресованный «Мужичкам и всем простым людям-работникам», призывавший сжечь до тла все города на том основании, что будто бы в них «простого народу совсем мало живет».

---

[136] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. 2, стр. 622.

Еще более показательно политически бесстыдное и бессмысленное воззвание к «благородному российскому дворянству», изданное от имени «потомков Рюрика и партии независимого российского дворянства». Авторы этого воззвания, вспоминая «заслуги русского дворянства», выражавшиеся в усмирении бунтовщиков против царского престола, в подавлении польского восстания и т. п., и преклоняясь перед подвигами «сиявшего доблестями» М. Н. Муравьева, как известно, за свою жестокость получившего прозвище «Вешателя», вызывали на «благородный рыцарский бой» Александра II и требовали ограничения царской власти в пользу «благородного дворянства».

Что касается интеллигентов-либералов, то для них предназначался возрожденный в апреле 1870 г. «Колокол», издававшийся на этот раз от имени каких-то «русских агентов». Забыв о своей прежней проповеди полного разрушения всех форм современной общественной жизни, Нечаев совместно с Н. П. Огаревым на страницах «Колокола» призывал всех «свободомыслящих» русских людей отложить в сторону программные разногласия и сплотиться в целях борьбы с «равно всем» ненавистным царским абсолютизмом. «Как бы ни была велика и сильна разница теоретических разрешений, — читаем мы в передовой статье «Колокола» (№ 1), — первое дело для нас всех общее — дело освобождения от императорского ига, дело низвержения его». Возрожденный «Колокол» настаивал на необходимости, ради скорейшего торжества «общего дела», бросить «раздраженные споры о правоте или неправоте той или иной радикальной теории». Для того чтобы ниспровергнуть царский трон, надо, указывал он, «составить мощную, крепко организованную силу из всех оппозиционных элементов России, а не из одной кучки горячих голов, последователей крайних теорий, бесспорно отважных и самоотверженных... но тем не менее не заключающих в одних себе, изолированно, всего количества необходимых для победы сил».

Естественно, что в 1870 г., как и в 1869 г., «Народное дело» не могло пройти мимо этой агитации. Если оно и не посвятило ей специальной статьи, то неоднократно откликалось на нее в различных статьях, посвященных проблемам русской революции.

Уже в сообщении «От редакции», помещенном в первом

номере «Народного дела» за 1870 г., редакция протестовала против «шарлатанства революционерничающих фразеров», мешающих русской революционной молодежи серьезно познакомиться с современным обществом и народной жизнью прежде чем приниматься за призывы к восстанию.

В том же номере, в статье «Русская ветвь Международного товарищества рабочих», редакция «Народного дела» отказывалась придавать серьезное политическое значение «так называемой «революции», выразившейся игрой в прокламации со стороны двух-трех старых эмигрантов и нескольких московских юношей».

«Эта игра, которую мы назвали бы бурей в стакане воды, если бы она не стоила стольких неоплатных жертв, — писало «Народное дело», — конечно, не имеет для нашего дела положительного значения, потому что мы твердо убеждены в том, что пора в России бросить мысль о возможности какой-то революции, производимой одной молодежью, когда она не имеет никакой, а не то что прочной, связи с народом».

В третьем номере «Народного дела», в статье «Интернациональная ассоциация и Россия» мы находим отклик на пропаганду возрожденного «Колокола». В ответ сторонникам «теории исключительно политической, либеральной Революции», убеждающим «подождать с социальной пропагандой по причине несвоевременности ее по отношению к России», «Народное дело» указывало, что «невыносимость экономического положения русского рабочего класса сама по себе заставляет его теперь идти на борьбу с враждебными элементами».

В той же статье «Народное дело» иронизировало, имея в виду Н. П. Огарева, совместно с Нечаевым редактировавшего возрожденный «Колокол», над «наивными старцами, мечтающими об уничтожении царизма каким-нибудь прокламационным заговором». «Ведите заговор, — писало оно, — но ведите его в народе».

В следующем номере, в статье «Рабочее движение на Западе», «Народное дело» писало: «В то время... как ярые доморощенные революционеры презрительно докладывают кучке сектаторов, что «Народное дело» забавляется теориями, никому не нужными, что дело вовсе не в Интернациональной ассоциации, а в том, чтобы сейчас же

провести дома отчаянную революцию, — мы со своей стороны говорим нашим друзьям, чтобы они сосредоточивали всё свое внимание на действиях Интернациональной ассоциации».

Вполне понятно, что «Народное дело» не могло не отозваться на агитацию Нечаева и в статье «Подготовительная работа социальной революции», напечатанной в пятом номере этого журнала. Говоря о том, что необходимым условием успеха революционного дела является «развитие народного самосознания», автор статьи указывал на различные ошибочные пути, которые избирали порою революционеры. Иногда они рассчитывали «добиться легкого успеха искаженным представлением мотивов, следствий, наличных средств своего дела»; однако обман обнаруживался, и это порождало упадок духа, недоверие и охлаждение к самому делу. Не менее ошибочными и вредными оказывались расчеты на удачу какого-нибудь заговора, отдельных вспышек, таинственных конспираций, ибо при всем этом народ оставался вне происходившего вокруг него движения. «Порой партия движения рассчитывала более на временное возбуждение страстей, на воспламенение воображения в своих приверженцах, на экстаз толпы, чем на развитие в них понимания того, что и как нужно делать, чтобы гарантировать прочность успеха своего дела». Все это приводило революционеров к неудачам и поражениям и было выгодно только партии реакции, которая училась на ошибках революционеров. Теперь эта партия образовала «во всех цивилизованных странах новое ремесло наемных или безвозмездно служащих зачинщиков возмущений; мастера этого ремесла стараются составлять темные заговоры, возбуждать страсти неопытных, недовольных людей и вызывать их на вспышки с целью — дать законный вид производству арестов и ссылок людей опасных и пугать так называемое общественное мнение».

Вряд ли можно сомневаться в том, что, когда автор цитируемой статьи перечислял различные виды ошибок революционных деятелей, он имел перед собою яркий образец бакунинско-нечаевской агитации. В этом не оставалось никакого сомнения, когда он переходил к вопросу о содержании пропаганды, долженствующей предшествовать организации народного восстания. Пропаганду в на-

роде, указывал он, надо начинать «не с вопросов о том, есть ли бог на небе или его там нет; лучше ли любить в браке или вне брака, один или несколько раз, неизменно или изменно, иметь ли детей при себе или отдать их в руки столь же неопытных в деле воспитания людей, жить ли каждому человеку в отдельной келье или нескольким гуртом в одной конуре», и т. д. Нет, пропагандистам необходимо, «оставив метафизику хоронить метафизикам», «взяться за пропаганду с вопроса о куске насущного хлеба».

Несомненно, что этот выпад был направлен против бакунинской программы, опубликованной в первом номере «Народного дела», которая начиналась с отрицания религии и заключала в себе требования уничтожения брака, замену его свободной любовью, введение общественного воспитания детей и в которой преобразования экономические стояли на последнем плане. Однако возможно и то, что одновременно автор статьи имел в виду и известную уже нам статью, помещенную во втором номере «Народной расправы», в которой был развернут план построения будущего общества.

Как видно из всего сказанного выше, «Народное дело» отводило немало места разоблачению нечаевщины, и это, конечно, нельзя не поставить ему в заслугу. На полемику его против Нечаева и компании нельзя смотреть только как на эмигрантские дрязги. У редакции «Народного дела» были весьма серьезные основания считать агитацию Нечаева в высшей степени вредной для дела русской революции. Энгельс в 1872 г. писал Теодору Куно, что Нечаев — «либо русский агент-провокатор, либо во всяком случае действовал как таковой»[137]. Мы знаем в настоящее время, что ни провокатором, ни агентом русского правительства Нечаев не был; однако вторая часть утверждения Энгельса остается в полной силе. Действительно, Нечаев весьма часто действовал так, что современники не могли решить: кто же перед ними — убежденный революционер или же провокатор.

Члены Русской секции на себе испытали все своеобразие применяемых Нечаевым приемов фракционной борьбы. Они стали жертвой своей собственной доверчивости, в

[137] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 208.

результате которой сильно пострадали от интриг Нечаева. Мы имеем в виду рассказанное выше дело Вл. Серебренникова.

Необходимо сказать несколько слов о значении нечаевщины для Русской секции Интернационала. В. А. Горохов, по нашему мнению, преувеличивал, когда заявлял, что нечаевщина «служила решающим отрицательным моментом для образования Русской секции»[138]. Другими словами, желание противодействовать нечаевщине привело, по его мнению, Утина и его товарищей к решению учредить Русскую секцию. К этому В. А. Горохов добавлял, что «под впечатлением нечаевщины» группа «Народного дела» перешла от «принципа организационного централизма», в пользу которого она первоначально высказывалась, к защите «федерального типа организаций по образцу Интернационала»[139].

Мы полагаем, что с такой точкой зрения нет оснований соглашаться. Мы видели, что группа «Народного дела» с самого начала своей деятельности, еще до появления на исторической сцене Нечаева, ставила главной задачей своего журнала ознакомление русского общества с опытом западноевропейского рабочего движения. Убежденные в том, что борьба трудящихся России за свои интересы аналогична борьбе западного рабочего класса против власти капитала, Утин и его товарищи вполне последовательно приходили к заключению о возможности и желательности перенесения в Россию западноевропейских форм движения и, в частности, Интернационала. Организация ими Русской секции — хотя бы на первых порах по необходимости за границей, а не в России, — была первым шагом на пути к осуществлению этого плана. К мысли об организации этой секции руководители «Народного дела» должны были прийти независимо от Нечаева, т. е. и в том случае, если бы нечаевщины не существовало.

То же самое можно сказать и относительно принципов организации. В мае 1869 г. Утин и его товарищи, хорошо знакомые с принципами построения революционных организаций, применявшимися в России шестидесятых годов, могли призывать к созданию в России «крепко

---

138 В. А. Горохов. Русская секция I Интернационала, стр. 38.
139 Там же, стр 124.

сплоченных и строго проверенных кружков, которые должны были группироваться вокруг других восходящих, ранее составленных групп, все ближе и ближе стоящих к инициативному центру»[140]. Именно так строилось в свое время тайное общество «Земля и воля», одним из руководителей которого был Утин. Однако, как только участники «Народного дела» пришли к заключению о необходимости предпринять попытку организации Русской секции Интернационала, они тем самым, совершенно независимо от Нечаева и нечаевщины, должны были принять те формы организации, которые практиковались Интернационалом.

---

[140] «Старые обвинения и старые доносы». «Народное дело», 1869, № 4-6, стр. 88.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

УЧАСТИЕ ЧЛЕНОВ РУССКОЙ СЕКЦИИ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ И В ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ

БОРЬБА С БАКУНИНЫМ И БАКУНИСТАМИ ДО КОНГРЕССА В ШО-ДЕ-ФОНЕ

С осени 1869 г. Утин начинает принимать близкое участие в деятельности женевских секций Интернационала и вступает в ожесточенную борьбу с Бакуниным и его сторонниками, руководившими в то время рабочим движением в Женеве.

Для того чтобы понять роль Утина и его товарищей в событиях, о которых нам придется теперь говорить, необходимо обрисовать вкратце положение, сложившееся к осени 1869 г. в Женеве, и познакомиться с работой, которую вел Бакунин.

Мы уже говорили о том, что во время Бернского конгресса Лиги мира и свободы Бакунин, собрав своих единомышленников, чтобы договориться с ними относительно выхода из Лиги, не допустил на это собрание Утина, явившегося туда, по словам Бакунина, без приглашения. У Бакунина были особые причины, побудившие его закрыть перед Утиным дверь: «В этот же вечер мы основали Альянс», — говорит Бакунин [1]. Политические расхождения с Утиным побуждали Бакунина не только не привлекать его к участию в этой организации, но и держать от него в секрете свои намерения и планы.

Убедившись в безнадежности попыток добиться от Лиги мира и свободы принятия предложенной им программы, Бакунин решил обратить свое внимание на другую международную организацию, членом которой он уже состоял, но которой он до тех пор интересовался значительно меньше, чем Лигой мира, — на Интернационал. Если не удалось овладеть Лигой мира, надо, решает Бакунин, сделать

[1] М. А. Бакунин. Избр. соч., т. V, П. — М., 1919, стр. 141.

аналогичную попытку по отношению к Интернационалу.

Такую именно задачу и преследовал Бакунин, организуя Альянс. Он мечтал, чтобы этот международный союз, «сохраняя свой внутренний интимный характер тайного общества, явился бы в то же время гласно, как открытая организация», входящая в Интернационал [2]. По мысли Бакунина, Генеральный совет Интернационала должен практически руководить движением рабочих; идейную же сторону дела — изучение политических и социальных вопросов на основе «великого принципа всеобщего и действительного равенства всех человеческих существ на земле», — должен был взять на себя Альянс. Другими словами, Бакунин втайне намеревался превратить Альянс в идейный штаб Интернационала и таким путем подчинить возглавляемую Марксом международную организацию своему идейному руководству.

В Альянс вошли представители различных национальностей: русские (Жуковский, Элпидин), поляки (Загорский, Мрочковский), французы, итальянцы, а также ряд женевцев: Шарль, Перрон, Броссэ, Гета, Теодор Дюваль, Анри Перре и даже близкий друг Маркса и Энгельса, ветеран немецкого революционного движения И.-Ф. Беккер. Все это были руководители и наиболее видные деятели швейцарских секций Интернационала. Бакунин, вовлекая их в Альянс, тем самым приобретал возможность влиять на деятельность этих секций. Таким образом он становился весьма заметной фигурой женевского рабочего движения, особенно после того, как был избран в редакционную комиссию газеты «Égalité» и сделался фактическим руководителем этого органа Романской федерации Интернационала.

Между тем по вполне понятным соображениям Генеральный Совет отказался принять в Интернационал Альянс, как особую международную организацию, функционирующую одновременно с Генеральным советом внутри Интернационала и параллельно с ним. Бакунину пришлось идти на уступки. Он объявил Альянс распущенным, сохранив его, однако, как тайную, скрываемую от Генераль-

---

[2] Ю. Стеклов. М. А. Бакунин. Его жизнь и деятельность. т. II, М. — Л., 1927, стр. 417. В кавычках слова Бакунина.

ного совета организацию. Женевская же секция Альянса летом 1869 г. была принята Генеральным советом в Интернационал на правах его рядовой секции. В руководящий комитет ее, наряду с председателем Бакуниным, вошли Беккер, Перрон и Фриц Хенг.

В это же самое время среди женевских членов Интернационала начала обозначаться и формироваться оппозиция по отношению к Бакунину и его Альянсу. В Женеве нашлись люди, поднявшие голос против бакунинского анархизма, бунтарства и, в частности, против проповедуемой Бакуниным теории о необходимости для рабочих воздерживаться от участия в политической жизни. «...Масса рабочих, — пишет Энгельс, — никогда не допустит убедить себя в том, что общественные дела их собственной страны не являются в то же время их собственными делами, они по природе своей политичны (politisch), и всякого, кто предлагает им отказаться от политики, они в конце концов покидают» [3].

Справедливость этого высказывания Энгельса вполне подтвердилась на примере Бакунина. Его теория политического воздержания стала вызывать настойчивые возражения со стороны тех членов Интернационала, которые являлись коренными жителями и полноправными гражданами Женевского кантона. Они проявляли вполне естественный и понятный интерес к политической жизни своей родины и не видели необходимости уклоняться от пользования предоставленным им женевской конституцией избирательным правом.

В сравнительно отсталой в экономическом отношении стране, какой была в то время вся Швейцария,— и в особенности Женева,—почти не существовало фабрично-заводской промышленности. Рабочее население Женевы распадалось на две категории: с одной стороны, на так называемых рабочих фабрики, под которыми подразумевались часовщики и рабочие, изготовлявшие предметы роскоши и прикладного искусства (ювелиры, граверы, живописцы по эмали и т. п.), с другой, на строительных рабочих. Работа вторых носила преимущественно сезонный характер; их заработки были более или менее случайны и весьма ограничены. Рабочие же фабрики зарабатывали

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 204.

значительно больше; работой они были обеспечены в течение круглого года. В подавляющем большинстве они состояли из граждан Женевы и как таковые пользовались политическими правами. Строительные же рабочие рекрутировались преимущественно из пришлых, не связанных с Женевой элементов. Как люди, переселившиеся в Женеву из других кантонов Швейцарии и из-за границы, они не имели в Женеве избирательного права. Рабочие фабрики, превосходившие строительных рабочих по своему политическому опыту и культурному уровню, несмотря на это, отличались склонностью к оппортунизму и реформизму. Энгельс отмечал, что до женевской стачки 1868 г. они не сознавали своих классовых интересов и «тянулись в хвосте радикальной буржуазии» [4]. Это замечание Энгельса в значительной мере сохраняло свою силу и по отношению к тому времени, о котором говорим мы. Погруженные в свои местные женевские интересы, они разделяли во многом взгляды окружавшей их буржуазной среды. Они мечтали не столько о коренном изменении существующего общественного строя, сколько хотя бы о некотором улучшении своего материального положения. Во время выборов они обычно поддерживали буржуазных радикалов.

Что касается строительных рабочих, то они отличались непониманием значения организованности и дисциплины и склонностью к бунтарству. На Женеву они смотрели, как на место своего временного пребывания, и потому не проявляли никакого интереса к местной политической жизни [5].

Бакунин опирался в Женеве главным образом на строительных рабочих. Именно им были близки и понятны его бунтарство, его проповедь «прямого революционного действия» и его теория воздержания от участия в политической борьбе. Напротив того, среди рабочих фабрики у него было гораздо меньше сторонников, и чем больше он развивал в Женеве свою пропагандистскую деятельность, тем большее недовольство вызывала в них его анар-

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 159.

[5] Подробнее о женевском рабочем движении 60-х годов см. Б. П. Козьмин. А. А. Серно-Соловьевич в I Интернационале и в женевском рабочем движении. «Исторический сборник Академии наук СССР», кн. 5, М., 1935.

хическая проповедь. Именно из их среды вышла оппозиция, на которую натолкнулся Бакунин в середине 1869 г. и которая привела к тому, что многие первоначальные участники Альянса и даже члены его центрального бюро стали отходить от Бакунина и из его сторонников превращаться в противников (Перре, Гета, Дюваль и др.). Если одни из них порывали с Альянсом из оппортунистических соображений, то другие — потому, что начинали понимать дезорганизующую роль Альянса в Интернационале.

Когда в августе 1869 г. женевская секция Альянса, уже признанная Генеральным советом, обратилась в Центральный кантональный комитет женевских секций с просьбой о принятии ее, то этот комитет, состоявший преимущественно из представителей рабочих фабрики, отказал ей в этой просьбе.

Отказ комитета привел к резкому обострению борьбы между сторонниками и противниками Бакунина, особенно проявившемуся во время выборов делегатов на Базельский конгресс Интернационала. Разногласия обнаружились в связи с включением в порядок дня конгресса вопросов об отмене права наследования и об организации коллективной собственности. Представители рабочих фабрики энергично возражали против этих поддерживаемых Бакуниным предложений, не считаясь с тем, что за второе из них высказывался и Генеральный совет Интернационала. Избирательная борьба в Женеве закончилась тем, что секция фабричных рабочих избрала своим делегатом порвавшего с Альянсом А. Перре. Остальные женевские секции, объединенные Романским комитетом Интернационала, направили на конгресс трех делегатов: членов Альянса — Гроссэ и Хенга и противника Бакунина, одного из вождей рабочих фабрики — Гросселена. При этом три избранные ими делегата были связаны императивным мандатом, обязывавшим их поддерживать предложения об отмене наследования и о коллективной собственности. Этот мандат не устраивал Гросселена; дело в том, что осенью предстояли выборы в женевский Большой совет (так называлось законодательное учреждение кантона), и Гросселен был включен в список кандидатов от радикальной партии; Гросселен опасался, что выполнение на конгрессе полученного мандата побудит радикалов исключить его из своего списка. Поэтому он выхлопотал от

Центрального женевского комитета Интернационала, состоявшего преимущественно из представителей «фабрики», разрешение считать себя не связанным полученным мандатом. На конгрессе он, как и Перре, воздержался от участия в голосовании указанных выше предложений.

На Базельском конгрессе Бакунин встретился с Утиным и другими членами группировавшегося вокруг «Народного дела» кружка. Утин и его товарищи не были делегатами; по выражению Бакунина, они явились в Базель «играть роль публики»[6]. Они приняли участие в банкете, устроенном по окончании съезда. Утин произнес при этом речь о необходимости привлечения в Интернационал женщин; он указал на значительную роль, какую начинают играть женщины в русском революционном движении.

Бакунину эта речь Утина не могла прийтись по вкусу, так как, когда незадолго перед этим на одном из заседаний Центрального бюро Альянса был поставлен вопрос о привлечении женщин, он категорически возражал против этого предложения, считая, что политическая деятельность — не для женщин, и полагая, по его собственному признанию, что предложение о привлечении их явилось результатом «утинской интриги»[7].

Если верить Бакунину, Утин, видя, что Бакунин пользуется влиянием на конгрессе, подчеркивал свое хорошее отношение к нему. В своей речи он, упомянув о Бакунине, назвал его своим «соотечественником и другом». По окончании же обеда подошел к Бакунину и сказал: «Вы не сердитесь на меня, не правда ли, что я назвал вас своим другом?». «Нисколько», — ответил сухо Бакунин[8].

Еще до Базельского конгресса Бакунин принял решение по семейным соображениям расстаться с Женевой. Тогда же он сообщил об этом своим друзьям. 30 октября Бакунин покинул Женеву и переселился в Локарно.

За несколько дней до его отъезда состоялось публичное столкновение Бакунина с Утиным. По инициативе Перрона и Робена, в руки которых в связи с отъездом Бакунина переходило руководство Альянсом, эта организация стала устраивать открытые для всех желающих дискуссионные собрания. На втором из них, 27 октября, вы-

[6] М. А. Бакунин. Избр. соч., т. V, П. — М., 1922, стр. 142.
[7] Там же, стр. 97.
[8] Там же, стр. 142.

ступил Утин. Он произнес речь об английском профессиональном движении, в которой говорил, что тред-юнионы являются примером солидарности и крепкой боевой организации. Бакунин взял слово для возражения Утину. Это было последнее его выступление перед отъездом из Женевы. Он обвинял Утина в переоценке значения тред-юнионов. Бакунин указывал, что тред-юнионы преследуют гораздо менее радикальную цель, чем Интернационал. Они, говорил Бакунин, стремятся к улучшению положения рабочих в пределах существующего строя, тогда как Интернационал борется за коренное социальное преобразование, за уничтожение эксплуатации труда капиталом. Он призывал не забывать о необходимости полного освобождения рабочих, возможного только путем социальной революции.

Несомненно, что возражения Бакунина были направлены не по адресу, ибо Утин вовсе не утверждал, что работа тред-юнионов может привести к полному освобождению трудящихся из-под власти капитала и что поэтому социальная революция делается излишней. На следующем собрании, состоявшемся 3 ноября, т. е. уже после отъезда Бакунина, Утин выступил с разъяснениями, указав, что его слова были поняты Бакуниным неправильно, так как он признает, что насильственная социальная революция неизбежна. Но, добавил он, к ней необходимо готовиться при помощи организации рабочих. Эта мысль Утина уже знакома нам по «Народному делу». В заключение Утин предложил принять резолюцию, призывавшую швейцарских рабочих к организации профессиональных союзов по образцу тред-юнионов. Робен и Перрон поддерживали это предложение Утина [9].

Еще до этой дискуссии о профессиональных союзах, непосредственно по возвращении из Базеля, Бакунин счел нужным предостеречь своих товарищей от того, что он называл «интригами Утина». На заседании комитета секции Альянса он сделал предложение проявлять максимальную строгость и осмотрительность при приеме новых членов и, в особенности, ни в каком случае не принимать Утина, Трусова и их товарищей, как интриганов, стремящихся выведать планы и предложения Альянса.

---

[9] J. Guillaume. L'Internationale. Documentes et souvenirs (1864—1878), v. 1. Paris, 1905—1909, p. 225, 229.

Приведя это предложение Бакунина, Гильом в своей работе о I Интернационале с горечью замечает: «Перрон и Робен не захотели считаться с этими предостережениями; после отъезда Бакунина они сблизились с Утиным, как с полезным сотрудником. В этом они раскаялись, когда было уже поздно» [10].

Утин становится постоянным участником дискуссионных собраний. Ряд таких собраний был посвящен вопросу о значении кооперативного движения. Утин выступал, указывая на английские потребительные и производительные общества, «начавшие с шиллинговых взносов, а теперь владеющие миллионами» [11].

Выступал Утин и в связи с выборами в Большой совет, происходившими в ноябре. Сторонники Бакунина, высказывавшиеся за отказ рабочих от участия в выборах, обвиняли Утина в том, что в своих выступлениях он, «льстя самолюбию вожаков «фабрики», ненависть которых к Бакунину он разделял», высказывался якобы за «политический союз между радикальными буржуа и рабочими кандидатами» [12]. Этот упрек вряд ли можно признать вполне основательным. Не за союз рабочих с радикальной партией высказывался Утин, а за избирательный блок с ними или, другими словами, за необходимость для рабочих поддержать кандидатуру Гросселена, внесенного в избирательный список радикальной партии.

Выступая 9 марта 1870 г. на общем собрании женевских секций, созванном для обсуждения вопроса об отношении к политической деятельности рабочих в буржуазных государствах, Утин доказывал необходимость для рабочих принимать участие в политической борьбе; он говорил, что присутствие рабочих в парламенте приносит громадную пользу. «Наступило время, когда рабочие протолкнут своих представителей к верховной власти»,— говорил он по словам отчета об этом собрании, напечатанного в «Égalité» от 12 марта.

Выступал Утин и на торжественном открытии памятника на могиле популярного среди женевских рабочих

---

10 J. Guillaume. L'Internationale..., p. 225—226.

11 Там же, стр. 229.

12 «Mémoire présenté par la Federation jurasienne de l'Association internationale des travailleurs á toutes les fédèrations de l'Internationale». Sonvilliėr, 1873, p. 94—95.

А. А. Серно-Соловьевича в декабре 1869 г. Здесь он произнес речь от имени русской революционной молодежи.

Около этого же времени Перрон и Робен привлекли Утина к сотрудничеству в «Égalité»[13].

Для того чтобы понять, почему эти сторонники Бакунина пренебрегли его предостережением насчет Утина, надо учесть политику, которую они проводили по отношению к Центральному комитету женевских секций, руководимому представителями рабочих «фабрики». Дело в том, что положение секции Альянса продолжало оставаться весьма двусмысленным. Принятый в Интернационал Генеральным советом и посылавший своего представителя на Базельский конгресс, Альянс не был признан женевским Центральным комитетом. Несмотря на все настояния сторонников Альянса, этот комитет откладывал принятие того или иного решения относительно Альянса. Решив апеллировать к конгрессу Романской федерации, который должен был собраться в начале апреля 1870 г., руководители Альянса в этот момент стремились к тому, чтобы наладить нормальные отношения с членами Центрального комитета, и даже заигрывали с ними.

Между тем в редакции «Égalité» назревал кризис. Резкие нападки на Генеральный совет, которые на страницах газеты допускали Перрон и Робен, вызывали среди руководителей «фабрики» сильное недовольство по адресу ее редакции. К этому прибавилась еще нелепая и мелочная склока внутри самой редакции, в результате которой семь ее членов (из девяти) напечатали в № 1 за 1870 г. заявление о выходе из состава редакции. Среди них были Перрон, Робен, Беккер и другие. Таким образом, в редакции осталось всего два члена: Верри и Пайяр. Подавшие в отставку не имели серьезного намерения уйти из «Égalité». Они стремились лишь напугать руководящие круги женевского Интернационала и этим укрепить свое положение в редакции. Однако они ошиблись в своих расчетах.

Романский федеральный комитет принял их отставку

---

[13] Записка Юрской федерации утверждает, будто Утин сам «предложил свои услуги» редакции этой газеты. См. «Mémoire...», стр. 95. Как бы то ни было, Перрон и Робен сочувственно отнеслись к его участию в ней.

и для того, чтобы помочь оставшимся членам редакции в работе, ввел в состав редакции Утина.

Повидимому, это постановление было неожиданным для Утина, потому что первоначально, из-за солидарности с ушедшими в отставку редакторами, он намеревался прекратить сотрудничество в их газете. 4 января 1870 г. он писал Беккеру, с которым, как видно из этого письма, был уже тогда весьма близок [14].

«Будучи лично связан в своей работе с Робеном и Перроном, я тоже перестану давать статьи в «Égalité», пока общее собрание всех секций не отчитается перед вами всеми, достаточно доказавшими свою преданность делу, чтобы иметь возможность закрыть рот клевете и проискам».

Однако ко времени получения этого письма Беккер уже передумал: он взял обратно свою отставку и остался в редакции. Надо думать, что при этом он указал на Утина как на человека, подходящего к участию в редактировании газеты.

Д. Гильом пишет, что, войдя в редакцию «Égalité», Утин превратил эту газету в «свой личный орган» [15]. Такое обвинение, конечно, в высшей степени нелепо. Успех и влияние, которыми газета «Égalité» пользовалась среди женевских рабочих после перемены, происшедшей в составе редакции, показывают, что эта газета отражала и правильно освещала их думы и нужды. Если раньше она фактически была органом Альянса, то теперь ее связь с другими секциями Интернационала окрепла. Не личным органом Утина сделалась она, а органом, правильнее, нежели раньше, отражавшим взгляды женевского пролетариата.

Одновременно с тем, как Утин и его товарищи вырабатывали программу и устав Русской секции, они сделали попытку проникнуть в секцию Альянса и побудить его изменить свою, — составленную, как известно, Бакуниным,— программу.

Пользуясь тем, что заседания секции происходили публично и каждый член Интернационала имел право высту-

---

[14] Утин в это время переводил на французский язык составленный Беккером манифест к земледельческому населению.

[15] Д. Гильом. Карл Маркс и Интернационал. П. — М., 1920, стр. 65.

пать на них, Утин, заявляя о своем желании стать членом секции Альянса, категорически настаивал на внесении изменений в ее программу. Он предложил, во-первых, исключить указание на то, что Альянс объявляет себя атеистичным, и, во-вторых, удалить тот пункт, в котором выносилось осуждение всякому политическому действию, не имеющему непосредственной и прямой целью победу дела рабочих над капиталом[16]. Второе из этих предложений Утина вполне ясно и понятно нам, ознакомившимся со взглядами «Народного дела» на политическую борьбу. Что же касается первого предложения, то, выдвигая его, женевских рабочих была людьми религиозными, на что Утин, повидимому, считался с тем, что значительная часть нам придется еще указывать, когда мы будем говорить о конгрессе в Шо-де-Фоне.

Предложения Утина встретили поддержку со стороны Беккера, который, оставаясь пока еще членом Альянса, идейно все дальше отходил от него. На заседании 26 марта Беккер предложил заменить в параграфе первом устава, объявляющем Альянс «атеистичным», слово «атеистичный» словом «материалистичным», ибо, как указывал Беккер, «отрицание без утверждения ничего не говорит». Вместе с этим Беккер предложил в пункте, говорящем, что Альянс борется против государства, заменить слово «государство» словом «правительство». Ясно, что принятие этой поправки имело большое политическое значение. Внося ее в свой устав, Альянс переставал быть организацией анархистской.

Несмотря на возражения Жуковского, поправки Беккера были приняты. Можно себе представить, в какое негодование пришел, узнав об этом, Бакунин, который в это время находился в Женеве, куда приехал инкогнито для обсуждения вопроса о возрождении герценовского «Колокола». Он явился на следующее заседание секции (2 апреля) и заявил решительный протест против изменения устава как незаконного: дело в том, что согласно уставу, всякое предложение об изменении его должно быть оглашено не позже, как за месяц до его обсуждения и принятия. После короткого спора было решено аннули-

---

[16] «Mémoire...», стр. 99—100.

ровать постановление об изменениях устава, принятое на предыдущем собрании.

Одновременно Бакунин требовал, чтобы секция Альянса послала своего представителя на конгресс Романской федерации в Шо-де-Фоне с тем, чтобы он настаивал там на принятии Альянса в федерацию. Беккер возражал против этого, указывая, что секция Альянса, имеющая своих членов не только в Швейцарии, но и в других странах Европы, должна оставаться вне федерации романских секций. Несмотря на эти возражения, предложение Бакунина было принято, и тут же Жуковский был избран делегатом [17].

Это была последняя победа, одержанная Бакуниным в Женеве.

УТИН НА КОНГРЕССЕ В ШО-ДЕ-ФОНЕ И РАСКОЛ РОМАНСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Приближалось время открытия конгресса Романской федерации в Шо-де-Фоне. Утин должен был отправиться туда в качестве делегата. Свое положение на будущем конгрессе он определил еще 26 марта, выступая в Женеве с речью на собрании по случаю праздника столяров. В этой речи Утин призывал рабочих тесно сплотиться вокруг Центрального женевского комитета и оказывать ему поддержку [18].

Бакунин знал, что его сторонники найдут на конгрессе в лице Утина опасного противника. 1 апреля 1870 г. в письме к своему другу Альберу Ришару Бакунин писал:

«В женевском Интернационале — полная реакция. За мое отсутствие фабрика восторжествовала по всей линии и не нашлось никого, чтобы помешать этому торжеству. «Égalité» превратилась в реакционную газету. Вот ее программа: кооперация и местническая политика буржу-

---

[17] J. Guillaume. L'Internationale..., v. I, p. 287—288.

[18] Там же, стр. 288—289.

В этой же речи Утин сообщил собравшимся о возникновении Русской секции и выразил благодарность женевским секциям за гостеприимство, с каким они относятся к его соотечественникам. В заключение он высказал надежду на то, что новая секция будет принята в число женевских секций. Утину действительно удалось добиться этого.

азного радикализма. Отныне женевский Интернационал будет играть только роль ступеньки для возвышения разных Перре и Гросселенов. Папа́ Беккер, ослабевший вследствие преклонного возраста, поплелся на буксире реакции: он тоже высказывается за местную политику. Но душою и интриганским заправилою всего этого реакционного заговора является нечто вроде моего соотечественника, русский жидок Утин».

И вслед за этим антисемитским выпадом шли обычные в устах Бакунина обвинения по адресу «коварного интригана Утина» [19].

Вряд ли нужно говорить, насколько неправ был Бакунин, обвиняя Перре, Беккера и Утина в том, что они превратились в противников социальной революции и сторонников мирных реформ. Это — лишь обычный для Бакунина полемический прием. Всех своих противников он готов был обвинять в измене делу революции и в служении реакции. Всем, кто осмеливался возражать против его анархистской программы, Бакунин приписывал намерение превратить Интернационал в орудие буржуазного радикализма [20].

Зная, что Утин на конгрессе в Шо-де-Фоне открыто выступит на стороне его врагов, Бакунин счел необходимым послать предупреждение относительно Утина своему другу Гильому, который должен был руководить на конгрессе делегатами — сторонниками Бакунина.

В письме к Гильому, написанном 2 апреля, Бакунин охарактеризовал Утина как коварного и льстивого интригана, чрезвычайно опасного, несмотря на свое умственное ничтожество. Бакунин требовал от Гильома, чтобы он ни в чем не доверял Утину. «Он способен, — писал Бакунин, — поддакивать вам, подавать свой голос вместе с вами. Это он будет делать для того, чтобы завоевать доверие, а затем предать людей, доверившихся ему». «Пусть он вотирует вместе с вами, — писал Бакунин, — но не доверяйте ему, не приближайте его к себе; я говорю это, потому что знаю его» [21].

---

[19] «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. III. М. — Л., 1929, стр. 364.
[20] М. А. Бакунин. Избр. соч., т. V, стр. 16.
[21] J. Guillaume. L'Internationale..., v. I, p. 291.

Предосторожность, проявленная в данном случае Бакуниным, была совершенно лишней: Утин не собирался ни поддакивать Гильому, ни вотировать вместе с бакунистами. Наоборот, он готовился к решительной и беспощадной борьбе с ними. Предвидел он заранее и тот пункт, вокруг которого в Шо-де-Фоне будет происходить главная борьба. Это вполне ясно из письма его к Г. Юнгу от 24 марта. Имея в виду Бакунина и его сторонников, Утин писал:

«Давно уже пора снять маску с этих лживых друзей народа, ибо без этого они не перестанут нам вредить. Мне думается к тому же, что поведение Бакунина в Женеве достаточно нам известно по письмам нашего друга Анри Перре и по атакам, которые так часто происходят против политического рабочего движения в «Progrés»[22], который мог бы быть назван полуофициальным органом Бакунина. Я очень боюсь, как бы все эти интриги и напыщенные речи, все эти лживые рассуждения относительно цели и тенденций Интернационала не подорвали бы единства Романской федерации на конгрессе в Шо-де-Фоне. Друзья Бакунина желают во что бы то ни стало заставить «Égalité» проповедовать политическое воздержание... Разумеется, все мы, представители женевской секции, не потерпим, чтобы газета стала греметь против движения, происходящего среди рабочих всех стран, против политического движения. Конечно, я вовсе не думаю, чтобы можно было достичь преобразования существующего порядка, введя нескольких рабочих в парламент и в городское самоуправление, но я вижу в этом здоровую агитацию, которая будит сознание рабочих классов и которая дает им понять наглядно, что от современных учреждений, где царствуют исключительно интересы привилегированных классов, ждать нечего, и тогда рабочие станут с большей энергией организовываться для борьбы за полную перемену всех отношений людей и вещей»[23].

Это письмо Утина, в котором он четко определяет свое отношение к политической борьбе, является вполне убе-

---

[22] Газета, издававшаяся Гильомом в Локле.
[23] Подчеркнуто мною. — *Б. К.* Письмо не опубликовано.

дительным ответом на брошенное ему Бакуниным несправедливое обвинение в прислужничестве буржуазии.

К сожалению, неизвестно, что именно ответил Юнг на письмо Утина. Несомненно, однако, что он вполне одобрил намерение Утина вступить в беспощадную борьбу с Бакуниным. Мало этого, Юнг дал Утину какие-то инструкции относительно предстоящей борьбы. Это ясно из следующего письма Утина к Юнгу, написанного за несколько дней до конгресса в Шо-де-Фоне (1 апреля). Утин писал:

«Мы с большим удовлетворением убедились из вашего письма, что грубые интриганы и тщеславные краснобаи, вроде Бакунина, предстали, наконец, перед вами в своем истинном свете. Вы не можете себе представить, какой огромный вред он уже принес и еще старается принести нашему общему делу в России [24]. Он не останавливается ни перед чем, когда наносится удар его ненасытному честолюбию; ну, а мы действительно сделали все, чтобы раскрыть на него глаза русской молодежи».

И далее Утин переходил к инструкциям, полученным от Юнга:

«На романском конгрессе, — писал он, — мы будем в достаточном числе, чтобы выполнить ваши инструкции на случай вмешательства Бакунина, и я тем более смогу вмешаться, что я — делегат секции черепичников и одновременно докладчик женевских секций по вопросам кооперации. Я позволю себе сообщить вам впоследствии мои впечатления».

Обе стороны, которым предстояло столкнуться в Шо-де-Фоне, ясно представляли себе большое историческое значение этого столкновения. Дело было не в личном честолюбии, склонности к интригам, в которых — не без основания — обвиняли друг друга обе стороны, а в столкновении двух совершенно различных программ рабочего движения. Бакунин и его сторонники смотрели на конгресс в Шо-де-Фоне, как на благоприятный для них повод к открытому и широкому наступлению на Генеральный совет Интернационала и на проводимую им политическую линию.

Бакунин, не поехавший в Шо-де-Фон, но снабдивший

[24] Имеется в виду участие Бакунина в нечаевских предприятиях.

своих сторонников подробными инструкциями насчет того, как им надлежит держать себя на конгрессе, придавал исключительное значение этому событию. Это видно из его письма к А. Ришару от 1 апреля 1870 г. В нем Бакунин писал:

«Этот конгресс будет иметь весьма важное значение для будущности Интернационала в романской Швейцарии. Бой будет там ожесточенный. Он произойдет главным образом по вопросу о воздержании или участии рабочих в местной политике. Мы все, горные секции[25], стоим за воздержание. Женевские рабочие в собственном смысле, «фабрика» — за участие. В данный момент их представителем, их чемпионом является Утин».

Конгресс в Шо-де-Фоне рассматривался Бакуниным как событие большой важности не только для романской Швейцарии, но и для дела Интернационала во всем мире.

«Помимо своего местного значения,— писал далее в том же письме Бакунин,— бой, который будет дан в Шо-де-Фоне, будет иметь огромный мировой интерес[26]. Он будет предвестником того боя, который мы должны будем дать на предстоящем общем конгрессе Интернационала». В том же письме Бакунин откровенно признавался, что перед его сторонниками поставлена дилемма: или победа, или раскол Романской федерации.

Бакунин ставил вопрос так: если в Шо-де-Фоне победят его сторонники, федеральный комитет и редакция «Égalité» перейдут в их руки. Если же они потерпят поражение, то горные секции, а также другие, которые примкнут к ним, образуют отдельную федерацию. Ее органом будет газета «Progrés», которую придется перевести из Локля в Невшатель, но которая останется под редакцией сторонника Бакунина — Гильома.

Развивая такой план, Бакунин уверял, что женевская «фабрика» приняла решение отделиться от горных секций, в том случае, если конгресс отвергнет участие в политической борьбе[27].

---

[25] Имеются в виду секции Интернационала, расположенные в горах швейцарской Юры. Эти секции являлись главным оплотом Бакунина и его сторонников.

[26] Подчеркнуто мною. — *Б. К.*

[27] «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. III, М.—Л., 1927, стр. 365.

Таким образом, как бы ни развернулись события в Шо-де-Фоне, на чьей бы стороне ни оказалось большинство, раскол Романской федерации был предрешен. Вот почему безусловно неправ Гильом, когда он утверждает, что раскол в Шо-де-Фоне «провоцирован» Утиным [28].

Конгресс в Шо-де-Фоне открылся 4 апреля [29].

Секция Альянса прислала на конгресс своего представителя для того, чтобы обжаловать действия романского комитета и добиться принятия Альянса в Романскую федерацию. Вопрос об Альянсе вызвал оживленные прения.

Утин выступил с большой речью, в которой резко осуждал всю политическую деятельность Бакунина и разоблачал его стремление захватить в свои руки Интернационал. Познакомимся с основными обвинениями, выдвинутыми Утиным против Бакунина и Альянса, и с возражениями бакунистов как на самом конгрессе, так и после него в известной записке, опубликованной в 1873 г. от имени Юрской федерации.

Первое обвинение Утина против Бакунина заключалось в указании на его участие в Лиге мира и свободы, которая являлась буржуазной организацией.

Против этого общеизвестного факта спорить не приходилось, и сторонники Бакунина ограничились напоминанием, что в Лиге мира, наряду с Бакуниным, участвовали А. Перре, И.-Ф. Беккер и сам Н. Утин. И это указание было вполне правильным; однако делавшие его упускали из виду, что перечисленные лица были рядовыми участниками конгрессов Лиги, а Бакунин — одним из ее руководителей, поскольку он до Бернского конгресса Лиги входил в состав ее распорядительного комитета и наравне с Густавом Фогтом играл в нем главную роль.

Второе обвинение Утина касалось создания Альянса. Утин вполне правильно указывал, что эта организация, по замыслу ее руководителей, должна была образовать в недрах Интернационала второй Интернационал, а это представлялось, по выражению Утина, «чрезвычайно вредным для нормального развития великой ассоциации рабочих».

---

[28] Д. Гильом. Карл Маркс и Интернационал, стр. 66.

[29] Отчеты о заседаниях этого конгресса см. в «Égalité», 1870, №№ 16, 17, 18.

Что могли противопоставить этому весьма серьезному обвинению бакунисты? В записке Юрской федерации они указывали, что Бакунин не один являлся учредителем Альянса, что в этом деле участвовали и Беккер, и Гета, и Дюваль, а когда, после отказа Генерального совета принять Альянс как международную организацию в Интернационал, Бакунин и Ш. Перрон признали справедливость постановления Генерального совета, Беккер, Гета и Дюваль возражали им и предлагали сохранить Альянс как международную организацию.

Эти возражения бакунистов сами по себе вполне соответствовавшие исторической действительности, не могли, однако, опровергнуть обвинение, выдвинутое Утиным. Мы знаем, что тот роспуск Альянса как международной организации, который отстаивали Бакунин и Перрон и который они осуществили, несмотря на возражения Беккера и других, был фиктивным, ибо сохранившаяся и принятая в Интернационал женевская секция Альянса, имевшая в числе своих членов людей различных национальностей, живущих не в Женеве и даже не в Швейцарии, а в других странах, являлась по существу организацией международного характера. Чтобы убедиться в этом, достаточно припомнить письмо Бакунина к Беккеру от 4 декабря 1869 г., в котором он писал: «Надлежит во что бы то ни стало поддерживать женевскую секцию Альянса, хотя бы она была только *воображаемым* центром пропаганды и действия для Италии, Испании и Южной Франции столько же, сколько для романской Швейцарии... Впрочем женевская секция Альянса не вела существования чисто воображаемого. Она приобрела реальное значение»[30].

Далее Утин указывал, что «проект Бакунина был составлен *людьми мысли* отдельно от рабочих с тем, чтобы первые могли управлять последними». «Я хочу вам показать,— добавил Утин,— опасность, которой неизбежно подвергнется ваша ассоциация, если вы допустите людей мысли управлять вами и направлять вас сообразно с выводами их праздной фантазии».

Бакунисты пытались отвести это обвинение, во-первых, указанием на то, что из 104 членов женевского Альянса по меньшей мере 90% были работниками физического

[30] «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung», 1915, V Jahrgang, S. 194.

труда, и, во-вторых, клеветническим обвинением «рантье Маркса», «рантье Энгельса», «рантье Лафарга» и «рантье Утина», которые стремятся якобы к тому, чтобы подчинить своему руководству все рабочее движение.

Нельзя не признать, что указание Утина относительно происхождения Альянса было вполне правильным. Мы знаем уже, что эта организация была создана несколькими интеллигентами, сплотившимися вокруг Бакунина на Бернском конгрессе Лиги мира и свободы. Совершенно иным, как хорошо известно, было происхождение Интернационала, созданного рабочими Англии и Франции и строившегося на основе опыта рабочего движения Западной Европы. Интернационал отражал передовые тенденции этого движения. В этом была его сила, в этом заключалось его громадное историческое значение.

Что же касается Альянса, то Бакунин не скрывал своего желания сделать эту организацию, созданную интеллигентами, в большинстве вышедшими не из рабочей среды, идейным штабом мирового пролетарского движения. Именно это-то и имел в виду Утин, и следует признать, что данное обвинение, выдвинутое им против Бакунина, было справедливым.

Четвертое обвинение Утина против Бакунина заключалось в указании на его «авторитарные стремления» и диктаторские приемы. На словах высказываясь против диктатуры, Бакунин, по утверждению Утина, на деле стремился в каждом революционном предприятии отвести себе роль непогрешимого диктатора [31].

Сторонники Бакунина отнеслись к этому обвинению, как к клеветническому. В действительности дело обстояло далеко не так. Вспомним хотя бы обвинения, выдвинутые против Бакунина его взбунтовавшимися товарищами по Интернациональному братству; как нам известно, Бакунин не отрицал, что он вел себя диктаторски, оправдываясь революционной необходимостью. Вспомним и его прокламацию к русским офицерам, в которой он призывал их к отречению от своей личности и к беспрекословному подчинению воле таинственного революционного комитета. Все это убеждает нас, что Утин не клеветал, когда обвинял Бакунина в склонности к диктаторству.

---

[31] Полемику бакунистов против выступления Утина см. в «Mémoire...», p. 114—117.

Теперь, когда мы ознакомились с выступлением Утина, нам будет ясно, насколько необоснованной и несправедливой была оценка этого выступления, данная в «Записке» Юрской федерации, где Утин объявляется «ловким фокусником», громоздящим «софизм на софизм» [32].

Совершенно ясно, что этот отзыв продиктован фракционной враждой. В речи Утина могли быть слабые, недостаточно обоснованные и потому мало убедительные места, но даже это не оправдывало квалификации его выступления как сплошного софизма и коварной лжи. Злоба авторов «Записки» на Утина объясняется тем, что ему удалось заметить ряд слабых пунктов в позиции его противников. На наиболее важные его указания им нечего было возражать. Свое бессилие в этом отношении они компенсировали озлобленностью и крайней резкостью.

В лице Утина бакунисты имели в Шо-де-Фоне наиболее серьезного и опасного противника. Остальные делегаты или повторяли сказанное Утиным,— особенно относительно диктаторских приемов Бакунина,— или же только ослабляли впечатление от речи Утина. Так, например, Вейерман упрекал Альянс в том, что он проповедует атеизм и уничтожение семьи, а Дюплэ утверждал, что Альянс состоит из людей, не признающих ни бога, ни морали. Именно эти выступления Энгельс и имел в виду, когда он по поводу прений в Шо-де-Фоне с досадой писал Марксу: «Господа женевцы могли бы также припрятать своего *бога* для себя» [33].

При голосовании 21 делегат из 39 высказался за принятие Альянса и 18 голосовали против. Как только результаты голосования выяснились, делегаты, возражавшие против принятия Альянса, заявили, что они уходят с конгресса. Так произошел раскол. В дальнейшем обе группы делегатов заседали отдельно, причем каждая из них считала себя полномочным конгрессом.

Узнав об обстоятельствах, сопровождавших раскол, Энгельс писал Марксу: «Женевцы во всяком случае оказались немного растяпами, иначе они бы не очутились в таком неприятном положении, когда по отношению к ним бакунисты оказались формально правы» [34]. И действи-

---

[32] «Mémoire...», стр. 116.
[33] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 323.
[34] Там же.

тельно: большинство, поддерживавшее Альянс, было случайным. Женевские рабочие в пропорциональном отношении были представлены на конгрессе значительно слабее, чем секции Юры. По сведениям Маркса, делегаты-бакунисты представляли 600 рабочих — членов Интернационала, а антибакунисты — 2000 человек [35]. К тому же некоторые из делегатов опоздали к открытию конгресса и потому не могли участвовать в голосовании.

После раскола бакунисты избрали новый Романский комитет из своих сторонников и назначили его местопребыванием Шо-де-Фон. Органом этого комитета они решили сделать новую газету (Solidarité), которая начала выходить под редакцией Гильома.

Антибакунисты также избрали свой Романский комитет. Таким образом, образовалось два соперничающих между собой комитета.

И бакунисты и антибакунисты в принятых ими резолюциях уточнили свое отношение к вопросу об участии рабочих в политической борьбе. Сравнение этих резолюций показывает, как велико было идейное расхождение между двумя группами, столкнувшимися на конгрессе в Шо-де-Фоне, и убеждает в том, что разрыв между ними был исторически неизбежен.

Резолюция бакунистов, признавая, что освобождение труда может осуществиться не иначе, как «через преобразование политического общества, основанного на привилегии и авторитете, в общество экономическое, основанное на равенстве и свободе», что «всякое правительство или государство есть не что иное, как организация буржуазной эксплуатации», и что поэтому участие рабочих «в буржуазно-правительственной политике ведет к укреплению существующего порядка»,— призывала рабочих «отказаться от всякого действия, имеющего целью добиться социального преобразования при помощи национальных политических реформ», и сосредоточить свою деятельность «на федеративной организации ремесленных союзов, единственном средстве обеспечить успех социальной революции»; при этом такая федерация должна существовать «совершенно независимо от политических правительств» [36].

---

[35] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 316.
[36] J. Guillaume. L'Internationale..., v. II, p. 13—15.

Совершенно иначе вопрос о политической борьбе был поставлен в резолюции антибакунистов.

Отвергая теорию политического воздержания как гибельную для дела революции и призывая членов Интернационала участвовать в политической жизни своих стран, резолюция антибакунистов указывала, что рабочее представительство в законодательных и исполнительных учреждениях само по себе отнюдь не может привести к освобождению труда. Оно полезно лишь как «агитационное средство». «Так как вмешательство в политику,— гласила далее резолюция,— является для нас агитационным средством, то очевидно, что наша основная цель заключается в полном преобразовании общественных отношений и что всякая политическая агитация, не стоящая в связи с социальными вопросами, представляется нам излишней и бесплодной; что, следовательно, всякая политическая агитация подчинена социальному движению и является для него лишь средством». Резолюция указывала также, что именно такая постановка вопроса о политической борьбе предусмотрена уставом Интернационала, обязательным для всех его секций [37].

Как видим, мысли, развитые в этой резолюции, полностью совпадали с теми, которые Утин высказывал в цитированном выше письме к Юнгу; это дает основание предполагать, что и резолюция была составлена им.

Раскол в Шо-де-Фоне и возникновение одновременно двух комитетов, претендовавших на то, чтобы объединять в своем лице все романские секции Интернационала в Швейцарии, поставили Генеральный совет в необходимость определить свое отношение к событиям, разыгравшимся в Шо-де-Фоне. Познакомившись подробно с обстоятельствами дела, Генеральный совет, находя, что большинство, которым располагали в Шо-де-Фоне бакунисты, было лишь номинальным и что потому нет оснований лишать женевский федеральный комитет, всегда выполнявший свои обязанности по отношению к Интернационалу, его полномочий, 29 июня 1870 г. принял решение сохранить за женевским комитетом его функции Романского федерального комитета, а комитету, избранному в Шо-де-Фоне большинством, предложить принять какое-нибудь ме-

[37] J. Guillaume. L'Internationale..., p. 16—17.

стное название по его усмотрению. Хотя это решение Генерального совета и не понравилось бакунистам, им все же пришлось подчиниться. Их комитет принял название Юрского.

Решение Генерального совета отнюдь не положило конца борьбе, происходившей между швейцарскими секциями Интернационала. Она продолжалась с неменьшим ожесточением, чем прежде.

Еще до этого, 10 апреля в Женеве состоялось общее собрание членов всех секций Интернационала. Бакунинский федеральный комитет прислал на это собрание трех своих представителей, которые должны были защищать поведение большинства на конгрессе в Шо-де-Фоне. Но ни их выступления, ни выступление самого Бакунина, решившего явиться на собрание, чтобы своим авторитетом поддержать юрских делегатов, успеха не имели и только способствовали обострению отношений.

Между прочим, на этом собрании Бакунин и его друзья обвиняли Утина в том, что на конгрессе в Шо-де-Фоне он будто бы заявил, что Бакунина в случае победы революции необходимо гильотинировать. «Эти люди нетерпимы,— говорил Бакунин о своих противниках,— они требуют моей головы». Эти слова Бакунина вызвали бурные опровержения со стороны женевцев, присутствовавших на конгрессе в Шо-де-Фоне.

Утин заявил, что сторонники Бакунина искажают сказанное им. Впоследствии на страницах «Égalité» он следующим образом изложил инкриминируемые ему слова:

«Это правда,— говорил он про Бакунина,— что я его непримиримый противник. Он принес много зла революционному делу в моей стране и он пытался принести его Интернационалу. Когда наступит день всенародного мщения, народ узнает своих истинных врагов, и если тогда гильотина будет действовать, то пусть эти великие люди — диктаторы поостерегутся, чтобы народ не гильотинировал их первыми» [38].

Как бы то ни было, выступление на собрании 10 апреля дало Бакунину случай убедиться в том, насколько пала его популярность в Женеве. Даже строительные рабочие, бывшие ранее его надежным оплотом, отшатнулись от него и не желали его слушать.

[38] «Égalité», 30. IV 1870.

Бакунин сам с горечью признавался в этом. «Когда я оставил Женеву в октябре 1869 г.,— писал он,— все строительные рабочие, за очень небольшим исключением нескольких человек из комитетов, особенно завербованных женевской кликой и голосовавших вместе с ней,— были такими большими друзьями моими, что пришли сказать мне, прощаясь со мной: «Эти господа из фабрики думают оскорбить нас, называя «бакунистами», но мы им ответили, что мы предпочитаем, чтобы нас называли бакунистами, чем реакционерами...». Когда я возвратился в Женеву в конце марта 1870 г., я нашел их, если не всех враждебными по отношению ко мне, то по крайней мере всех предубежденно настроенными и недоверчивыми»[39].

Бакунин объяснял эту перемену работой его врагов. И он, действительно, был прав. В числе врагов Бакунина одним из самых серьезных был Утин, что и порождало в Бакунине неугасимую злобу по отношению к последнему, платившему ему тем же. Эти два соотечественника ненавидели друг друга и в борьбе между собой считали допустимыми любые средства. Разница между ними была, однако, в том, что «историческая попутность», употребляя выражение Герцена, находилась на стороне Утина, а не Бакунина.

Как известно, помимо секции Альянса, Бакунин был и членом Центральной женевской секции, куда он был принят еще летом 1868 г. Ближайшие политические друзья Бакунина также состояли членами ее.

16 апреля Центральная женевская секция по предложению Утина приняла постановление о возбуждении дела об исключении из нее Бакунина, Жуковского, Перрона и Г. Сутерланда (пасынка Огарева), в то время секретаря секции Альянса, на том основании, что они оказывают дезорганизующее влияние на работу Интернационала. Всех перечисленных лиц Центральная секция дважды вызывала на разбор их дела; но они оба раза не явились. 13 августа все они были исключены из числа членов секции.

Постановление Центральной секции несомненно являлось большой победой противников Бакунина и, в частности, Утина.

---

[39] М. А. Бакунин. Избр. соч., т. V, стр. 143—144.

В связи с этим необходимо остановиться на вопросе о причинах, побудивших участников этой борьбы к ожесточенной вражде друг с другом, и о характере, которым эта борьба отличалась.

В существующей литературе, не только мемуарной, но и исследовательской, как мы сейчас убедимся, весьма распространено мнение, будто виновниками борьбы являлись Утин и его товарищи и что столкновения их с Бакуниным и его политическими друзьями имели чисто личный характер и были лишены какого бы то ни было принципиального значения.

Бакунин и его соратники, стремясь скомпрометировать Утина и его товарищей, утверждали, будто в основе борьбы, которую они вели против анархистского крыла Интернационала, лежало непомерное честолюбие Утина, его безграничное самомнение и страстная любовь к интригам.

Проверим, насколько обоснованы и правильны эти утверждения.

Укажем прежде всего на то, что Утин являлся вовсе не такой бездарностью, какой изображал его Бакунин, а безусловно опасным противником. Он был выдающимся оратором. Его пламенные речи производили большое впечатление на слушателей. Он обладал искусством вести их за собой [40].

При том влиянии на массы, которым он пользовался, естественно, что его политическая деятельность должна была вызывать непримиримую злобу со стороны политических противников, и действительно они,— в частности, Бакунин, — рисовали Утина самыми мрачными красками. Бакунин писал об Утине и в «Докладе об Альянсе», и в незаконченной рукописи «Интриги г-на Утина», и в письмах к своим сторонникам и единомышленникам (А. Ришару, Ансельмо Лоренцо и др.). Во всех этих случаях Бакунин рисовал Утина по раз навсегда принятому образцу. Подчеркивалось, что Утин по происхождению еврей и сын богача-откупщика. Затем перечислялись отрицательные качества Утина: самолюбие, тщеславие, интриганство, фразерство, беспринципность. «Утин, — категорически заявлял Бакунин,— никогда не имел никаких

---

[40] К. П. Ободовский. Рассказы об И. С. Тургеневе. «Исторический вестник», 1893, № 2, стр. 362.

идей». «Прежде всего,— писал Бакунин,— поразили меня его драматизм, фразерство, а потом его непроходимая бестолковость. Редко я встречал в человеке такое отсутствие простоты в мысли, в чувстве, в слове и в деле... Вечное позирование, рисование и становление себя на подмостках, тщеславные и пустозвонно великодушные речи, одним словом, весь этот выспренний и комический драматизм маленького человека, тщетно силящегося сделаться чем-нибудь, действует отталкивающим образом на всякого серьезного человека, особенно на мужчин; но зато нередко производит действие обаятельное на женщин, ищущих впечатлений... Вот почему у г-на Утина приверженцев немного, но зато есть с полдюжины поклонниц, принимающих его мишуру за чистое золото и приносящих ему немалую пользу» [41]. Весьма заметный душок антисемитизма отличает все высказывания Бакунина об Утине. В письме к А. Ришару, описывая «русского жидка Утина», Бакунин в 1870 г. писал: «Это — мелкий честолюбец худшего сорта... Ума у него нет, он неспособен сформулировать ни одной мысли, но он не лишен известного интриганского искусства, он льстив, пронырлив и неутомим в интриге» [42]. В письмах к Н. П. Огареву Бакунин называл Утина «бестолковым жидовским мальчишкой» и утверждал, что Утина надо «непременно уничтожить», потому что «он самолюбиво злостно мешается во всё и сколько может мешает всему» [43]. В письме к Ансельмо Лоренцо Бакунин жаловался на «еврейское нахальство» Утина, обладающего якобы «десятком тысяч франков ренты», благодаря которой он завоевал себе «выгодное положение среди реакционной партии, господствующей... в женевском Интернационале» [44].

Бакунину вторит его друг Гильом. «Утин,— пишет он,— личность сама по себе ничтожная... начал играть некоторую роль в социалистическом движении благодаря своим

---

[41] «Материалы для биографии М. А. Бакунина. Бакунин в Первом Интернационале», т. III. М.—Л., 1928, стр. 410.

[42] «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. III. М.—Л., 1927, стр. 364.

[43] «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву». С биографическим введением и объяснительными примечаниями М. П. Драгоманова. СПб., 1906, стр. 347, 363.

[44] «Летописи марксизма», 1930, № 3 (13), стр. 184.

деньгам. Он был сыном очень богатого еврея-откупщика и слыл среди революционеров за миллионера»[45].

С легкой руки Бакунина и Гильома взгляд на Утина как на интригана и признание его борьбы против Бакунина результатом его непомерного самолюбия крепко укоренились в исторической литературе. Авторы различных направлений, решительно расходящиеся друг с другом по другим вопросам, сходятся между собою, признавая Утина личным врагом Бакунина и утверждая, будто бы его отношение к «апостолу анархии» определялось исключительно его отрицательными личными качествами.

М. де-Преодо, называя Утина «сыном очень богатого еврея, торговавшего в России водкой», утверждает, что он был «личным врагом» Бакунина[46].

Фриц Брупбахер, изобразив юрцев невинными овцами, а Утина и его сторонников хищными волками, бросает Утину упрек, будто он прибегал в своей деятельности ко лжи, передергиваниям и извращениям и подвергал все несправедливой критике, не противопоставляя взамен ничего положительного. «Для человека, подобного Утину,— писал Брупбахер по поводу конгресса в Шо-де-Фоне,— всякий скандал был находкой. Только при помощи их мог он показаться человеком значительным. Как все люди, которые в самих себе не находят ничего положительного и потому ненавидят всех положительных людей, Утин находил большое удовольствие в том, чтобы унижать такого значительного человека, как Бакунин. Естественно, что от Утина нельзя было ожидать объективности: она выходила за пределы его умственного горизонта»[47].

Приблизительно так же смотрит на Утина Э. Бернштейн. «Это был человек совсем с другим характером, чем Нечаев, но от этого он большинству ничуть не казался лучше. Фанатику прощается многое, потому что мы сочувствуем его стремлению; но в Утине большинство видело лишь пронырливого интригана и сплетника»[48].

---

[45] J. Guillaume. L'Internationale..., v. I.

[46] M. de Préaudeau. Michel Bakounine. Le collectivisme dans l'Internationale. Paris, 1911, p. 257.

[47] F. Brupbacher. Marx und Bakunin. Berlin, 1922, S. 99, 112.

[48] Э. Бернштейн. Карл Маркс и русские революционеры. Харьков, 1923, стр. 37.

Даже Ф. Меринг — и тот в вопросе об отношениях Утина с Бакуниным не мог освободиться от влияния бакунинской точки зрения. И он готов был все сводить к личным недостаткам Утина и в них искать причину всех конфликтов. И он некритически повторял эмигрантские сплетни относительно Утина. «Он участвовал, — писал Меринг,— в русских студенческих беспорядках в начале 60-х годов и, когда дело приняло опасный оборот, бежал за границу, где жил хорошо, получая изрядную ренту — как говорили от 12 до 15 тысяч франков — от своего отца-откупщика. Благодаря своим деньгам, этот пустой болтун занял положение, которого он никогда не добился бы по своим умственным способностям. Успехи ему давались только в области сплетен... Утин сунулся сначала к Бакунину, но встретил решительный отпор, и отъезд Бакунина из Женевы дал ему удобный случай преследовать путем сплетен этого ненавистного ему человека. Для этой благородной цели он потрудился не без успеха, и вслед за тем бросился к ногам царя, смиренно прося о помиловании. Царь, со своей стороны, не оказался непримиримым, и во время русско-турецкой войны 1877 г. Утин сделался царским военным поставщиком, благодаря чему скопил еще большее, хотя наверное и не более чистое, богатство, чем то, которое дала ему водочная торговля его отца» [49].

После всего сказанного нами выше нет необходимости подробно говорить о всех тех неточностях и ошибках, которыми изобилует только что приведенное сообщение Меринга. Мы привели его только как любопытный образчик некритического отношения к вопросу.

Чтобы убедиться в полной несостоятельности той трактовки взаимоотношений между Утиным и Бакуниным, которая пошла в ход с легкой руки самого Бакунина, необходимо прежде всего напомнить, что было бы грубой ошибкой сводить все существо вопроса на личные качества одного Утина. Хотя он несомненно играл большую роль в событиях, тем не менее нельзя забывать и о других участниках группы «Народное дело» и Русской секции. Мы видели уже, что журнал «Народное дело» принял решительный курс на разрыв с Бакуниным лишь после

[49] Ф. Меринг. Карл Маркс. История его жизни. П., 1920, стр. 344.

того, как к Утину присоединились разошедшиеся с Бакуниным бывшие члены его Интернационального братства: Бартеневы и Трусов. Несомненно, что им принадлежала весьма значительная роль в борьбе «Народного дела» с Бакуниным и бакунистами.

Нет никакой необходимости реабилитировать во что бы то ни стало Утина. Возможно, и даже более того, весьма вероятно, что обвинения, выдвинутые против него Бакуниным, имели за собою некоторые основания. Повидимому, Ф. Энгельс был прав, когда в 1873 г., т. е. после того, как он уже хорошо познакомился с Утиным, утверждал в одном из писем к Марксу, что Утин «погрязает... по уши» в русской эмигрантской склоке и что он при этом «придает значение всякой ерунде» [50].

Допустим, что Утин действительно отличался любовью к интригам, самомнением и тщеславием. Однако это не дает еще возможности сводить столкновения между ним и Бакуниным исключительно к плохому характеру Утина. Мы видели, до каких нелепостей договаривался Бакунин в своей ненависти к Утину. В его изображении Утин превращался в полуидиота, не имеющего никаких взглядов и убеждений. Бакунин упускал из виду, что своими нелепыми обвинениями по адресу Утина он только ослаблял свою позицию. Ведь если Утин был действительно таким ничтожеством, как пытался уверить всех Бакунин, то становилось непонятным, почему борьба против него потребовала от Бакунина так много времени и сил.

В борьбе руководимого Марксом Генерального совета Интернационала против интриг Бакунина и его сторонников члены Русской секции, неизменно поддерживавшие Генеральный совет, сыграли довольно видную роль. Им, как мы видели, приходилось действовать одновременно на

---

[50] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 422. Надо не забывать и того, что, по справедливому указанию Ленина, «ни одна принципиальная борьба.. не обходилась *нигде на свете* без ряда личных и организационных конфликтов». Говоря об этом, Ленин, как это видно из его дальнейших слов, имел в виду, в частности, и борьбу марксистского и анархистского течений в Интернационале. «Люди суть люди, и без «конфликтного» материала, без «склоки» не обходились исторические столкновения...». В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 160—161. Поэтому наличность элементов «склоки» не снимала идейной основы происходившей борьбы.

двух ответственных участках боевого фронта. С одной стороны, они упорно и последовательно разоблачали авантюристские приемы и основанную на обманах тактику Нечаева, действовавшего первоначально в контакте с Бакуниным и даже под его руководством. С другой стороны, со времени конгресса в Шо-де-Фоне (апрель 1870 г.), они,— особенно Н. И. Утин,— вели против бакунистов беспрерывную и ожесточенную борьбу в швейцарских секциях Интернационала. Мы убедились, что при этом им удалось одержать немало побед над своими противниками.

УЧАСТИЕ ЧЛЕНОВ РУССКОЙ СЕКЦИИ В ЖЕНЕВСКОЙ СТАЧКЕ 1870 г.

Рассмотрение Центральной секцией дела Бакунина и его товарищей затянулось на четыре месяца, вследствие того, что стачка строительных рабочих, происходившая в это время в Женеве, требовала от руководителей местных секций напряженного труда и оставляла им очень мало времени на всякую иную работу.

Утин и его товарищи писали 24 июля 1870 г. Марксу:

«Со времени Конгресса в Шо-де-Фоне и доныне мы должны были быть все время начеку, ведя борьбу с врагами двоякого рода: из лагеря *хозяев* и из лагеря «Solidarité» (Бакунин, Гильом, Броссэ, Перрон и К^0). Партия «Solidarité» не останавливалась ни перед чем, чтобы выполнить поставленную перед собой задачу: любым путем добиться *разрыва* между секциями *строителей* и *рабочих фабрики.* Эти господа не прекратили своих происков даже перед лицом общей опасности — во время забастовок, начавшихся с апрельской стачки *кровельщиков* и не прекращающихся по сей день. Эти господа пытались отколоть несколько секций от Женевской федерации с тем, чтобы иметь впоследствии возможность хвастать торжеством *своих* принципов в Женеве и, опираясь на несколько женевских секций, заявлять, что только *их* федерация и есть единственная и действительная *романская федерация*».

Авторы письма указывали далее, что в этой борьбе, по их мнению, «вопрос стоял не более, не менее, как о том, чтобы *расколоть* Интернационал в Женеве, и эта до-

стойная цель преследовалась с одинаковой энергией, как «Solidarité», так и хозяевами»[51].

На страницах «Народного дела» (в №№ 4, 5 и 6-7) мы находим подробные отчеты, которые дают ясное представление о развитии в Женеве забастовочного движения.

Началось, как уже сказано, со стачки кровельщиков[52].

Она явилась результатом провокации со стороны предпринимателей.

Изготовление черепицы для крыш производилось главным образом по деревням, окружающим Женеву. Работали здесь местные крестьяне, соединявшие эту работу с земледелием. Осенью 1869 г. среди них образовалась секция, первая — возникшая не в городе, а в деревнях. Предпринимателям возникновение этой секции пришлось не по вкусу. Они начали преследовать членов секции и даже отказывать им в работе.

Это привело в негодование кровельщиков, и отношения между рабочими и хозяевами чрезвычайно обострились.

Материальное положение кровельщиков было весьма тяжелым. Они работали не более семи-восьми месяцев в течение года. Рабочий день был продолжительностью в 16 часов. Заработок — 2 франка 70 сантимов в день.

В апреле кровельщики потребовали от хозяев сокращения рабочего дня до 11 часов и повышения заработной платы до 40 сантимов в час. Хозяева уклонились от ответа на эти требования. Тогда рабочие обратились за содействием в Центральный женевский комитет Интернационала.

Центральный комитет созвал общее собрание всех тридцати женевских секций, избравшее комиссию содействия стачке из восьми членов под председательством Беккера. Утин был одним из членов этой комиссии, на обязанности которой лежало ведение переговоров с хозяевами.

Комиссия обратилась в комитет предпринимателей с требованием улучшить положение рабочих. 30 апреля от предпринимателей был получен ответ, в котором они кате-

---

[51] «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями» М., 1951, стр. 39—40.

[52] «Народное дело» употребляло термин «кирпичников», но это неточно.

горически отказывались удовлетворить пожелания рабочих и заявляли, что они не желают вести переговоры с комиссией. «Мы никогда не согласимся, — писали они, — иметь дело с каким-то комитетом, который присваивает себе право верховного суда в недоразумениях, возникающих между хозяевами и рабочими».

Получив такой ответ, комиссия объявила стачку. С этого времени комиссия вместе с комитетом секции кровельщиков имела ежедневные заседания в Temple Unique [53] для руководства ходом забастовки. По вечерам там же происходили собрания участников забастовки в целях обмена информацией. Ввиду того, что некоторые из кровельщиков, жившие далеко от города, не могли посещать этих собраний, комиссии приходилось выезжать в деревни, чтобы следить за ходом забастовки и поддерживать среди ее участников решимость не уступать хозяевам.

Объявив стачку, комиссия обратилась ко всем женевским рабочим с призывом оказывать помощь забастовщикам. Для этой цели 7 мая было созвано общее собрание всех женевских секций. Участники собрания приняли решение установить среди членов Интернационала еженедельный сбор в пользу стачечников и организовать общественную кухню, в которой участники стачки вместе с их женами и детьми получали бы завтраки, обеды и ужины. Вместе с этим проектировалось устройство кооперативного черепичного завода. Однако осуществить это, по недостатку денежных средств, не удалось. «В ожидании же начала постройки,— писало «Народное дело»,— гревисты взялись за другие ремесла и, конечно, зарабатывают более, чем на заводах своих прежних благородных хозяев» [54].

Между тем стачка разрасталась. В середине мая к ней примкнули маляры и штукатуры, возмущенные тем, что их хозяева уклонялись от выполнения условий, на которые они дали свое согласие во время забастовки строительных рабочих в 1868 г.[55]

---

[53] Так назывался бывший масонский храм в Женеве, в котором обосновался женевский Интернационал.

[54] «Народное дело», 1870, № 4.

[55] Об этой забастовке см. Б. П. Козьмин. А. А. Серно-Соловьевич в I Интернационале и в женевском рабочем движении, стр. 95—104.

И в этом случае, как и с кровельщиками, предприниматели держались вызывающе. Их ассоциация расклеила по Женеве объявление, в котором наотрез отказывалась от выполнения соглашения и приписывала возникновение забастовки злокозненной агитации иностранцев — членов Интернационала. Угрожая закрыть мастерские, если забастовавшие не возобновят работу, предприниматели требовали от женевских властей закрытия секций Интернационала и изгнания из Женевы иностранцев, нарушающих якобы общественное спокойствие и безопасность.

Это наглое объявление привело в негодование всех женевских рабочих. 7 июля было созвано общее собрание членов Интернационала, выразившее резкий протест против провокационных притязаний предпринимателей.

В ответ на это хозяева закрыли все строительные мастерские. На следующий же день было созвано новое общее собрание членов Интернационала, отличавшееся небывалой многолюдностью. После ряда возбужденных и проникнутых негодованием речей была избрана стачечная комиссия; в нее вошли преимущественно рабочие «фабрики» — исключительно граждане Женевы. Это было сделано для того, чтобы продемонстрировать солидарность всех рабочих и показать, что, вопреки заявлению хозяев, забастовка вызвана вовсе не происками иностранцев.

Комиссия эта должна была, с одной стороны, вести переговоры с хозяевами, а с другой, подыскивать стачечникам работу вне Женевы. Хозяева не желали допускать никаких уступок, заявляя, что они согласны на переговоры только со своими рабочими, с каждым в отдельности, а не с членами Интернационала и не с рабочими «фабрики», которые, по их мнению, хотят вмешаться не в свое дело. Они старались держаться как можно более вызывающе, стремясь спровоцировать рабочих на беспорядки и столкновения, чтобы вызвать вмешательство полиции и войск. По их настоянию министр женевской полиции вызывал к себе иностранцев — членов Интернационала и грозил им высылкой; однако привести эту меру в исполнение женевское правительство не решилось из-за боязни вызвать народные волнения.

Забастовка закончилась неожиданно и безрезультатно. Причиной этого была начавшаяся в июле война между Францией и Пруссией. Стачечная комиссия опубликовала

воззвание к швейцарскому народу, в котором сообщала, что рабочие приостанавливают стачку ввиду особых тяжелых обстоятельств, вызванных войной. Вместе с тем комиссия предупреждала, что, если предприниматели не примут добровольно условий, поставленных рабочими, то по окончании войны стачка будет возобновлена.

Женевская стачка 1870 г. имела большое значение не только для бастовавших рабочих, но и с точки зрения успешного развития дальнейшей работы Интернационала, уничтожения секций которого упорно добивались предприниматели. Было и еще одно обстоятельство, вследствие которого стачка принимала особый характер. Мы уже говорили о том, что строительные рабочие служили в свое время главным оплотом Бакунина в Женеве. К весне 1870 г. его влияние на строительных рабочих, как мы уже знаем, пало. Женевскому Интернационалу предстояло укрепить свой авторитет у этой части рабочих и окончательно преодолеть остатки влияния бакунизма в их среде. Добиться этого можно было только умелым руководством стачкою и помощью, оказываемой рабочими «фабрики» строительным рабочим.

Русская секция Интернационала, естественно, не могла остаться в стороне от стачки. 24 апреля Трусов от имени этой секции направил Беккеру как председателю стачечной комиссии кровельщиков письмо следующего содержания:

«Так как можно предвидеть, что братьям-кровельщикам придется бастовать и так как мы считаем успех этой забастовки очень важным для развития и преуспеяния Интернациональной ассоциации в деревнях, без которых городские рабочие никогда не смогут сбросить с себя иго эксплуататоров, — комитет Русской секции поручает мне предложить секции кровельщиков, в случае если комиссия найдет забастовку необходимой и своевременной,— сумму в 80 франков в виде займа и еще 20 франков в виде дара для добровольной подписки».

Особенно большое участие в забастовке принимал Утин, избранный, как мы знаем, членом стачечной комиссии. В цитированном выше письме к Марксу от 24 июля руководители Русской секции писали:

«...Все это время одному из нас (Н. Утину) приходилось сидеть с утра до ночи в Тампль Юник, чтобы присут-

ствовать на всех комиссиях, при всех свиданиях с хозяевами и посредниками, редактировать все воззвания и объявления, принимать участие в прениях на общих собраниях, которые происходили каждый вечер, и, наконец, редактировать «Égalité» и бюллетени. Ведь целых три с половиной месяца Утин должен был *сам* писать все статьи для «Égalité», заполняя регулярно все четыре страницы. Естественно, что мы считали своею обязанностью по возможности помогать Утину в его работе в женевских секциях в интересах процветания Интернационала в Женеве, и мы уверены, что Ваш друг Беккер одобряет наше поведение»[56].

Женевская стачка 1870 г. послужила для строительных рабочих хорошим политическим уроком, наглядно показавшим им значение политической борьбы в современном обществе. На практике они научились понимать несостоятельность теории политического воздержания.

Во время забастовки рабочие имели случаи неоднократно убеждаться в том, что полиция, не считаясь с законами, на каждом шагу вмешивалась в ход стачки, становясь на сторону предпринимателей. То полицейские срывали афиши, расклеенные рабочими на стенах домов, то они являлись на собрания рабочих и тащили участников их к своему начальству под предлогом якобы нарушения ими общественного порядка. То они мешали забастовщикам выставлять на вокзале пикеты с целью предупреждать рабочих, приезжающих по вызову предпринимателей из других городов, о происходящей в Женеве стачке. То они задерживали на почте корреспонденцию, приходившую в адрес стачечной комиссии. Наблюдая эти факты, рабочие приходили к выводу, что им было бы легче бороться с злоупотреблениями полиции, если бы в женевском Большом совете, наряду с представителями буржуазии, присутствовали бы представители рабочих, которые могли бы протестовать против злоупотреблений и обличать виновных в них.

Русский наблюдатель забастовки 1870 г. эмигрант С. Серебренников в своей записке о русской эмиграции между прочим писал: «Опыт стачковой борьбы убедил... Романскую федерацию в необходимости иметь в канто-

[56] «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 40.

нальном правительстве своего человека, — т. е. члена, выбранного из среды рабочей социалистической партии,— для защиты своих интересов».

На выборах, происходивших осенью 1870 г., женевским рабочим удалось, наконец, провести в Большой совет своих представителей.

РУССКАЯ СЕКЦИЯ ВО ВРЕМЯ ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЫ

«Европа никогда еще не присутствовала при таких событиях, какие совершились и совершаются теперь на французской земле. С одной стороны, быстрая смена декораций, быстрая смена одной неожиданности иною; с другой стороны — громадное значение результатов, приносимых каждою новою неожиданностью»[57].

Эти слова Утина, написанные вскоре после начала франко-прусской войны, когда ход военных событий уже обнаружил, насколько прогнил режим, установленный во Франции Наполеоном III, дают нам отчетливое представление о том колоссальном впечатлении, которое производили на Утина и его товарищей всемирно-исторические события, разыгрывавшиеся поблизости от рубежей Швейцарии.

В Женеве, расположенной рядом с французской границей, больше, чем в других городах Швейцарии, чувствовалась война. Именно сюда направлялась волна беженцев, покидавших Францию в страхе перед пруссаками.

«Все отели, все «гарни» полны в Женеве,— писал Утин;— на улицах француженки, разряженные точно на парижских бульварах, парижские экипажи с кавалерами «почетного легиона» и офицеры с палкою вместо шпаги: это страсбургские пленные на слово». Наряду с такими беглецами можно видеть и изгнанников другого рода — les proscrits de la Republique — людей, вынужденных бежать от преследований нового французского правительства, правительства республиканского. Таковы, например, генерал Клюзере и другие участники неудавшегося восстания в Лионе. Нахлынуло в Женеву и бесчисленное коли-

[57] И. Н. Война и цивилизация. «Вестник Европы» 1870, № 10, стр. 830.

чество корреспондентов и репортеров из различных стран[58].

Несмотря на то, что подавляющее большинство беженцев-французов, принадлежало к наиболее обеспеченным слоям господствующего класса, среди них, как отмечал Утин, под впечатлением позора, пережитого Францией в Седане, не осталось приверженцев империи: «все стали республиканцами»[59].

Ту же картину Утин наблюдал в самой Франции, когда ему пришлось побывать в Савойе. Он находился там, когда пришла весть о сдаче Меца. Перепуганному воображению французов каждый иностранец казался подозрительным. В Гренобле Утина и товарища, сопровождавшего его в пути, задержала полиция; их приняли за шпионов, секретарей тайного прусского комитета в Женеве. Только по получении из Женевы телеграфного ответа, удостоверившего, что задержанные действительно являются корреспондентами, их согласились освободить[60].

Если все французы превратились в республиканцев, то, как указывал Утин, их все же можно было разделить на две группы: на умеренных и красных. «Умеренными являлись все; красными — сравнительно немногие. Умерённые говорили, что надо согласие и единодушие, что всё дело состоит теперь только в изгнании врага; красные отвечали, что для того, чтобы изгнать врага, надо дать власть самому народу, что не будет единодушия, когда нет народу удовлетворения»[61].

На объявление Францией войны Пруссии «Народное дело» откликнулось статьей «Война и революция»[62]. Автор статьи выражал сожаление по поводу того, что Интернационал, занятый повседневной борьбой, стачками и судебными процессами, упустил, по его мнению, возможность близкой войны и не развернул достаточной пропаганды против нее. Начатая Францией война, как и всякая другая, выгодна только господствующему классу и по его расчетам должна предотвратить внутреннюю граждан-

---

[58] А б. С е м. Швейцарские письма. «Вестник Европы», 1870, № 11, стр. 448.
[59] Там же, стр. 449.
[60] Там же, № 12, стр. 933—935.
[61] Там же; № 11, стр. 449.
[62] «Народное дело», 1870, № 5.

скую войну, которой боится буржуазия. «Весь интерес буржуазии, — писал автор статьи, — лежит в поддержке войны, а следовательно, интерес рабочих масс лежит в совершенно противоположном — в уничтожении всякой войны». Немецким и французским рабочим нет никакого смысла уничтожать друг друга из-за того, где будет стоять пограничный столб.

Определяя свои пожелания, связанные с исходом войны, «Народное дело» писало:

«Мы желали бы одинакового поражения обоим противникам — и Бонапарту, и Бисмарку; мы желали бы, чтобы две армии, вместо битвы, протянули бы друг другу руки и поняли, что им не из-за чего биться».

Такая точка зрения на франко-прусскую войну не изменилась и после 4 сентября 1870 г., когда пала империя Наполеона III и во главе Франции встало так называемое правительство национальной обороны. Утин и его товарищи понимали, что это новое правительство неспособно спасти Францию.

По мнению Утина, перед новым правительством открывалось два возможных пути: или заключить мир, или «вызвать на поле битвы народные силы». Временное правительство Франции решило идти по среднему пути — и не мира и не народной войны. Такой неправильный выбор пути объяснялся тем, что временное правительство, представляющее интересы буржуазии, боялось дать оружие в руки народа. Что касается французского народа, то он не может одобрить политику правительства. Ему трудно втолковать, что «двигаться нужно в определенной мере и ровно столько, ни больше, ни меньше»[63].

Вопрос об отношении к временному французскому правительству послужил поводом для очередного столкновения Утина и редакции «Égalité» с бакунистами. Как только до Швейцарии дошла весть о перевороте 4 сентября, Гильом в своей газете «Solidarité» опубликовал «Манифест к секциям Интернационала». Утверждая, что будто бы со времени этого переворота «французский народ стал хозяином своих судеб», Гильом призывал всех социалистов и «всех честных людей», а в первую очередь членов

---

[63] Аб. Сем. Швейцарские письма. «Вестник Европы», 1870, № 12, стр. 929.

Интернационала, «выступить волонтерами свободы и равенства», чтобы сражаться рядом со своими братьями-французами против пруссаков, олицетворяющих мировой «деспотизм и реакцию».

Утин на страницах «Égalité» ответил на манифест Гильома чрезвычайно резкой статьей, озаглавленной «Манифест мистификатора». Манифест Гильома, как по его форме, так и по содержанию, возмутил Утина.

Утин не мог согласиться с тем, что с 4 сентября французский народ действительно сделался хозяином своей судьбы. В своей статье он выражал негодование на то, что манифест Гильома призывал Международное товарищество рабочих на поддержку буржуазного правительства. Вместе с этим Утин указывал, что анонимного автора манифеста (манифест не был подписан Гильомом) никто не уполномачивал выступать от имени Интернационала. Такой ответственный шаг, как призыв записываться в добровольцы, мог исходить только от руководящих органов Интернационала. «Мы смотрим на этот манифест,— писал Утин, — как на ребячество каких-нибудь старых или юных школьников, а может быть, этот манифест принадлежит перу какого-нибудь шутника или же полного невежды» [64].

Статья Утина привела в бешенство Гильома и его друзей. Они стали обвинять Утина, что он писал статью «с целью угодить своим высоким и могущественным покровителям — буржуазным радикалам женевского кантонального правительства» [65]. Вполне понятно, что это обвинение было брошено по адресу Утина без всяких оснований и может служить примером того, насколько в тот момент друзья Гильома утратили чувство меры. Нельзя не согласиться с Ф. Мерингом, который писал о манифесте Гильома:

«Это была поистине дурацкая выходка, в особенности со стороны человека, который фанатически проповедывал воздержание Интернационала от всякой политики, и призыв Гильома вызвал общий смех» [66].

---

[64] J. Guillaume. L'Internationale..., v. II, p. 83—88.

[65] Слова Бакунина из его письма к А. Лоренцо. «Летописи марксизма», 1930, № III (XIII), стр. 187.

[66] Ф. Меринг. Карл Маркс. П., 1920, стр. 377.

Чтобы вполне понять, почему Утин так резко реагировал на выступление Гильома, надо учесть, что франко-прусская война чрезвычайно затруднила работу Интернационала в Швейцарии, население которой состояло как из французов, так и из немцев. Деятелям женевских секций приходилось прилагать немало усилий, чтобы заглушить искры национальной вражды, которая грозила разорвать единство швейцарского пролетариата.

Недаром И.-Ф. Беккер в письме к своему другу Зорге жаловался на исключительные трудности, тормозившие в то время деятельность интернационалистов.

«Нам, — писал 19 февраля 1871 г. Беккер, — страшно много пришлось бороться, чтобы не дать расклеиться нашему делу, так как значительная часть как немецких, так и французских рабочих поддалась на удочку тех, которые спекулировали на национальное чувство. Потребовалось много труда, такта и ловкости, чтобы кое-как восстановить прежнюю гармонию, что нам и удалось. При всем том число членов нашего союза сократилось»[67].

При таких условиях становится вполне понятным, что манифест Гильома мог содействовать сильнейшему разжиганию национальной вражды. Необходимо было парализовать его действие. Именно этой цели и добивался Утин, чем и объяснялась чрезвычайная резкость его выступления против Гильома.

ЧЛЕНЫ РУССКОЙ СЕКЦИИ И ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

Утин далеко не сразу понял действительный смысл событий, происходивших во Франции после низвержения Наполеона III и закончившихся провозглашением Парижской Коммуны. Разобраться в этих событиях ему мешали ошибочные взгляды на развитие исторического процесса и силы, движущие этим процессом. Эти ошибочные взгляды ярко отразились на концепции, принятой Утиным в его работах по истории Франции. Мы указывали уже, что Утин напечатал в «Вестнике Европы» ряд статей, посвященных истории этой страны. В основе их лежала мысль о том, что через всю историю Франции, начиная со

---

[67] «Письма К. Маркса, Фр. Энгельса и др. к Ф. Зорге и др.». СПб., 1908, стр. 25—26.

средних веков, проходит борьба между принципом централизации, с одной стороны, и принципом народного самоуправления и федеративности, — с другой. Эта же борьба составила содержание и Великой Французской буржуазной революции.

«Великая революция, — писал Утин, — вышла именно из потребности положить предел разорительному произволу абсолютной централизаторской власти представительными учреждениями, основанными на местной провинциальной самобытности и на общности национальных, народных интересов страны».

Став на такую точку зрения, Утин вынужден был признать якобинскую диктатуру, правление Конвента и революционный террор уклонением от правильного пути развития революции.

Утин считал, что политический смысл кровавой борьбы, происходившей между Жирондой и Горой, не был понят почти никем из историков революции. Только один Эд. Кинэ, в своей книге «Революция», имел, по его мнению, смелость указать «на ложный путь революции со времени якобинской диктатуры». Присоединившись к высказываниям Кинэ, Утин поступал вполне последовательно, заявив, что жирондисты являлись верными носителями и правильными истолкователями «новых политических идей». Что же касается их противников, то они, «вооружась старыми способами правления — казнями и гонениями», неизбежно должны были обратиться и к старой политической системе — централизации. «Революция, — писал Утин, — была погублена тем, что была п р и н у ж д е н а своротить с своего истинного пути и вернуться к террору — как средству и к централизации — как системе». Утин понимал, что террор и диктатура были вызваны яростным сопротивлением врагов революции, их беспрестанными интригами и предательствами.

«Только вследствие происков врагов и их заговоров, революция вышла из своей гуманной роли и обратилась к террору, этому изобретению католической инквизиции, породившей Варфоломеевские ночи и Севенские драгонады!» Террор был печальной необходимостью, опасной и вредной для самой революции. Якобинцы не понимали этого и опрометчиво «стали восхвалять самый ф а к т, самые с в о й с т в а централизации, ее достоинства, ее

национальный характер». «Старый режим, — уверял Утин, — отплатил новому миру тем, что заставил его появление облечься в насильственный характер». С тех пор во Франции не раз менялись формы правления. Она пережила и республику, и конституционную монархию, и империю, но над всеми этими политическими формами царствовал бессменно один и тот же дух, — дух централизации и подавления народной инициативы [68].

Это, в частности, писал Утин, проявилось с особенной ясностью в революции 1848 г.: «Республика сменила монархию. Но сущность, самая система управления осталась тою же самою. Люди не поняли, что одно номинальное выборное право не может много изменить, когда сохранилась та же централизация правительственной власти и та же, сообразная с этою формою, централизация всей политической и общественной жизни страны. Вся страна попрежнему оставалась послушною пленницею Парижа, потому что ей было отказано в тех учреждениях полного местного представительства, без которого центральное правительство столько же искусственно и немощно, сколько и наоборот» [69]. Этого не понимали деятели 1848 г., за исключением Прудона, который «не переставал доказывать почти во всех своих сочинениях противоречие якобинской системы и традиции истинных принципов революции 89-го года» [70]. Не понимала этого и республиканская партия в эпоху Наполеона III; в ее пропаганде единство Франции и централизация были синонимами [71].

Самое существование Франции, ее «политическое спасение», можно, по мнению Утина, обеспечить только «широким, искренним принятием представительной системы — местной и общей — и добросовестным отречением от подавляющего и народный смысл, и народную волю централизаторского начала, в какое бы звание оно ни облекалось — в монархическое или республиканское [72].

Такова вкратце развернутая Утиным концепция политической истории Франции.

---

[68] «Вестник Европы», 1871, № 3, стр. 16, 17, 19, 33, 35, 39, 56.
[69] Там же, стр. 24—25.
[70] Там же, стр. 36.
[71] Там же, стр. 35.
[72] Там же, стр. 17.

Ее основной недостаток заключался в непонимании действительного соотношения политических форм и движений с социально-экономическим строем страны. Утин считал возможным изучать политическую историю, «оставляя в стороне вопрос социальный». Мало этого, он доходил до утверждения, что постоянное стремление французского народа к утверждению общественной инициативы «было затемнено другими симптомами внутреннего разлада, другими фактами общественного недовольства, которые мы привыкли обозначать борьбою классов»[73]. Очевидно, с точки зрения Утина, расхождение интересов различных классов общества и порожденная этим их междоусобная борьба отвлекали внимание французского народа от его коренной задачи — полного утверждения принципа общественного самоуправления.

В политической концепции Утина не оставалось места для столкновения интересов различных общественных классов, определяющего развитие политической жизни народа. Борьба классов подменялась им столкновением и борьбою идей, взятых вне связи их с общественным строем страны. Правильно подметив, что в то время как французский пролетариат искал ограждения своих интересов в широком развитии общественного управления, а мелкособственническое население французской деревни упорно поддерживало и во время революции 1848 г., и при Наполеоне III, партии, выступавшие носителями принципов централизации, — Утин высказывал убеждение, что расхождение между городом и селом вызывалось «не различием их интересов, а различием их сознаний». Только вследствии своей некультурности и обусловленной ею податливости клерикальной пропаганде, французское крестьянство, по мнению Утина, было и остается оплотом реакционных партий. Вся задача сводится, с его точки зрения, только к развитию в среде сельского населения «разумного сознания»[74].

Непонимание значения классовой борьбы и ее роли в истории лишило Утина возможности дать правильную историческую оценку якобинской диктатуры и революционного террора. Поддавшись влиянию Кинэ, он совершен-

[73] «Вестник Европы», 1871, № 6, стр. 562. Подчеркнуто мною. — *Б. К.*

[74] Там же, стр. 563—564.

но неверно изобразил историческую роль жирондистов, с одной стороны, и монтаньяров, с другой. Он не понял, что для преодоления бешеного сопротивления врагов новых идей и новых порядков, какое неизбежно встречает всякая революция, она необходимо нуждается и в сильной революционной власти, и в беспощадных мерах борьбы против представителей старого порядка, что, вследствие этого, мечтать о бескровной революции значит тешить себя маниловскими надеждами. Никакого противоречия между диктатурой и террором, с одной стороны, и освободительными идеями XVIII в. — с другой, о котором говорил Утин, в действительности не существовало, ибо политическая тактика, проповедуемая жирондистами, ни в коем случае не могла привести к торжеству освободительных идей и к осуществлению их политической жизни[75].

С точки зрения своей исторической концепции Утин подходил и к объяснению современных событий, происходивших во Франции. Для него лозунг Коммуны являлся лишь проявлением исконного принципа децентрализации, за который всегда боролся французский народ. После падения Наполеона III этот лозунг приобрел широчайшее распространение. Повсюду, говорит Утин в одном из своих «Швейцарских писем», слышатся одни и те же слова: «Нам нужна Коммуна! Коммуна спасет нас!»

«Что такое Коммуна? — спрашивал Утин и отвечал:— Под этим разумеют народный элемент во главе управления делами, строгое применение выборного начала к местному управлению... Нам надо Коммуну! Это значит — представительное управление Парижем, составленное из лиц, известных населению своим республиканизмом и всегда готовых слушать голос народных собраний. Но

[75] Интересно отметить, что в этом вопросе Утин шел за Прудоном и Бакуниным которые также осуждали якобинцев, предпочитая им жирондистов. В 1868 г. Бакунин печатно заявил, что, по его мнению, история Франции доказала, что «в 1793 г. были правы жирондисты, а не ...якобинцы». «Робеспьер, Сен-Жюст, Карно, Кутон, Камбон и многие другие граждане Горы были великими и чистыми патриотами, но тем не менее справедливо, что они устроили государственную машину, ту чудовищную государственную централизацию, которая сделала возможной, естественной и необходимой военную диктатуру Наполеона I и которая... должна была неизбежно привести к уничтожению всех своих свобод». «Материалы для биографии М. А. Бакунина...», т. III, стр. 143.

слово «Коммуна» заставляет дрожать мирных граждан. На беду самим же радикалам, — Бланки и К° ораторствуют о воскрешении Коммуны 92 и 93 годов; фигуры Марата и Гебера встают перед испуганным воображением мирных граждан, и Коммуна является им в своем всеоружии террора, с своей гильотиной, тюрьмами, обысками, конфискациями! Этого довольно, чтобы взбунтовать мирных граждан»[76].

В следующем «Швейцарском письме» Утин возвратился к вопросу о Коммуне. Он указал, что «партизаны Коммуны продолжают в Париже настаивать на своих требованиях». Вместе с тем он отмечал, что роковое с о з в у ч и е К о м м у н ы с к о м м у н и з м о м сбивает многих с толку[77].

Утин рассматривал движение в пользу Коммуны как движение чисто политическое, имеющее своей целью исключительное создание «местных представительств, связанных федеративным единством»[78]. Восстание в Лионе, руководители которого связывали вопрос о Коммуне с коренным политическим и экономическим переворотом, расценивалось Утиным как отступление от того типа движения, которое развивалось в Париже. В Лионе, по его словам, дело «не останавливалось на установлении Коммуны, как требовали в Париже; эту Коммуну хотели создать по новому образцу»[79].

Движение в пользу Коммуны в Париже связано со стремлением населения его предместий во что бы то ни стало отстоять столицу и не отдать ее в руки осаждавших ее врагов. Парижан, утверждал Утин, движет «идея освобождения, которая стала для них, повидимому, религиозной идеей». «Они верят в свое освобождение, — писал Утин о парижанах, — оно должно совершиться каким бы то ни было чудом: нет генералов — из земли выйдут генералы и поведут нас на истребление немцев; мы принесем все свое здоровье, своих детей, свою жизнь — в жертву нашей вере. Вера спасет нас!»[80].

[76] А б. С е м. Швейцарские письма. «Вестник Европы», 1870, № 11, стр. 454.

[77] «Вестник Европы», 1870, № 12, стр. 944.

[78] Там же, стр. 945.

[79] Там же, № 11, стр. 464.

[80] Аб. С е м. Швейцарские письма. «Вестник Европы», 1871, № 2, стр. 862.

Даже позже, когда в Париже была провозглашена Коммуна, Утин не вполне уяснил себе ее историческое значение и некоторое время продолжал рассматривать ее как один из этапов вековой борьбы идеи самоуправления с принципом централизации. Такой взгляд на Коммуну проявился даже в статье Утина «Старая и новая Франция», написанной им, когда неизбежность поражения парижских коммунаров сделалась уже почти несомненной (в печати статья появилась уже после падения Коммуны).

Указав на вероятность грядущего поражения Коммуны, Утин тем не менее высказывал убеждение, что торжество федеративной идеи в будущей Франции стоит вне сомнений. «Федеративная республика, — писал Утин, — будет предметом стремлений рабочих масс и даже мелкой буржуазии больших промышленных центров Франции». В крике «Коммуна!», утверждал Утин, парижский пролетариат предъявил «свое право на политическую способность, право на участие в общественном представительстве», которое при этом должно быть организовано на началах не централизации, а «повсеместного самоуправления». После того, как при выборах в национальное собрание французский пролетариат убедился, что даже при республиканской форме правления suffrage universel (всеобщая подача голосов) «отдает представительство всей страны в неограниченное распоряжение старых партий, которые никогда не задумывались идти кровавым путем к подавлению республиканской свободы и экономических реформ», в нем рушилась вера во всеобщее избирательное право и в централизацию. Централизованному государству пролетариат противопоставил новую форму управления и заимствовал для нее название из средневековой истории Франции — Коммуна [81].

Конечно, такой взгляд на Коммуну являлся глубоко ошибочным, ибо он игнорировал ее социальную природу, как первого во всемирной истории опыта осуществления диктатуры пролетариата.

Выясняя историческое значение Парижской Коммуны, Маркс писал:

«Обычной судьбой нового исторического творчества является то, что его ошибочно принимают за подобие

[81] «Старая и новая Франция». «Вестник Европы», 1871, № 6, стр. 563—565.

старых и даже отживших форм общественной жизни, на которые новые учреждения сколько-нибудь похожи. Так и эта новая Коммуна, которая ломает современную государственную власть, была ошибочно рассматриваема как воскрешение средневековых коммун, предшествовавших возникновению этой государственной власти и составивших основу ее»[82].

Эти слова написаны как будто специально по адресу Утина, хотя, конечно, его статья, напечатанная в «Вестнике Европы», не была известна автору «Гражданской войны во Франции».

Если Утин и его товарищи по Русской секции Интернационала и не понимали вполне исторического значения Парижской Коммуны, то тем не менее симпатии их находились всецело на стороне коммунаров; мало этого, два члена Русской секции принимали весьма заметное участие в событиях, происходивших в Париже весной 1871 г. Это были Ел. Дмитриева и А. В. Корвин-Круковская. Необходимо хотя бы кратко ознакомиться с их деятельностью в осажденном версальцами Париже.

Елизавета Дмитриева была делегирована в Париж Генеральным советом Интернационала. Произошло это следующим образом.

В декабре 1870 г. Ел. Дмитриева была направлена Русской секцией в Лондон. Рекомендуя ее Марксу как своего «лучшего друга», «искренне и серьезно преданную революционному делу в России», организаторы Русской секции сообщали[83], что они командируют ее в Лондон для того, чтобы познакомить Маркса подробно с трудностями, с которыми сопряжена их работа, и получить от него советы относительно дальнейшей деятельности Русской секции. Из письма Утина и его друзей видно, что Ел. Дмитриева по выполнении ею поручения должна была возвратиться в Женеву. «Г-жа Элиза, — писали они, — напишет нам обо всем, что Вы найдете нужным нам сообщить, а по возвращении расскажет о том, какое впечатление произвели на нее, при более близком знакомстве, организации рабочих союзов и политическая и

---

[82] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 315.

[83] См. письмо от 9 декабря 1870 г. «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 45—47.

общественная жизнь Англии, и даст нам все сведения о ней».

В Лондоне Дмитриева настолько сблизилась с Марксом, его женою и дочерьми, что сделалась в семье Маркса своим человеком.

Когда в Париже вспыхнула революция, Генеральный совет Интернационала по предложению Маркса решил направить Дмитриеву туда в качестве своего агента. Предполагалось, что она поедет вместе с Юнгом и пробудет в Париже около двух недель[84]. Однако Юнг почему-то не поехал. Дмитриева же пробыла в Париже не две недели, а более двух месяцев, до самого падения Коммуны.

29 марта 1871 г. Юнг сообщил Марксу, что он получил от благополучно прибывшей в Париж Дмитриевой письмо.

В Париже Дмитриева работала вместе с другим уполномоченным Генерального совета Интернационала О. Серрайе. Она была близко знакома с Вайаном, Бенуа Малоном и другими деятелями Коммуны.

Б. Малон, большой поклонник Дмитриевой, так описывает ее работу в дни Коммуны: «Прельщенная великой революционной традицией Парижа и увлеченная страстной преданностью делу народа, она хотела объединить парижских работниц в военную лигу и этим содействовать делу Коммуны и помочь эмансипации женщин. Она начала с объединения нескольких сострадательных женщин... Этот небольшой комитет решил основать клубы для женщин. Такие клубы были организованы. Комитет принял название Центрального комитета союза женщин. Число пропагандисток увеличивалось: стоило провести день на их собраниях, а затем вечер в их клубах, и присоединяющиеся приходили толпой. Они открывали клубы в бомбардируемых кварталах так же, как и в других, и всегда к ним валила толпа»[85].

Однако не только о клубах заботились Дмитриева и примкнувшие к ней женщины, но и об организации помощи защитникам Парижа. 11 апреля на первом же ор-

---

[84] Об этом она писала Утину. См. его письмо Марксу от 17 апреля 1871 г. в кн. «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны». М., 1942, стр. 188.

[85] B. Malon. La troisième défaite du prolétariat français. Neuchatel, 1871, p. 274—275.

ганизационном собрании Центрального женского комитета обсуждался вопрос о создании регулярных отрядов для обслуживания походных госпиталей или рот; эти отряды должны были «в минуту крайней опасности, — в случае вторжения неприятеля в Париж, — строить баррикады и драться на них вместе с теми из наших братьев, для которых начавшаяся борьба составляла вопрос жизни или смерти». Было принято обращение в Исполнительную комиссию Коммуны об оказании содействия Центральному комитету женщин. Оно было подписано восемью женщинами, в том числе Дмитриевой [86].

Несмотря на то, что осажденный версальцами Париж был почти совершенно отрезан от остального мира, в апреле 1871 г. Дмитриевой удалось переправить с оказией письмо Г. Юнгу. Письмо это представляет чрезвычайный интерес, так как оно знакомит нас с чувствами и переживаниями этой выдающейся женщины, посвятившей себя борьбе за освобождение французского пролетариата.

«Я очень больна, у меня бронхит и лихорадка,—пишет Дмитриева. — Я много работаю, мы поднимаем всех женщин Парижа. Я созываю публичные собрания. Мы учредили во всех районах, в самих помещениях мэрий, женские комитеты и, кроме того, Центральный комитет. Всё это для того, чтобы основать союз женщин для защиты Парижа и помощи раненым. Мы устанавливаем связь с правительством, и я надеюсь, что дело наладится. Но сколько потеряно времени и сколько труда мне это стоило! Приходится выступать каждый вечер, много писать, и моя болезнь всё усиливается. Если Коммуна победит, то наша организация из политической превратится в социальную, и мы образуем секции Интернационала. Эта идея имеет большой успех. Вообще интернациональная пропаганда, которую я веду с целью показать, что все страны, в том числе и Германия, находятся накануне социальной революции, — эта пропаганда очень хорошо воспринимается женщинами. Наши собрания посещает от трех до

[86] А. И. Молок. Очерки быта и культуры Парижской Коммуны 1871 г. Л., 1924, стр. 94—95. Подробно о деятельности Дмитриевой во время Коммуны см. в статье: И. С. Книжник-Ветров. Героиня Парижской Коммуны 1871 г. Е. Л. Томановская («Елизавета Дмитриева»). «Летописи марксизма», 1928, № 7—8 стр. 66—73.

четырех тысяч женщин. Несчастье в том, что я больна и меня некому заменить».

Во время написания этого письма Дмитриева еще не утратила веры в возможную победу Коммуны над ее врагами. Однако некоторые опасения на этот счет уже зародились в ее душе.

«Мы никогда не думали, что окажемся настолько изолированными», — жалуется она. Она признает, что коммунарами было сделано немало ошибок, особенно в начале. В частности, она придает большое значение тому, что, несмотря на убеждения ее и Жаклара, руководители Коммуны «не обратились во-время с манифестом» к крестьянам.

Посвятив все свои силы борьбе, Дмитриева осуждает людей, которые не спешат прийти на помощь коммунарам. Не без негодования она обращается к своему корреспонденту с упреком: «Как вы можете оставаться там в бездействии, в то время как Париж из-за этого на краю гибели?» [87].

Красивая молодая женщина, произносящая страстные речи, пропитанные жгучей ненавистью к эксплуататорам народа, Ел. Дмитриева приобрела громадную популярность не только в Париже, но и за пределами его. Ее имя в дни Коммуны нередко упоминалось на страницах прессы всех стран, в том числе и русской [88]. Интересовались ею и русские власти и их представители за границей; однако узнать настоящую фамилию Ел. Дмитриевой им не удалось. Не удалось узнать и то, что случилось с этой женщиной после падения Коммуны.

«Какова судьба этой сумасшедшей? Казнили ли ее среди других, не установив ее личности? Перевезли ли ее в Версаль и оттуда в какой-нибудь морской порт под ложным именем, выдуманным ею самой? До сих пор невозможно было узнать что-либо на этот счет»,— писал в начале июля 1871 г. секретарь русского посольства в Париже. А в начале ноября следующего года агент III отделения доносил из Парижа, что Елизавета Дмитриева «при-

---

[87] «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 50.

[88] См., например, «Голос», 1871, №№ 114, 115; «Современная летопись», 1871, № 15 и др.

суждена к ссылке в крепости»[89]. Однако это совершенно не соответствовало действительности.

В кровавую майскую неделю, когда на улицах Парижа происходили бои, Дмитриева принимала в них непосредственное участие. Историк Коммуны Л. Дюбрейль писал:

«На площади Бланш батальон женщин под командой героической Луизы Мишель и русской Дмитриевой, уже накануне (22 мая) сражавшейся в Батиньоле, проявил чудеса храбрости. Когда позицию уже невозможно было удерживать, батальон отбежал на несколько сотен метров далее, на площадь Пигаль, где вновь боролся с неприятелем; и так, отступая с одной баррикады, чтобы возобновить эту жестокую борьбу на следующей, батальон этот сражался до последнего дня»[90].

Когда Коммуна пала, Дмитриевой удалось скрыться[91]. 1 и 2 июня она была уже в Женеве, а 4 июня А. Перре писал Г. Юнгу: «Отрадное известие, — наша дорогая сестра Элиза спасена; она покинула Париж, минуя всякого рода препятствия, под градом снарядов и пуль. Это — чудо, что она спаслась; она у нас в Женеве, и мы охраняем ее с величайшей заботливостью. Ей удалось с несколькими друзьями и подругами ускользнуть от этой ужасной бойни».

Однако и среди женевских друзей ей приходилось быть все время начеку. Как иностранку швейцарское правительство легко могло выдать ее. «Наша дорогая Элиза под угрозой ареста, но мы охраняем ее», — писал тот же Перре Юнгу 23 июля 1871 г.[92].

Наряду с Ел. Дмитриевой близкое участие в парижских событиях 1871 г. принимала А. В. Корвин-Круковская. Она приехала в Париж вместе со своим мужем

[89] И. С. Книжник-Ветров. Героиня Парижской Коммуны 1871 г. Е. Л. Томановская..., стр. 73—74. Сведения о ссылке Дмитриевой тогда же проникли в русскую печать.

[90] Л. Дюбрейль. Коммуна 1871 г. П., 1920, стр. 223—224.

[91] Биографы известного венгерского политического деятеля, одного из руководителей Парижской Коммуны — Лео Франкеля высказывают предположение, что Дмитриева была той неизвестной женщиной, которая помогла ему бежать из Парижа после поражения Коммуны. Пьер Ангран. Неизвестные страницы биографии Лео Франкеля. «Вопросы истории», 1956, № 3, стр. 96.

[92] «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», стр. 209—210, 222.

Жакларом в сентябре 1870 г., вскоре после низложения Наполеона III. Жаклар был членом Центрального комитета национальной гвардии и в дни Парижской Коммуны командовал в чине полковника 17-м легионом. А. В. Корвин-Круковская ухаживала за больными и ранеными в одном из парижских госпиталей, а после провозглашения Коммуны была членом женского комитета бдительности 18-го округа Парижа (Монмартр) и как представительница его входила в организованный Ел. Дмитриевой Центральный комитет союза женщин. Большая часть афиш, выпущенных в дни Коммуны жительницами Монмартра, наряду с Луизой Мишель и известной писательницей Андре Лео, были подписаны Анной Жаклар. Вместе с Андре Лео она организовала вечернюю газету «La Sociale» и была членом комиссии по реорганизации женского образования, организованной по декрету Вайяна, бывшего во время Коммуны во главе народного образования. Участие А. В. Корвин-Круковской в событиях Коммуны не осталось тайной для русского правительства. После подавления Коммуны секретарь русского посольства в Париже сообщил в Петербург, что А. В. Корвин-Круковская «была замешана в насилиях Коммуны, в арестах и в последних неистовствах сопротивления». Как и Жаклар, она оставалась на своем посту до самого конца, принимая в дни «кровавой недели» участие в борьбе с вторгнувшимися в Париж версальцами [93].

После падения Коммуны А. В. Корвин-Круковская и ее муж скрывались в Париже. Вскоре Жаклар был арестован; однако в октябре ему удалось бежать в Швейцарию. Его жена еще ранее покинула Париж. Супруги Жаклар поселились в Цюрихе, где прожили до середины 1874 г., когда они получили возможность уехать в Россию [94].

---

[93] О работе А. В. Корвин-Круковской см. подробнее в книгах: И. С. Книжник-Ветров. А. В. Корвин-Круковская (Жаклар). М., 1931, стр. 62 и сл. и С. Я. Штрайх. Сестры Корвин-Круковские. М., 1933, стр. 136 и сл.

[94] И. С. Книжник-Ветров, основываясь на рассказах знакомых Е. Г. Бартеневой, утверждает, будто бы и она участвовала в Парижской Коммуне и даже написала об этом воспоминания, которые собиралась печатать в 1913 г. Однако это сообщение не находит себе подтверждения ни в каких источниках и представляется весьма сомнительным, тем более, что сын Е. Г. сообщил, И. С. Книжнику-Вет-

Н. И. Утин, как видно из его письма к Марксу от 17 апреля 1871 г., задумывался над тем, не следует ли ему пробраться в Париж, чтобы присоединиться к защитникам Коммуны.

«Много раз, — писал он, — я думал, что нам всем следовало бы отправиться туда, но затем меня останавливали сомнения в окончательном успехе, и я говорил себе, что дело Интернационала скорее пострадало бы, чем выиграло, если бы все головы были *снесены* одним ударом вандейцев Тьера и К°, и что, исходя из этого, наш долг состоит скорее в том, чтобы оставаться на своих постах и продолжать начатую работу» [95].

Чтобы разрешить свои сомнения, Утин и обращался к Марксу за советом. Мы не знаем, что ответил Маркс Утину. Во всяком случае Утин остался в Женеве. Надо сказать, что, находясь здесь, он был перегружен работой, связанной с событиями, происходившими в Париже. Члены женевских секций Интернационала вели пропаганду среди французских солдат, перешедших швейцарскую границу и интернированных в Швейцарии. Им удалось даже основать из них секцию Интернационала [96]. Из письма Беккера к Зорге видно, что среди членов Интернационала в Женеве родилась мысль поднять восстание на юге Франции. «Для этого, — писал Беккер, нами было сделано, принесено в жертву и поставлено на карту все, что было в человеческих силах» [97]. Некоторые подробности относительно этого плана выясняются из письма Перре к Юнгу от 23 июля. Для оказания помощи парижским коммунарам женевцы решили образовать тайный комитет. В его состав вошли: Беккер, Утин, Трусов, сам Перре и еще два женевца.

«Мы написали некоторым друзьям во Франции; — писал Перре, — кроме того, через посредство французских граждан, эмигрировавших в Женеву из Сен-Этьена, Мар-

---

рову, что он не помнит никаких рассказов своей матери об участии ее в Коммуне. См. И. С. Книжник-Ветров. Е. Г. Бартенева — социалистка и писательница. «Каторга и ссылка», 1929, № 11(60) стр. 45—46.

[95] «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 48—49.

[96] «Письмо Перре к Юнгу от 23 апреля 1871 г.» «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», стр. 192.

[97] Там же, стр. 218.

селя и Лиона, нам удалось вызвать из Лиона одного честного гражданина, человека абсолютно верного, которому мы доверили наши соображения и который одобрил наши планы. Мы составили манифест, который был распространен в провинции. Он исходил как бы от некоего Центрального комитета, находящегося в Лионе. Мы вели оживленную переписку с различными революционными группами во Франции... Наш циркуляр и афиша распространялись в большом количестве в различных городах. Мы ставили себе задачей помочь созданию комитетов действия всюду, где находились решительные люди. Мы не жалели ни времени, ни денег на то, чтобы чего-нибудь добиться. Наши заседания часто продолжались до поздней ночи. Всё позволяло предполагать, что будет возможно поднять главные города провинции».

Из того же письма Перре мы узнаем, что женевцы были связаны с Коммуной через некоего Артюса, который приезжал из Парижа в Женеву и вернулся снова в Париж для согласования плана восстания с руководителями Коммуны, которые одобрили действия женевцев.

Перре утверждает, что произведенная в Лионе 22—25 марта 1871 г. попытка создать Коммуну была подготовлена женевцами, делегат которых Дюваль принимал участие в боях, происходивших в Лионе.

«Несмотря на всю нашу добрую волю, — писал Перре, рассказав о неудаче восстания в Лионе, — мы из-за отсутствия энергии в провинции потерпели неудачу; провинция допустила, чтобы Париж был раздавлен. Между тем мы имели возможность ему помочь. Мы имели добровольцев, готовых двинуться в путь, и даже весьма заслуженных офицеров, которые должны были возглавить батальоны, если бы выступление удалось» [98].

После падения Коммуны перед интернационалистами Женевы возникла новая задача: помощь бежавшим из Парижа коммунарам. Для этой цели один из делегатов, посланных женевцами, пробрался в Париж и помогал бежать оттуда тем борцам Коммуны, которые после ее падения скрывались в захваченном версальцами городе. «После падения коммуны, — писал Беккер Зорге, — опять понадобились новые усилия, новые жертвы и новый риск,

[98] «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», стр. 221—222.

чтобы вызволить как можно большее число из преследуемых побежденных». Беккер рассказывал об ужасной нужде, испытываемой добравшимися в Женеву коммунарами, и о помощи, которую оказывали им женевские рабочие. К тому же беглецов приходилось скрывать от властей, ибо были основания опасаться выдачи спасшихся коммунаров французскому правительству. «Из всего сказанного, — добавлял Беккер в письме к Зорге, — ты можешь до некоторой степени представить себе, в каком водовороте я нахожусь и как меня рвут направо и налево»[99].

В неменьшем водовороте находились все это время и руководители Русской секции, которые из-за парижских и женевских дел были вынуждены отложить на некоторое время свои русские дела.

Прибытие в Женеву французских эмигрантов внесло новые осложнения в жизнь женевского Интернационала и Русской секции.

БОРЬБА С БАКУНИСТАМИ ПЕРЕД И ВО ВРЕМЯ ЛОНДОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

При обсуждении предложения об исключении Бакунина и его друзей из Центральной женевской секции Интернационала возник вопрос, была ли принята секция Альянса Генеральным советом, как это утверждали бакунисты, или нет. У Романского комитета не оказалось никаких сведений на этот счет. Поэтому Ел. Дмитриевой, когда она отправлялась в Лондон, было поручено навести у Юнга, как представителя Швейцарии в Генеральном совете, справку о том, какие постановления принимал Генеральный совет относительно Альянса.

Дмитриева выполнила это поручение. По каким-то причинам справка, данная ей Юнгом, оказалась далеко не полной. Юнг ознакомил Дмитриеву с двумя постановлениями Генерального совета: от 22 декабря 1868 г., отклонившим просьбу Альянса как международной организации о принятии ее в Интернационал, и от 9 марта 1869 г., в котором Генеральный совет давал ответ на запрос Альянса относительно возможности принятия в Интернационал его отдельных секций в том случае, если

[99] Там же, стр. 218—219.

Альянс как международная организация будет распущен. Почему-то Юнг не информировал Дмитриеву о том, что в июле того же года женевская секция Альянса была принята Генеральным советом[100]. У Дмитриевой, вследствие этого, создалось впечатление, что вопрос о принятии Альянса повис в воздухе и никакого окончательного решения Генеральным советом принято не было. О всем рассказанном ей Юнгом она сообщила в Женеву.

Основываясь на сообщении «гражданки Элизы», Утин на общем собрании членов всех женевских секций заявил, что, вопреки заверениям руководителей Альянса, их секция никогда не была принята Генеральным советом в Интернационал. Возмущенный этим заявлением Утина, секретарь секции Альянса Н. И. Жуковский опубликовал в женевских газетах полученные Альянсом письма Эккариуса и Юнга, написанные от имени Генерального совета. Первое из них (от 28 июля 1869 г.) сообщало о том, что Альянс единогласно принят Генеральным советом; а второе (от 25 августа 1869 г.) уведомляло о получении от Альянса — за всех его участников — членских взносов за 1868—1869 гг. Утин, не допуская и мысли, что Дмитриева могла сообщить ему неправильные или неточные сведения, заявил, что документы, опубликованные Жуковским, подложны[101]. В действительности же они были подлинными. Вопрос о подлинности спорных документов был поставлен перед руководящими органами Интернационала через Робена, к этому времени переселившегося в Лондон и ставшего членом Генерального совета. Робену удалось

[100] Утверждение И. С. Книжника-Ветрова, что Юнг, после Парижской Коммуны порвавший с Марксом, уже в 1870 г. был «двурушником» (см. его статью «К. Маркс и Ел. Дмитриева». «Каторга и ссылка», 1933, № 3, стр. 154), ничем не обосновано.

[101] И. С. Книжник-Ветров («Героиня Парижской Коммуны 1871 г. Е. Л. Томановская...», стр. 63—64) высказывает предположение, что Дмитриевой было поручено Генеральным советом заявить о подложности писем Эккариуса и Юнга. Предположение это, бросающее тень на руководящий орган Интернационала, абсолютно ни на чем не основано. Еще дальше И. Книжника-Ветрова идет в произвольных домыслах А. Я. Лурье, автор книги «Портреты деятелей Парижской Коммуны» (М., 1956, стр. 388). Он утверждает, будто Дмитриева, выступая на общем собрании секций Интернационала в Женеве по вопросу об Альянсе, и утверждая, что он не был принят в Интернационал, выполняла «поручение К. Маркса»!

выяснить, что документы не подложны и что, приняв Альянс, Генеральный совет впоследствии не выносил постановления об исключении его из Интернационала. Однако во время обсуждения запроса Робена в Генеральном совете было обращено внимание на то, что с августа 1869 г. Альянс членских взносов в кассу Генерального совета не вносил. При этом Робену было указано, что, если Генеральный совет и не принимал постановления об исключении Альянса, «то это совсем не доказывает, что Альянс не исключил себя сам своими действиями и поступками»[102].

Было решено, что вместе с вопросом о расколе среди швейцарских секций Интернационала вопрос об Альянсе будет поставлен на обсуждение закрытой конференции Интернационала, которую предполагалось организовать в сентябре 1871 г. вместо конгресса, созыв которого в этом году по общеполитическим условиям не представлялся возможным. Сообщая об этом решении Утину, Маркс писал, что предстоящая конференция «будет заниматься не теоретическими, а исключительно *организационными* вопросами», в том числе «будут разобраны также разногласия между различными секциями одной и той же страны»[103].

Узнав от Робена о предстоящей конференции и о ее задачах, члены Альянса, желавшие уклониться от рассмотрения Генеральным советом их действий, спешно приняли, по предложению Жуковского, решение распустить свою секцию. Решение это мотивировалось желанием «положить конец всем интригам и клеветам против Альянса» и устранить «причину разъединения, существующего между женевскими и юрскими секциями».

Нельзя не признать этот шаг альянсистов, принятый ими, несмотря на протесты Бакунина, довольно ловким и удачным. Распустив Альянс, они тем самым рассчитывали снять вопрос о нем с порядка дня будущей конференции.

Однако своими дальнейшими действиями они показали, что роспуск Альянса по существу являлся лишь притворством.

---

[102] В кавычках слова Маркса из его письма к Утину 27 июля 1871 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 135.
[103] Там же, стр. 134.

Через несколько дней после этого решения руководящие деятели Альянса, к которым присоединились некоторые из находившихся в то время в Женеве французских эмигрантов-коммунаров, решили фактически возродить Альянс, создав новую секцию, принявшую название Секции пропаганды и социалистического действия.

Конечно, предстоящая конференция Интернационала не могла не считаться с возникновением новой секции, претендующей войти в Интернационал, хотя и не заявлявшей пока об этом Генеральному совету.

Утину предстояло отправиться на эту конференцию в качестве делегата от немецкой секции Интернационала в Женеве.

Конечно, при обсуждении швейцарских дел его голос на конференции должен был иметь большое значение, как голос человека, находившегося в центре борьбы.

Не меньшее значение его выступления имели и еще для одного вопроса, разобраться в котором предстояло конференции, — вопроса о том, как Нечаев, используя авторитет и популярность Интернационала, членом которого он себя ложно выдавал, дискредитировал международную рабочую организацию своими авантюристическими действиями в России.

Дело в том, что летом 1871 г. в Петербурге происходил судебный процесс участников нечаевской организации, во время которого выяснилось многое, что ранее оставалось тайной и бросало мрачную тень не только на Нечаева, но до известной степени и на Бакунина. Стенографический отчет об этом процессе печатался в «Правительственном вестнике» и в других русских газетах и привлекал к себе усиленное внимание не только русского общества, но и за границей. В этом стенографическом отчете можно встретить немало упоминаний об Интернационале. Из показаний подсудимых выяснилось, что Нечаев не только неоднократно рассказывал им об Интернационале, но и выдавал себя за члена этого общества.

Подсудимому Черкезову Нечаев рассказывал, что он побывал в Бельгии, где устроил какую-то стачку, и что бельгийские рабочие послали его делегатом в Интернационал, где он встретился с Бакуниным[104]. Лихутину он

---

[104] «Правительственный вестник», 1871, № 162.

повествовал о конгрессе рабочих, на котором он якобы присутствовал [105]. Вербуя членов в тайное общество «Народная расправа», Нечаев, по словам подсудимого Долгова, утверждал, что это общество связано с Интернационалом через Бакунина [106]. Рипмана Нечаев убеждал в том, что в Москве имеется отделение Интернационала; когда же Рипман просил познакомить его с программой этого международного общества, Нечаев прочитал ему некоторые места из бывшей при нем французской брошюры [107]. Рипману осталось неизвестным, что этой брошюрой был устав не Интернационала, а Альянса. Многим подсудимым Нечаев показывал удостоверение, выданное ему Бакуниным: «Податель сего есть один из доверенных представителей русского отдела Всемирного революционного союза». На этом удостоверении, датированном 12 мая 1869 г., имелась печать с надписью: «Alliance revolutionnaire européenne. Comité général» [108].

Сведения, которыми русское общество располагало в то время относительно Интернационала, были настолько скудны, что не только студенты, пропагандируемые Нечаевым, но даже казалось бы осведомленные органы прессы верили тому, что Интернационал и Альянс — одно и то же [109] и что мифический «Всемирный революционный союз» действительно существует.

Перепуганное воображение русских реакционеров и либералов по ознакомлении с отчетом о процессе нечаевцев легко могло допустить, что таинственный Интернационал угрожает России ужасами, подобными тем, которые приписывались тогдашней прессой Парижской Коммуне. Нечаев же представлялся орудием в руках вождей Интернационала. Реакционный историк П. Щебальский писал по поводу процесса нечаевцев:

«Процесс не разъяснил, существовала ли фактическая связь между русской организацией 1869 г. и пресловутой

---

[105] Там же, № 196.
[106] Там же, № 172.
[107] Там же.
[108] Там же, № 163.
[109] Корреспондент «Голоса» Н. Щербань («С перепутья». «Голос», 1871 г., № 151), приведя программу Альянса, утверждал, что Генеральный совет Интернационала в июле 1869 г. одобрил ее и «признал ее международною, т. е. обязательно для всех сочленов».

Интернациональной лигой, но духовная связь их очевидна» [110].

Катков уверял, что разница между «Интернационалкой» и нечаевщиной исчерпывается тем, что первая не действует с такой откровенностью, как вторая. Вспоминая о нечаевско-бакунинских прокламациях, Катков писал, сравнивая Интернациональную ассоциацию с нечаевской организацией: «Она не говорит запросто: мы подлецы; она не хвастает тем, что единственный союзник, на которого она рассчитывает, есть лихой разбойничий люд; она не вносит в свою программу, что ее члены не должны иметь ни убеждений, ни совести. Западная Интернационалка старается прикрыть свои цели либеральными фразами» [111].

Один из сотрудников «Голоса» уверял, что у нечаевцев и у Парижской Коммуны одна и та же цель и одни и те же способы действия: революция, убийства, пожары, грабежи. Он писал: «Средства, употреблявшиеся участниками открытого ныне заговора для вербования приверженцев, были совершенно те же, как и у членов Международного общества, т. е. образовывались маленькие кружки, из них избирались члены «отделений»; эти в свою очередь посылали делегатов в Центральный комитет и проч.» [112].

Много внимания уделяла процессу нечаевцев и иностранная, — в частности, английская — пресса. И на ее страницах можно было найти утверждение, будто организация, создаваемая Нечаевым, являлась ветвью Интернационала.

«Так называемое нечаевское дело,—писала петербургская газета «Неделя» [113], — дало повод к легенде о каком-то русском отделе Международного общества, превосходящем крайностью своего направления всё, что только было до сих пор крайнего в Западной Европе. Легенде этой поверили даже такие солидные органы, как «Times». В одном из последних номеров этой газеты целая руководящая статья посвящена разбору пресловутого «катехизи-

---

[110] П. Щебальский. Наш умственный пролетариат. «Русский Вестник», 1871, № 8, стр. 644.

[111] «Московские ведомости», 1872, № 5.

[112] Петербуржец. Листок «Голос», 1871, № 183.

[113] «Политическое обозрение». «Неделя», 1871, № 16, стр. 524.

са революционера». Авторство этого курьезного произведения по всем признакам принадлежит, как известно, Нечаеву, который выдавал себя за члена Международного общества. Основываясь на этих соображениях, «Times» видит в «катехизисе» как бы profession de foi Международного общества и иронически поздравляет русских нигилистов за смелость в высказывании задних мыслей, которые западные их единомышленники, конечно, посовестятся открыто признать своими».

Вполне понятно, что Генеральный совет Интернационала не мог остаться равнодушным к клеветническим попыткам связать его с Нечаевым и возложить на него ответственность за убийство неповинного Иванова и за мошенничества, к которым прибегал Нечаев в России. Необходимо было снять с Интернационала пятно, которое стремилась возложить на него буржуазная пресса. Вот почему было решено поставить в порядок дня предстоящей конференции вопрос о «злоупотреблении именем Международного товарищества в известном политическом процессе в России».

Конференция открылась в Лондоне 17 сентября 1871 г. Здесь впервые Утин встретился и познакомился с Марксом и Энгельсом. Вместе с ними на конференцию приехал другой женевский делегат А. Перре. Утин принимал деятельное участие в работе конференции; он высказывал свое мнение по всем вопросам, поставленным на ее обсуждение.

Много внимания конференция уделила швейцарскому конфликту. В целях всестороннего выяснения его была избрана особая комиссия, которой предстояло допросить в качестве свидетелей, с одной стороны, Утина и Перре, а с другой — Робена.

Допрошенный на заседании комиссии, Робен дал подробные показания. Закончив их и не выслушав Утина и Перре, он удалился под предлогом того, что время было позднее, а ему далеко идти до дома. Перед его уходом Утин успел сказать ему: «Я не хочу говорить о вас в вашем отсутствии, но я заявляю, что вы — главный зачинщик интриг Альянса». На это Робен, уже на ходу, ответил, что он с презрением относится к такому обвинению. Утин и Перре были допрошены в отсутствие Робена. Комиссия избрала своим докладчиком Маркса.

На заседание конференции, на котором должен был рассматриваться доклад комиссии, Робен не явился, прислав резкое по форме заявление, гласившее, что он «не намерен принять на себя роль обвиняемого и потому воздерживается от присутствия на заседаниях при обсуждении швейцарского конфликта».

После доклада Маркса с большой речью выступил Утин, подробно осветивший весь ход швейцарских событий и яростно нападавший на Бакунина и его сторонников. Что касается Робена, то его Утин обвинял в преднамеренном уклонении от участия в конференции в целях затянуть дело. Это уклонение Утин объяснял сознанием того, что Робену не удастся оправдаться. «Можно было думать, — говорил Утин, — что гражданин Робен найдет в себе по крайней мере самую элементарную честность, чтобы защищаться. Эти люди издеваются над конференцией после того, как они в течение двух лет наносили огромный вред Интернационалу; они хотят теперь задержать ликвидацию этого конфликта под лживым предлогом своего отсутствия; всё это — с той целью, чтобы иметь возможность до очередного конгресса безнаказанно продолжать свои интриги». Утин настаивал на том, чтобы Робен, возбуждавший швейцарских диссидентов к борьбе против Генерального совета, был исключен из числа его членов.

Конференция подтвердила постановление, принятое Генеральным советом 29 июня 1870 г. относительно швейцарского раскола, и предложила федерации горных секций, если они не примкнут к Романской федерации, принять название Юрской федерации. Робену же было предложено взять обратно его письмо, адресованное конференции, как «являющееся покушением на честь комиссии», с предупреждением, что в случае невыполнения этого требования инцидент будет передан на рассмотрение Генерального совета [114].

Что касается Альянса, то, принимая во внимание его самороспуск, конференция объявила вопрос о нем исчер-

---

[114] Робен отказался взять обратно свое письмо и был исключен из Генерального совета. О рассмотрении конференцией швейцарского конфликта см. «Лондонская конференция Первого Интернационала 17—23 сентября 1871 г.». М., 1936, стр. 81—84, 87—88, 131—135 и J. Guillaume. L'Internationale..., v. II, p. 192—201.

панным. Во время прений Маркс обратил внимание конференции на недопустимость создания бывшими членами Альянса секции пропаганды. Утин поддержал его; он протестовал против того, «чтобы отдельные лица... создавали секции, которые в известном смысле монополизировали бы дело пропаганды». Конференция в принятую ею резолюцию об Альянсе внесла запрещение создавать «сепаратистские общества... претендующие на выполнение особых задач, отличных от общих целей товарищества»[115]. На основании этой резолюции Генеральный совет позднее отказался принять женевскую Секцию пропаганды и социалистического действия.

Много внимания конференция уделила процессу нечаевцев. Утин сделал подробный доклад о нем, познакомив членов конференции и с недопустимыми приемами, которые практиковал Нечаев, и с связью его с Бакуниным, и с допущенными ими злоупотреблениями именем Интернационала.

Конференция уполномочила Генеральный совет заявить публично:

что Нечаев никогда не был ни членом, ни агентом Интернационала;

что его утверждения об основании им секции Интернационала в Брюсселе и о посылке его этой секцией в Женеву являются лживыми;

что «Нечаев обманным путем использовал имя Международного товарищества рабочих с целью одурачивания людей в России и создания жертв».

Помимо этого конференция поручила Утину опубликовать в газете «Égalité» краткий отчет о процессе Нечаева по материалам русских газет[116].

Гильом утверждает, что это поручение было дано Утину исключительно для того, чтобы оклеветать Бакунина и уронить его в мнении рабочих масс[117]. Это, конечно, неверно. Мы видели уже, что у Интернационала были вполне реальные основания для того, чтобы заявить о своей полной непричастности к нечаевским авантюрам. Для достижения этой цели и было необходимо ознакомить за-

---

[115] «Лондонская конференция...», стр. 17—19, 130—131.
[116] Там же, стр. 109—115, 129, 136.
[117] J. Guillaume, L'Internationale..., v. II, p. 208.

падноевропейское общественное мнение с процессом нечаевцев.

В связи с этим процессом на обсуждение конференции был поставлен вопрос о типе революционной организации, возможном в России. Утин развивал уже знакомые нам по «Народному делу» мысли о недопустимости создания в России тайных заговорщических обществ и о необходимости организации в ней ячеек Интернационала, которые в силу русских политических условий должны существовать тайно. Судя по аргументации Утина, он, говоря о тайных обществах, имел в виду объединения типа нечаевской «Народной расправы», которые он квалифицировал как заговорщические, требующие беспрекословного подчинения таинственному и неизвестно из кого состоящему центру организации. Им он противопоставлял такие общества, которые, существуя тайно от правительства, не допускают никаких тайн, кроме самых необходимых, и никакого диктаторства в отношениях между их участниками. Именно так необходимо понимать смысл выступления Утина.

Маркс одобрил его выступление и заявил, что «он возлагает весьма большие надежды на русское общественное движение». «Студенты там почти все бедны, — говорил Маркс, — они дают сильный толчок рабочему классу. Тайные общества там не нужны; организация Интернационала там вполне осуществима. Там силен дух товарищества и солидарности».

Постановление, принятое по этому вопросу конференцией, было сформулировано следующим образом:

«В странах, в которых регулярная организация Интернационала, вследствие препятствий со стороны правительств, в настоящий момент неосуществима, товарищество и его местные группы могут быть реорганизованы под различными другими названиями [118]; категорически запрещаются, однако, как в настоящий момент, так и впредь, какие бы то ни было тайные общества в собственном смысле слова» [119].

---

[118] Маркс указывал, что в Германии, где Интернационал не может существовать под своим настоящим именем, он существует под названием социал-демократической партии. «Лондонская конференция...», стр. 103.

[119] «Лондонская конференция...», стр. 110—112, 128.

УЧАСТИЕ ЧЛЕНОВ РУССКОЙ СЕКЦИИ ВО ФРАКЦИОННОЙ БОРЬБЕ ПОСЛЕ ЛОНДОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Постановления, принятые Лондонской конференцией, и твердый тон, взятый Генеральным советом Интернационала по отношению к тем секциям, которые шли за Бакуниным по направлению к полному расколу международного рабочего движения, привели в бешенство всех противников Генерального совета. Особенное негодование их было направлено против Утина, в котором швейцарские сторонники Бакунина не без основания видели своего злейшего врага. Борьба между ними и швейцарскими интернационалистами, верными руководству Интернационала, вспыхнула после Лондонской конференции с новой силой.

Федеральный комитет, возглавлявший юрские секции, решил составить и разослать всем секциям Интернационала подробный доклад, который осветил бы раскол швейцарских секций с точки зрения анархистов и возложил бы всю ответственность за него на секции Женевы. Составление этого доклада было поручено Гильому. Такова история нашумевшего в свое время документа, изданного в Сонвилье в 1873 г. Этот документ дает представление о том, что приходилось Утину выслушивать от его противников.

В докладе Гильома говорилось, что Утин, «сын богатого русского спекулянта», является злостным интриганом, лжецом и беззастенчивым льстецом по отношению к тем людям, в которых он нуждается [120].

В лице ряда французских коммунаров, обосновавшихся в Женеве после своего бегства из Франции, сторонники Генерального совета нашли новых противников, особенно недовольных тем, что, как им стало известно, организованной при их участии секции пропаганды отказано в принятии в Интернационал. В этом они усмотрели результат интриг со стороны ездивших на Лондонскую конференцию Утина и Перре.

В конце сентября на одном из заседаний Центральной секции Бенуа Малон обратился к Утину с расспросами и упреками. По словам Гильома, Утин, будто бы ошелом-

[120] «Mémoire...», стр. 116.

ленный этой неожиданной атакой, был совершенно сбит с толку и не знал, что отвечать [121]. Один из сторонников Бакунина, русский эмигрант Озеров поспешил сообщить об этом инциденте своему учителю. Его письмо доставило Бакунину большое удовольствие.

«Поражение Утина и торжество Малона, — писал он в ответ на полученное сообщение, — чрезвычайно порадовали меня. Милый Озеров, прошу тебя, поболее драматических подробностей. Что ж делать, если сплетни тешат меня, старика! Слабость, братец, старческая слабость, а хорошие сплетни люблю. Так напиши же мне, присутствовала ли Ольга [Левашева] при поражении возлюбленного? И неужели Утин не пытался отвечать на страшные обвинения Малона!» [122].

Вскоре жена Малона, известная французская писательница Андре Лео, основала в Женеве газету «Révolution sociale». Эта газета начала систематически нападать на Генеральный совет и клеветать на Маркса, обвиняя его в пангерманизме и в желании сделаться «папой Интернационала».

В письме от 28 октября 1871 г. Утин сообщал Марксу о тех интригах, какие ведутся в Женеве остатками Альянса: Жуковским, Перроном, Элпидиным, а также Малоном и Андре Лео.

«Вся эта клика, — писал Утин, — только и делает, что чернит Ассоциацию и вторит «Journal de Genève» [123], твердя о диктатуре Генерального совета и о необходимости расправиться с ним. Г-да Малон и К° говорят, что Утин отправился в Лондон, чтобы продаться Марксу (и эти олухи не понимают, что они не только не унижают меня, а, наоборот, возвышают!), что, впрочем, господство Маркса уже недолго продержится, что даже такие люди, как Тейс [124] (я прошу вас сохранить это в величайшей тайне, потому что этим признанием я обязан болтливости особы, близкой к Малону) недовольны этой немецкой [125] диктатурой (вы видите, какими искрен-

---

[121] J. Guillaume. L'Internationale..., v. II, p. 217.

[122] «Письма М. А. Бакунина...», стр. 424.

[123] Женевская буржуазная газета, травившая Интернационал.

[124] Альберт Тейс — парижский коммунар, член Генерального совета Интернационала.

[125] Цитируемая часть письма Утина не опубликована.

ними интернационалистами являются эти гальские петухи) и т. д., и т. д., и т. д. ... Конечно, это не может остановить нас, и мы сумеем расстроить их планы, но мне жаль, что иногда приходится тратить на это драгоценное время».

В том же письме Утин сообщал, что организаторы секции пропаганды после того, как эта секция не была принята в Интернационал, обратились коллективно в Центральную секцию с требованием принять их в нее. По словам Утина, они рассчитывали захватить эту секцию в свои руки для того, чтобы руководить всеми женевскими секциями. Однако эти расчеты не оправдались. «Мы перехитрили их, — пишет Утин, — рассматривая каждого в отдельности и отказав в принятии многим из них за интриги и недобросовестность».

Французские эмигранты-коммунары пытались также, по словам Утина, создать в Женеве отдельную французскую секцию. Но и этот план вызвал серьезные возражения со стороны женевских интернационалистов. «Мы стараемся объяснить французам, — сообщал Марксу Утин, — что существуют секции по ремеслам и смешанные — центральные секции, что, кроме них, есть также секции по языкам, как языка немецкого, итальянского, но что мы по принципу не можем допустить существования специальной французской секции в Женеве, где все говорят по-французски».

Забыв о том, что он сам является организатором секции, составленной по национальному признаку — русской, Утин принципиально возражал против всяких национальных секций. «Я думаю также, — писал он, — что каждая секция должна иметь одну и ту же и единственную цель — стремиться к освобождению трудящихся везде и во всем, не возвращаясь к этим реакционным разграничениям, которые скорее могут внести разъединение, чем объединение в Интернационал». На этом основании он категорически высказывался против принятия в Интернационал и образованной французами-эмигрантами в Лондоне «французской секции 1871 года», с уставом которой его ознакомил Г. Юнг.

Отношения между Утиным и французскими эмигрантами в Женеве обострились до такой степени, что Утин поручил передать Малону, что он не считает его более

своим знакомым и не хочет ни встречаться, ни даже раскланиваться с ним. «Я считаю его негодяем и изменником по отношению к Интернационалу», — писал Утин Марксу 1 июня 1872 г.

Насколько обостренные формы принимала порой борьба в среде швейцарского Интернационала, можно судить по эпизоду, героем которого был русский эмигрант В. А. Зайцев. Этот известный в 60-е годы критик и публицист, соратник Д. И. Писарева по журналу «Русское слово», живя в Женеве, поддерживал бакунистов и французских эмигрантов в их борьбе со сторонниками Генерального совета. А. Х. Христофоров, автор некролога Зайцева, напечатанного в «Общем деле», рассказывал:

«Разносторонние сведения В. А. делали его опасным противником марксистов, а его спокойная, логическая, не отступавшая ни перед какими последствиями речь порою очень сильно раздражала их. Между тем, как они горячились и злобились, он рассуждал невозмутимо и без торопливости выкладывал довод за доводом, которым разбивал аргументацию противников. Нетерпимость последних дошла, наконец, до того, что, когда однажды Зайцев на одном собрании социалистов закончил свою речь предложением распущения Интернационала, который, по его мнению, только отвлекает рабочих от истинных задач социально-революционной деятельности, он едва мог спастись от ярости противников, бросавшихся на него с поднятыми кулаками»[126].

Написанный Христофоровым некролог вызвал протест со стороны А. Д. Трусова, который счел нужным указать редакции «Общего дела» на допущенные ею искажения действительных обстоятельств дела. В письме к Христофорову Трусов совершенно иначе излагал рассказанный в некрологе Зайцева эпизод:

«Утин реферировал о trades-unions с кафедры и не знал о том, был ли тут Зайцев. Туда его привел покойный Гулевич. Во время реферата Зайцев производил шум. (Он был выпивши — слова Гулевича). Раздалось шиканье, чтобы восстановилась тишина, но так как шум не прекращался, то его хотели выпроводить; разумеется было сопротивление, сопротивление принудило окружавших вытолкать его.

[126] «Общее дело», 1882, № 47, стр. 3.

Казус весьма печальный. Из этого видите, что не следует вдаваться в детали и метать ядом оскорблений в Маркса и Утина. Оставим в стороне, что нас разделяет, что нас оскорбляет. Приведенный мною факт прошу принять как фактическое изложение и не думать, чтобы мною руководствовало какое-нибудь неприятное чувство, так как я сам лично уважаю Зайцева, хотя никогда не разделял анархических убеждений»[127].

Борьба с эмигрантами-французами продолжалась всю осень и начало зимы 1871 г. 30 января И.-Ф. Беккер писал Зорге:

«Парижские эмигранты устраивали нам скандал за скандалом; среди них очень мало более пожилых членов Интернационала и еще меньше, даже почти совсем нет. рабочих, — но зато очень много тщеславных героев на словах и заядлых шовинистов. Послезавтра по этому поводу серьезное собрание здешних секций, и легко может случиться, что много из этих господ будет исключено из ассоциации, если не выброшено в буквальном смысле»[128].

9 декабря состоялось собрание женевских интернационалистов, на котором группа, возглавляемая Утиным, внесла предложение признать, что те члены секций Романской федерации, которые одновременно принимают участие в Юрской федерации, должны выбрать одну из этих федераций. Это предложение, принятое собранием, было направлено против коммунаров и привело к исключению из Центральной женевской секции Лефрансе, Б. Малона и еще нескольких французских эмигрантов[129]. Однако и после этого борьба временами вспыхивала.

В марте 1872 г. руководители германской социал-демократии Бебель и Либкнехт предстали перед лейпцигским судом присяжных по обвинению в государственной измене. В частности, им ставились в вину их сношения с Интернационалом. Председатель суда позволил себе ряд грубых выпадов против обвиняемых, утверждая, что они действовали по указке Лондона. Обвиняемые были приговорены каждый к двум годам крепости.

---

[127] Неопубликованное письмо Трусова к Христофорову от 19 марта 1882 г., хранящееся в Музее революции в Москве.

[128] «Письма К. Маркса, Фр. Энгельса и др. к Ф. Зорге и др.». СПб., 1908, стр. 54.

[129] См. J. Guillaume. L'Internationale..., v. II, p. 247—248.

7 апреля Утин напечатал в «Égalité» статью, посвященную лейпцигскому процессу. В ней он указывал, что выступления председателя лейпцигского суда, как и речи прокуратуры на процессах Интернационала во Франции при Наполеоне III, совпадали с обычными на страницах «Révolution sociale» и юрских газет инсинуациями о «диктаторских приемах» Генерального совета, о «приказах», присылаемых из Лондона, «о верховном главе» Интернационала Карле Марксе и т. п.

Статья Утина вызвала негодование в среде его противников. Руководимые Гильомом «Бюллетени Юрской федерации» (№ 5) ответили «Égalité» инсинуацией по адресу Утина. «Гражданин Утин, — писали они, — русский буржуа, живущий в Женеве на свою ренту и заполняющий часы своего досуга опорачиванием революционеров, живущих своим трудом».

Статья Утина привлекла к себе внимание не только в Женеве. Она была перепечатана брюссельской газетой «L'Internationale». Это побудило французских эмигрантов, издававших «Révolution sociale», не выходившую уже к этому времени, энергично протестовать против статьи Утина. В Брюссель было направлено письмо, подписанное бывшим редактором «Révolution sociale» Кларисом и выражавшее возмущение тем, что ««L'Internationale» перепечатал статью, в которой редакция «Révolution sociale» и ее сотрудники, давнишние борцы против бонапартизма, приравнивались к наиболее гнусным прислужникам империи Наполеона III» [130].

В 1872 г. Утину пришлось принять участие в конфликте, разделившем швейцарских рабочих, поддерживавших Генеральный совет, на две ожесточенно полемизировавших между собою группы. Конфликт этот был вызван происходившим в то время пересмотром швейцарской конституции. По новому ее проекту предполагалось значительное сокращение полномочий кантональных правительств и усиление власти центрального республиканского правительства. Немецкие рабочие высказывались за этот проект, французские — против. Утин, с децентрализаторскими, федералистскими взглядами которого мы уже

---

[130] J. Guillaume. L'Internationale..., v. II, p. 280—282.

знакомы, высказывался на станицах «Égalité» и на собраниях против пересмотра конституции. Это привело его к ссоре с Беккером, стоявшим на противоположной точке зрения. В письме к Энгельсу от 12 мая Утин жаловался на то, что Беккер при встречах с ним «не удостоивает его поклоном» и писал: «Я никогда не подумал бы, что в Швейцарии может возникнуть расовая ненависть, аналогичная расовой ненависти между Францией и Германией».

В письме к Марксу Утин следующим образом излагал свою точку зрения на пересмотр конституции: «Мы против пересмотра, потому что этот пересмотр навсегда уничтожает автономию кантонов и делает невозможным производить в них революции, так как федеральное правительство получит возможность по всякому поводу вмешиваться со своими штыками. Я сожалею, что в момент, когда даже во Франции мы видели эту великолепную народную реакцию против монархического унитаризма [131], имеются любимые и уважаемые нами люди, как папá Беккер, которые отделяются от нас в этом политическом движении. Беккер был за унитаризм и централизацию всей власти в руках финансовых баронов».

Конечно, ни Маркс, ни Энгельс с такой аргументацией согласиться не могли. К сожалению, нам неизвестно, чтó отвечали они Утину. Однако их точка зрения вполне ясна из письма Энгельса к Беккеру от 14 июня 1872 г. Энгельс заявил, что ни он, ни Маркс не разделяют взгляда Утина на федерализм, о чем он, Энгельс, уже писал Утину. Наряду с этим он настойчиво указывал, что не придает вопросу о пересмотре швейцарской конституции принципиального значения. «...Вся эта чепуха не стоила того, чтобы из-за нее создавать спор *внутри* Интернационала и дать возможность юрцам говорить: смотрите, мы, дикари, все же лучшие люди, мы воздерживаемся в то время, как другие из-за пустяков устраивают дискуссии и этим доказывают, что всякая политика от лукавого». Настаивая на том, что для членов Интернационала «настоящее поле битвы находится совсем в другом месте», Энгельс высказывал

---

[131] Это высказывание Утина показывает, что он даже в 1872 г. не отделался вполне от взгляда на Парижскую Коммуну, как на реакцию на правительственную централизацию.

надежду на то, что Утин и Беккер потопят свой швейцарский спор «в хорошей кружке» вина[132].

Энгельс был безусловно прав, отказываясь видеть в вопросе о пересмотре швейцарской конституции проблему принципиального значения. Утин преувеличивал важность этого вопроса, вызвавшего разногласия среди швейцарских рабочих. Несмотря на действительно весьма резкие столкновения, которые происходили в связи со спорами о новой конституции, до той «расовой ненависти», о которой писал Утин, было еще весьма далеко. Несмотря на уклонения в сторону, швейцарское рабочее движение развивалось по направлению к единству, а не к расколу по национальному признаку.

Сам Утин принимал деятельное участие в обсуждении вопроса о создании единой швейцарской федерации, объединяющей все секции Интернационала в этой стране независимо от национальности их участников. Этот вопрос оживленно обсуждался на рабочих собраниях и на заседаниях секций. Утин придавал большое значение созданию единой федерации. Она интересовала его с точки зрения борьбы с противниками Генерального совета и, в частности, с юрскими секциями. В письме к Марксу от 1 июня 1872 г. Утин высказывал убеждение, что основание единой федерации явится для юрцев «смертельным ударом»: «они принуждены будут капитулировать».

Летом 1872 г. руководители Романской федерации созвали в Веве конференцию всех секций Интернационала, признавших постановления Лондонской конференции, в целях создания общешвейцарской федерации. Однако конгресс в Веве оказался весьма малолюдным и потому не привел ни к каким результатам.

То объединение швейцарских рабочих, о котором мечтал Утин, совершилось позже и не в тех формах, которые он имел в виду. В июне 1873 г., когда Утина уже не было в Женеве, в Ольтене состоялся рабочий конгресс, имевший целью соединение всех рабочих организаций Швейцарии в один союз. Явились на этот конгресс и делегаты от юрцев. Убедившись в том, что они находятся в меньшинстве, они сделали попытку сорвать конгресс, а когда это им не удалось, удалились из Ольтена, поставив себя, та-

[132] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 266—267.

ким образом, вне швейцарского рабочего движения. Ольтенский конгресс завершился созданием швейцарского рабочего союза, объединившего как профессиональные, так и политические организации рабочих [133].

В феврале 1872 г. в Женеву приехал из России П. А. Кропоткин. Он интересовался Интернационалом и стремился познакомиться с его работой. Женева привлекла его как центр швейцарского Интернационала. В своих «Записках революционера» Кропоткин рассказывает:

«Женевские секции собирались в огромном масонском храме Temple Unique. Одним из главных руководителей в масонском храме был Николай Утин, образованный, ловкий и деятельный человек. Душой же всего являлась симпатичная русская женщина, которую работники величали m-me Olga. Она деятельнее всех работала во всех комитетах. Утин и m-me Olga приняли меня очень радушно, познакомили со всеми выдающимися работниками различных секций, организованных по ремеслам и приглашали на комитетские собрания» [134].

Несмотря на радушие, проявленное по отношению к нему Утиным и О. С. Левашевой, Кропоткин не сошелся с ними. Одно собрание, на котором он присутствовал, оттолкнуло его от Утина и других вожаков женевских рабочих. Собрание это созывалось для того, чтобы протестовать против буржуазной газеты «Journal de Genève», напечатавшей заметку о том, что Temple Unique подготовляет в Женеве всеобщую стачку. Кропоткин так описывает этот митинг:

«Тысячи работников наполнили зал, и Утин предложил им принять резолюцию, выражения которой показались мне очень странными: собрание приглашалось «с негодованием протестовать» против невинной, по моему мнению, заметки, что работники собираются устроить стачку. «Почему же эту заметку хотят назвать клеветою?» — недоумевал я. «Разве в стачке есть нечто преступное?» Утин, между тем, торопился и закончил свою речь словами: «Если вы, граждане, согласны с моим предложением, я пошлю его сейчас же для напечатания». Он уже готов

---

[133] П. Л. Лавров. Очерки по истории Интернационала. П., 1919, стр. 42—43.

[134] П. Кропоткин. Записки революционера, т. I. М., 1929, стр. 304.

был сойти с платформы, когда кто-то заметил, что не мешало бы, однако, сперва обсудить вопрос; и тогда один за другим поднялись представители различных строительных ремесел, заявляя, что в последнее время заработная плата была так низка, что нельзя жить, что к весне предвидится много работы и что этим обостоятельством рабочие хотят воспользоваться, чтобы поднять заработок. Если же предприниматели не согласятся, то работники немедленно начнут стачку».

На следующий день, рассказывает Кропоткин, он «в ярости» стал упрекать Утина за его предложение. «По наивности, — пишет он, — я не понял даже истинных мотивов вожаков, и сам Утин объяснил мне, что «стачка гибельно отозвалась бы на выборах адвоката Амберти». Я не мог согласить этих махинаций вожаков с теми пламенными речами, которые они произносили с платформы. Я был вполне разочарован»[135].

После этого Кропоткин покинул Женеву и отправился в Невшатель, где сошелся с Гильомом и другими руководителями Юрской федерации.

По недостатку материала мы лишены возможности подвергнуть рассказ Кропоткина всесторонней критической проверке. Однако имеются основания предполагать, что Утин, внося свое предложение, руководствовался не одним только желанием поддержать на выборах в Большой совет кандидатуру Амберти, выдвинутого секциями Интернационала. Заметка «Journal de Genève» вызвала совершенную панику, отразившуюся на торговле и деловой жизни города; иностранцы, перепуганные носившимися слухами, стали покидать Женеву. «Эти факты, — писал корреспондент реакционной газеты «Русский мир», — заставили Международку высказаться. Преданный ей душой и сердцем адвокат написал письмо с целью успокоить женевцев... Письмо говорит, что Женева может быть спокойна, так как Международка не намерена производить движений в Швейцарии в настоящем 1872 году»[136].

Можно предполагать, что заметка «Journal de Genève» имела провокационный характер. Однако это не исключа-

---

[135] Там же, стр. 307—308. Ср. воспоминания П. А. Кропоткина о Гильоме в кн. Д. Гильом. Интернационал, т. I—II. П.—М., 1922, стр. 9.

[136] К. Из Женевы. «Русский мир», 1872, № 75.

ло того, что разрыв между массой женевских строительных рабочих и их вожаками действительно существовал. Увлеченные своим политиканством Утин и его товарищи, возможно, не проявили в данном случае достаточного внимания к интересам рабочих. Поэтому упрек Кропоткина по адресу женевских вожаков в том, что они старались подавить стачку, возможно, был справедлив.

Наряду с этим необходимо указать на борьбу Утина против буржуазных и оппортунистических тенденций в швейцарском рабочем движении, в частности против так называемого Грютлиферейна, пользовавшегося значительным влиянием среди отсталой части швейцарских рабочих. Этот союз, основанный буржуазными радикалами, ставивший своей задачей «нравственное воспитание» рабочих и проповедовавший примирение интересов труда и капитала, в 70-х годах работал, по выражению Энгельса, над распространением «радикализма среди рабочих и крестьян» Швейцарии [137].

Утин вполне правильно расценивал деятельность Грютлиферейна и негодовал на Беккера, который несомненно шел на недопустимые уступки, стремясь договориться с руководителями этого союза, упорно отвергавшими предложения присоединиться к Интернационалу. Грютлианцев Утин считал «чистокровными буржуа». «Грютли хочет выступить против нас, — сообщал он Энгельсу, — но на своем конгрессе они не решались поставить на голосование резолюцию против нас. Я знаю, что я прав, не уступая Грютли — его надо уничтожить». Утин мог с удовлетворением констатировать, что если Грютли и пользовался некоторым влиянием в Женеве, то гораздо меньшим, чем в других городах Швейцарии.

Хотя, казалось бы, Утин с головою ушел в женевские дела, ему наряду с этим приходилось уделять значительную часть своего времени вопросу, касавшемуся всего Интернационала — борьбе с юрцами, державшимися все более и более агрессивно по отношению к Генеральному совету.

В ноябре 1871 г. они созвали конгресс своих секций в Сонвилье и решили энергично протестовать против постановлений, принятых Лондонской конференцией. Конгресс

---

[137] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 399.

принял воззвание ко всем федерациям Интернационала, призывая их присоединиться к юрцам и потребовать скорейшего созыва конгресса Интернационала. Вместе с этим авторы воззвания предлагали превратить Генеральный совет исключительно в центральное бюро для письменных сношений между секциями и лишить его всякой власти над ними, ибо «власть портит всех людей, в руки которых она попадает».

Этот документ служил ярким доказательством того, что бакунисты рассчитывали на ближайшем конгрессе Интернационала дать решительный бой Генеральному совету и его сторонникам. Последним необходимо было готовиться к этому бою. Утин и его товарищи по Русской секции сыграли большую роль в этой подготовке. Особенно помогли они Марксу и Генеральному совету в деле собирания материалов, освещавших нечаевское дело и роль в нем Бакунина. По письмам Энгельса можно судить о том, какое большое значение он и Маркс придавали материалам, поступившим от Утина. 16 февраля 1872 г. Энгельс извещал Беккера о получении письма Утина и ящика с гравюрами, т. е. с документами о Бакунине[138]. Но это была лишь часть материалов, собранных Утиным и его товарищами. Другую часть, еще более обширную и важную, они направили в Лондон в августе того же года. Из письма Утина к Дмитриевой, бывшей в то время в Лондоне, видно, что он послал в Лондон какой-то «лист», написанный Бакуниным, и заканчивал подготовку «длинного и, можно сказать, интересного доклада о Бакунине, расколе и заговоре в России». Очевидно, эти материалы и имел в виду Энгельс, когда он сообщал Зорге: «Полученные дополнительно из Швейцарии документы, охватывающие весь нечаевский процесс, вместе с русскими изданиями Бакунина очень интересны и вызовут страшный скандал. Я еще не встречал такой подлой банды негодяев»[139].

Документы и издания, посланные Утиным и его товарищами, были использованы Марксом во время Гаагского конгресса, а позднее положены в основу главы «Альянс в России» в брошюре Маркса и Энгельса «Альянс

[138] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 216.
[139] Там же, стр. 292—293.

социалистической демократии и Международное товарищество рабочих», написанной по поручению этого конгресса. Еще ранее этого материалы Утина были использованы Марксом в написанном им «негласном циркуляре» Генерального совета — «Мнимые расколы в Интернационале», разоблачавшем происки и интриги руководителей Альянса.

Циркуляр этот был издан отдельной брошюрой в 1872 г. в Женеве. Печатался он в кооперативной типографии, организованной женевскими секциями Интернационала. Утин, как это видно из его писем к Марксу и Энгельсу, наблюдал за печатанием этой брошюры. На Утина же легла и рассылка этого циркуляра по различным странам, когда он был отпечатан.

Революционная деятельность Утина, конечно, была хорошо известна женевской полиции, и ему не раз приходилось знакомиться на деле с тем, что представляли собой порядки хваленой швейцарской демократии: швейцарская полиция оказалась в тесном сотрудничестве с русским III отделением и охотно выполняла требования последнего. Утин впервые убедился в этом еще в 1869 г., когда он был задержан в связи с нашумевшим делом об отобрании детей у княгини З. С. Оболенской.

Оболенская под влиянием прогрессивных идей бросила мужа и уехала из России. За границей она сошлась с польским эмигрантом Мрочковским. Мы уже упоминали, что Мрочковский и Оболенская примыкали к кружку, выпустившему первый номер «Народного дела». После раскола, происшедшего в его редакции, Оболенская сохранила хорошие отношения с Утиным. Вместе с Оболенской жили ее три дочери, которых она хотела, по выражению Бакунина, «воспитать в любви к свободе, в уважении к труду и к человечеству»[140]. Бывший муж Оболенской приехал в Швейцарию и при содействии русского посольства и швейцарской полиции в отсутствие Оболенской силой захватил детей и увез от матери. Так как старшей дочери при этом не оказалось дома, Оболенский и полиция отправились искать ее по Женеве. Они явились в типографию «Народного дела» и произвели там безрезультатный обыск; оттуда отправились на квартиру к Утину, куда ворвались с «бранью и криками». А. И. Гер-

[140] М. А. Бакунин. Избр. соч., т. III. П. — М., 1921, стр. 11.

цен сообщал своему сыну: «Утина, Мрочковского, Щербакова и др. бросили в тюрьму; Щербакова выпустили на поруки, но тех оставили au secret» [141]. Герцен передавал также, что задержанного Утина полицейские тащили так энергично, что он упал и получил ранения. Через несколько дней, однако, всех арестованных по недостатку улик пришлось освободить. Предъявленное им обвинение в попытке отбить Оболенского похищенных им девочек не подтвердилось [142].

Особенное внимание швейцарские власти оказали Утину в 1872 г.

Прежде чем рассказывать об этом, необходимо остановиться на одной провокации, предпринятой царским правительством в целях дискредитирования польской эмиграции. Дело в том, что среди поляков-эмигрантов нашлись опустившиеся люди, занявшиеся изготовлением фальшивых русских кредитных билетов. Для преследования их и для борьбы с ними за границу был командирован с провокаторскими целями статский советник Гавриил Каменский. Каменский через своих агентов Куберского и Бурбона вошел в сношения с польскими эмигрантами и стал искать среди них людей, которые согласились бы по его заказу изготовлять фальшивые деньги. Такие люди среди обнищавших в эмиграции поляков нашлись. Однако в 1871 г. это грязное дело было разоблачено благодаря энергии и твердости судьи города Ивердона, который привлек к судебной ответственности не только поляков-эмигрантов, занимавшихся подделкой, но и Каменского с его агентами. «Ивердонское дело» в свое время вызвало большой шум по всей Европе,— особенно после того, как стало известно о неудачной попытке Каменского подкупить судью за взятку в 20 тыс. франков. Ивердонский суд, признав Каменского главным виновником изготовления фальшивых ассигнаций, приговорил его заочно к тюремному заключению на два года и к лишению гражданских прав на 10 лет [143].

В связи с ивердонским процессом — или точнее ска-

---

141 А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XXI, стр. 428.

142 Там же, стр. 430. См. также публикуемую в 63 т. «Литературного наследства» статью Герцена о деле Оболенской и комментарии к ней.

143 Подробнее об ивердонском процессе см. в кн. «Фальшивые монетчики или агенты русского правительства». Женева, 1875.

зать, под предлогом такой связи — женевская полиция и посетила Утина. Приведем рассказ об этом женевского корреспондента «Русского мира».

«4(26) февраля в 2 часа пополудни в квартиру Утина явились члены женевской полиции, товарищ прокурора и ивердонский мировой судья и объявили ему, что они должны произвести досмотр в его квартире, так как он замешан в деле о подделке русских кредитных бумаг. Г. Утин потребовал указаний, кто его обвиняет, и протестовал против обыска, но обыск все-таки был произведен. Однако никаких признаков сношений с фальшивомонетчиками не открыто, а бумаг своих г. Утин на дом не отпустил. Он воспротивился этому на том основании, что его бумаги будто бы очень важны для Интернационалки и имеют на себе штемпеля разных комитетов и советов, а потому, де, они в известном смысле неприкосновенны или, по крайней мере, никак не могут быть отданы в чужие руки непосвященных людей. Чиновники республиканской полиции вняли этому заявлению и после долгих разговоров решили не уносить бумаг от Утина, а запереть все эти бумаги в особую комнату, которую и запечатали. На другой день, в понедельник, в 9 часов приступили к осмотру бумаг, а в 2 часа поступило какое-то новое указание, по которому снова понадобился второй пересмотр. Затем, когда все бумаги были прочитаны и из них взяты те, которые показались достойными внимания, г. Утин остался на свободе, а на другой день во вторник 16(28) января ему объявили, что он вообще даже не будет привлечен ни к какой ответственности по делу ассигнатчиков и что в его бумагах найдены только частные письма и документы, относящиеся к Internationale, а это безвредно. Тогда г. Утин потребовал, чтобы ему были названы обвинители, по указанию которых он подвергался обыску, а следственный пристав будто бы ему отвечал, что первый осмотр сделан по ходатайству посольства, второй же — вследствие доносов, поступивших из самой Женевы и по соображениям самой женевской полиции. Таким образом, дело это на сей раз кончено без малейшего вреда для русских интернационалистов и может принести им пользу, ибо, как и следовало ожидать, кантональный совет общества [144] сильно протестовал против нарушения этими обы-

[144] Т. е. Женевский Центральный комитет Интернационала.

сками прав гражданина свободной страны, и все здешние газеты напечатали этот документ с протестацией г. Утина и его адвоката. Г. Утин, говорят, намерен преследовать судом всех, кто делал на него указания, подведшие его к обыску, чем оскорблена его личная честь и «нарушены права Международного общества рабочих». Здешние юристы по этому случаю считают возможным процесс весьма скандального свойства для некоторых аккредитованных лиц[145] и как нельзя более выгодный для Интерналки»[146].

Несомненно, что обыск был произведен у Утина по требованию русского правительства, желавшего скомпрометировать его привлечением к процессу фальшивомонетчиков. Это требование было встречено правительством Женевы с большим сочувствием, ибо обыск у Утина давал женевским властям удобный случай познакомиться с документами Интернационала, хранившимися у Утина. Корреспондент «Русского мира» прямо указывал на это обстоятельство. «У него, — писал он про Утина,— говорят, хранятся важнейшие бумаги и документы общества, и на этот-то священный архив на сих днях было сделано дерзостное нападение»[147].

Вот почему Генеральный совет Интернационала счел необходимым опубликовать специальный протест против

---

[145] Т. е. для русского посольства.

[146] К. Из Женевы. «Русский мир», 1872 г., № 38. Тот же корреспондент в другом номере газеты (№ 58) сообщал о слухе, распространившемся в Женеве о том, что в день обыска у Утина в редакцию «Égalité» к ее заведующему Зиглеру явился неизвестный, назвавшийся Равелем, и просил доставить ему в гостиницу полный комплект газеты. Зиглер, заинтересованный посетителем, сам отправился к нему. Равель объяснил Зиглеру, что он корреспондент «Московских ведомостей» и что в России «желают иметь все публикации, а также и все документы, относящиеся к «Интернационалке». При этом Равель предложил Зиглеру 900 руб. за доставку ему всех бумаг по определенному адресу в Париж. Со слов Зиглера вся эта история была опубликована в женевских газетах. Надо думать, что под фамилией Равеля скрывался какой-нибудь агент III отделения.

[147] Бакунин и другие русские эмигранты, опубликовавшие после выдачи Нечаева швейцарским правительством русскому протест под названием «Netschajeff est-il un criminel politiquo ou non?», упомянув об обыске у Утина, писали: «Как и следовало ожидать, у него не найдено было и намека на фальшивые ассигнации, но зато русские агенты узнали все, что им было нужно». Р. Кантор. В погоне за Нечаевым. Л., 1925, стр. 143.

обыска, произведенного у Утина. Этот протест, написанный Марксом, отмечал, в частности, что только вмешательство адвоката Утина — Амберти спасло самого Утина и его бумаги от выдачи русскому правительству [148].

Не менее, чем обыск, произведенный у Утина, нашумело нападение, которому он подвергся в 1872 г. со стороны своих политических противников. В июле этого года Утин посетил Цюрих. Его тамошняя последовательница студентка Яковлева сообщила об его приезде другим русским студентам и предложила устроить собрание с тем, чтобы Утин выступил на нем. Однако студенты, в подавляющем большинстве сторонники Бакунина, отказались от предложения Яковлевой. Мало этого, они решили устроить враждебную Утину демонстрацию, к участию в которой привлекли студентов-сербов, сочувствовавших Бакунину.

Брошюра об Альянсе, основываясь на рассказе самого Утина, так передает случившееся с ним: «В Цюрихе у Утина не было других врагов кроме нескольких славянских членов Альянса... Восемь человек, говоривших на славянском наречии, подстерегли Утина в пустынном месте у канала; когда он приблизился к ним, они напали на него сзади, нанесли ему удары тяжелыми камнями по голове, опасно ранили в глаз и после избиения убили бы и бросили бы его в канал, если бы не подоспели четверо немецких студентов. При виде их убийцы разбежались» [149].

Из этого рассказа мы видим, что Утин рассматривал происшествие с ним, как покушение его врагов на его жизнь.

Совершенно иначе рассказывает об этом случае один из его инициаторов, известный бакунист М. П. Сажин. По его словам, никто на Утина не нападал, и дело ограничилось только враждебной по отношению к нему демонстрацией.

В ней принимало участие 20—25 человек русских и сербских студентов, разделившихся на три группы и расположившихся вдоль улицы, по которой Утин должен был возвращаться вечером от Яковлевой к себе в гостиницу.

«Как только,— рассказывает Сажин, —... он поравнялся с первой группой, его встретили свистки и враждеб-

---

[148] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 387—388, 489.

[149] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 566.

ные крики; он ускорил шаг, а подойдя ко второй группе и услышав такой же прием, пустился бежать; когда же он проходил мимо нас четверых, последней группы, и услышал то же самое, то побежал уже полным аллюром. От нас до гостиницы было недалеко, и мы, видя, что он уже подбегал к ней, пошли домой так же, как и две другие группы. Но с ним случилось неблагополучие: он угодил в канаву, сорвавшись с положенной через нее доски, разбил свои очки и поцарапал щеку и нос. Из канавы его вытащил содержатель гостиницы, который выбежал на его крики о спасении».

К этому Сажин добавляет, что Утин первоначально предполагал, что на него напали местные рабочие, враждовавшие с Интернационалом, и только от Яковлевой узнал, кто в действительности был виновником происшедшего. После этого Утин,— уверяет Сажин,— стал распространять слух, что его будто бы избили бакунисты [150].

Кто прав? Кто точнее и вернее передает происшедшее? Утин или Сажин? Думаем, что правду надо искать где-то посредине. Конечно, покушения на убийство Утина не было. Но вряд ли также дело ограничилось той мирной демонстрацией, о которой повествует Сажин, до конца жизни оставшийся ярым бакунистом и ненавистником Утина. П. Л. Лавров, имевший в Цюрихе того времени много сторонников, с их слов передает не о демонстрации, а о «нападении» бакунистов на Утина и об их «безобразной кулачной расправе» с ним [151].

По свидетельству того же Лаврова, расправа с Утиным вызвала возмущение среди большинства цюрихской русской колонии. Такое же отношение встретила она и в России, ибо сведения о ней проникли в русскую печать [152].

Н. Даниельсон писал по поводу нее Марксу: «Неужели общество, ради интересов которого пострадал Утин, не примет никаких мер против этих разбойников?» [153].

---

150 М. П. Сажин. Русские в Цюрихе. «Каторга и ссылка», 1932, № 10, стр. 53—54.

151 П. Л. Лавров. Народники-пропагандисты 1873—1878 гг. Л., 1925, стр. 48 и 56.

152 Расправа с Утиным приписывалась то цюрихским рабочим, то нечаевцам. М. Цебрикова. Женский вопрос в Цюрихе. «Неделя», 1872, № 14, стр. 463. См. там же, № 18—19, стр. 597.

153 «Летописи марксизма», 1930, № 2 (12), стр. 48.

Маркс ответил, что «об этом разбойничьем деле... будет подробно сообщено в... публичном отчете о Гаагском конгрессе» и что «разбойничья шайка» будет «пригвождена к позорному столбу перед всем миром» [154].

Рассказывая о возмущении, вызванном среди русских, живущих в Цюрихе, расправой, учиненной с Утиным, П. Л. Лавров указывал, что возмущение было бы еще сильней, если бы объектом нападения являлся не Утин, а кто-нибудь другой. «Слишком бесцеремонная вражда Утина против Бакунина вызывала против него сильное раздражение»,— поясняет Лавров [155]. Борьба с бакунистами действительно поставила Утина и его товарищей в изолированное положение среди русской эмиграции 70-х годов. Не только сторонники Бакунина, но и люди, стоявшие на иной политической платформе, как, например, лавристы, относились отрицательно и даже враждебно к группе Утина. Да и сам он избегал сношений с ними. Об его изолированности можно судить по следующему эпизоду.

В мае 1874 г. русское правительство обратилось через газеты к русским политическим эмигрантам с предложением возвратиться на родину, предупреждая при этом, что, если они не исполнят этого требования в течение шести месяцев, то с ними будет поступлено «по всей строгости законов» [156]. Среди эмигрантов родилась мысль ответить на это предложение коллективным мотивированным отказом. Отказ этот был написан, и Лавров от имени его составителей обратился к Утину с предложением присоединить к нему и свою подпись. Утин ответил на это категорическим отказом. Отвечая П. Л. Лаврову (письмом от 29 июня 1874 г.), Утин указывал, что он «давно уже не признавал за русской эмиграцией никакой корпоративной солидарности» и что он «всегда принужден был действовать совершенно независимо от нее в интересах европейских рабочих классов». Он знает, что эта его деятельность «вызывала только озлобленную вражду некоторых из эмигрантов», и потому занимает «изолирован-

---

[154] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 305.

[155] П. Л. Лавров. Народники-пропагандисты 1873—1878 гг., стр. 55—56.

[156] «Правительственный вестник», 1874, № 106.

ное положение», не желая иметь ничего общего с остальными эмигрантами [157].

Утин писал это письмо более чем через год после того, как он покинул Женеву.

Установить точно время отъезда Утина из Женевы не представляется возможным. Известно, что в середине декабря 1872 г. он был еще там. В это время он руководил стачкой ювелиров и организовал «эмиграцию забастовщиков в крупных размерах, чтобы наказать хозяев по заслугам». А через два месяца мы находим его уже в Венеции, откуда он вел переговоры с П. Л. Лавровым относительно передачи ему типографии «Народного дела». Этот факт указывает на то, что уже в это время Утин принял решение ликвидировать свою деятельность в Женеве. Повидимому, он уже более не возвращался туда. Об этом мы можем заключить на основании писем Маркса и Энгельса к Беккеру и Зорге, из которых видно не только то, что в 1873 г. Утина не было в Женеве, но и то, что в июне этого года его местопребывания руководители Интернационала не знали [158].

Не присутствовал Утин и на собравшемся в сентябре 1873 г. в Женеве последнем конгрессе I Интернационала. Его отсутствие сказалось на политике, проводившейся Романской федерацией. Тот авторитет, которым он пользовался среди женевских интернационалистов, вероятно, помог бы ему удержать его друзей Перре и Дюваля от выступления против решений Гаагского конгресса, которое они предприняли летом 1873 г. Мы имеем в виду брошюру без заглавия, выпущенную двумя названными нами и еще несколькими членами женевских секций. Авторы брошюры, сожалея о расколе Интернационала, одинаково порицали деятельность и той и другой партии, так как обе они якобы руководились исключительно самолюбием, гордостью и честолюбием своих вождей. По мнению авторов, руководство движением должно принадлежать работникам физического труда, а не работникам мысли. Утверждая, что массы должны руководиться не идеями, а «непосредственными интересами», авторы

---

[157] Подлинник письма Утина к Лаврову хранится в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

[158] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 330, 336, 337, 353.

брошюры заявляли, что целью Интернационала должна быть исключительно «замена заработной платы участием в барышах». Следуя по стопам юрцев, они высказывались против «авторитарных и централизационных принципов», усвоенных будто бы руководством Интернационала, и выдвигали взамен их «либеральные и федерационные принципы». Вслед за юрцами они стремились ограничить функции Генерального совета исключительно организацией статистики труда и налаживанием обмена сведениями между секциями Интернационала [159].

Женевская брошюра возмутила Маркса и Энгельса, увидевших в ней недопустимую капитуляцию перед сторонниками Альянса.

«Какое это свинство, в особенности со стороны людей, которые начали всю перепалку, — писал Энгельс. — ... И этот Дюваль, который так свирепо выступал в Гааге, присоединяется теперь к общему хору, — это уже чересчур» [160].

Только из сообщения А. Трусова, Маркс узнал, кто являлся действительным автором женевского документа.

«Стряпня, появившаяся за подписью Перре, Дюваля и т. д., написана, согласно сообщению Трусова, *Клюзере*. Я тебе сразу сказал, что оно не могло быть написано этими неучами, потому что в ней проглядывает affectation of a small sort of literary style», — писал Маркс Энгельсу [161].

Вряд ли при Утине Клюзере мог бы получить такое влияние на руководителей женевских секций. Гильом сообщает, что Перре и другие подписавшие брошюру, мечтали о перенесении Генерального совета в Женеву, причем Перре должен был стать генеральным секретарем [162]. Действительно, на Женевском конгрессе ими было внесено соответствующее предложение, и если оно не прошло, то исключительно благодаря Беккеру, настоявшему на отклонении его.

---

[159] Подробно содержание этой брошюры излагает П. Л. Лавров. См. его «Очерки по истории Интернационала». П., 1919, стр. 63—68.

[160] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 418—419; стр. 420.

[161] Там же, стр. 422. ...affectation of a small sort of literary style — некоторая утонченность литературного стиля.

[162] J. Guillaume. L'Internationale..., v. III, p. 134—135.

ЛИКВИДАЦИЯ РУССКОЙ СЕКЦИИ И ДАЛЬНЕЙШАЯ СУДЬБА ЕЕ УЧАСТНИКОВ

Определить точно, когда перестала существовать Русская секция, не представляется возможным. Повидимому, она не была ликвидирована специальным на этот счет постановлением ее членов; деятельность секции замирала постепенно в связи с отъездом из Женевы ее участников.

Как мы уже знаем, последний номер (№ 6-7) «Народного дела» был датирован августом—сентябрем 1870 г. Однако, несомненно, что секция продолжала существовать и после этого. В 1871 г. ею были изданы брошюры «Манифест к земледельческому населению» И.-Ф. Беккера и «Первый манифест Международного товарищества рабочих» К. Маркса, а также брошюра «Международное товарищество рабочих», включавшая устав Интернационала, написанный Марксом, и устав Русской секции. На всех этих изданиях было обозначено, что они отпечатаны в типографии «Народного дела», а на двух первых также и то, что они являются «изданием первой русской секции Международного товарищества рабочих».

То обстоятельство, что в 1871 г. Русская секция продолжала еще существовать, видно и из переписки Маркса и Утина. 27 июля этого года Маркс писал Утину: «Я не подписываю манифесты Совета в качестве секретаря для *России*, чтобы не скомпрометировать наших русских друзей» [163]. Ясно, что в июле 1871 г. Маркс считал Русскую секцию еще существующей. 28 октября Утин, отвечая Марксу по поводу предполагаемой организации Славянской секции Интернационала в Цюрихе, сообщал, что организаторы ее «и не подумали обратиться к Трусову, хотя как секретарь Русской секции, он должен быть им известен» [164]. Отсюда можно заключить, что еще в конце 1871 г. Русская секция существовала.

Несомненно и то, что в 1873 г., когда из всех членов Русской секции в Женеве остался один Трусов, Русской секции уже не было. Что же касается типографии «Народного дела», в 1872 г. не выпустившей, насколько изве-

---

[163] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 135.

[164] «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 54.

стно, ни одного издания, то к 1873 г. она сделалась частным предприятием Трусова и утратила свое прежнее название[165].

Принимая во внимание все эти факты, можно прийти к заключению, что Русская секция прекратила свое существование в 1872 г.

Познакомимся кратко с дальнейшей судьбой ее участников. Начнем с Н. И. Утина и его жены.

Их отъезд из Женевы не прекратил их знакомства и близости с основоположниками научного социализма. Правда, местопребывание Утиных одно время не было известно в Лондоне. 14 июня 1873 г. Энгельс писал Зорге: «Где Утин, мы не знаем». Однако вскоре Утины дали знать о себе, а в конце того же года Утин побывал в Лондоне и посетил Маркса и Энгельса[166].

Следующие годы Утин провел в Бельгии, в городе Льеже, где он обучался в политехникуме, по окончании которого получил звание инженера. От участия в рабочем движении он отошел. Отношения же с Марксом и он и его жена продолжали поддерживать, как во время пребывания Утина в политехникуме, так и по окончании его. В сентябре 1876 г. Маркс с одной из своих дочерей посетил Утиных в Льеже[167].

Сношения Утиных с Марксом продолжались до конца их пребывания в Западной Европе. В марте 1877 г., как видно из письма Энгельса к П. Л. Лаврову от 15 марта, Утины находились в Лондоне[168], а 26 марта Н. И. Утина писала Марксу, что она с мужем в скором времени собираются посетить его. Это письмо Утиной — самый поздний документ, относящийся к общению ее и ее мужа с Марксом.

---

[165] По иронии истории первым изданием, вышедшим из типографии Трусова, была книга Бакунина «Государственность и анархия» (1873 г.). В том же году, а может быть и ранее (в 1872 г.) В. Озеров вел переговоры с Трусовым об издании не увидевшей света брошюры Ф. И. Родичева о Бездненском деле. «Это единственная доступная для всех русская революционная типография», — писал Озеров в одном из писем к Огареву. «Литературное наследство», т. 62. М., 1955, стр. 448.

[166] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 337 и т. XXIV, стр. 426—427.

[167] См. там же, т. XXVI, стр. 424—425.

[168] См. там же, стр. 455.

Менее, чем через восемь месяцев после этого известный железнодорожный строитель — миллионер С. С. Поляков переслал из Бухареста, где он тогда находился в связи с военными действиями против турок, в III отделение «всеподданнейшее» прошение Утина, которого Поляков в своем письме к шефу жандармов охарактеризовал как человека «усердного, добросовестного и весьма знающего в деле железнодорожного строительства». Вместе с прошением Утина было переслано и его письмо на имя шефа жандармов Мезенцова, которого Утин уверял в своем полном раскаянии. В этом письме содержится одно неожиданное сообщение. «14 лет назад тому, — писал Утин Мезенцову, — я позволил себе обратиться к его светлости бывшему генералу-губернатору кн. Суворову, клянясь перед ним из изгнания в том, что я не был причастен к польскому мятежу и был жертвой наветов лиц, которые преступно искали своего спасения через мою гибель»[169]. Таким образом, еще в 1863 г. Утин нащупывал возможность возвращения в Россию. Однако в то время обращение его успехом не увенчалось.

Свидетельствовало ли письмо Утина к Суворову об его действительном раскаянии в своей прошлой политической деятельности? К сожалению, дать вполне определенный ответ на этот вопрос мы не можем из-за отсутствия соответствующих материалов, тем более, что и самое письмо Утина к Суворову до сих пор не найдено. Однако необходимо обратить внимание на одно весьма существенное обстоятельство, а именно: как видно из письма Утина к Н. П. Огареву от 10 декабря 1863 г., Огареву было известно о письме к Суворову[170]. Трудно допустить, чтобы Утин осведомил его об этом, если бы его письмо действительно было выражением искреннего раскаяния. При таких условиях является предположение, не было ли письмо Утина тактическим маневром, при помощи которого Утин, а может быть, и Огарев, рассчитывали достичь каких-то особых результатов. Дело в том, что в конце 1863 г. и Утин и Огарев весьма интересовались положением дел в России и, в частности, вопросом о судьбе

---

[169] «Всеподданнейшее» прошение Утина и его письмо к Мезенцову см. в ЦГИА. Дело III отделения, 1 экспедиции, 1863 г., № 97, ч. 90.

[170] «Литературное наследство» т. 62, стр. 635.

«Земли и воли», связь с которой была прервана. Лондонские эмигранты в то время не знали, продолжает ли тайное общество существовать или оно уже ликвидировано. Возможно, Утин пытался добиться разрешения на поездку в Россию в целях выяснения этого вопроса. Впрочем, это — только предположение, нуждающееся в дополнительном исследовании.

В декабре 1877 г. Утин получил разрешение возвратиться вместе с женой в Россию. В январе следующего года они были уже в Петербурге[171]. Дальнейшая жизнь Утина не представляет для нас интереса. Он работал инженером на одном уральском заводе. В 1883 г. он умер в Петербурге.

Мы уже упоминали, что Трусов дольше других членов Русской секции оставался в Женеве. Говорили и о том, что типография «Народного дела» была переведена на его имя. В этом отношении члены Русской секции полностью выполнили обязательства, принятые ими на себя в то время, когда они вызывали Трусова из Парижа для заведования типографией. Обещание, данное Трусову в 1869 г., что типография останется навсегда при нем, что она не перейдет в другие руки, привело к срыву переговоров, которые велись в 1873 г. между Утиным и Лавровым относительно передачи последнему типографии «Народного дела». Утин соглашался на продажу ее только при условии, что она останется в Женеве и что в ней будет обеспечена работа Трусову, чтобы он не остался без средств к жизни. Лавров, живший в Цюрихе, хотел, чтобы его типография находилась там же. Он не согласился поэтому на условия, поставленные Утиным, и переговоры были прерваны.

Типография Трусова не всегда имела достаточно работы, и ее владельцу, чтобы не умереть с голода, приходилось порой прибегать к такой мере, как продажа части принадлежавшего типографии шрифта. Так в 1875 г., когда группа «Набата» создавала свою типографию, Трусов продал часть шрифта Касперу Турскому.

---

[171] Возвращение Утина в Петербург было отмечено без указания его фамилии издателем газеты «Неделя» П. А. Гайдебуровым, знавшим Утина по Петербургу начала 60-х годов, в статье «Литературно-житейские заметки», помещенной в № 3 этой газеты за 1878 г.

О затруднительном положении, в каком находился иногда Трусов, можно судить по сохранившемуся письму его к И.-Ф. Беккеру от 1 октября 1880 г. «Я сейчас не имею ни работы, ни одного су, — писал Трусов. — Если можешь мне дать что-нибудь, я буду счастлив. Прости, мой дорогой папá, что я тебе надоедаю».

В 1883 г., когда образовалась и заводила свою типографию марксистская группа «Освобождение труда», один из ее членов — Л. Г. Дейч купил у Трусова его типографию за две тысячи франков[172].

Вскоре после этого Трусов расстался с Женевой. Получив разрешение на возвращение в Россию, он уехал туда[173]. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Одной из последних покинула Женеву О. С. Левашева. Она оставалась там до мая 1873 г., после чего вернулась в Россию, где за ней было учреждено строгое негласное наблюдение, «как за крайне неблагонадежной в политическом отношении». Однако это не мешало ей свободно разъезжать по России (она побывала в Петербурге, в своем имении в Симбирской губ., в имении своих знакомых в Подольском уезде Московской губ., в имении мужа в Нижегородской губ.) и даже в конце того же года вновь уехать за границу, где она впрочем пробыла недолго. В конце января 1874 г. она вновь приехала в Россию. Очевидно, обширные связи семей Левашевых и Зиновьевых помогли ей избегнуть ответственности за ее заграничную деятельность[174]. Дальнейшая жизнь Левашевой неизвестна.

Наибольшую устойчивость в политическом отношении из всех членов Русской секции проявила Е. Г. Бартенева. До конца жизни она сохранила верность демократическим идеалам своей молодости. Занималась она по возвращении в Россию литературным трудом, сотрудничая в ряде либеральных и демократических изданий (в газетах: «Молва» и «Новости», журналах: «Отечественные записки», «Дело», «Слово», «Русское богатство», «Новое

---

[172] Л. Г. Дейч. Первые шаги группы «Освобождение труда». Сб. «Группа «Освобождение труда», № 1. М., 1924, стр. 14, 16, 21.

[173] «Воспоминания Льва Тихомирова». М. — Л., 1927, стр. 205, 471.

[174] ЦГИА. Дело III отделения, 3 экспедиции, 1873 г., № 383. О жене помещика Ольге Степановне Левашевой.

слово» и др.). Знавший ее в восьмидесятых годах И. М. Гревс отзывался о ней, как об «образованной и талантливой социалистке... французской культуры», бывшей «очень интересной фигурой в рядах русской радикальной интеллигенции». «Чернышевский у нее... был непрекаемым авторитетом», — добавлял И. М. Гревс [175].

Бартенева поддерживала связи с революционными кругами и оказывала им посильную помощь, о чем органам политического розыска было хорошо известно. В 1889 г. Бартенева ездила за границу, участвовала в Международном социалистическом конгрессе в Париже, даже была секретарем этого конгресса. В следующем году ее адрес был найден при обыске, произведенном в Париже у известного польского эмигранта С. Мендельсона, о чем французская полиция поспешила поставить в известность русскую. У Бартеневой был произведен обыск, при котором было обнаружено большое количество рукописей, свидетельствовавших об участии ее в революционной работе. Дело в том, что через своего сына В. В. Бартенева она, как и ее муж, была связана с бруснeвской организацией, хранившей у Бартеневых свои денежные средства. При этом Е. Г. Бартенева иногда вела пропагандистские занятия в женских рабочих кружках [176]. Хотя революционная работа Бартеневой не была полностью выявлена жандармами, тем не менее ее как человека «опасного для общественного порядка» выслали из Петербурга на четыре года. Бартенева поселилась в Пскове, где она находилась под гласным надзором полиции. По истечении срока ссылки Бартенева возвратилась в Петербург, где и прожила до смерти, последовавшей в августе 1914 г. [177]

Муж Е. Г. Бартеневой умер, по-видимому, ранее ее. О его жизни в России не сохранилось никаких сведений;

---

[175] И. М. Гревс. В годы юности. «Былое», 1921, № 16, стр. 161.

[176] М. И. Бруснев. Возникновение первых социал-демократических организаций. «Пролетарская революция», 1923, № 2, стр. 23.

[177] Подробнее о Бартеневой см: Е. Г. Бартенева (1843—1914). «День», 1914, 31 августа, № 235; А. Е. Кауфман. Е. Г. Бартенева. «Исторический вестник», 1914, № 11, стр. 839—840; И. С. Книжник-Ветров. Е. Г. Бартенева — социалистка и писательница. «Каторга и ссылка», 1929, № 10; К. Иеропольский. Несколько дополнений к статье И. Книжника о Бартеневой. «Каторга и ссылка», 1930, № 2.

однако близость его к брусневской организации, о чем упомянуто выше, свидетельствует о постоянстве его политических взглядов и симпатий.

То же самое можно сказать и о А. В. Корвин-Круковской. Вместе с мужем коммунаром Жакларом она в 70-х годах и в начале 80-х годов жила в России и участвовала в прогрессивной прессе. В 1887 г. ее муж за свои политические взгляды и за враждебную русскому правительству корреспонденцию в заграничную прессу подвергся высылке из России. Его жена поехала вместе с ним в Париж, но там она прожила недолго; в конце 1887 г. она скончалась [178].

Трагически сложилась судьба Елизаветы Дмитриевой. Эта замечательная женщина по приезде в Россию увлеклась человеком, стоявшим гораздо ниже ее и в умственном, и в политическом, и даже в моральном отношении. Это был некий Давыдовский, привлеченный в 1875 г. по делу мошеннической организации «червонных валетов». Елизавета Дмитриева слепо верила в невиновность этого человека, стремилась добиться его оправдания и готовилась в случае его осуждения разделить его участь. Последнее она действительно выполнила. Когда Давыдовский был приговорен к ссылке на поселение в Сибирь, она последовала за ним. Нерадостная жизнь ждала ее в Сибири. Политические ссыльные, с которыми ей приходилось встречаться там, сторонились от Давыдовского как от уголовника и недоверчиво относились к Дмитриевой, когда ей приходилось упоминать о своем знакомстве с Марксом, об участии в Парижской Коммуне и т. п.

Остается сказать несколько слов еще об одном участнике группы «Народное дело» и Русской секции — А. Я. Щербакове. От своих товарищей он был оторван, ибо жил в Берне, где обучался на медицинском факультете университета. В 1872 г. он окончил университет и получил степень доктора медицины. От участия в революционном движении он отошел, отдавшись всецело работе врача. В 1880 г. ему было разрешено возвратиться в Россию.

---

[178] Подробнее см. в книгах: И. С. Книжник-Ветров. А. В. Корвин-Круковская. (М., 1931) и С. Я. Штрайх. Сестры Корвин-Круковские. М. 1933.

Как видим, большинство участников Русской секции окончило жизнь весьма печально: полным отходом от революции. Однако это не может иметь решающего значения при оценке того дела, которому они посвятили свои силы в те годы, когда еще сохраняли верность революционным и социалистическим убеждениям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проследив развитие политической деятельности Утина и его товарищей, познакомившись с той борьбой, которую им пришлось вести, и, в частности, изучив историю их взаимоотношений с Бакуниным, мы можем с фактами и документами в руках утверждать, что их взаимная вражда имела причины идейного характера. Мы имели случай убедиться, что *в основе их разногласий лежали весьма серьезные расхождения по ряду принципиальных вопросов революционной программы и тактики.* Мы проанализировали все пункты этих разногласий и убедились, насколько серьезны были их расхождения.

При таких условиях разрыв сторонников Утина с бакунистами и борьба между ними становилась безусловно неизбежными. От личных качеств характеров и темпераментов действующих лиц зависело разве только то, какие формы примет их столкновение.

В идейной борьбе, разгоревшейся внутри Интернационала между сторонниками Генерального совета и последователями Бакунина, Русская секция неизменно стояла на стороне первых. Ее члены, как мы уже видели, с глубоким уважением отзывались о К. Марксе. Можно ли, основываясь на этом, считать их последователями и единомышленниками К. Маркса, правильно понявшими сущность его революционной теории и руководившимися ею в своей революционной работе? Можно ли называть их, как это делали некоторые исследователи истории I Интернационала и русского революционного движения — «марксистами»? На эти вопросы ответ может быть только один — категорически отрицательный. Ознакомление со взглядами Русской секции, нашедшими свое выражение на страницах «Народного дела», не оставляет никаких сомнений в том, что руководители этого журнала были да-

леки от подлинного понимания ряда весьма существенных и даже основополагающих моментов теории Маркса.

В отличие от Маркса они подходили к изучению явлений общественной жизни с чисто идеалистических позиций. Исторический процесс в их понимании сводился к развитию самосознания народных масс. Хотя они иногда и говорили о влиянии, оказываемом нищетой и голодом на рост революционности трудящихся масс, в основном они тем не менее признавали, что бытие людей определяется их сознанием. Социализм, с их точки зрения, являлся только продуктом умственного развития человечества. Значение для жизни общества роста производительных сил и состояния производственных отношений оставалось совершенно неясным для Утина и его товарищей.

Равным образом чуждым для них было и учение Маркса об общественных классах. В связи с этим они не видели принципиального различия между рабочим движением, возглавляемым Интернационалом, и народным движением типа крестьянской войны в Германии и восстаний Разина и Пугачёва в России.

Как и многие их современники, не только в России, но и в странах Западной Европы, они, говоря о «пролетариате», были склонны подводить под этот термин все категории людей, живущих своим трудом. Если Чернышевский, по выражению Ленина, не сознавал, что «только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма» [1], то в такой же мере это можно повторить и о руководителях Русской секции, несмотря на то, что они являлись свидетелями многих явлений, каких не наблюдал Чернышевский. Их участие в западноевропейском рабочем движении и в работе Интернационала не помогло им понять историческую роль пролетариата; не понимали они и закономерности возникновения и развития капитализма.

Естественно, поэтому, что членам Русской секции осталась чужда и идея диктатуры пролетариата. Утверждение В. А. Горохова относительно того, что содержание, вкладывавшееся «Народным делом» в понятие «передового меньшинства», приближало будто бы этот журнал

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 97.

«к марксистскому пониманию диктатуры пролетариата» [2], настолько необоснованно, что вряд ли нуждается в опровержении. Диктатура пролетариата — это диктатура общественного класса, а не какой-либо передовой и развитой в политическом отношении общественной группы.

Члены Русской секции отступали от взглядов Маркса и еще в некоторых пунктах, уже отмеченных нами выше, а именно: в отношении к принципу федерализма, во взгляде на роль и значение профессиональных союзов и в оценке значения всеобщей забастовки.

Как видно из только что сказанного, в ряде принципиальных вопросов они были весьма далеки от марксизма, хотя, несомненно, не отдавали себе отчета в своих расхождениях с Марксом. Их социализм, несмотря на их преданность делу Интернационала, оставался одной из разновидностей социализма мелкобуржуазного. Политическая мысль руководителей Русской секции была еще далека в силу исторических условий в России от социализма пролетарского. В этом отношении они сходились с Бакуниным, против которого они так упорно и так ожесточенно боролись.

Чем же при таких условиях объяснялось то парадоксальное на первый взгляд положение, что в борьбе, происходившей в Интернационале, эти представители мелкобуржуазного социализма оказались на стороне не Бакунина, а Маркса? Объяснение этого надлежит искать в том, что с «апостолом анархии» они расходились по ряду основных вопросов революционной теории и тактики, по таким вопросам, которые, можно сказать, ежедневно встают перед революционером в его практической работе. Нужно ли подготавливать народ к революции путем длительной пропагандистской и организационной работы или же он уже настолько подготовлен к ней своим тяжелым экономическим положением, что достаточно призвать его к восстанию? Может ли революционер принимать участие в политической жизни своей страны или же в ожидании социальной революции он должен отстраниться от политики как от буржуазной скверны? Каковы должны быть взаимоотношения между центром революционной органи-

---

[2] В. А. Горохов. Русская секция I Интернационала. М., 1925, стр. 123.

зации и ее рядовыми участниками? Должны ли последние являться послушными пешками в руках первого или же они имеют право критически относиться к директивам центра? Допустимы ли во взаимоотношениях между революционерами ложь и мистификация или же эти приемы могут приносить только вред делу революции?

Члены Русской секции давали на эти вопросы ответы, диаметрально противоположные ответам Бакунина.

Они считали, что проповедуемая Бакуниным теория политического воздержания глубоко ошибочна и может принести непоправимый вред делу освобождения трудящихся. В этом вопросе они были вполне солидарны с Генеральным советом Интернационала.

Не расходились они с ним и в отрицательном отношении к принятой Бакуниным тактике вспышкопускательства. Пропаганду среди народных масс и организацию этих масс они, в отличие от последователей Бакунина, считали главной и наиболее неотложной задачей убежденных революционеров, указывая при этом, что возбуждать народ к бунту без предварительной пропаганды революционных идей в его среде и без создания организации, достаточно мощной для правильного и твердого руководства народным движением, значит вести народ на бесплодные жертвы и на неизбежное поражение. Доказывая громадное значение сплоченной организации для революционного дела, они требовали при этом равенства и полной искренности во взаимоотношениях ее членов. Поэтому они с негодованием отвергали ту сеть мистификаций и лжи, какую плели Бакунин с Нечаевым.

В полном согласии с принципами Интернационала действовали они и тогда, когда требовали от людей, принимающихся за серьезную революционную работу, уменье трезво, реалистически оценивать обстановку и избегать выступлений, успех которых не обеспечен надлежащей подготовкой.

В этом отношении они являлись верными учениками Чернышевского и Добролюбова, неустанно твердивших о необходимости всесторонней подготовки революции. Как ни мечтали эти идейные вожди русской революционной демократии о скорейшем наступлении народной революции, они в то же время опасались, что революция может застать русское общество неподготовленным к ней и

что неподготовленность его может привести к неудачному исходу революции.

О, подожди еще, желанная, святая!
Помедли приходить в наш боязливый круг!
Теперь на твой призыв ответит тишь немая,
И лучшие друзья не приподымут рук, —

писал Добролюбов незадолго до смерти, имея в виду крестьянскую революцию [3].

На опасность преждевременных, недостаточно подготовленных восстаний Чернышевский указывал в своей прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». Призывая крестьян к хладнокровию и выдержке и убеждая их в необходимости всесторонне подготовиться к восстанию, прежде чем начинать его, Чернышевский писал:

«А покуда пора не пришла, надо силу беречь, себя напрасно в беду не вводить, значит спокойствие сохранять и виду никакого не показывать» [4].

Верны были заветам Чернышевского члены Русской секции и тогда, когда они восставали против проповедуемого Бакуниным воздержания от участия в политической борьбе. Их учитель, убежденный сторонник социального переворота, долженствующего ниспровергнуть общественный строй, основанный на классовом неравенстве и эксплуатации труда капиталом, понимал значение политической борьбы и ценил политическую свободу как орудие, могущее принести большую пользу делу освобождения трудящихся.

Члены Русской секции высоко ставили Чернышевского и с гордостью называли себя его учениками. Значит ли это, что они были его полными единомышленниками и последователями? Мог ли Чернышевский подписать свое имя под всем тем, что они печатали на страницах «Народного дела»?

Чтобы дать вполне ясный ответ на эти вопросы, необходимо учесть, что основателям Русской секции Интернационала приходилось в соответствии с новой историче-

---

[3] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. VI. М., 1939, стр. 267.

[4] Н. Г. Чернышевский. Избр. соч., т. I. М.—Л., 1928, стр. 151.

ской обстановкой разрешать ряд и новых вопросов, не встававших перед Чернышевским в эпоху его сотрудничества в «Современнике». Главным из них был вопрос об отношении русских революционеров к Интернационалу, возникшему уже тогда, когда Чернышевский находился на каторге. При разрешении этих вопросов члены Русской секции не всегда умели удержаться на теоретической высоте своего учителя.

Отчасти это объяснялось отсутствием у них той глубокой философской подготовки, которой обладал Чернышевский. В отличие от автора «Антропологического принципа в философии» Утин и его товарищи не были диалектиками.

Особенно ярко проявилось это в высказываниях Утина о войнах. Для него всякая война — «абсолютное зло». «Самый факт войны, — писал он, — варварская, ужасная вещь». Войною, по мнению Утина, никогда не достигается свобода и не получается власть. Если франко-прусская война и привела к установлению республики во Франции и к объединению Германии, то эти события совершились бы и без войны. «Если во французской нации было достаточно внутреннего, сознательного стремления к республике, то она пришла бы и без войны и, конечно, не стоила бы столько тысяч жертв!» Равным образом и германское единство осуществилось бы и без войны, так как и без войны соответствующая идея жила «в сознании и стремлении немцев». «Полагая, что войною достигаются благие результаты, — писал Утин, — надобно бы возвратиться к поклонению грубой силе и с презрением отбросить от себя память о завоеваниях разума и света» [5].

Эти рассуждения Утина находились в вопиющем противоречии с высказываниями о войне, которые мы встречаем в сочинениях Чернышевского. Говоря о диалектическом методе и указывая, что «определительное суждение можно произносить только об определенном факте, рассмотрев все обстоятельства, от которых он зависит», Чернышевский ссылался в виде примера на вопрос о том, пагубна или благотворна война. «Вообще, — писал он, — нельзя отвечать на это решительным образом; надобно

---

[5] И. Н. Война и цивилизация. «Вестник Европы», 1870, № 10, стр. 839—848.

знать, о какой войне идет дело, всё зависит от обстоятельств, времени и места». Подтверждая свою мысль, Чернышевский указывал на спасительность для русского народа войны 1812 г. и на благодетельность марафонской битвы для истории человечества [6].

Как видим, Чернышевский был весьма далек от признания всякой войны «абсолютным злом».

Недиалектичность мышления организаторов Русской секции ярко проявилась на их отношении к вопросу о судьбах России. Правильно признав, что ее социальное развитие подчинено тем же законам, что и развитие Западной Европы и что поэтому опыт Интернационала может быть перенесен на Россию, Утин и его товарищи, как мы уже видели, обосновывали эту мысль при помощи весьма сомнительных и крайне натянутых аналогий. Неумение подвергать каждое явление всестороннему рассмотрению с учетом всех обстоятельств, определяющих его, было причиной, помешавшей Утину и его товарищам дать вполне убедительное обоснование правильного тезиса, выдвинутого ими. Выдвигая его, они в дальнейшем как бы забывали о нем и приходили к чисто народническому выводу о возможности для России миновать, в отличие от стран Западной Европы, капиталистическую стадию и перейти непосредственно к социализму. Они не замечали тех весьма значительных успехов, которых уже в то время достигло развитие капитализма в России. Они недооценивали могущества русской буржуазии и смотрели на нее как на инородное тело, как на какой-то случайный, болезненный нарост на организме русского народа. Свою веру в возможность для России непосредственного перехода к социализму они обосновывали существованием в России крестьянской общины и производственных артелей.

Вслед за Чернышевским члены Русской секции считали, что община сможет явиться зародышем, из которого со временем разовьется социалистический строй. Вслед за ним — и в отличие от Герцена — они отказывались рассматривать общинное владение как «особенную, прирожденную черту нашей национальности», а видели в нем «общую человеческую принадлежность известного пери-

---

[6] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III. М., 1947, стр. 208.

ода в жизни каждого народа»[7]. Однако, в отличие от Чернышевского, они более, чем он, идеализировали общинное устройство. Будучи знакомыми с знаменитой статьей Чернышевского «Критика философских предубеждений против общинного владения» и цитируя ее, они в то же время не обратили достаточного внимания на те оговорки, которыми Чернышевский обставлял свои оптимистические прогнозы на счет роли, какую может сыграть русская община. Признавая общинное устройство «высшей гарантией благосостояния людей», Чернышевский в то же время подчеркивал, что община окажет свое благодетельное влияние только «тогда, когда уже даны другие низшие гарантии благосостояния», при отсутствии которых общинный принцип утрачивает свою силу и свое значение[8]. Такими низшими гарантиями благосостояния Чернышевский считал наличность у членов общины достаточного для пропитания их и их семей количества земли и необходимых орудий производства, а также свободу членов общины от всяких разорительных для них податей и повинностей. Чернышевский прекрасно понимал, что правительственная реформа 1861 г. не дала русскому народу этих «низших гарантий благосостояния». Именно поэтому он весьма отрицательно расценивал эту реформу, указывая, что она приведет не к росту благосостояния крестьян, а к разорению их. Что касается членов Русской секции, то в этом отношении они намного отошли от своего учителя. Сознавая, в каком тяжелом экономическом положении оказались освобожденные крестьяне, они тем не менее питали надежду на то, что общинное устройство может спасти нашу страну от развития в ней пролетариата и обеспечить русскому народу счастливое будущее. Это вопиющее отступление от взглядов Чернышевского и привело их к идеализации общинного устройства.

Ознакомление с общественно-политическими взглядами членов Русской секции убеждает в том, что на них ярко отражалось недостаточное развитие капиталистических отношений в России того времени, а также состояние русского пролетариата. В одном из писем к Плеханову Энгельс писал: «...В такой стране, как ваша, где

[7] В кавычках слова Чернышевского См. Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. V. М., 1950, стр. 362.

[8] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. V, стр. 360.

современная крупная промышленность привита к первобытной крестьянской общине и где одновременно представлены все промежуточные стадии цивилизации, в стране, к тому же окруженной более или менее прочной интеллектуальной китайской стеной, возведенной деспотизмом, не приходится удивляться возникновению самых невероятных и причудливых сочетаний идей» [9]. Эти слова были написаны Энгельсом в 1895 г., т. е. через четверть века после возникновения Русской секции, когда несоответствие, отмеченное Энгельсом, носило еще более яркий характер. Теоретические взгляды членов Русской секции могут служить одним из образцов того причудливого сочетания идей, о котором писал Энгельс. Для нас всего важнее то обстоятельство, что система их воззрений складывалась в поисках правильной революционной теории и что их упорные искания привели их к Интернационалу.

В деле пропаганды идей Интернационала в России они сыграли весьма значительную роль, являвшуюся тем более важной, что в русском обществе 70-х годов, среди революционеров той поры и в кругах, близких к ним, пользовалось широким распространением мнение, что опыт западноевропейского движения — и, в частности, Интернационала — неприменим к России.

На этой точке зрения стоял популярнейший публицист 70-х годов, виднейший теоретик народничества Н. К. Михайловский. Он неоднократно высказывал мнение, что рабочий вопрос в России ставится совершенно иначе, чем в Западной Европе.

В 1872 г. в «Литературных и журнальных заметках» Михайловский писал:

«Рабочий вопрос в Европе есть вопрос революционный, ибо там он требует передачу условий труда в руки работника, экспроприацию теперешних собственников. Рабочий вопрос в России есть вопрос консервативный, ибо тут требуется только сохранение условий труда в руках работника, гарантия теперешним собственникам их собственности. У нас под самым Петербургом существуют деревни, жители которых живут на своей земле, жгут свой лес, едят свой хлеб, одеваются в армяки и тулупы своей работы из шерсти своих овец. Гаранти-

[9] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIX, стр. 385.

руйте им прочно это свое и русский рабочий вопрос решен». В отношении рабочего вопроса Запад, — указывал Михайловский, — «нам не указ». Там капиталисты в отличие от России представляют собою «великую общественную силу». Там решение рабочего вопроса равно «революции, которая должна взволновать весь веками складывавшийся общественный строй». У нас капиталисты — «ничтожная во всех отношениях капля в море русского народа». На Западе рабочие — безземельные пролетарии. В России они обеспечены землею [10].

Как видим, Михайловский переоценивал значение наделения крестьян в 1861 г. землею и упускал из виду, что уже в 70-х годах в России существовало немало фабричных и заводских рабочих, утративших всякую связь с землею и в этом отношении ничем не отличавшихся от западных пролетариев.

Взглядами Михайловского на рабочий вопрос в России определялось и его отношение к Интернационалу. По словам Михайловского, русская молодежь имеет полное основание формулировать следующим образом свой взгляд на значение Интернационала для России: «Я могу сочувствовать и не сочувствовать Международному обществу в Европе, но в России ему делать нечего» [11].

Признавая принципиальное различие в постановке вопроса о рабочем движении в России и на Западе, Михайловский был вполне последователен, когда, исходя из этого, отрицал применимость к России теории К. Маркса. Эту мысль он выразил в 1872 г. в статье: «По поводу русского издания книги К. Маркса». Михайловский указывал здесь, что «идеи и интересы», с которыми борется Маркс (т. е. идеи и интересы буржуазии) «слишком еще слабы у нас» и потому взгляды Маркса не представляют никакой опасности для существующего в России социально-политического строя [12].

С этим выводом Михайловского была вполне солидарна группа народников, объединившихся вокруг газеты

---

[10] Н. К. Михайловский. Соч., т. I. СПб., 1896, стр. 694—695, 703—704; ср. стр. 736.

[11] «Литературные и журнальные заметки». «Отечественные записки», 1873, № 1, стр. 160—161. Подчеркнуто мною. —*Б. К.*

[12] Н. К. Михайловский. Соч., т. X. 2-е изд. СПб., 1913, стр. 10.

«Неделя», и по другим вопросам нередко яростно полемизировавшая с ним. Газета «Неделя» провозглашала, что «идеалы русской деревни» не имеют ничего общего с идеалами западного пролетариата и даже противоположны им [13].

Такую именно мысль подробно развивал в своих статьях сотрудник «Недели», участник революционного движения того времени И. И. Каблиц (Юзов). Он утверждал, что социально-экономическое развитие России подчинено совершенно иным законам, чем развитие стран Западной Европы. Россия с ее общинным земельным устройством гарантирована от проникновения в нее капитализма. Поэтому, умозаключил Юзов, теория Маркса, имеющая «известное raison d'être» на Западе, «не имеет никакого значения для России» [14].

Аналогичные мысли развивал и известный революционер 60—70-х годов П. Н. Ткачев. В «Открытом письме к г. Фр. Энгельсу», изданном в 1874 г., Ткачев писал:

«Положение нашей страны совсем исключительное; оно не имеет ничего общего с положением какой-либо страны Западной Европы. Средства борьбы, применяемые последней, по меньшей мере совершенно непригодны для нашей. У нас требуется совершенно особенная революционная программа, которая в такой степени должна отличаться от германской, в какой социально-политические условия в Германии отличаются от таковых в России». Поэтому, утверждал Ткачев, русские революционеры никогда не будут и не должны быть солидарными с тактикой европейских рабочих партий [15].

Необходимо, однако, сделать весьма существенную оговорку: далеко не все народники начала 70-х годов разделяли мнение Михайловского, Каблица и Ткачева на счет неприменимости к России опыта западноевропейского рабочего движения и Интернационала. Как мы убедимся ниже, когда будем говорить об идейных взаимоотношениях Русской секции с П. Л. Лавровым и его «Вперед», Лавров сходился с «Народным делом» в признании необходимости

---

[13] «Наши задачи». «Неделя», 1876, № 1, стр. 4.

[14] Юзов. Капитализм и мирское владение. «Неделя». 1878, № 15.

[15] П. Н. Ткачев. Избр. соч., т. III. М., 1933, стр. 89.

использования в России западноевропейского опыта. Он не отрицал того, что русским революционерам есть чему поучиться у Интернационала. До известной степени это можно сказать и про сторонников Бакунина. Хотя они и твердили упорно о коммунистических инстинктах русского крестьянства, тем не менее в своих изданиях, предназначенных для распространения в России, они немало писали о деятельности Интернационала, освещая ее, конечно, со своей бакунинской точки зрения [16]. При той популярности, которой пользовались в России 70-х годов идеи Бакунина, немудрено, что большинство русских революционеров смотрело на Интернационал глазами Бакунина. Вспомним, наконец, и то обстоятельство, что Бакунин, как мы уже говорили, пытался подорвать значение Русской секции путем организации в противовес ей Славянской секции Интернационала. Это показывает, что он в вопросе о значении Интернационала для России расходился с Михайловским, Каблицем и Ткачевым. Недаром бакунистская газета «Работник» называла задачу Интернационала — «установить союз рабочих между всеми народами, не обращая внимания на то, кто какой веры, какого племени» — «великим делом» [17].

Приведенные нами высказывания Михайловского, Ткачева и Юзова относятся к 1872—1876 гг. Однако и в более раннее время, когда Русская секция только еще организовывалась, ее участникам приходилось выслушивать сомнения в том, насколько опыт Интернационала применим в России. «Народное дело» следующим образом формулировало точку зрения своих антагонистов. «Вы, господа, хо-

---

[16] Из бакунистских изданий укажем на книги: «Историческое развитие Интернационала», 1873, содержавшую статьи и речи Бакунина, Гильома, Ц. де-Папа, связанные с их деятельностью в Интернационале; «Сытые и голодные», изд. газеты «Работник», Женева, 1875; 5-я глава этой книги (стр. 430—513) посвящена истории Интернационала. В № № 6, 7, 10 и 13 «Работника» была помещена оставшаяся незаконченной статья «Международное товарищество рабочих», далее предистории Интернационала не пошедшая.

[17] «Работник», 1875, № 6. Автор статьи «Сговор», помещенной в № 3 этой же газеты доказывал, что «не только один человек, но и один народ в поле не воин». «У всех ведь, — писал он, — враги одни: сытые, праздные богачи — купцы, фабриканты, хозяева». Поэтому все народы, в том числе и русский, должны договориться друг с другом в целях совместной борьбы. Интернационал же призван руководить этой борьбою.

рошие люди, но вы всё же чудной народ! Вы пишите и толкуете очень завлекательно об Интернациональной ассоциации, и это прекрасно, кто не может не сочувствовать этому благородному движению рабочих? Ведь это даже посмотреть отрадно, как они рассуждают! Но к чему же это вы основали Русскую секцию? и к чему это вы заводите речь о введении Интернационала в России? Оставьте, господа, эти мечтания, служите русскому делу, не забывайте, что у нас совершенно другие вопросы, у нас свои русские вопросы; у нас свое дело, будемте итти тихо своим путем, не возбуждая у нас таких вопросов, которым в России места нет, до которых нашему народу дела нет» [18].

Из этих слов ясно, что еще до образования Русской секции, когда поднимался вопрос об организации ее, Утину и его товарищам приходилось сталкиваться со взглядами, которые несколько лет спустя нашли себе выражение в произведениях ряда публицистов народнического направления. А это может служить доказательством того, насколько широко в русском обществе 70-х годов была распространена мысль относительно неприменимости в России организационных форм и тактики западного рабочего движения.

Деятели Русской секции сумели избежать этой ошибки, но зато они впали в иную, также весьма распространенную среди русских революционеров того времени. Революционные выводы, построенные на опыте наиболее развитых в экономическом отношении стран Западной Европы, они чисто механически переносили на Россию, не учитывая особенностей ее социально-экономического положения. Известный революционер 70-х годов В. Дебогорий-Мокриевич рассказывает о том, как воспринимали и переосмысляли на свой манер революционеры-народники взгляды Ф. Лассаля. «Всё то, — пишет он, — что Лассаль говорил о фабричных рабочих, мы переносили на наше крестьянство, являвшееся для нас нашим «обездоленным четвертым сословием»» [19]. Члены Русской секции проде-

---

[18] «Интернациональная Ассоциация и Россия». «Народное дело», 1870, № 3.

[19] В. Дебогорий-Мокриевич. Воспоминания. 3-е изд. стр. 77.

лывали то же самое с программой Интернационала. Русскому крестьянству они отводили в будущем социальном перевороте роль, аналогичную той, какую на Западе призван сыграть промышленный пролетариат. Крестьянство с его общиной рассматривалось ими как движущая сила социалистического преобразования нашей страны.

Такие искусственные аналогии между Россией и Западом, какие мы находим у группы «Народного дела», не были новостью в нашей литературе. У Утина и его товарищей в этом отношении имелись предшественники в лице сотрудников возрожденного в 1863 г. «Современника», эпигонов Чернышевского. Мы имеем в виду автора предисловия к помещенной в «Современнике» речи Лассаля «Об особенной связи современного исторического периода с идеей рабочего сословия» [20]. Автор этого предисловия утверждал, что Россия, подобно передовым в промышленном отношении странам Западной Европы, находится накануне вступления в тот исторический «период, который для западного общества Лассаль определяет господством идеи рабочего сословия». Если на Западе промышленный пролетариат является, как указывает Лассаль, четвертым сословием, ожидающим своей очереди для того, чтобы воспользоваться общественными правами и благами цивилизации, то «нечто аналогическое» происходит, по мнению автора предисловия, и в России. В России, утверждал он, тоже имеется свое четвертое сословие в лице «народной массы», т. е. в первую очередь крестьянства.

Такие рассуждения показывают, насколько эпигоны Чернышевского были близки к тем ошибочным аналогиям между Россией и Западом, какие мы находим на страницах «Народного дела». И они, подобно Утину и его товарищам, начинали отходить с позиций революционного просветительства 60-х годов. Насколько же велик был этот отход?

Как известно, Ленин в статье «От какого наследства мы отказываемся?» назвал три черты, характерные для просветительства [21].

---

[20] «Современник», 1865, № 9, стр. 178—181. Конторскими книгами «Современника» устанавливается, что цитируемое нами предисловие было оплачено А. Н. Пыпину. «Литературное наследство», т. 53-54. М., 1949, стр. 489.

[21] См. В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 472.

Первая из них — горячая вражда «к крепостному праву и *всем его* порождениям в экономической, социальной и юридической области». После всего того, что сказано было выше относительно политических установок группы «Народного дела», вполне ясно, что эта черта просветительства в полной мере присуща ее членам. Они являлись горячими противниками всех пережитков крепостничества, в том числе и самодержавия.

Ненавидя политические порядки, господствовавшие на их родине, они горячо защищали дело ее просвещения, самоуправления и свободы. Именно в этом, а также в защите «европейских форм жизни», Ленин видел вторую характерную черту просветительства. Когда Ленин говорил о европейских формах жизни, он имел в виду буржуазные порядки Западной Европы. Просветители понимали предпочтительность этих порядков по сравнению с крепостническими. Даже Чернышевский, прекрасно видевший все теневые стороны буржуазного Запада и сознававший, насколько сложившиеся там порядки далеки от идеальных, находил, что замена феодально-крепостнического строя русской жизни европейским, т. е. буржуазным, была бы явлением прогрессивным. Члены Русской секции в этом отношении отошли от взглядов своего учителя. Об этом нам придется еще говорить.

Третьей характерной чертой просветительства Ленин считал «отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян». Члены Русской секции считали, что действительного улучшения участия народных масс можно добиться только революционным путем. Они мечтали о народной революции в России и для этой цели считали необходимым воссоздать разбитую реакцией 1863 г. революционную организацию.

Все сказанное дает основание видеть в них более или менее верных носителей «наследства» начала 60-х годов. Однако наряду с этим в их взглядах имелись и такие стороны, которые свидетельствовали об отходе от этого «наследства» в сторону народничества 70-х годов.

Таково в первую очередь отношение их к буржуазии и буржуазным порядкам. Члены Русской секции не только не понимали, что преобразование России в буржуазное государство явится шагом вперед по сравнению с существовавшими в ней полицейскими порядками, но и боялись

этого перехода. Они были уверены, что торжество буржуазии, ее политическая победа, затруднят и отдалят народное освобождение.

Слабое развитие промышленности в России и преобладающую роль земледелия в ее экономике члены Русской секции считали весьма важным преимуществом нашей страны по сравнению с Западом. Выше нам приходилось уже подробно говорить об этом.

«Народное дело» неоднократно отмечало рост нищеты в русской деревне и прогрессирующее обезземеление крестьянства. Однако его сотрудники не сознавали того, что в русской деревне происходит образование сельской буржуазии и сельского пролетариата. Население деревни они рассматривали как более или менее однородное целое. Они знали, конечно, о существовании в русской деревне кулачества, но считали его явлением наносным, не имеющим органической связи с народной жизнью, и потому недооценивали его опасности для прочности «устоев» крестьянской жизни. Как мы уже видели, в статье «Крестьянская реформа и общинное землевладение» они высказывали наивно оптимистические надежды на то, что кулачество никогда не сумеет забрать в кабалу общину и что общинное землевладение спасет русское крестьянство от окончательного разорения и обезземеления. А эта уверенность составляла один из основных догматов народнического катехизиса.

Таким образом, первая черта, характеризующая по Ленину народничество и отличающая его от революционного просветительства,— *«признание капитализма в России упадком, регрессом»*, — в идеологии членов Русской секции была налицо. Идеализируя общинное землевладение, они оказывались не в состоянии понять погрессивность капитализма по сравнению с докапиталистическими порядками.

Что касается второй черты — признания *«самобытности русского экономического строя вообще и крестьянина с его общиной, артелью и т. п. в частности»*, — то отношение «Народного дела» к этой проблеме вполне ясно из сказанного выше. Мы говорили уже, что, отрицая в теории эту самобытность и признавая, что русская общественно-политическая жизнь развивается по тем же самым законам, как и западная, сотрудники «Народного дела» на

практике не могли остаться в этом вопросе вполне последовательными. К ним полностью могут быть отнесены слова Ленина о народниках: «Общинное крестьянство рассматривается как нечто высшее, лучшее, сравнительно с капитализмом; является идеализация «устоев». Среди крестьянства отрицаются и затушевываются те же противоречия, которые свойственны всякому товарному и капиталистическому хозяйству, отрицается связь этих противоречий с более развитой формой их в капиталистической промышленности и в капиталистическом земледелии»[22].

Таким образом, при выработке и обосновании плана своей практической революционной деятельности Утин и его товарищи приходили, вопреки своим предпосылкам и сами не сознавая того, к отрицанию общей закономерности революционно-социалистического преобразования России и Запада.

Третьей характерной чертой народничества Ленин, как известно, считал признание интеллигенции силой, стоящей вне общественных классов и определяющей ход развития общественной жизни. Народники видели в интеллигенции силу, способную «тащить историю по другой линии», «свернуть с пути» и т. п.

Совершенно иначе смотрели на интеллигенцию члены Русской секции. Вслед за Чернышевским они не переоценивали ее роли, считая, что она призвана не освобождать народ, а лишь содействовать его самоосвобождению. Как и Чернышевский, они признавали только такую революцию, которая совершается самим народом, а не интеллигентным меньшинством, желающим облагодетельствовать народные массы. При этом, как мы убедились из их отношения к западноевропейской интеллигенции, мысль о том, что этот общественный слой не является однородным и далеко не всегда и не везде выступает защитником народных интересов, была не чужда им. Вспомним указания «Народного дела» на то, что на Западе часть интеллигенции идет на службу «к кулаку-собственнику» и стоит на страже существующего порядка.

Не в меньшей степени члены Русской секции расходились с народниками начала 70-х годов и в вопросе о политической борьбе. Как мы уже говорили, они высказы-

---

[22] В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 481.

вались неизменно отрицательно относительно аполитизма и относительно бакунинской теории так называемого «политического воздержания». Хотя правильное решение вопроса о соотношении политики и социализма ими и не было найдено, тем не менее нельзя не признать их заслугой то, что они настойчиво указывали на безусловную необходимость использовать в борьбе за освобождение трудящихся все возможности, предоставляемые конституциями буржуазных государств.

Подводя итоги сказанному выше, приходится констатировать, что члены Русской секции развивались в политическом отношении под непосредственным и определяющим влиянием идей великих революционеров начала 60-х годов, особенно Чернышевского, и в основном продолжали разделять их взгляды. Бесспорно, однако, и то, что в некоторых отношениях они отошли от «наследства» 60-х годов. В их политической платформе можно обнаружить ряд пунктов, совпадающих со взглядами народников начала 70-х годов.

Однако ту борьбу, которую они последовательно вели против мистификаторства Нечаева и против авантюризма и диктаторских замашек Бакунина, они вели именно с позиций «наследства» 60-х годов. Именно благодаря этому им удалось избежать того организационного нигилизма, который после нечаевщины начал господствовать в большинстве русских революционных кружков.

Справедливо негодуя на мистификации, ложь и генеральствование, на которых пытался основать свою организацию С. Г. Нечаев, большинство русских революционеров начала 70-х годов доходило до отрицания необходимости всякой организации вообще. Они допускали существование отдельных групп и кружков, состоящих из людей, хорошо знающих друг друга и друг другу доверяющих, но с пеной у рта отказывались признавать целесообразность создания центра, который объединял бы и направлял деятельность отдельных кружков. С неменьшим упорством они отрицали необходимость революционной дисциплины, в требовании которой усматривали покушение на свою свободу.

Несомненной заслугой членов Русской секции являлось то, что они не впали в эти крайности. Отвращение к нечаевской лжи и «генеральствованию» не привело их к

отрицанию необходимости создания для успеха революционного дела организации, действующей по определенному плану и твердо усвоившей великое значение революционной дисциплины. За все время своего существования «Народное дело» не переставало твердить о необходимости такой организации.

Если первой заслугой «Народного дела» перед русским революционным движением можно считать ознакомление русского общества с задачами и деятельностью Интернационала, то второй — является неустанная пропаганда им необходимости подготовительной революционной работы, заключающейся в революционной пропаганде и создании революционной организации.

Известно, что члены Русской секции занимали изолированное положение среди русской эмиграции. Их борьба против Бакунина привела к тому, что не только сторонники последнего, но и многие противники его относились отрицательно к Утину и его товарищам. Даже такой близкий к Марксу и настроенный отрицательно по отношению к Бакунину человек, как Герман Лопатин, не мог сойтись с Утиным и не сочувствовал его кампании против Бакунина. В 1873 г. Маркс писал Энгельсу:

«Лопатин и Утин никогда, пожалуй, не станут очень близкими друзьями, их натуры мало подходят друг к другу, и впечатление от их первой холодной встречи в Женеве еще не изгладилось. Притом Лопатин все еще большой русский патриот и считает «русское дело» все еще чем-то особым, не касающимся Запада, и, повидимому, не весьма благодарен Утину за то, что последний посвятил нас во все эти тайны»[23].

Такую же позицию по отношению к Утину и его товарищам занимали и последователи Лаврова. Они настолько возмущались «бесцеремонной» враждой Утина и других членов Русской секции к Бакунину, что уклонялись от сближения с ними[24].

А между тем из всех революционных групп, существовавших в начале 70-х годов среди русских революционе-

---

[23] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 422. О Лопатине см. работу Н. Саморукова «Общественно-политическая деятельность Г. А. Лопатина». «Вопросы истории», 1951, № 3.

[24] П. Л. Лавров. Народники-пропагандисты 1873—1878 гг. Л., 1925, стр. 55.

ров, наиболее близкой в идейном отношении к группе «Народного дела» была группа, возглавляемая П. Л. Лавровым и объединявшаяся вокруг журнала «Вперед». Программа этого журнала имела много общего с программой Русской секции. Как и группа «Народного дела», «Вперед» уделял много внимания рабочему движению на Западе и судьбам Интернационала и подробно знакомил с этими явлениями своих читателей. Как и «Народное дело», Лавров указывал, что программа социальной революции как на Западе, так и в России, — одинакова и что эта программа «высказана в постановлениях нескольких конгрессов, выражавших общие стремления рабочего пролетариата в Европе», хотя при этом и добавлял, что «возможные орудия» для осуществления этой программы «в настоящую минуту различны для России и для Европы» [25]. Исходя из этих соображений, Лавров, подобно группе «Народного дела», считал возможным и полезным широкое использование западноевропейского опыта русскими революционерами. Как и Утин с товарищами, Лавров возмущался мистификаторством Нечаева, считая вредным для дела революции принятое им правило: цель оправдывает средства. «В кругу единомышленников, товарищей, союзников по общему делу, — писал в программе, составленной в связи с изданием журнала «Вперед», Лавров, имея в виду нечаевщину, — ложь есть преступление, преднамеренное распространение иллюзии есть измена делу, принуждение допущено быть не может, эксплуатация и личный расчет возмутительны» [26]. С осуждением относился Лавров и к бунтарской тактике Бакунина. Подобно членам Русской секции, он доказывал необходимость тщательной подготовки революции путем длительной пропаганды в народе революционных и социалистических идей. «Лишь уясняя народу его потребности и подготовляя его к самостоятельной и сознательной деятельности для достижения ясно понятых целей, можно считать себя действительно полезным участником в современной подготовке лучшей будущности России. Лишь тогда, когда течение исторических событий укажет само минуту переворота и готовность к нему народа русского,

[25] П. Л. Лавров. Избранные сочинения на социально-политические темы, т. II. М., 1934, стр. 26—27.

[26] Там же, стр. 26.

можно считать себя вправе призвать народ к осуществлению этого переворота»[27].

Конечно, все эти совпадения во взглядах имели большое значение.

Чтобы объяснить наличность их надо учесть, что деятельность Интернационала и события Парижской Коммуны оказали сильное влияние на развитие политических взглядов Лаврова.

Несмотря на солидный возраст (ему было уже около пятидесяти лет) и продолжительное участие в политической жизни, Лавров во время своего бегства из ссылки и появления за границей еще не был вполне сложившимся в политическом отношении человеком[28]. Ему были присущи гуманистические стремления и демократические симпатии, но у него не хватало твердо установившихся революционных взглядов. Он искренно желал видеть все человечество счастливым и довольным своею судьбою, но не отдавал себе точного отчета в том, какими путями надлежит идти к достижению светлого будущего. Наблюдение за работой Интернационала и за парижскими событиями 1871 г., во время которых сочувствие Лаврова было всецело на стороне коммунаров, убедило его в неосуществимости коренного социального преобразования мирным путем и в неизбежности социальной революции. Эти события поставили перед Лавровым вопрос о том, какие уроки должны вынести для себя русские революционеры. Журнал «Народное дело», дававший определенные указания относительно разрешения этого вопроса, не мог не заинтересовать Лаврова[29] и не произвести на него впечатления обоснованностью своих выводов.

Признавая идейную близость лавровского «Вперед» с «Народным делом», не следует, однако, изображать их полными единомышленниками, как это делает биограф Лаврова И. С. Книжник-Ветров. Работы этого автора, посвященные Лаврову, страдают одним чрезвычайно

---

[27] П. Л. Лавров. Избранные сочинения на социально-политические темы, т. II. М., 1934, стр. 32—33.

[28] О путях политического развития Лаврова см. подробнее в моей книге «От девятнадцатого февраля к первому марта». М., 1933. стр. 112 и сл.

[29] Редакция «Народного дела» выслала Лаврову в Париж свой журнал. См. письма Лаврова к Е. А. Штакеншнейдер. «Голос минувшего», 1916, № 7—8, стр. 119.

существенным недостатком, ведущим к полному искажению действительного идейного облика редактора «Вперед». И. С. Книжник-Ветров ставит своей задачей во что бы то ни стало подтянуть Лаврова к большевизму. Эта явно порочная тенденция сказывается, в частности, и на трактовке И. С. Книжником вопроса об отношении Лаврова к «Народному делу»[30]. И. С. Книжник доходит до утверждения, будто бы взгляды «Народного дела» «целиком были восприняты» Лавровым как редактором «Вперед»[31]. Правда, И. С. Книжник тут же сам подрывает это свое утверждение добавлением: «Но еще большее влияние оказали на П. Л. идеи Бакунина». Ясно, что от соединения взглядов «Народного дела» с идеями Бакунина не могло получиться ничего, кроме противоречивого и идейно невыдержанного эклектизма. И действительно, в программе «Вперед», несмотря на ее идейную близость в ряде существенных пунктов к программе «Народного дела», имелись формулировки, находившиеся в противоречии с этой программой. Программа «Вперед» объявляла, что «вопрос об участии рабочих в современном политическом движении Европы и Америки» остается «спорным». Она опасалась, что участие рабочих в политической борьбе, происходящей в буржуазных государствах, грозит им опасностью «увлечься формальною и пустою диалектикою парламентских говорунов»[32]. На программе Лаврова лежал довольно заметный отпечаток анархизма.

---

[30] Как свободно этот автор обращается при этом с фактами, можно судить по следующему примеру: указав на то, что в мае 1870 г. жена Утина была в Париже, где в то время жил Лавров, и посетила мать последнего, И. С. Книжник высказывает убеждение, что Утина хотела сблизить Лаврова с Русской секцией. (И. С. Книжник. П. Л. Лавров от первых публицистических выступлений до издания «Вперед» в 1 т. Избр. соч. П. Л. Лаврова. М., 1934, стр. 54). И. С. Книжника не смущает то, что Утина, как это видно из писем Лаврова к Штакеншнейдер, не посетила Лаврова, а между тем она несомненно сделала бы это, если бы у нее действительно было то намерение, которое ей приписывает И. С. Книжник. Любопытно отметить, что сам Лавров не решился пойти к Утиной, так как, по его словам, он хорошо помнил, как холодно встретил кружок Утина в Петербурге попытки Лаврова сблизиться с ним («Голос минувшего», 1916, № 7—8, стр. 111).

[31] И. С. Книжник-Ветров. П. Л. Лавров. М., 1930 стр. 53.

[32] П. Л. Лавров. Избранные сочинения на социально-политические темы, т. II, стр. 29.

Руководитель «Вперед» настаивал на уничтожении «всякого следа государственной принудительности». Государства, по его мнению, «должны окончательно разложиться, чтобы дать место новому общественному строю», основанному на «самой широкой свободе личности». «Обязательной государственности» Лавров противопоставлял в качестве своего политического идеала — «свободную ассоциацию» равноправных личностей [33].

Вполне ясно, что такая постановка вопроса о государственности, весьма напоминавшая бакунинскую программу, изложенную в первом номере «Народного дела», находилась в противоречии с дальнейшей политической линией этого журнала, выяснившейся после отхода от него Бакунина.

Расхождения между Лавровым и группой «Народного дела» сказались особенно ярко на отношении их к борьбе, происходившей в рядах I Интернационала. Мы хорошо знаем уже, какую решительную антибакунинскую позицию заняли в этой борьбе Утин и его товарищи. Что же касается Лаврова, то в его отношении к этой борьбе вполне проявилось присущее ему «слащавое примиренчество», столь возмущавшее дружески расположенного к нему К. Маркса [34]. Лавров не понимал громадного идейного значения этой борьбы, от исхода которой зависел путь развития международного рабочего движения, и видел в ней лишь результат столкновения личных самолюбий. Он не сомневался в искренности и «преданности делу пролетариата» обоих борющихся сторон и готов был рекомендовать им примирение. Он упрекал одинаково обе стороны, сожалел об их «личном увлечении страстью» и ставил им обоим в вину «многочисленные ошибки, иногда весьма вредные для общего дела» [35]. Конечно, высказывать такие мысли мог только человек, совершенно не разбирающийся в сущности происходящих на его глазах исто-

---

[33] П. Л. Лавров. Избранные сочинения, т. II. стр. 25 и 28.

[34] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 422.

[35] П. Л. Лавров. Избранные сочинения, т. II, стр. 255. Характерно, что Лавров делал попытки уговорить Г. А. Лопатина выступить в качестве примирителя Маркса с Бакуниным, но Лопатин категорически отказался. «За роль примирителя не возьмусь ни за что»,—писал он Лаврову 18 октября 1870 г. Н. Саморуков. Общественно-политическая деятельность Г. А. Лопатина. «Вопросы истории», 1951, № 3.

рических событий. В особенно сильную скорбь повергла Лаврова брошюра Маркса и Энгельса об Альянсе, составленная в части, относящейся к России, главным образом на основании материалов, доставленных авторам брошюры Утиным и его товарищами. В письме к Г. Юнгу Лавров назвал эту брошюру «чрезвычайно желчным и не очень добросовестным памфлетом». Выражая сожаление относительно появления ее на свет, Лавров высказывал надежду на то, что «эта борьба маленьких личных самолюбий не будет иметь большого влияния на рабочих»[36].

Об этих фактах не следует забывать при решении вопроса о степени идейной близости Лаврова и его последователей к группе «Народное дело». Упуская их из вида, как это делает И. С. Книжник-Ветров, нельзя дать правильного изображения исторической действительности и избежать ее искажения[37].

Некоторые историки готовы рассматривать Русскую секцию как организацию, стоявшую в идейной, если не в организационной, связи с рабочими союзами 70-х годов, в частности с кружком металлистов, оформившемся в Петербурге около 1873 г. и противопоставлявшем себя интеллигентским народническим кружкам того времени. Пытаясь обосновать связь между этими организациями, ссылаются на заграничные поездки одного из руководителей рабочего кружка Виктора Обнорского, во время которых он мог познакомиться с работой Русской секции, что и помогло ему будто бы создать позже «Северный союз русских рабочих»[38].

Однако при этом упускают из виду то обстоятельство, что первая поездка Обнорского за границу относится к концу 1873 г., т. е. ко времени, когда Русской секции уже не существовало. Известно, что Обнорский, находясь за границей, специально знакомился с работой германской и швейцарской рабочих партий. Эти практические наблюде-

---

[36] «Летописи марксизма», 1930, № 2 (12), стр. 166. Ср. также: П. Л. Лавров. Избранные сочинения на социально-политические темы, т. II, стр. 294—296.

[37] Правильно освещает отношения Лаврова к Русской секции Н. К. Каратаев. («К вопросу об экономической платформе Русской секции I Интернационала», стр. 111—112).

[38] Р. Ш. Тагиров. Русская секция Международного товарищества рабочих и Россия. «Уч. зап. Казанск. гос. пед. ин-та», вып. VII. Казань, 1949, стр. 125.

ния, конечно, могли дать ему гораздо больше, чем чтение «Народного дела», которое, кстати сказать, ко времени его пребывания за границей успело сделаться библиографической редкостью.

Сопоставляя программу «Северного союза русских рабочих» с установками Русской секции, мы обнаруживаем весьма существенные расхождения между ними. Сходятся они в одном—в признании общности интересов и задач русского и западного пролетариата. Основатели «Северного союза» открыто заявляли, что их организация по своим заданиям примыкает к «социально-демократической партии Запада». Известно, что они при выработке своей программы использовали «готскую» и «эйзенахскую» программы германской социал-демократии. Отсюда они и заимствовали сведения относительно западноевропейского рабочего движения.

Видеть в «Народном деле» первоисточник их программы нельзя уже потому, что они расходились с «Народным делом» по основному вопросу.

Организаторы «Северного союза русских рабочих» ставили своей задачей сплочение в рядах союза специально фабрично-заводских рабочих. Если для них не было еще вполне ясно классовое строение общества, то тем не менее они противопоставляли себя, городской пролетариат, темным в политическом отношении «сысойкам», которые «дальше своей деревни, да назойливого попа соседнего селения ничего не ведают»[39]. Им не чужда была мысль, что задачи, стоявшие перед фабрично-заводскими рабочими, отличны от задач крестьянства. В этом отношении они сделали очень большой шаг вперед по сравнению с организаторами Русской секции, сливавшими, как мы убедились, в общей массе «пролетариата» как фабрично-заводских рабочих, так и крестьянство.

Только что отмеченное расхождение между деятелями «Северного союза» и участниками Русской секции имеет настолько существенный характер и принципиальное значение, что исключает возможность устанавливать между ними историческую преемственность. Это — явления различного социально-политического характера.

---

[39] «Революционная журналистика семидесятых годов», стр. 257—258. Сысойка — одно из действующих лиц «Подлиповцев» Ф. М. Решетникова.

В чем же надо искать объяснения того, почему Русской секции не удалось наладить прочных связей с родиной? Конечно не в личных качествах Утина и его товарищей, как это нередко делается, и не в их ожесточенной борьбе против Бакунина, восстановившей против них даже тех русских революционеров, которые не принадлежали к числу последователей и единомышленников «апостола анархии». Мы видели, что во взаимной борьбе обе стороны проявили по отношению друг к другу одинаковое ожесточение. И та, и другая стороны прибегали к таким приемам борьбы, которые были необычайными в революционной среде. Вспомним хотя бы о нападении друзей Бакунина на Утина в Цюрихе в 1872 г.

Объяснение изолированности группы «Народное дело» надо искать в самом характере созданной ею организации.

В переломные моменты развития революционного движения, когда одна разновидность какой-нибудь идеологии сменяется другой ее разновидностью, готовящейся вытеснить свою предшественницу и занять ее положение, нередко возникают организации переходного типа. В своих программах они соединяют положения, заимствованные из прежних программ, с принципами, характерными для новых. Такие организации смешанного типа часто возникали, например, в 80-х годах прошлого века в России, когда марксизм вступил в идейную борьбу с народничеством. В то время наряду с группами народническими, с одной стороны, и марксистскими — с другой, существовали кружки и организации, программы которых представляли собою причудливую смесь элементов марксистских с пережитками народничества. Некоторые из них навсегда оставались на таких промежуточных позициях. Другие же постепенно освобождались от влияния народничества и превращались в организации марксистские. Даже те кружки и группы, которые по праву считались представителями новых идей, не сразу отделались до конца от влияния народнических теорий и, вследствие этого, в их программах можно было встретить пункты, носившие на себе явственные отпечатки старой идеологии, в идейную борьбу с которой они вступали.

Вспомним хотя бы благоевский кружок, в первоначальной программе которого «безземельный пролетариат»

деревни признавался основной движущей силой социальной революции в России (в отличие от Запада, где такую роль призван был играть пролетариат фабрично-заводской). Вспомним и то, что отпечаток народничества можно найти даже в первой программе группы «Освобождение труда», которая делала уступку народовольчеству, признавая индивидуальный террор целесообразным средством революционной борьбы.

Аналогичные явления можно было наблюдать и на грани 60-х и 70-х годов, когда на смену одной разновидности народничества приходила другая. И в эти годы неизбежно должны были возникать группы переходного характера, совмещающие в известной мере старые идеи с новыми. Одной из таких переходных организаций и была Русская секция I Интернационала. В этом мы убедились из анализа ее программных установок.

На грани 70-х годов, когда возникла и действовала Русская секция, такой переходный характер был свойствен не одной только ей. До известной степени то же самое можно сказать и о кружке «чайковцев» в первый период его существования, когда его участники еще не отвергали политической борьбы, что стали делать позднее.

Вспомним участие членов этого кружка в совещании в 1871 г. по вопросу о возможности введения в России конституции. Совещание это, о котором рассказал нам Н. А. Чарушин, происходило на квартире у профессора Н. С. Таганцева[40]. Вспомним и о том, что вошедший в состав кружка весной 1872 г. П. А. Кропоткин, уже в то время находившийся под влиянием идей анархизма, несмотря на это, предлагал свои услуги на тот случай, если члены кружка решат заняться подготовкой придворного переворота в целях введения конституции в России.

Конечно, этот наивный, но серьезно обсуждавшийся план так же, как участие членов кружка в собрании у профессора Таганцева, свидетельствует, что в первый период своей деятельности «чайковцы» были настроены далеко не так аполитично, как позднее, когда они твердо стали на сторону бакунинского течения в Интернационале. В этом отношении они приближались тогда к революционерам 60-х годов, хорошо понимавшим значение поли-

---

[40] Н. А. Чарушин. О далеком прошлом. Ч. I и II. Кружок чайковцев. М., 1926, стр. 100—103.

тической борьбы и мечтавшим об уничтожении «азиатчины» (по выражению Чернышевского) русской жизни.

То же самое можно сказать и о программе, найденной при обыске, произведенном в 1871 г. в Москве у Екатерины Трофимовой. Программа эта, по признанию ее авторов, стремилась увязать социологические взгляды Лаврова и, в частности, его «теорию прогресса», развитую в «Исторических письмах», с задачами, стоявшими перед русскими революционерами. Считая вслед за Лавровым целью прогресса — развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношениях и воплощение в формах общественной жизни истины и справедливости, авторы программы сознавали, что попытки ее осуществления неизбежно должны приводить ее сторонников в столкновение «с враждебной, давящей всякий прогрессивный шаг общества силой, выражением которой служит... абсолютная монархия». Став на такую точку зрения, они приходили к заключению, что их главные усилия так или иначе должны быть направлены на борьбу с этой силой. Другими словами, борьба против самодержавия является одной из главных задач, стоящих перед революционерами. Абсолютизму авторы программы противопоставляли в качестве силы, долженствующей уничтожить его, — «партию борьбы» [41].

Несмотря на ярко выраженный лавристский характер интересующей нас программы, ее авторы, подобно «чайковцам» в первый период их деятельности, не были сторонниками аполитизма.

Если у «чайковцев» и у членов пругавинского кружка настроения, враждебные аполитизму, оказались весьма непрочными, то Русская секция, в отличие от них, продолжала до конца твердо держаться своей программы и, в частности, того пункта ее, который говорил о неразрывности борьбы политической от борьбы за социалистическое переустройство общества. В этом-то именно и надлежит искать объяснение изолированного положения, в котором находилась Русская секция.

По мере того как в России идеи Бакунина начинали пользоваться все большим влиянием, члены Русской секции все более и более отрывались от русских революцион-

---

[41] «Каторга и ссылка», 1930, № 6, стр. 95—97.

ных кругов, уменьшалось влияние их пропаганды и возрастала их отчужденность от этих кругов.

Таким образом, причину, обусловившую изолированность Русской секции, надлежит, по нашему мнению, искать в переходном характере этой группы и в том, что члены ее продолжали придерживаться выработанной ими программы, не делая уступок господствующему направлению. Это и привело к тому, что Русская секция оказалась в стороне от того пути, которым шло подавляющее большинство революционеров 70-х годов.

Однако, несмотря на изолированность Русской секции по отношению к другим существовавшим в то время направлениям и группировкам, ее пропагандистская работа не пропала даром. Ее издания, проникая в Россию, хотя и не в достаточном количестве, попадали в руки людей, интересовавшихся социальными проблемами, стремившихся определить свое отношение к ним, и безусловно помогали им вырабатывать свои политические взгляды.

Дошедшие до нас сведения о распространении «Народного дела» в России весьма скудны и случайны. Тем не менее среди них имеется одно весьма показательное свидетельство, принадлежащее известному французскому антропологу И. Е. Деникеру, в молодости стоявшему близко к петербургским революционным кружкам начала 70-х годов. В своих воспоминаниях Деникер рассказывает, что в 1870 г. через товарищей-студентов он получил несколько номеров «Народного дела». Для чтения их он собрал к себе знакомых и земляков. В одном из номеров «Народного дела», передает Деникер, много говорилось о Международном обществе рабочих. «Эта вещь для нас была новинкой (хотя я лично еще раньше читал о ней в книге Бехера «Рабочий вопрос») — помню, нас больше всего поразило письмо Маркса к Русской секции Интернационала, в котором он говорит, что такие люди, как Чернышевский и Флеровский, составляют славу и гордость России» [42].

Свидетельство Деникера представляет большой интерес, потому что оно показывает, как реагировали на пропаганду «Народного дела» рядовые читатели, принадле-

---

[42] И. Е. Деникер. Воспоминания. «Каторга и ссылка», 1924, № 4 (11), стр. 25—26.

жавшие к революционно настроенным кругам русского общества того времени.

Итак, основная цель, которую ставили перед собой члены Русской секции, — знакомить русское общество с деятельностью Интернационала, — оказывалась достигнутой в той мере, в какой их журналу удавалось попадать в руки тех читателей, для которых он предназначался. В историю поисков русскими революционерами правильной революционной теории организаторы Русской секции вписали свою страницу, несомненно заслуживающую бóльшего внимания, чем то, которое им до сих пор уделялось.

Ленин в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» отмечал, что Россия в лице деятелей своего революционного движения обладала большим опытом «блужданий и шатаний, ошибок и разочарований». «В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области. Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы» [43]. В истории этих идейных блужданий и поисков видное место должно быть отведено группе «Народного дела», так много сделавшей для ознакомления русского общества с программой и работой I Интернационала.

Русские революционеры 60-х годов из опыта революций, происходивших на Западе, знали, что революция, начавшаяся в одной стране, не только встречает сочувствие в народных массах других стран, но и выходит за границы той страны, в которой она первоначально вспыхнула. Чтобы убедиться в этом, им было достаточно вспомнить о революции 1848—1849 гг., когда народные восстания охватили ряд стран и когда даже в тех странах, где

---

[43] В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 9.

революционного движения не происходило, господствующие классы и правители страшились приближающейся к границам их стран революционной угрозы и потому срочно принимали меры для ограждения себя от «революционной заразы». Эта одновременность революционного движения в ряде стран порождалась, по объяснению Н. А. Добролюбова, постоянно существующим у всех народов, более или менее сознательным стремлением «к восстановлению своих естественных прав на нравственную и материальную независимость от чужого произвола»[44]. Отмеченное Добролюбовым стремление дает основание говорить о мировом единстве революционного движения во второй половине XIX в. В этом мировом движении наша страна, начиная с 60-х годов, принимала весьма заметное участие, что, кстати сказать, и порождало исключительный интерес основоположников научного социализма к русскому движению. Маркс и Энгельс считали, что революционная борьба, происходившая в России, имела громадное значение не только для этой страны, но и для революционного движения трудящихся масс во всем мире. События того времени убеждали в том, что пролетарское движение на Западе смыкалось с крестьянской революцией, назревавшей в России. Естественно, что при этом гегемония в мировом движении принадлежала пролетариату Запада. Идеологам русской крестьянской революции, а ими были революционные народники, приходилось в то время заимствовать у западного пролетарского социалистического движения идеологическое оружие. При этом в силу экономической отсталости России заимствованное с Запада, как нам приходилось уже указывать, неизбежно подвергалось искажению.

Русская секция Интернационала может служить весьма ярким доказательством только что сказанного. Ее деятельность должна рассматриваться, как проявление интернациональной революционной солидарности, связывавшей уже тогда трудящихся различных в экономическом, политическом и культурном отношении стран.

---

[44] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. II. М., 1935, стр. 272.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

«Народное дело» до образования Русской секции

Часть вторая

Русская секция Интернационала

Часть третья

Участие членов Русской секции в западноевропейском рабочем движении и в Интернационале

Борис Павлович Козьмин

Русская секция Первого Интернационала

Утверждено к печати Институтом истории Академии наук СССР

Редактор издательства *Е. Б. Зомбе*
Технический редактор *Т. В. Полякова*

РИСО АН СССР № 46—77 В. Сдано в набор 1/XI-1956.
Подп. в печать 29/I-1957. Формат бум. $84\times108^{1}/_{32}$
Печ. л. 12,75=21,11. Уч.-изд. лист. 23,1. Тираж 4000.
Изд. № 1968. Тип. зак. 3206. Т — 00036.

Цена 14 р. 85 к.

Издательство Академии наук СССР.
Москва, Подсосенский пер., д. 21

2-я типография Издательства АН СССР.
Москва, Шубинский пер., д. 10

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
29	11 св.	в	к
404		Коневич	Кеневич

Б. П. Козьмин

В электронном издании данные опечатки исправлены.

Б. П. КОЗЬМИН

РУССКАЯ СЕКЦИЯ ПЕРВОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА